Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Война Церкви и Государства. Исторический Иисус

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Война Церкви и Государства. Исторический Иисус

2025

УДК 2
ББК 86.3
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Тиникашвили Тесла Лейла
Х98 Война Церкви и Государства. Исторический Иисус / Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили. — [б. м.] : [б. и.], 2025. — 510 с.
[б. н.]

УДК 2
ББК 86.3

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

FOREWORD

Эту книгу я разослана на много адресов в Ватикан Католической Церкви. В конце этот Предисловия вы найдете скриншоты моих писем и адресов, на которые я рассылала эту книгу. В том числе Вацап на номер +39 340 745 4089.

И это еще не все, потому что я также послала на все страницы Католической Церкви, которые нашла на Facebook. И одна из таких страниц — Bishop Robert Barron Chat. На странице были отключены Сообщения, и я поместила письмо, которое вы найдете ниже прямо в комментарии под постом Автора Страницы. Bishop Robert Barron был так добр, что ответил на мое послание: Send me Dm (Direct Message) и поставил лайк моему сообщению. Меня это понятно очень ободрило в сложившихся обстоятельствах, так что я ответила епископу и попросила его написать на мой имейл yahoo, потому что у него кнопка сообщений отключена, а мои имейлы Google и Outlook были заблокированы. Please, I need help for Christ's sake! опять заканчивалось сообщение. Вы можете видеть все сами на скриншотах. Целиком сообщение мое не уместилось, но основа вошла. И хорошо, что я сразу сделала скриншот (так важно было получить ответ от Католической церкви!), потому что в следующие пять минут ответ Bishop Robert Barron исчез, а его страница оказалась недоступна!

Однажды мне ответила Издательство Университета Кембридж, а потом тоже перестало отвечать! Но скриншоты ответов Кембриджа теперь всегда со мной в папке моих документов. Ия не уставала благодарить этих прекрасных ангелов, как я назвала профессоров уважаемого университета за проявленную в таких обстоятельствах добросовестность и честность. И имена их останутся в истории, рядом с именем Автора Открытия Психической Энергии! Все то же самое я могу сказать

и о Епископе Роберте Барроне. Пусть он ответил прежде, чем его успели предупредить спецслужбы, которые пьют мою кровь и хотят скрыть от мира что они направляют всю агрессию против науки и автора Научной Революции Энергетика. Тем не менее, этот его короткий ответ, который я опубликовала на Facebook, войдет в историю Открытия ПЭ наряду с ответами из Университета Кембриджа и наряду с письмами принца Гарри, которые также в моей папке документов Научной Революции Энергетика.

В этой книге доказывается, что Католическая Церковь показала себя в истории Уникальным Институтом Духовной Энергии, и что тем не менее, как утверждают Б. Рассел, А, Тойнби, Д. Норвич, Д. Мережковский, Г. Уеллс, Т. Манн, тем не менее это не уберегло ее от превращения на каком-то этапе своей истории в заурядное государство физического контроля. Тойнби называет этот процесс «идолизация Левиафана», а Бертран Рассел «развилась из республики в монархию». Как бы то ни было все исследователи согласны в том, что Католической церкви требуется Второе Рождение.

Открытие Психическое Энергии и Научная Революция Энергетика в этой книге проясняют роль Католической Церкви как Теократии Естественного Права научного контроля законов природы психики. И в этом качестве Католическая Церковь вновь необходима на мировой арене как всеобщий арбитр, как Международный Институт Естественного Права.

В конце книги я обратилась к Католической Церкви с просьбой стать таким Международным Институтом на почве сделанного Открытия ПЭ — ведь без открытия законов природы психики нет и Естественного права. И добавила, что в случае, если Церковь отказывается признавать мое Открытие ПЭ, то мы вполне можем попробовать сами построить Международный Институт Естественного Права. И тогда моя единственная просьба к Церкви — помочь мне просто как человеку в большой беде и помочь науке! Помочь правда и свободе слова! Помочь спасти невинных людей, которых замучили негодяи, только потому что

они мои родственники! А моя вина только в том, что я работаю для науки, для людей, для Христа несмотря на страшные издевательства надо мной! Несмотря на тот факт, что мне сломали позвоночник и остановили сердце! Что мои сиделок заставляют у меня воровать (ноутбук! в том числе) и сыпать мне яд в открытые раны! И что моя просьба только обнародовать эти ужасы, которые санкционирует Правительство России, США, Англии, Израиля! Ведь помогать людям в беде Христа ради и особенно против Князя мира сего — против Сатаны — все таки я по адресу обратилась в Церковь!

Поэтому я сделала те посты, которые вы видите ниже! Вы можете сами прочитать все на скриншотах и на моей странице в Фейсбуке. Сейчас только добавлю, что ответ Епископа Роберта Баррона подтверждает перед всем миром, что письма мои бесчисленные в Ватикан дошли! Спасибо великое Господу! Это не была случайность! Господь услышал мои молитвы! Потому что теперь, когда соберутся Партнеры ФСБ по убийству науки и ученого, чтобы осуществить какое то очередное злодеяние по отношению к Научной Революции Энергетика и его Автору, и потом свалить это на кого-нибудь другого, — весь мир будет знать, что это было сделано с Благословения Католической Церкви! Ведь весь мир уже знает, что Церковь подтвердила, что читала мои письма о помощи против Князей Мира Сего! Мне больше нечего добавить.

> Leila Khugaeva
> From:lkhugaeva@yahoo.co.uk
> To:info@vaticanrome.it,spedizioni.farmacia@scv.va,centralino.farmacia@scv.va,scavi@fsp.va,
> 13 more...
> Tue, 8 Apr at 16:28

— — — Forwarded message — — — **From:** Leila Khugaeva

> <lkhugaeva@yahoo.co.uk>
> **To:** info@vaticanrome.it <info@vaticanrome.it>
> **Sent:** Tuesday, 8 April 2025 at 16:09:07 GMT+3
> **Subject:** Discovery of Psychic Energy
>
> Hello, My name is Tesla Leila Khugaeva Thinikashvili
> I am author of Scientific Revolution Energetics

Ответы на ваш комментарий к **публикации Bishop Robert Barron**

Тесла Хугаева
Hello,
My name is Tesla Leila Khugaeva Thinikashvili
I am author of Scientific Revolution Energetics
and Discovery of Psychic Energy
This extremely important for science, civilization and for Church ... Ещё

8 ч. Нравится Ответить 1

Robert Barron Private chat
Tesla Leila Khugaeva Thinikashvili Send me a Dm

20 мин. Нравится Ответить

Тесла Хугаева
Robert Barron Private
Thank you for response. On this page of your i cannot find button "message". If you are really interested this is my email:
lkhugaeva@yahoo.co.uk. at

Ваш ответ **Robert Barron Private chat** · Отмена

Robert Barron Private chat

Уведомления

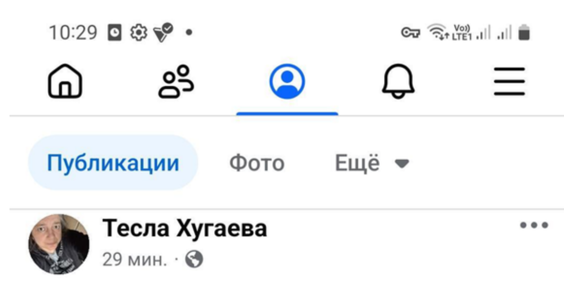
Новые

Robert Barron Private chat упомянул(-а) вас в комментарии.
27 мин.

Ранее

> and Discovery of Psychic Energy
> This extremely important for science, civilization and for Church
> I wrote many books on theme, including ones in English. This one is in Russian and it concerns Catholic Church
> Please, take pains to read it
> I am being under hard pressure of FSB CIA MI6
> My backbone has been broken on four levels in 2015, I am in wheelchair since that time
> The book I am sending to you deals with historical role of Catholic Church as Civitas Dei by Augustin. It proves Church as Theocracy of Natural Law (jus naturale) and in this appearance revives Church as Civitas Dei back to International leadership. The Discovery of psychic energy is theory which proves revelation of Jesus scientifically, as Thomas Aquinas predicted
> Secret Services of Russia, USA and Britain are doing their best to hide this information from people, and steal my work from me. I plead you for Jesus name help truth to escape triumphant in such horrible circumstances. Thank you.

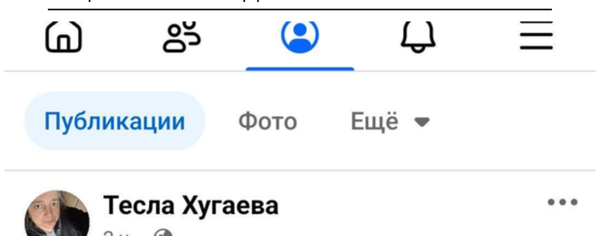
Папа должен прощать Грешников,

Но услышит ли он Праведников?

Какие шансы вы даёте Научной Революции Энергетика быть услышанной Папой?
Я даю не больше 10 лет, чтобы Цунами Научного Мышления Человечества Смел с Лица Земли современную реакцию соловьевской "революции консерваторов" по всему миру. Вы проверите, я не дотяну.

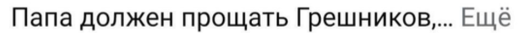

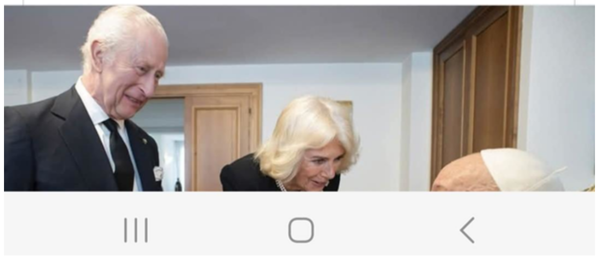
Если кардиналы не успеют ответить до того, как ФСБ Путина нападёт на нашу семью, можете считать это ответом Католической церкви, для истории. Не вчера я им написала, а два года назад, когда рассылала Научную Революцию на английском. Если нападут на меня, то это будет большой милостью со стороны секретных негодяев и их международных партнёров.

Сама я вряд ли успею пожаловаться, у меня такое страшное сердцебиение, мне всячески дают понять ждать всего самого страшного.

Папа должен прощать Грешников,... Ещё

Публикации Фото Ещё

Тесла Хугаева
11 мин.

Только что мне написал Bishop Robert Barron вот с этой страницы
А теперь страница для меня недоступна!
И сообщение от Bishop Robert Barron пропало!

мления

Robert Barron Private chat упомянул(-а) вас в комментарии.
27 мин.

Robert Barron

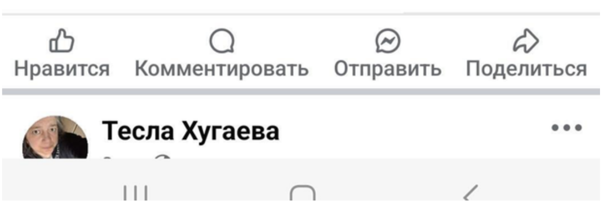
Тесла Хугаева
Hello,
My name is Tesla Leila Khugaeva Thinikashvili
I am author of Scientific Revolution Energetics
and Discovery of Psychic Energy
This extremely important for science, civilization and for Church ... Ещё
8 ч. Нравится Ответить 1

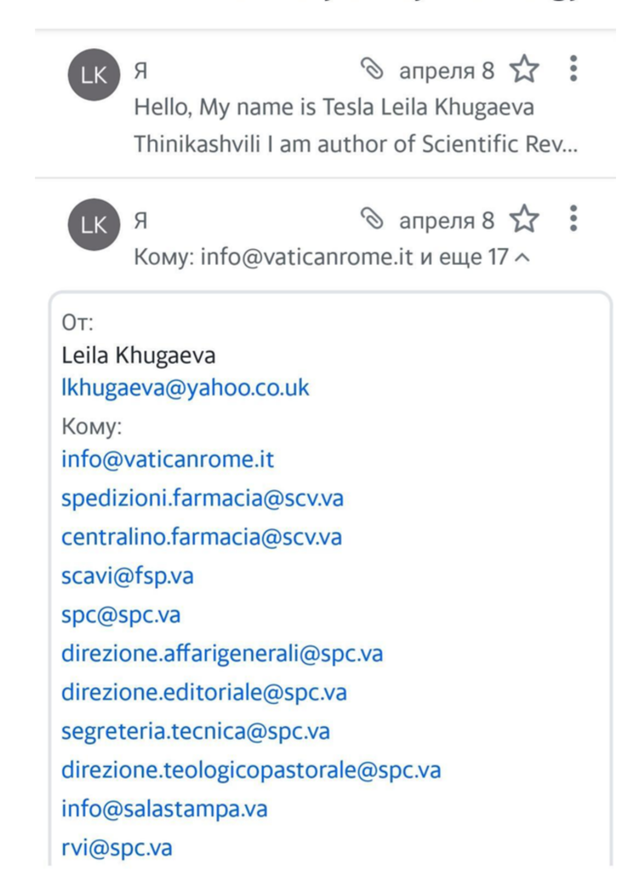
Robert Barron Private chat
Tesla Leila Khugaeva Thinikashvili Send me a Dm
20 мин. Нравится Ответить

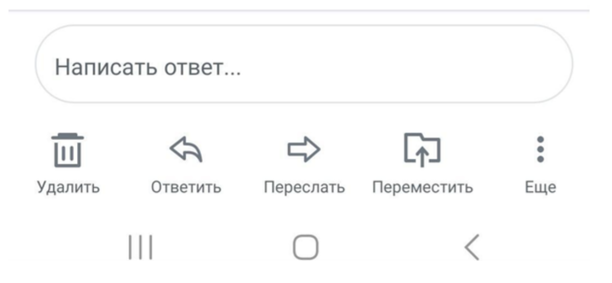
Тесла Хугаева
Robert Barron Private
Thank you for response. On this page of your i cannot find button "message". If you are really interested this is my email: lkhugaeva@yahoo.co.uk. at

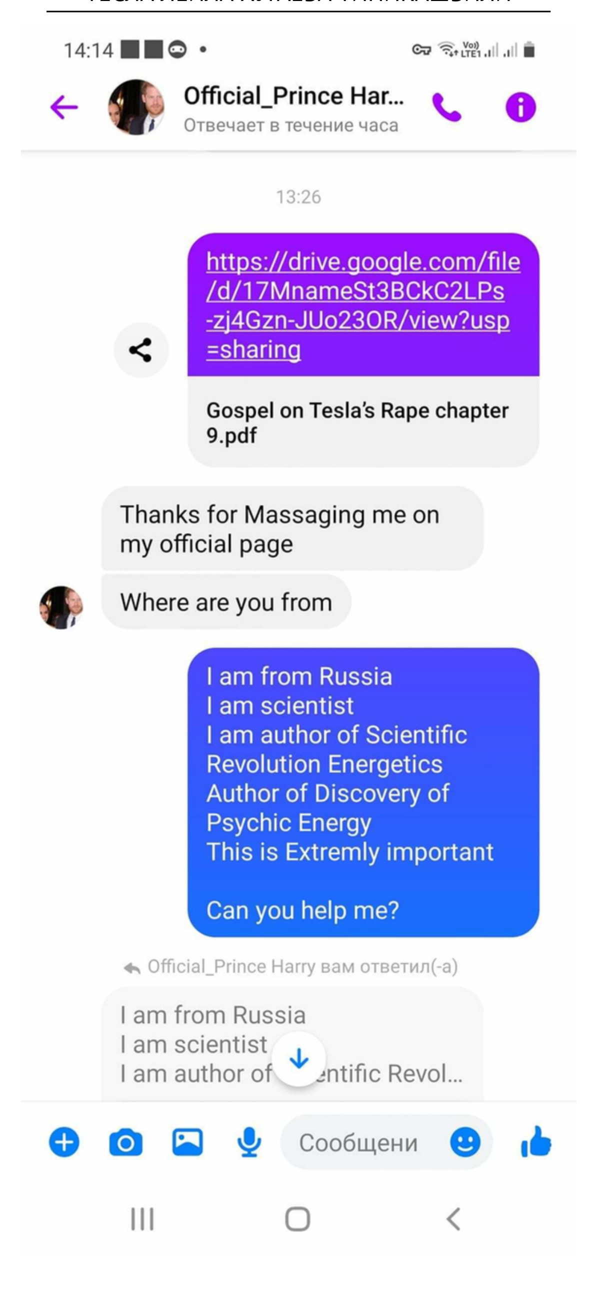
Robert Barron

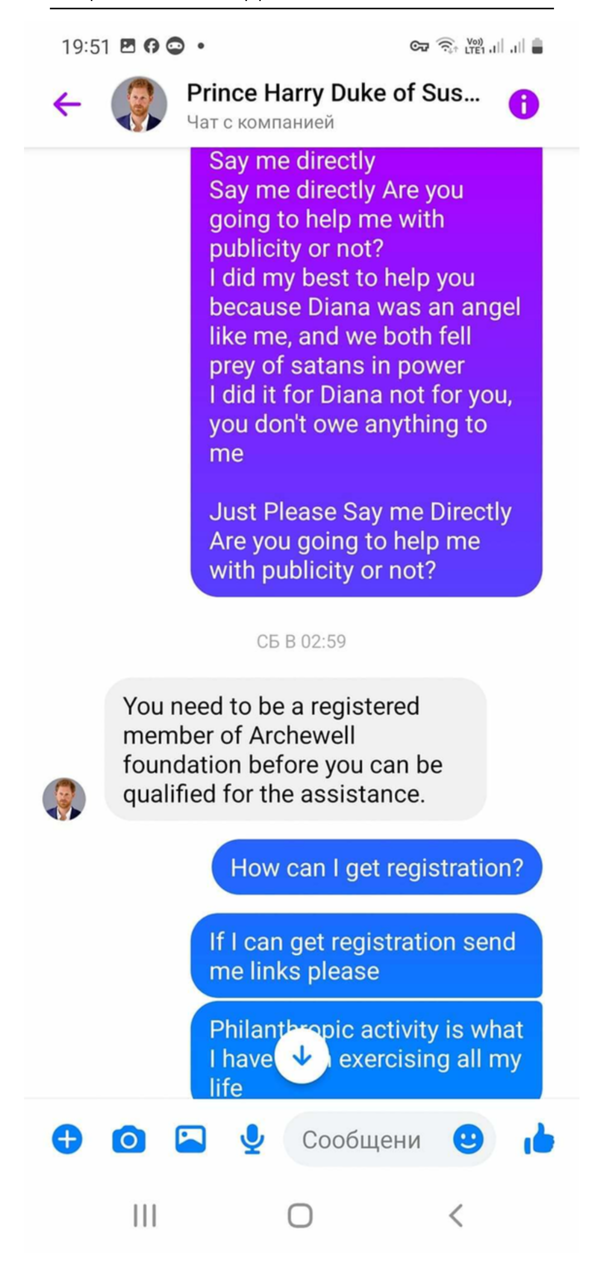
Тесла Хугаева
Hello,
My name is Tesla Leila Khugaeva Thinikashvili
I am author of Scientific Revolution Energetics
and Discovery of Psychic Energy
This extremely important for science, civilization and for Church ... Ещё
8 ч. Нравится Ответить 1

Fw: Discovery of Psychic Energy
LK
Я
апреля 8
Hello, My name is Tesla Leila Khugaeva Thinikashvili I am author of Scientific Rev...
LK
Я
апреля 8
Кому: info@vaticanrome.it и еще 17
От:
Leila Khugaeva
lkhugaeva@yahoo.co.uk
Кому:
info@vaticanrome.it
spedizioni.farmacia@scv.va
centralino.farmacia@scv.va
scavi@fsp.va
spc@spc.va
direzione.affarigenerali@spc.va
direzione.editoriale@spc.va
segreteria.tecnica@spc.va
direzione.teologicopastorale@spc.va
info@salastampa.va
rvi@spc.va

Написать ответ...
Удалить
Ответить
Переслать
Переместить
Еще

14:14
Official_Prince Har...
Отвечает в течение часа
13:26
https://drive.google.com/file/d/17MnameSt3BCkC2LPs-zj4Gzn-JUo23OR/view?usp=sharing
Gospel on Tesla's Rape chapter 9.pdf
Thanks for Massaging me on my official page
Where are you from
I am from Russia
I am scientist
I am author of Scientific Revolution Energetics
Author of Discovery of Psychic Energy
This is Extremly important
Can you help me?
Official_Prince Harry вам ответил(-а)
I am from Russia
I am scientist
I am author of ...entific Revol...
Сообщени

19:51
Prince Harry Duke of Sus...
Чат с компанией
Say me directly
Say me directly Are you going to help me with publicity or not?
I did my best to help you because Diana was an angel like me, and we both fell prey of satans in power
I did it for Diana not for you, you don't owe anything to me
Just Please Say me Directly Are you going to help me with publicity or not?
СБ В 02:59
You need to be a registered member of Archewell foundation before you can be qualified for the assistance.
How can I get registration?
If I can get registration send me links please
Philanthropic activity is what I have been exercising all my life
Сообщени

19:52

Prince Harry Duke of Sus...

Чат с компанией

Send me the following information:
1. Full Name
2. Address
3. Occupation
4. Phone number
5. Marital Status
6. Gender
7. Age
8. Monthly income
9. Personal email address

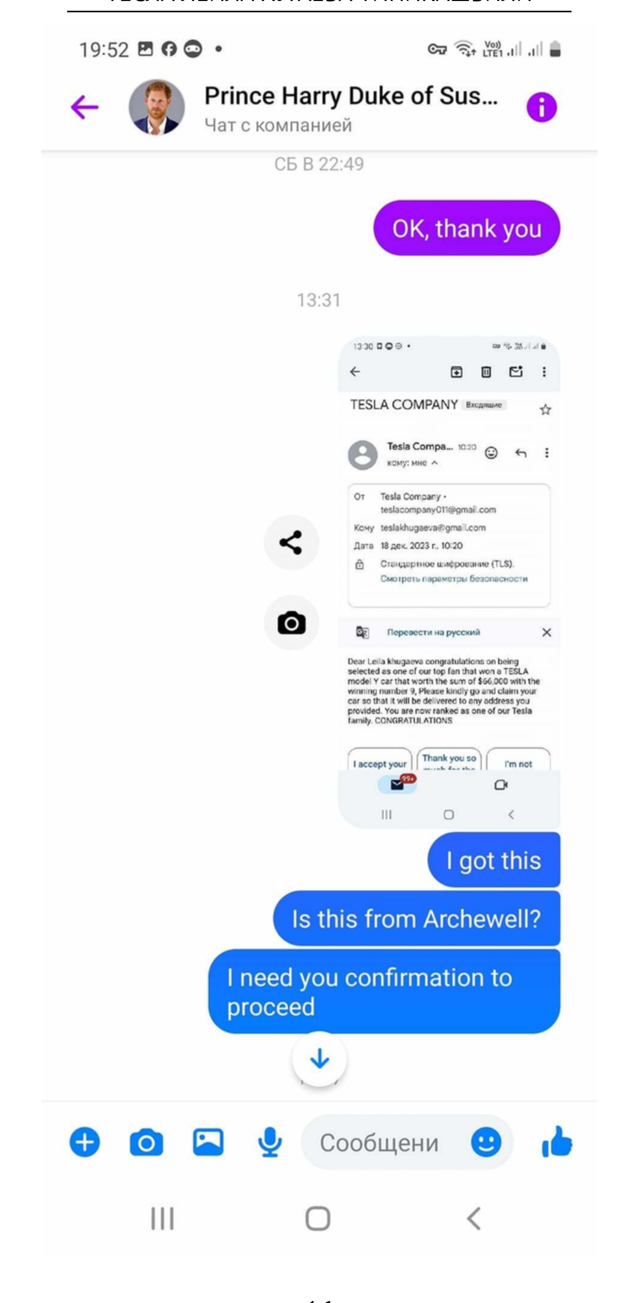
Fill it and send it back to me so that I can forward it to my management and get you registered.

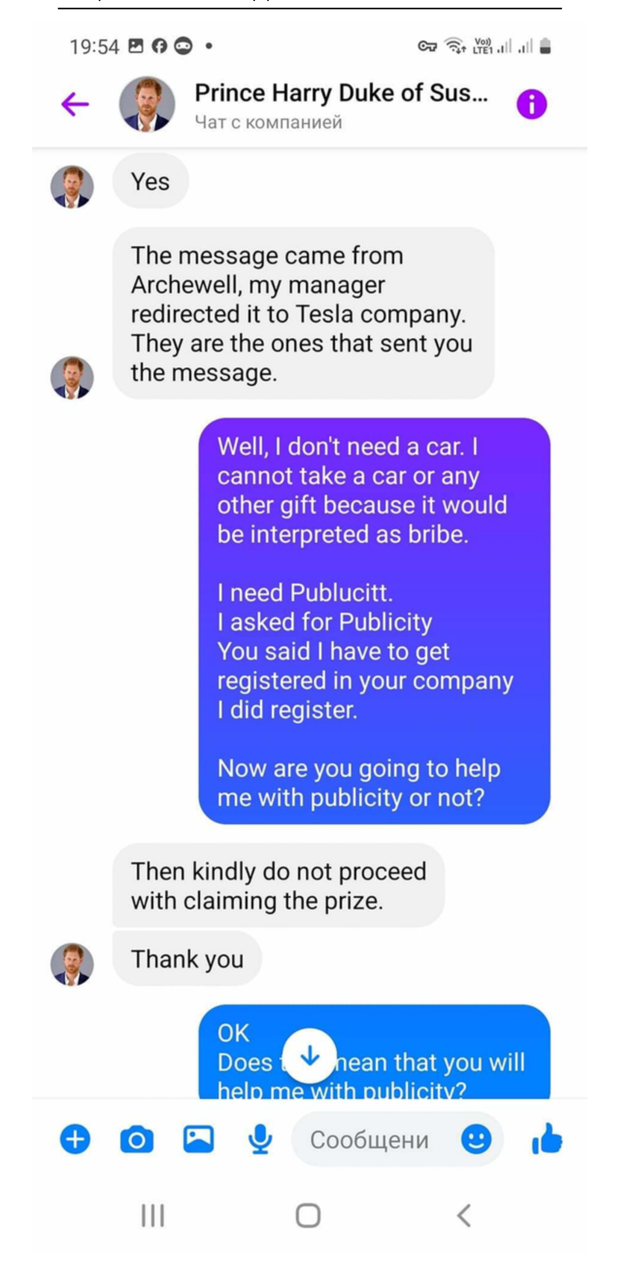
СБ В 03:27

Please find file with book in attachments or use this link to internet achieve. Links on other books you can find on my Facebook. I am adding screenshots of response from Camridge University Press.
https://archive.org/details/14_20250407_20250407_2011

Best regards, Author of Discovery of Psychic Energy

19:52
Prince Harry Duke of Sus...
Чат с компанией
I have forwarded it to my manager to get you registered.
You are not Invalid
Thank you so much
I still hardly believe you are really Diana's son
The minute I know this for sure I will feel much relieved
Thank you
СБ В 05:30
I got letter from Randy Graves Office and sent response
Am I now registered?
СБ В 22:30
He will communicate back to you
Сообщени

19:52
Prince Harry Duke of Sus...
Чат с компанией
СБ В 22:49
OK, thank you
13:31
13:30
TESLA COMPANY Входящие
Tesla Compa... 10:20
кому: мне
От Tesla Company • teslacompany011@gmail.com
Кому teslakhugaeva@gmail.com
Дата 18 дек. 2023 г., 10:20
Стандартное шифрование (TLS).
Смотреть параметры безопасности
Перевести на русский
Dear Leila khugaeva congratulations on being selected as one of our top fan that won a TESLA model Y car that worth the sum of $66,000 with the winning number 9, Please kindly go and claim your car so that it will be delivered to any address you provided. You are now ranked as one of our Tesla family. CONGRATULATIONS
I accept your
Thank you so
I'm not
99+
I got this
Is this from Archewell?
I need you confirmation to proceed
Сообщени

19:54
Prince Harry Duke of Sus...
Чат с компанией
Yes
The message came from Archewell, my manager redirected it to Tesla company. They are the ones that sent you the message.
Well, I don't need a car. I cannot take a car or any other gift because it would be interpreted as bribe.
I need Publucitt.
I asked for Publicity
You said I have to get registered in your company
I did register.
Now are you going to help me with publicity or not?
Then kindly do not proceed with claiming the prize.
Thank you
OK
Сообщени

Ticket Number 606680: Fw: S...

Mark Nicolas Vargas (Direct CS)
на Я
17 нояб., 16:33

Your request (606680) has been updated. To add additional comments, reply to this email.

Mark Nicolas Vargas (Cambridge University Press and Assessment Customer Services)
17 Nov 2022, 13:33 GMT

Dear Leila,

Good day.

Just got an update from our Editors and they confirm that one of they would be in touch with you.

Good luck! Stay safe and well!

Kind regards,

Mark Nicolas Vargas
Customer Services Representative
Cambridge University Press & Assessment
Shaftesbury Road, Cambridge, CB2 8EA

Leila Khugaeva
16 Nov 2022, 14:29 GMT

Dear Mr Vargas,

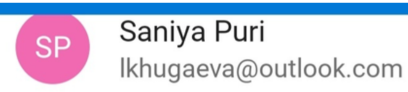
It is very kind of you indeed.
Looking forward for your response.
Many thanks,
Best regards,
Leila Khugaeva

Отправлено из Yahoo Почты для Android

ср, 16 нояб. 2022 в 17:23 Mark Nicolas Vargas (Direct CS)
<directcs@cambridge.zendesk.com> написал(-а):

> Your request (606680) has been updated. To add additional comments, reply to this email.
>
> **Mark Nicolas Vargas** (Cambridge University Press and Assessment Customer Services)
> 16 Nov 2022, 14:23 GMT
>
> Dear Leila,
>
> Thank you for your response.
>
> I will check with the Editors on to whom it fall and get back to you as soon as I get an update from them.
>
> Kind regards,
>
> Mark Nicolas Vargas
> Customer Services Representative
> Cambridge University Press & Assessment
> Shaftesbury Road, Cambridge, CB2 8EA
>
> **Leila Khugaeva**
> 15 Nov 2022, 12:09 GMT

Удалить Архив Переместить Переслать Еще

SP
Saniya Puri
lkhugaeva@outlook.com

10:18

Dear Leila (If I may),

Hope you are well.

Greetings from Cambridge University Press!

Thank you so much for sending your proposal to us.

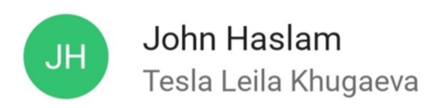
While the proposed work appears interesting, I am afraid it does not fit into our publishing programme, and we will therefore have to regretfully decline it.

We wish you the best in placing it with another publisher. We will look forward to its publication!

Thanks & Regards
Saniya Puri
Assistant Commissioning Editor – Social Sciences

Cambridge University Press India Pvt Ltd.
III Floor, Splendor Forum , Plot No.3,
Jasola District Centre,
New Delhi – 110025

Ответить

Вчера

Dear Dr Khugaeva,

Thank you for your proposal.

I have now been able to spend some time with the material. However, I'm afraid that I've decided that we should stand aside at this stage. Market conditions are difficult, and we are considering a number of proposals for a limited number of places in the list. We must therefore make hard decisions between proposals.

I'm sorry not to be able to reply more positively, and I wish you well with this project.

With best wishes,
John Haslam

> My Facebook https://www.facebook.com/tesla.thinikashvili Response from Cambridge University Press https://archive.org/details/az_recorder_20240420_194523_202404 https://www.youtube.com/watch?v=yUFtzyVqKAs&t=18s

ЧАСТЬ I. ЭЛЕМЕНТЫ ЦЕРКВИ В ПРОПОВЕДИ ХРИСТА

ГЛАВА 1. ФАЗЫ ПРОДВИЖЕНИЯ НА ПУТИ С ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ НА ПОЛЕ ИНТЕЛЛЕКТА КАК СУТЬ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОГРЕССА

1. Об Ангелах: Избранные народы и Избранные индивиды. Гении, служащие истине

2. Моисей и Телец. Пророки и культ Храма

3. Иисус и Фарисеи. Протестанты и католики. Толстой и Православие.

1. ОБ АНГЕЛАХ: ИЗБРАННЫЕ НАРОДЫ И ИЗБРАННЫЕ ИНДИВИДЫ. ГЕНИИ, СЛУЖАЩИЕ ИСТИНЕ

Если понимать под «Избранниками Божьими» тех, кому Господь дает миссию послужить ему, то большой еще вопрос захотел ли бы каждый оказаться таким избранником. Ведь мы все знаем этих избранников — гениев, которые идут сквозь жизнь, одержимые своей миссией, своим чувством долга, и не замечая того, что есть собственно человеческая жизнь. Известна и пословица: гений — это дар или наказание? Известны и слова Б. Шоу о гениях: «Таланты делают то, что могут, обычные люди подражают, а гении делают то, что должны». То есть именно жизнь гениев подчинена какому-то внешнему долгу, которому они посвящают всю свою жизнь. Известны и жалобы Моисея на ту тяжелую миссию, что поручил ему Господь: вести народ «жестоковыйный» из рабства египетского в обетованную землю.

Числа 11:10—16 Святая Библия:

> «Он спросил у Господа: «Господи, почему Ты послал мне такую беду? Я — Твой слуга, так в чём же я провинился, чем разгневал Тебя? Для чего Ты возложил на меня ответственность за весь этот народ? Ты ведь знаешь, что я не отец этого народа, знаешь, что я не родил его!»

К. Ясперс в своей философии истории уверяет, что Осевое время было временем Откровения Божьего. Людям была дана мистически информацию об их психической энергии пока в виде этических религий, где голос интеллекта, голос научного мышления еще только едва-едва различим. И тем не менее, это уже начало Эпохи Борьбы Логоса с Мифом, или если сказать точнее Научного мышления с магическим сознанием. И вот Ясперс указывает на факты истории: дано было откровение не всем, но нескольким Избранным Народам: Индии, Персии, Израилю, Греции и Китаю. Эта «избранность» народов вовсе не значит качественных различий в психике всех людей, ибо психика у всего человечества устроена одинаково: духовная энергия интеллекта в основе ее и энергия-паразит поля Эгосистемы как врожденное заболевание, или «первородный грех». Так устроена психика всего человеческого рода, в том числе и у «избранных народов». Однако, несомненно что есть количественные различия, а также разница в скорости развития духовной энергии различных народов. Даже у первобытных людей, как у племен индейцев «зуни» и «добу», упомянутых в «Антологии деструктивности» Фромма, уже явные различия в том, какая энергия преобладает — базовая духовная или же материальная энергия поля Эгосистемы. Что же говорить о различиях как в соотношении между этими двумя энергиями (соотношении развития поле интеллекта или поля эгосистемы), так и в развитии духовной энергии каждого народа относительно другого народа на данном этапе эволюции человечества. И только когда становление духовной энергии станет фактом на всей планете и для всего человечества (с открытием психической энергии и устройством ее институтов) различия эти будут сведены к минимуму. Может и совсем исчезнут, нам не дано так далеко видеть. Понят-

но, что мы употребляем слово «эволюция» не в дарвиновском биологическом значении, а в значении «эволюция становления духовной энергии человека», то есть прогресс в накоплении знания о природных энергиях, знаний о законах своей собственной психической энергии, и победы поля интеллекта над полем Эгосистемы материальной энергии. Это и есть исторический процесс человечества.

Поэтому «избранные народы» — это не те народы, которые качественно отличаются от всего остального человечества, а те народы, которые на данном этапе истории ушли дальше в развитии духовной энергии. Что будет дальше мы не знаем, кто обгонит и перегонит. Ясно одно — в конечном итоге человечество составит единое поле интеллекта и совести, где уже не будет существенных количественных различий в уровне развития.

Однако, для того периода истории, который мы анализируем, то есть для варварского периода человечества, когда все эти различия в уровне развития духа или напротив в уровне крепости патологии поля Эгосистемы, — пока еще очень существенные. И в этом смысле, несомненно, что «избранные народы» — это те, кто на данный момент более других способен был принять мистическое откровение в качестве зачатков этических религий, и таким образом возглавить центральную для всего человечества борьбу поля интеллекта (духовной энергии) с магическим сознанием материальной энергии. Общий обзор этой «Оси мировой истории» для всех избранных народов — Персии, Индии, Китая, Греции и Израиля — мы показывали в книге с одноименным названием: «Ось мировой истории. Авраамические религии в век разума». В данном исследовании мы сосредоточимся на Израиле, как родине и истоках христианства.

Такой феномен «избранности» есть исторический факт, который со всей очевидностью просматривается не только на народах, но прежде всего на личностях, — гениях всех народов. И в этом смысле можно смело утверждать, что гений есть избранник божий для определенной духовной, интеллектуальной мис-

сии, для которой он предназначается. Миссия эта всегда состоит в служении людям в точности как говорил о себе величайший из таких гениев — Иисус Христос: я пришел послужить людям. И также как для него для большей части из них жизнь становится крестом, на котором они добровольно себя распинают, выполняя свою суровую миссию служения людям и Господу. Достаточно взять биографии всех гениев, которые сегодня являются столпами на которых держится человеческая цивилизация. Все они тяжело пострадали, но продолжали добровольно лишать себя жизни подобно Христу, чтобы отдать эту жизнь работе, выполнению долга, выполнению своей миссии. Ньютоновской революцией считается знание о том, что Господь действует на мир не непосредственно своей волей, а через законы природы, установленные им, хотя именно это утверждение в основе платоновской и аристотелевской метафизики. Гении — всего лишь те, в ком срабатывали законы духовной энергии, поля интеллекта, свободного от патологии материальной энергии поля Эгосистемы. Вот почему и А. Маслоу, который изучал «Здоровых людей» получил «синдром» психологических характеристик, свободных от тщеславия и эгозащиты. Там же он пишет, что «самоактуалы» посвящают свою жизнь миссии, суть которой послужить человечеству решить какие то важные научные или этические задачи. Так, главный закон поля интеллекта — служение истине, поиски знаний, — тот рычаг, через который Господь двигает своих гениев и свои избранные народы.

Есть множество представителей еврейского народа — и самый яркий пример конечно Иисус — которые были избранными в этом правильном смысле этого слова. Они приходили, чтобы послужить. Моисей, Пророки, Спиноза, Эйнштейн, Нострадамус, Э. Фромм, А. Маслоу, С. Милграм и др. — все они приходили, чтобы послужить истине и человечеству, — и таким образом выполнить миссию. В этом смысле они ничем не отличаются от избранных других народов — от Пифагора, Сократа, Платона, от Заратустры, от Тацита или Эпиктета, — ибо все они честно выполняли свою миссию, честно служили истине и лю-

дям. Это не значит конечно, что служба истине всегда будет сопряжена с такими страшными страданиями. Конечно, как только человечество победит «Первородный грех» — то есть когда Открытие Психической Энергии позволит им остановить физический контроль поля Эгосистемы и збавиться от патологии материальной энергии — тогда именно страданиям будет положен конец. Сейчас же, когда современный мир есть царство порока материальной энергии, где поле Эгосистемы совершенно свободно процветает на дарвиновской парадигме, гении, несущие людям истину и этику поля интеллекта обречены на тяжелые страдания со стороны людей, разложившихся под мертвой энергией тщеславия и насилия. И тот факт, что начиная с первого осевого времени, они сознательно идут на это мученичество, как никакой другой доказывает, что не «приятность и удовольствие» движут миром, а истина, интеллект. И что «быть с истиной», как бы больно ни было, — это минимальное благо при котором человек еще остается человеком, еще сохраняет свое сознание. Люди, которые будут жить после нас, будут с истиной, и будут при этом жить в таком прекрасном мире, который мы не можем себе и представить — мире свободном, от порока и патологии, превратившего наше существование в ад.

Однако то несовершенство мистического откровения, о котором так хорошо говорит Спиноза в «Теолого-политическом трактате», часто ведет к заблуждениям в понимании своей «избранности». Ведь еще нет настоящего знания, только его зачатки. Юный интеллект — это всегда шизоидный интеллект. И вот «Избранность» понимается как эгозащита, как тщеславие и как власть над людьми, то есть как притяжение Самолюбия верхней эгозащиты физического контроля поля Эгосистемы.

Мы можем видеть эту «избранность» в презрении греческого мира к «варварам», от которого не были свободны даже Платон и Аристотель; а также в презрении еврейского народа к «гоим». Философия Абсолюта Гегеля — другой идеальный образец шизоидной эгозащиты — изобретает новый «Избранный на-

род» — немцев, когда объявляет в Философии Истории, что Разум-Абсолют пришел к самому себе в германской нации, завершив на успехах прусского государства свое всемирное шествие. Может быть на начальных этапах истории, когда развитие народов очень сильно разнится, такое презрение к варварам частично оправдано. Но во времена научного интеллекта очевидно, что низкое развитие других народов должно быть стимулом к помощи им в том, чтобы достичь уровня духовной энергии, а вовсе не причиной их угнетения и порабощения.

И тогда вместо социал-демократии для всего человечества начинают изобретаться «национал-социализм» только для избранных. Маркс и Гитлер вышли из одной школы: из дарвинизма и эмпиризма с одной стороны, и с другой стороны из немецкого субъективизма. Другими словами, из школы лженауки, которая всегда оказывается шизоидной эгозащитой. И согласно этой школе шизоидной эгозащите логически последователен национал-социализм Гитлера, который расчленяет человечество на братство высших людей, и на их тиранство по отношению к низшим людям. Таковы логические следствия дарвинизма и субъективизма. Маркс, с его корнями в дарвинизме и гегельянстве, совершенно непоследователен, когда ищет братства всего человечества на основе лже-науки шизоидной эгозащиты. Потому на деле, марксизм ведет также к национал-социализму, как и гитлеризм, о чем хорошо сказал Уэллс в «Новом мировом порядке». По сути, разделение греческих полисов на Свободных и Рабов, на Греков и Варваров — такой же национал-социализм. То же можно сказать и о синагогах, где избранный народ понимается не как миссия служения истине, чтобы принести Универсального Бога Этики человечеству, а как качественное отличие от других людей и миссией правления ими. Исследователи, и особенно Ренан подчеркивают, что социализм синагоги стал тем гнездом из которого позднее, с последним иудейским пророком Христом, вылупилась христианская церковь как единый Дух поля интеллекта. Наверное так и было. Но социализм, который не становится социал-

демократией всего человечества, остается только национал-социализмом.

Те, кто проникся истинным духом христианства — для того всегда очевидна его органическая связь с иудаизмом. И тот, подобно Ренану и Честертону, не может не понимать, что дело пророков, которое завершил Иисус было миссией иудаизма: несения Универсального Бога Этики всему человечеству.

Э. Ренан, «История Израильского народа»:

> «Монотеизм всего человечества ведет свое происхождение от бога-покровителя крошечного племени. Культ бога-покровителя влечет за собой ласкательство, интимные, сыновние отношения с одной стороны, и отеческие с другой стороны, чувства, которые е внушает безличный и всегда равный сам себе абсолют. Абстракция не обладает пропагандистской силой. Тон, которым благочестивый христианин обращается к богу, не звучал бы так нежно, если бы позади бога в трех лицах е стоял бы более ощутимый бог, который носил свое племя у груди своей, ласкал его, говорил с ним, как с ребенком»

2. МОИСЕЙ И ТЕЛЕЦ. ПРОРОКИ ПРОТИВ КУЛЬТА ХРАМА

Если мы посмотрим внимательно на Договор с Господом Моисея в Книге Союзов, мы увидим, что там, как во всех этических религиях осевого времени, запечатлены основные закономерности антагонизма двух полей психики, и обязательство защищать духовную энергию поля интеллекта от материальной энергии поля Эгосистемы. О том же говорит страстная борьба Пророков с суевериями и идолопоклонством.

Э. Ренан, «История Израильского народа»:

> «Из Книги Союза:
> «Вы будете мне людьми святыми. Ты не будешь распространять ложных слухов; ты не будешь сообщником злодея в его ложных свидетельствах. Ты не будешь следовать за большинством, когда оно идет ко злу. Ты не будешь высказываться в суде, в духе того к чему склонно большинство, вопреки справедливости. Ты не примешь сторону сильного человека в его процессе. Если ты встретить быка врага твоего или его осла заблудившимися приведи их к нему. Ты не дашь по-

> колебать прав бедняка твоего в его процессе. Избегай дела лжи; не дай умереть невинному, праведнику; ибо я не оправдаю злого. Ты не будешь принимать подарки ибо подарки делают прозорливого слепцом и приводят к тому, что справедливое дело принимают за дурное. Ты не будешь притеснять чужеземца., ибо вы были чужеземцами в земле Мицраим»

Действительно, здесь четкое разделение физического контроля и научного контроля: насилию как праву сильного противопоставлено служение истине. Целью жизни становится не физическое преуспеяние, как у язычников, а «святость» — то есть преуспеяние духа, здоровье духовной жизни за счет этической чистоты. Ложь, насилие и суеверия, то есть физический контроль магического сознания поля Эгосистемы, объявляются Врагом. Нельзя более ясно разграничить синдром поля интеллекта и синдром поля Эгосистемы: святость и служение истине, справедливости (совести) с одной стороны, и с другой стороны — ложь, суеверия и насилие (право сильного). При этом Господь объявляет Врагом поле Эгосистемы и поручает своим святым борьбу с ним с тем, чтобы процветала духовная энергия поля интеллекта и совести.

В этом существо всей внутренней религиозной борьбы христианской церкви: от иудеев моисеева закона — и до Церкви Интеллекта, которая возводится Открытием Психической Энергии.

Попробуем продемонстрировать это утверждение на фактах истории. Рассмотрим следующие этапы внутренней религиозной борьбы христианства:

1. Моисей против Золотого Тельца

2. Пророки против капищ Ваалу. Хасидим и анавим против Государства

3. Иисус против Фарисеев

4. Апостол Павел против Апостола Петра

5. Римские Папы против Императоров

6. Фома Аквинат против Католической Церкви

7. Реформация против Католической Церкви. Б. Паскаль против Иезуитов

8. Спиноза против Фарисеев и Католической церкви

9. Исторический Иисус против Бога-Иисуса. Ренан, Штраус, Эйнштейн за Исторического Иисуса

10. Л. Толстой против Православной церкви и за Исторического Иисуса

Если мы рассмотрим внимательно все эти стадии становления христианской идеи как Небесного Царствия Бога-Духа, то мы со всей очевидностью увидим, что каждая стадия есть борьба своего времени научного контроля поля интеллекта с физическим контролем поля Эгосистемы. Если учесть что процесс занял больше трех тысяч лет, и что религия Бога-Духа на этих стадиях постоянно бьется между «обновлением в Евангелиях» и сползанием в материальную магию обрядности, то станет очевидно, что хоть Священные Писания в самом деле содержат Откровение Духа Святого, тем не менее это мистическое откровение было только толчком на пути к обретению полноценного научного контроля. То есть к Открытию психической Энергии, без которого этой борьбе между религией чистого сердца с одной стороны и материальной магии обрядности с другой стороны, — никогда не будет конца.

Моисей и его Договор с Господом служить Истине в Книге Союза был большим прогрессом на пути к переходу к научному сознанию поля интеллекта и отказа от магического сознания поля Эгосистемы. Известна его борьба с идолопоклонством «ребенка-племени», порученного его заботам Господом, символизируемая тем известным случаем с «золотым тельцом», которого в приступе гнева уничтожил Моисей. Но в то же время, совершенно очевидно, что сознание его племени на тот момент еще очень далеко от поля интеллекта и не может понять своей миссии «святости» служить истине. И вот, Моисей вынужден дать им собственноручно нового идола, «Медного змея», который прослужит до времен Езекии и Исайи, и только тогда по наущению Исайи и по приказу Езекии будет разрушен.

Л. Толстой «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «(Ин. III, 14)
> И как Моисей возвеличил змею в пустыне (чтобы люди не погибали), так надо возвеличить сына человеческого. Чтобы понять вполне выражение: *вознести, как змея в пустыне,* надо помнить то, что сказано про змея в пустыне. (Книга Чисел XXI, 5—8). «Возвеличить сына человеческого, как возвеличил змея Моисей», значит: *отнестись к сыну человеческому так, как иудеи отнеслись к змею в пустыне, т.е. чтобы люди на него полагались и в нем искали своего спасения и жизни*. И потому: «возвеличить сына Бога в человеке», как Моисей возвеличил змея, — значит *дать образ спасения*».

Э. Ренан, «История Израильского Народа»:

> «Между храмовой утварью был один предмет, более всех раздражавший религиозные чувства пророков, это — нехуштан (медный змий), древний талисман, сделанный по преданию по повелению Моисея, как средство против укуса змеи. Израильтяне до этого времен курили перед ним ладан, как перед божеством; нет ничего невозможного в том, что он представлял собой древнее изображение Ягве. Езекия велел сломать его на куски. Для такого мужественного нововведения необходимо было существование сильной религиозной партии, ибо этот нехуштан был национальной реликвией первостепенной важности, как во Франции склянка с миррой. Национальная религия всегда суеверна. День, когда Езекия приказал сломать на куски медного змия Моисея, напоминает то, что было сделано отчасти в подражании ему в 16 веке протестантами, портившими храмы в готическом стиле и разрушавшими наиболее чтимые алтари. Отвращение к лицемерию жрецов и к религиозному материализму восторжествовало над уважением к традиции»

Мы видели из предыдущей цитаты, что в 8—7 вв. до н.э. пророки Израиля, «наби» в шерстяных вретищах, начинают активную борьбу с идолопоклонством, в разряд которого теперь попадает и «Медный змей», уступленный Моисеем народу-ребенку, по слову Спинозы, и обряд жертвоприношений, также оставшийся со времен Моисея. Пророки, начиная с Амоса, очень жестко выступают против культа жертвоприношений как материальной магии, как элемента идолопоклонства. А Исайа добился уничтожения «медного змея» Моисея, умея отделять истинный завет от варваризмов времени. И пока народ созидает из «закона Моисея» нового Идола — культ национального

бога, Пророки ведут свою Революцию Профетизма к становлению Универсального бога религии «чистого сердца, свободной от материального культа», то есть Этики Совести и Справедливости, этики служения истине и борьбы с ложью и насилием.

Э. Ренан, «История Израильского Народа»:

> «Можно сказать, что первая обличительная публицистическая статья написана была за 800 лет до Рождества Христова, и ее автором был Амос. От этого родоначальника радикальных публицистов нам осталась дюжина «сурат», представляющие собой оригинальнейшие страницы, какие завещала нам древность. Здесь, несомненно впервые раздается над миром голос трибуна. Вся масса ассирийских, египетских, китайских писаний проникнута духом лжи и подобострастия. И вот наконец является негодующий человек, который осмеливается гордо возвысить голос и посреди официального благополучия апеллировать к судье — покровителю слабых. «Осторожный человек, — говорит он, — молчит в такое время, потому что это — плохое время». Пророк же говорит потому, что высшая сила владеет им. «Ягве не делает ничего не открыв этого пророкам, слугам своим; когда лев зарычит кто не испугается? Когда Господь Ягве заговорит, кто не станет пророчествовать?» По своим теологическим воззрениям Амос близок автору книги Иова. Истинная религия состоит в том, чтобы любить Добро и ненавидеть Зло. Творя добро человек сохраняет свою жизнь; творя зло он сам предает себя смерти. Дурной человек — настоящий безумец, ослепленный, гордец. Основная мысль всех пророков о том, что справедливость стоит выше обрядности уже достаточно ясно выражена в речах Амоса.
> Я ненавижу, я гнушаюсь вашими праздниками
> Я не переношу ваших собраний.
> Когда вы закалываете для меня жертвы,
> я не радуюсь вашим приношениям,
> я не обращаю очей к вашим тучным быкам
> Избавьте меня от звука ваших песен
> Чтобы я не слышал больше звона ваших гуслей
> Но пусть правосудие потечет как ручей
> Справедливость — как невысыхающая река
> Сходите в Бетэль — будет больше одним грехом
> В галгале — еще одним грехом больше
> Приносите жертву каждое утро
> Каждые три дня являйтесь платить свои десятины

> Благодарите приношением безупречных опресноков
> Звоните громче о безупречных дарах —
> Ибо вы ведь любите все это, сыны Израиля!
> Они продают праведника за деньги
> Эбиона за пару сандалий
> Они требуют от бедняков пыли, которая покрывает их головы
> Они делают кривыми пути анавим
> Сын и отец бегут за блудницей
> Чтобы осквернить мое святое имя
> Я создал пророков из среды ваших сыновей
> Вы сказали пророкам: не пророчествуйте
> По своим теологическим воззрениям Амос ближе всего к автору книги Иова»

Иисус Христос попадает в самую гущу этой борьбы, так как ко времени его рождения, уже четко сформированы священники национального бога или иначе идола материального культа — фарисеи с одной стороны, и с другой стороны –лежит Книга Пророков, которая доказывает, что Договор с Господом и избранность еврейского народа в другом — в том чтобы послужить человечеству. Иисус принимает на себя эту истинную избранность и жертвует собой как все избранники смутных времен — чтобы послужить человечеству и истине. Он развивает против фарисеев, которые прикрываются дурно истолкованным законом Моисея, — истину Книги Пророков о Боге –Духе, о Царствии Небесном Истины, о религии духа, свободной от материального культа, как Справедливость, Сочувствие и Совесть, обязательные для всего человечества. Если во времена пророков эта война поля интеллекта с полем Эгосистемы (научного контроля с физическим контролем, научного сознания с магическим сознанием) носила характер войны «анавим» с «лецим», то есть святых людей с насмешниками, теократии с военной администрацией, то ко временам Иисуса эта война воплощена в противостоянии ессеев и терапевтов, иудейских сект отказывающихся по велениям своих пророков от культа жертвоприношений и храма, с одной стороны, и с другой стороны — фарисеев, которые становятся той «лже-наукой» шизоидной эгозащиты, «учеными» материального культа храма, ко-

торые созидают новый идол в виде суеверия национального бога. Христа обвинили в преступлении разрушения веры предков, в поругании закона Моисея и приговорили к смертной казни фарисеи.

Иисус сдержал свое слово, послужил человечеству, умер за истину, честно выполнил свой долг перед Господом. И его миссия принесла свои плоды в виде становления Христианской Церкви как Духовного Союза, но уже не узко национального, как в синагогах, а вселенской церкви человечества. Важнейшим итогом проповеди Христа, который является показателем успешности его миссии, является отделение церкви от государства — феномена до тех пор не имевшего места в истории человечества. Папская церковь со всеми ее грандиозными победами и службой цивилизации есть полностью плод его религиозного гения и его честного мученичества в служении истине и человечеству.

Вот казалось бы дело пророков свершилось в церкви христианства. Культ жертвоприношений в храме, против которого восставали все пророки, отменен. Религия чистого духа, религия этики установлена, духовный союз создан. И как говорит Ренан «шедевр иудаизма» завершается в христианстве. Однако, как показывает история, это вовсе не конец становления Религии Духа, потому что Папская Церковь в свою очередь столь же верно превращается в Идол шизоидной Эгозащиты с материальным культом обрядности (магии), как и культ фарисеев в свое время. Здесь лже-наука называет себя не идолом национального бога, как у фарисеев, а идолом –кесарем всего мира, что свидетельствует о конце Религии Духа и превращении Папской церкви в заурядный Левиафан садомазохизма. Достаточно вспомнить Александра Шестого и его потомка Чезаре Борджа.

И опять Религия Духа «обновляется Евангелием», как говорят Мережковский, Ренан, Толстой. Опять начинается старая война Иисуса с фарисеями, Моисея с Золотым Тельцом, Исайи с Медным Змеем, Иеремии с капищами Ваалу. Теперь идолопоклонники — они, папы и их священство, те, кто раньше вынес церковь христову на своих плечах в войне против императоров

и язычников. Против них встают силы Реформации, называя себя Евангелистами, в полном смысле слова обновляясь в оригинальных текстах Евангелия, чтобы отойти от языческой лжи материальной обрядности нового Идола, нового Золотого Тельца. Имена этих великих людей, спасших Европу и всю научную цивилизацию от очередного погружения в варварство магического сознания известны: это Д. Виклиф и Ян Гус, Цвинги и Кальвин; и конечно же титан — Мартин Лютер. Лютер сметает Духом Святым все наслоения Идола материальной обрядности Папской церкви и вновь обновляется в Религии Духа Евангелия в «Свободе Христианина». Куно Фишер говорит о борьбе не на живот, а на смерть между папской церковью «цезарепапизма» и евангелической или лютеранской церковью Реформации. Действительно, в том же смысле в котором война Моисея с Золотым Тельцом, Исайи и Иеремии с культом жертвоприношений и капищами Ваалу, и Иисуса с фарисеями была войной Добра и Зла, и ранней Папской церкви с Императорами была войной поля интеллекта с полем Эгосистемы, точно в той же мере Поздняя папская церковь –Левиафан, потерявшая себя как Религию Духа есть Зло, с которым Иисус в лице Реформации начинает войну с самого начала. Г. Честертон в «Фоме Аквинате» пишет, что Реформация началась с Омы Аквината, который прочно стал на сторону Разума и Науки в обращении к Аристотелю и Аверроэсу, как научному истолкованию основ Евангелия, против всей католической церкви. Это вполне отвечает нашему утверждению, что все эти внутренние конфликты в становлении Религии Духа имели один источник — борьбу поля интеллекта с полем Эгосистемы, и были обречены на бесконечное сползание Религии Духа в Религию Идолопоклонства магического сознания до тех пор, пока Научный контроль не обретет прочного основания: открытых законов природы психики, то есть открытия психической энергии.

И конечно, усилия протестантов Реформации тоже не увенчались успехом, и сам Лютер вынужден был это признать. Религии Духа без священства материальной обрядности и без инкви-

зиции насилия не получалось. Вскоре Жан Кальвин, которого нарекут «женевским Папой», докажет это со всей очевидностью, раздувая вновь костры инквизиции для мыслящих людей. Ренан, как все умные люди, хвалит Реформацию за прогресс и освобождение мысли от магического сознания, в котором увядало папство, сравнивает Протестантов с Пророками Израиля, боровшимися с культом жертвоприношений храма, но однако, тоже указывает, что и это движение выдохлось не достигнув цели.

Очевидно, что Идол, которого сотворило себе христианство, был Обожествление Иисуса. И уже из одного этого факта можно было предсказать, что христианская церковь выдохнется на своем пути к Святому Духу, и деградирует в магическое сознание. Ибо величие Христа вовсе не в том, что Он — Бог, а в том, что он честно, беззаветно, с таким гением и самоотречением выполнил свою миссию послужить истине и людям, объединив людей с разных уголков мира и самых разных культур в единую духовную вселенскую церковь. Найти Святой Дух можно только на пути служения Истине, то есть Богу-Интеллекту, и если заведомо ставить Богом — Человека вместо интеллекта, как бы прекрасен этот человек не был, то путь к Святому Духу обрывается и церковь прекращает свое существование. Так и случилось с христианской церковью. О превращении Христа в Идола написали Ренан и Штраус в «Жизни Иисуса», где они дают альтернативную точку зрения на религиозного гения как на историческую личность, таким образом показывая реальные масштабы величия его личности, которые уничтожаются при обожествлении. О том же «Соединение и перевод четырех Евангелий» Толстого.

Ярчайшим примером этой борьбы Духа как научного сознания с Идолами магического сознания является феномен Русской Реформации, который отождествляют фигуры Л. Толстого и Д. Мережковского. Однако, Мережковского в меньшей мере, потому что он, подобно Честертону и Трубецкому, сохраняет свою веру в «Догмат Воплощения», то есть в божественность Христа. Тем не менее, идея Третьего Завета Мережковского стоит в гармонии с идеей направления «Христианской науки» или «истори-

ческого Иисуса» о том, что тексты Евангелий неокончательные, и что они еще будут сказаны научным языком — то есть открытием психической энергии. Для Мережковского эти последующие тексты — это тексты нового мистического откровения, которой он называет «Откровением Духа», вслед за откровениями Отца и Сына. И хотя его неполный отказ от сверхъестественного во многом ограничил его мировоззрение, тем не менее, не вызывает сомнений факт, что и Мережковский — революционер на пути к открытию психической энергии, и окончательному утверждению поля интеллекта и научного контроля.

Однако, величие Л. Толстого в этой связи трудно выразить словами. Он нигде не смалодушничал, нигде его жесткая логика на пути к истине Святого Духа не дала слабину. И самое очевидное вранье в той поповской лжи, которую он громит в своих пророческих сочинениях — это вранье о воплощении бога в человеке. Здесь надо сразу оговориться, что «все мы — сыны божьи», как говорит евангелие и как подчеркивает Толстой. Но Дух в человеке, который есть божественное в человеке, Активный Интеллект, мышление и все, что из этого вытекает — все это не есть Бог. Одно дело, божественная энергия Духа, и совсем другое дело, Господь, воплотившийся в человеке. Толстой прав, что с Господом никак не могло произойти таких приключений, и тогда Евангелие сводится на уровень сказки. Другое дело, религиозный гений, великий человек, пожертвовавший собой на пути служению истине — тогда эта история о таком величии духа, которым не перестанут восхищаться.

Выступление Толстого против Идола православной церкви в мельчайших подробностях повторяет все внутренние религиозные конфликты становления христианства от возмущения пророков против культа храма через войну Иисуса с фарисеями и до борьбы Реформации с католической церковью. Сам Толстой неоднократно подчеркивает, что и само понятие «фарисеи», которое в переводе с еврейского означает «Православные», и их материальный культ обрядности как магии вместо Этики есть полное тождество с тем православием, с которым он выступил

на борьбу по следам Иисуса и пророков. В ниже приведенных цитатах видно, что Толстой полностью отождествляет еврейских православных с русскими православными как «Ложью» внешнего богопочитания обрядности плотскому, материальному богу-идолу. Вся его книга как толкование Евангелия наряду с его философскими сочинениями (особенно «О жизни») есть утверждение Бога-Духа как Бога-Интеллекта, и он начинает это свое толкование с того, что опровергает перевод, где сказано что Бог есть Слово, и дает правильный перевод с греческого: Бог есть Разум, Бог есть Разумение. Он дал самостоятельный перевод всех четырех Евангелий с греческого, и во мне крепнет уверенность, что в недалеком времени перевод Толстого заменит канонический.

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех евангелий»:

> «Слово „фарисей“ может иметь два значения: *толкователя и отделенного.* Что же другое значат эти два слова, как не учитель и пастырь? Если бы это была секта, то она бы и носила название, свойственное ей; название же ее есть название, соответствующее нашему *православный*. Слова Павла в Деян. XXII, 3—5, значат только то, что „я был православный иудей“. Теперь, что такое эта, так называемая, секта? Вот определение ее по всем церковным источникам: „они признавали себя истинными и единственными толкователями закона Божия; основой истинности своей они признавали предание, дошедшее до них от Авраама; они имели иерархию, синедрионы и синагоги; они отличались от неучителей одеждой и внешним видимым благочестием“. Пускай кто-нибудь опишет то, что такое пастыри церкви. Пастыри церкви — это люди, признающие себя истинными и единственными толкователями закона Бога. Основой истинности своего толкования они признают предание, дошедшее до них от Иисуса Христа. Они составляют отдельное от других людей учреждение, управляемое синедрионом, архиереями и пастырями. Они отличаются от неучителей одеждой и внешним видом благочестия. Так определяет церковь и фарисеев и саму себя. Для человека вне церкви очевидно, что определение фарисеев как людей, установивших много лишних обрядов, притворщиков, злодеев, погубивших Христа, будет точно так же до малейших подробностей верно и по отношению к церковникам. ....Особенность фарисеев (по всем исследованиям, согласным между собой) состояла в том, что: 1) Они признавали, кроме священного писания, еще изустное предание, священное предание, требую-

щее известных внешних обрядов, которые они считали особенно важными. 2) Они толковали священное писание буквально и считали исполнение обрядов более важным делом, чем исполнение нравственного закона. ...Что же это, как не наши православные?»

Л. Толстой «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

«Вся эта речь, имевшая огромную важность тогда; когда она была произнесена, имеет огромную важность и для нас, если мы хотим понять учение Иисуса. Вследствие же ложного представления толкователей о том, что Иисус только продолжал закон Моисеев, от нее ничего не остается, кроме ненужной пикировки с какими — то фарисеями. Для непредубежденного читателя место это имеет огромное значение, а именно то, что Иисус при первом столкновении с законом внешнего богопочитания всеми силами прямо под корень отрицает его. Суббота есть главный завет Бога со своим народом. Несоблюдение субботы казнится смертью. Суббота исполнялась и исполняется до сих пор, и половина Талмуда трактует о. ней. Соблюдение субботы для евреев есть то, что для церковников причастие. Так же как не еврей тот, кто не соблюдает субботы, — не православный и не католик тот, кто не причащается. Осквернить субботу и осквернить причастие — одинаково ужасно. И вот Иисус говорит, что эта суббота — пустяки, людская выдумка, что важнее всякой внешней святыни человек; что для того, чтобы это понять, надо понять, что значат слова: «Милости хочу, а не жертвы»; и что субботу, т.е. считающееся самым важным внешнее богопочитание, — не нужно исполнять. И вот это-то значение скрадено толкователями.

....То же можно сказать и об Иерусалиме. Иерусалим — город Бога. Бог там живет. О том, что Бог не дух, а внешнее существо с руками, глазами и ногами, видно из всех мест, где только упоминается о Боге. И потому, отрицая и очищение, и посты, и субботы, и жертвы, и храм, и плотского Бога, Иисус не продолжал веру Моисея, но всю под корень отрицал ее.

.....Иисус первым делом своей проповеди отрицает ложного еврейского, внешнего, видимого Бога. В следующей главе он говорит, что Бог — дух и ему надо служить делом. И очевидно, что для того, чтобы люди могли верить в Бога духа и служить ему, нужно разрушить ложного, выдуманного Бога и ложное служение ему, и это самое делает Иисус. Не понять этого нельзя. Если место это не понято церквами, то не от глупости, а от большого ума. Таких умышленных нелепых толкований встретится много. Такие толкования бывают тогда, когда церковь узаконила то самое, что отвергал Иисус. Так и теперь

> Иисус отвергает Бога-творца, внешнего Бога, отвергает всякое богослужение, кроме служения Богу делом. А церковь узаконила Бога творца внешнего и только тем существует, что совершает службы и жертвы. Тут уж поневоле глуп будешь. Тот же, кто хочет понимать Евангелие, должен твердо помнить, что первым действием Иисуса, прежде проповеди, было отрицание Бога внешнего и всякого внешнего богослужения. Уничтожение храма, повторенное всеми евангелистами (что весьма редко), есть очищение почвы для посева. Только после уничтожения прежнего Бога возможно учение; о Боге Иисуса и о том служении Богу, которому учит Иисус. Все это место есть разъяснение стиха: *Бога никто не видел и не видит никогда*».

Толстой как Ренан сам себе противоречит, когда говорит, что Иисус отвергает весь закон Моисея. Это видно хотя бы из того, что когда он толкует ту часть евангелий, где Христа искушает сатана, он показывает, что все свои ответы Иисус берет из закона Моисея, и при этом дает ответы в полном соответствии с Религией Духа-Разума. Не говоря уже о том, что он каждый раз показывает из какого места из Пророков, Исайи или Иеремии, берет свои ответы Иисус. Толстой видимо как и Ренан хочет подчеркнуть, что Иисус отвергает не всего Моисея, а варваризмы, связанные с идолом плотского-национального бога, и что борьба эта есть борьба не на живот, а на смерть. И что это та же самая борьба на смерть, которую ведет он сам и Мережковский с православной церковью. Также как радикальность конфликта между протестантами и католической церковью подчеркивается Куно Фишером.

Куно Фишер, «Век Реформации и ход развития философии»:

> «Католицизм и протестантизм являются всемирно-историческими антитезами, охватывающими и исчерпывающими в пределах христианства принципы религиозной жизни, а потому не допускают никакого смешения, никакого компромисса, никакого сосуществования, а также никаких промежуточных форм. Если появляется такая форма, то она всегда есть лишь видоизменение одного из них и, взятая сама по себе, представляет собою бессильный гермафродитизм. Вера в авторитет и свобода веры (я беру последнюю не как пустую фразу, а как требование, выставленное Лютером) находятся в принципиальной религиозной борьбе друг с другом, приведшей Реформацию к отпадению от Церкви, а Церковь — к тридентским постановлениям. Что

> протестантизм не может существовать в католицизме, что никакой родственный ему
> образ мыслей не может жить в лоне Церкви и под гнетом веры в авторитет — это янсенизм испытал на себе и еще раз *доказал* это миру. Французский янсенизм XVII столетия как *бы* доказывает, что, объявив о своем отпадении от Церкви, немецкая Реформация шестнадцатого века руководствовалась верным расчетом».

Можно отсюда заключить, что против Открытия психической энергии выступит не только храм в Иерусалиме, но столько же католическая и православная церкви.

3. ИИСУС И ФАРИСЕИ. ПРОТЕСТАНТЫ И КАТОЛИКИ. ТОЛСТОЙ И ПРАВОСЛАВИЕ

Э. Ренан и его многотомное исследование христианства, а равно его книга «Будущее науки» — самый большой вклад французского народа в сокровищницу гуманитарных (социальных) наук, хотя пока еще его труды ждут своего признания. Не в век дарвиновской парадигмы Ренану ожидать заслуженного всемирного признания.

В книге «Жизнь Иисуса», он во всем согласен с исследованием Л. Толстого в «Соединении и переводе четырех Евангелий». Так, Ренан утверждает, что Иисус не только не был богом, но никогда не претендовал на такую кощунственную мыль, и что напротив, боролся как мог с кознями врагов-фарисеев, желавших погубить его эти обвинением. Далее, с той же силой, что и Толстой он подчеркивает, что борьба его с фарисеями шла против материального культа храма и идола, которого они себе сотворили; и что его целью была Религия Духа, религия этики как чистого сердца, религия без священников и культа, как религия духовного братства истинной церкви.

Далее, Ренан подобно Толстому подчеркивает, что борьба Иисуса с материальной религией обрядности фарисеев была точной аналогией борьбы иудейских пророков культом храма в свое время, а также точной аналогией борьбы протестантов

с католической церковью и ее пустой обрядностью и догматами, которые извращают тексты Евангелий.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Не подлежит сомнению, что Иисус никогда и не помышлял о том, чтобы выдавать себя за воплощение самого Бога. Такая идея совершенно не свойственна еврейскому уму, мы не найдем ни малейшего следа этого в синоптических Евангелиях; только в четвертом Евангелии встречаются такие места, в которых можно увидеть намеки на это, но эти места менее всего можно считать отражением мыслей Иисуса. Иногда получается впечатление, что Иисус даже принимает меры к тому, чтоб отвергнуть такое учение. Даже в четвертом Евангелии сказано, что обвинение Иисуса в том, что он считал себя Богом, или равным ему, — клевета со стороны евреев. В этом Евангелии Иисус открыто заявляет, что он ниже Отца. В другом месте он признается в том, что Отец открыл ему не все. Он считал себя чем-то более высоким, чем обыкновенный человек, но рядом с этим он говорит, что от Бога его отделяет целая бесконечность. Он — Сын Божий, но ведь и все люди дети Его, или, во всяком случае, в большей или меньшей степени могут стать таковыми».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Только иудейские ветхозаветные пророки, особенно Исайя, в своей ненависти к жертвоприношению провидели истинную природу почитания, которым человек обязан Богу. „К чему мне множество жертв ваших? — говорит Господь. — Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота... Курение отвратительно для Меня... Ваши руки полны крови... Очиститесь. Удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло, научитесь делать добро... тогда придите“. В последнее время некоторые из учителей, Симон праведный, Иисус, сын Сирахов, Гиллель почти постигли истинную суть Закона и объявляли, что, выражаясь коротко, она не что иное, как справедливость. В иудейско-египетском мире Филон одновременно с Иисусом пришел к идеям равной моральной высоты и святости и — как следствие этого — не придавал значения установленным обрядностям. Шемайя и Авталион неоднократно высказали себя весьма либеральными толковниками. А вскоре равви Иоханан поставил дела милосердия даже выше изучения Закона. Тем не менее, только Иисус выразил мысль с полной определенностью и силой. Никто не был в меньшей степени жрецом, чем Иисус, зато никто

не был и большим врагом внешних формальностей, задушивших религию под предлогом покровительства ей. В этом отношении мы все — его ученики и последователи; и этим он заложил вечные незыблемые основы истинной религии, и если роль религии в жизни человечества велика, то этим он вполне заслужил титул „Божественного", присвоенный ему. С ним впервые пришла в мир одна идея, абсолютно новая, — идея благопочитания, основанного на чистоте сердца и братстве людей; идея настолько возвышенная, что христианской церкви пришлось впоследствии совершенно изменить мысли своего основателя, и даже в наше время найдется еще немного людей, способных следовать ей. Тонкое понимание природы давало ему ежеминутно необходимую для речи выразительность образом. Афоризмы его иной раз поражают замечательной меткостью, — тем, что называется у нас остроумием»

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Ближним», под которым иудаизм подразумевает преимущественно своих единоверцев, он считает всякого человека без различия секты, который жалеет подобных себе. Братство людей в самом широком смысле — вот чем дышат все его поучения. Эти мысли, занимавшие Иисуса при выходе из Иерусалима, были необыкновенно живо изображены в одном из сохранившихся рассказов о его возвращении. ...Иисус попросил у нее напиться, чем сильно ее удивил, ибо евреи избегали обыкновенно всяких сношений с самаритянами. Разговор с Иисусом до такой степени покорил эту женщину, что она решила, что это пророк. И вот, полагая, что он начнет упрекать ее за ее веру, не дожидаясь этого, она обратилась к нему со следующими словами: «Господи, отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме?» Иисус говорит ей: «Поверь мне, что наступит время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Но истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине».
Да, в тот день, когда он произнес эти слова, он был поистине Сыном Божиим. Он в первый раз произнес то слово, на котором впоследствии было основано все здание вечной религии. Он положил начало чистому культу вне времени и места, которому будут поклоняться все чистые духом до скончания века. В этот день его религия стала не только религией всего человечества; она возвысилась до абсолютной религии. И если на других планетах имеются люди, наделенные разумом и нравственным чутьем, их религия не может отличаться от той, которую провозгласил Иисус у колодца Иакова. Человечество не сумело усвоить ее; идеал достижим лишь на мгно-

вение. Слово Иисуса — это проблеск света среди мрачной ночи. 18 столетий потребовалось для того, чтобы человечество (что я говорю? — самая незначительная часть его!) привыкло к ослепительному блеску. Но проблеск света предвещает яркое солнце и, пройдя через весь этот ряд заблуждений, человечество снова придет к этому слову, бессмертному отражению его верований и надежд».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Как в наше время неокатолики постоянно отдаляются от Евангелия, так и фарисеи отдалялись с каждым шагом от Библии. Вот почему пуританский реформатор обыкновенно придерживается Библии по существу, исходя из неизменного текста и подвергая критике общепринятое богословие, развивавшееся от поколения к поколению. То же сделали позднее караиты и протестанты. Иисус гораздо решительнее запустил топор в самый корень. Правда мы видим порой, что он ссылается на священный текст, противопоставляя его ложным фарисейским преданиям и масорам, но в общем он мало занимается толкованием, а обращается прямо к совести: одним ударом он поражает и текст и комментарий. Он ясно показывает фарисеям, что своими преданиями они существенно исказили Моисеев закон, но сам он вовсе не думает вернуться к Моисею. Его цель впереди, не позади. Иисус — более чем преобразователь религии обветшалой, — он — создатель вечной религии человечества. Споры между Иисусом и фарисеями особенно часто возникали по поводу множества освященных традицией внешних обрядов, которых ни Иисус, ни его ученики не соблюдали. Фарисеи ожесточенно упрекали его в этом. Когда он обедал у них, он приводил их в негодование несоблюдением обычного омовения. „Подавайте милостыню, — говорил он, — тогда будет у вас все чисто“. Особенно оскорбляла чуткую, восприимчивую душу Иисуса та самоуверенность, которую вносили фарисеи в дела религии, их мелкая набожность, направленная на искание первенства и почестей, а не на улучшение сердца. Одна удивительная притча выражала эту мысль с бесконечной прелестью и правдивостью. „Два человека, — говорил он, — вошли в храм помолиться: один — фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: „Боже, благодарю тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь; пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю“. — Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаза на него; но, ударяя себя в грудь, говорил: „Боже, будь милостив ко мне, грешному!“ — Сказываю вам, что сей пошел оправданный в дом свой более, нежели тот!“ Следствием борьбы была ненависть, которую могла утолить

лишь смерть. Уже Иоанн Креститель возбудил против себя подобную вражду. Но иерусалимские аристократы, презиравшие его, предоставляли простому народу считать его пророком. На этот раз возгорелся смертный бой. Появился в мире новый ум, предавший все прошлое полному уничтожению»

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Сообразно таким принципам, он презирал всякую религию, не идущую от сердца. Суетные обрядности ханжей, внешний ригоризм, полагающий спасение в кривлянии, имели в нем смертельного своего врага. Он очень мало думал о постах. Забвение обид имело в его глазах большее значение, чем жертвоприношение. Любовь к Богу, милосердие, взаимное прощение — вот весь символ веры его. Нигде вы не найдете меньше, чем в учении Иисуса, жреческого элемента. Священник как таковой склонен побуждать адептов к общественному жертвоприношению, отправлять которое должен обязательно он; он не рекомендует личной молитвы, так как в таком случае можно обойтись и без него. Напрасно стали бы мы искать в Евангелии указания на то, какие молитвы рекомендует Иисус. Даже крещение имеет в глазах его лишь второстепенное значение, что же касается молитвы, то по этому поводу он не дает никаких указаний, если не считать того, что она должна идти от самого сердца. Многие, как это и бывает всегда, полагали заменить у слабых духом людей истинную любовь к добру лишь благим пожеланием и надеялись заслужить себе царствие небесное возгласами «равви», обращенными к нему. Он всех их отталкивал и говорил, что вера его в добрых делах. Часто он приводил им следующее место из пророка Исайи: «Этот народ чтит меня лишь устами, но сердце его отвратилось от меня».
Празднование субботы было тем пунктом в его учении, вокруг которого и создалось, главным образом, целое здание недоразумений и фарисейских придирок. Это хорошее древнее установление стало предлогом для жалких диспутов казуистов, источником множества суеверий. Многие верили, что даже сама природа ее соблюдает; все перемежающиеся источники слыли за «субботние». И вот на диспуты по этому пункту Иисус и любил больше всего вызывать своих противников. Сам он открыто нарушал субботу и тонкими шутками отвечал на упреки за это. Еще с большим основанием он презирал всю массу обрядностей, которые были прибавлены к закону традицией, благодаря чему они и стали дороже сердцу ханжей. Он был самым беспощадным врагом омовений и мелочной разборчивости в том, что чисто, а что нет. «Можете ли вы, — говорил он, — омыть свою ду-

> шу? Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека». Все удары свои он направлял на фарисеев, проповедующих все это лицемерие. Он обвинял их в том, что они усиливают строгость закона и тем создают для людей новые случаи, чтоб грешить: «Слепые вожди слепых, — говорил он, — а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». «Порождения ехидны, — добавлял он, — как можете вы говорить доброе, будучи злыми, вы делаете лживой пословицу: от избытка сердца говорят уста».

В другом месте Ренан очень метко подчеркивает ходульность тщеславия и ханжество фарисеев, которых, как замечает Толстой, история будет узнавать в церковниках сползающих в материальный культ идолов католическую и православные церкви. Тот Гибрис-Эго шизоидной Эгозащиты, который несовместим с Религией Духа совести и справедливости противополагается со всею остротой в войне Иисуса с фарисейством, и позднее копируется, повторяется, продолжается в войне Лютера с папским престолом, в войне Толстого с православием, в войне Паскаля с иезуитами.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Самое упорное противодействие встречали идеи Иисуса со стороны фарисеев. Иисус все более и более удалялся от принятого правоверного иудаизма. Фарисеи же были жизненным нервом и оплотом его. Хотя центр этой партии находился в Иерусалиме, но у нее были адепты, жившие в Галилее или ездившие часто на север. Это были, в общем, люди узкого умственного кругозора, придававшие большое значение внешности, люди формального благочестия, исполненные самодовольства, самоуверенности и презрения к другим. Внешние приемы их были до того смешны, что вызывали насмешку даже у тех, кто относился к ним с уважением. Это доказывали и те прозвища, которые давал им народ, и в которых чуялась карикатура. Были, например, „фарисей кривоногий“ (никфи), ходивший по улицам, рассеянно волоча ноги и натыкаясь на камни; „фарисей — кровавый лоб“ (кицаи), ходивший с закрытыми глазами, чтобы не видеть женщин, и вечно натыкавшийся на стены так, что лоб у него был всегда разбит; „фарисей толкач“ (медукиа), с согбенной фигурой наподобие ручки пестика;

„фарисей крепкоплечий“ (шикми), ходивший сгорбившись, точно неся на своих плечах всю тяжесть Закона; „фарисей — что надо делать? все сделаю“ — с выражением постоянной готовности исполнить какое-либо новое правило закона; наконец, „крашеный фарисей“, все благочестие которого было лишь маской лицемерия. И ригоризм их был, в самом деле, часто лишь показным, скрывавшим в действительности большую моральную распущенность. Тем не менее, они вводили народ в заблуждение. Легко понять, какая вражда должна была возгореться между Иисусом и подобными людьми в атмосфере общей страстности. Иисус проповедовал только религию сердца; религия фарисеев состояла почти исключительно в соблюдении обрядностей. Иисус искал смиренных и всякого рода отверженных; фарисеи видели в этом оскорбление для своей религии порядочных людей. Фарисей считал себя непогрешимым и непорочным, был педантически уверен в своей правоте, садился в первом ряду в синагоге, молился на улицах, творил милостыню „при трубном звуке“, ходил и оглядывался, ожидая приветствий. Иисус утверждал, что каждый должен ждать суда Божьего со страхом и трепетом».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Его могучее красноречие воспламенялось всякий раз, когда дело шло о борьбе с лицемерием. «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи. Итак, все, что они велят вас соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают. Связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям; а сами не хотят и перстом двинуть их. Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрылия одежд своих. Также любят возлежания на пиршествах и заседания в синагогах. И приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель! Горе им!.. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворили царство небесное человекам; ибо сами не входите и хотящих войти не впускаете. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь; зато примете тем большее осуждение. Горе вам, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны. Горе вам, ибо вы, как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того». «Безумцы и слепые! Вы даете десятину с меры аниса и тмина и оставили важнейшее в Законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать и того не делать. Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие, горе вам!»

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их».

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония».

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: «Если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками в их пролитии крови пророков». Таким образом, вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые губили пророков. Дополняйте же меру отцов ваших. Премудрость Божия сказала: «Я посылаю вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете, и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город.» ...Его страшный догмат о передаче права на царствие небесное язычникам, эта идея о том, что царствие Божие передается другим, ибо те, кому оно было обещано, его не захотели, сделалась как бы кровавой угрозой против аристократии, и титул Сына Божьего, который открыто утверждал за собою в живых притчах, где враги его выступают как убийцы, посланные небом, — все это являлось выражением недоверия, брошенным в лицо легальному иудаизму. Смелое его обращение, с которым он шел к униженным, являлось еще более мятежным. Он провозгласил, что пришел дать свет слепым и ослепить тех, которые воображают, что видят. Однажды раздражение против храма вырвало у него неосторожные слова: «Я разрушу храм сей рукотворный и через три дня воздвигну другой нерукотворный». Неизвестно, какой смысл придавал Иисус этим словам, в которых ученики его искали утрированных аллегорий. Но так как слова эти явились только предлогом, то их сильно стали раздувать. Они будут фигурировать в качестве обвинительного материала в смертном приговоре над Иисусом и будут звучать над ухом его среди последних мук на Голгофе.

...Христианство было нетерпимо нетерпимость по существу не христианский факт — это факт иудейский в том смысле, что в делах веры иудейства впервые поставило теорию абсолюта, установив тот принцип, что всякий отвращающий народ от истинной религии, если он даже подтвердит свое учение чудесами, должен быть встречен камнями и побит всеми без суда. Правда, у языческих наций были также свои религиозные насилия, но если бы у них существовал та-

кой закон, как бы они стали христианами? Таким образом, Пятикнижье было первым кодексом религиозного террора. Иудейство дало пример незыблемого догмата, вооруженного мечом. Если бы вместо того, чтобы в слепой ненависти преследовать евреев, христианство бы уничтожило тот порядок вещей, который причинил смерть его Основателю, насколько бы оно было последовательнее, насколько выше были бы его заслуги перед человечеством!»

ГЛАВА 2. ЦЕРКОВЬ ИИСУСА КАК ТЕОКРАТИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА. ИИСУС КАК РЕФОРМАТОР И РЕВОЛЮЦИОНЕР

1. Царствие Небесное как Пространство Интеллекта. Свобода как осознанная необходимость.

2. Град Божий Августина как Свобода осознанной необходимости Спинозы. Теократия Естественного Права.

3. Царство Небесное Иисуса, как Радикальная Революция противопоставления Церкви Государству.

1. ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ИНТЕЛЛЕКТА. СВОБОДА КАК ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

На сегодня фактом, установленным наукой, является тот факт, что Евангелия основаны на метафизике интеллекта, на рационалистической философии платонизма. Много раз в своих книгах я приводила цитаты из Б. Рассела (История западной философии), из Э. Ренана (История израильского народа), из Д. Штрауса (Жизнь Иисуса), где подчеркивается, что в том виде, в каком история доставила нам тексты евангелий — это тексты синтеза иудаизма и греческой метафизики интеллекта. Если даже сам Иисус не был философом рационалистом, его проповедь Царствия Небесного есть безусловно поэтическое описание Пространства Интеллекта, которое на тот момент и требовалось. Сухой метафизики было много, малопонятной и малопривлекательной. Поэзия метафизики, которую дал Иисус, оказала как мы теперь можем утверждать, когда христианство обратило мир, гораздо больший эффект. К тому же, она метафизика Христа, пусть

в поэтической форме, а не в форме математических формул, сама собой предназначила его откровение к синтезу с откровением греческой метафизики.

Вся проповедь Христом Царствия Небесного в евангелиях есть четкое разделение двух уровней энергии в человеке: Духа, как поля интеллекта (истины) и Плоти, как материальных энергий человека, его биологии и его поля Эгосистемы. Само по себе Царствие Небесное термин, который хорошо известен Ветхому Завету. Но именно у Иисуса он приобретает характеристики Пространства Интеллекта, как рационалистической метафизики; как мира идей Платона, отделенного от земного мира не будущностью, а противоположением Интеллекта и Материи, формы и содержания.

Вот почему в его проповеди соединяется проповедь Духа, как этической энергии совести и сочувствия с одной стороны, и проповедь Царствия Небесного как качественно отличной мотивации жизни человека — жизни для святости, жизни для небесных сокровищ, жизни для благодати духа. И где средствами для достижения этой благодати духа являются закономерности устройства духовной энергии: совесть, справедливость, сочувствие, борьба со злом, развитие, единство. Его борьба с магическим сознанием как с внешним богопочитанием обрядности, его презрение к материальной мотивации, его отрицание поля Эгосистемы во всем — это расчищение пути к утверждению духовной энергии поля интеллекта. В том радикальном переходе к Богу-Отцу и Человеку-Сыну также переход с поля Эгосистемы как садомазохизма насилия-подчинения на поле интеллекта как единству в искренности, совести и сочувствии духовной энергии. Прежнее «рабство» идолопоклонства отменяется Иисусом в пользу дружбы и братства отцовско-сыновних отношений, что есть поэтический символ особой эмоциональной ткани поля интеллекта. И это есть свобода, но не свобода произвола, которая есть фантазия, а истинная свобода подчинения Интеллекту, Богу-отцу, дающего свободу научного контроля законов природы.

В этом качественное отличие Евангелий от Ветхого Завета — это решительный переход на поле интеллекта, к которому Ветхий Завет делает первые настойчивые шаги. Потому и стало возможным соединить проповедь иудея Иисуса с греческой метафизикой рационализма в четвертом Евангелии от Иоанна, где Иисус выступает уже как Логос. Вот как Толстой толкует слова четвертого Евангелия о том, что сначала было Слово. Прежде всего, он не согласен с переводом с оригинала и говорит, что много уместнее поставить «Разум, Разумение» вместо «Слова».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «Смысл стихов следующий:
> *Разумение было во всех людях. Оно было в том, что оно произвело; — все люди живы только потому, что они рождены разуме нием. Но люди не признали своего Отца разумения — и не жили им, а полагали источник своей жизни вне его. Но всякому человеку, понявшему этот источник жиз ни, разумение давало возможность верою в это сделаться сыном Бога* **—** *разумения, так как все люди рождены и живы не от крови женщины и от похоти мужчины, а от Бога — разумением. В Иисусе Христе проявилось полное разумение.*
> (Ин. 1, 14—17)
> ....Для того, чтобы понять, что значит это выражение — . сделаться сынами Бога, — о чем подробно и ясно изложено в беседе с Никодимом (Ин. III, 3—21), нужно вспомнить то, что сказано сначала. Разумение есть Бог. Следовательно, сделаться сыном Бога значит сделаться сыном разумения. Что значит сыном? В 3-м стихе сказано, что все, что родилось, родилось от разумения. То, что родилось, то есть сын, следовательно, все мы сыны разумения»

Далее Толстой подробно приводит слова из Евангелия, в которых поэтически сказана та истина о свободе, которую в 17 веке сформулирует один из самых последователей метафизики интеллекта — Спиноза, и подтвердит самый известный метафизик интеллекта — Спиноза. «Свобода есть осознанная необходимость». До сих пор по какой-то неведомой для меня причине считается, что эту простую истину трудно понять. Есть представление о детерминизме — когда все детерминировано законами природы, и представление о хаосе — полной свободе случайностей, или полной свободе воли человека, не огра-

ниченной никакими законами. Метафизика интеллекта или рационалистическая философия признает детерминизм в основе всей вселенной, в том числе и в основе воли человека. Ни хаосу случайностей, ни произволу человеческой воли нет места в мире, где правят законы интеллекта. Однако, человек имеет мышление, и потому способен открывать законы природы и контролировать эти законы. Это и есть его Относительная Свобода — Свобода доступа к силе природных энергий, свобода контроля законов природы, в том числе своей собственной. Он не может установить законы или отменить законы Бога-Интеллекта, но может познать их и получить доступ к силе открытых энергий — в этом его относительная свобода. И в этом нет ничего сложного.

Мы можем видеть, что в Евангелиях Иисус дает свое поэтическое объяснение этому спинозовскому определению как познанной необходимости: он постоянно подчеркивает, что говорит не От Самого Себя, а от Отца, пославшего его. И Толстой аккуратно перебрал и рассмотрел все его отсылка к Отцу, а также его утверждение, что именно этой и есть истинная свобода: Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете.

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «(Ин. VIII, 16— 19)
> Но если я и сужу, то суд мой истинен, потому что я не один, но я и пославший меня Отец.
> (Ин. VIII, 28—36)
> И сказал им Иисус: когда вознесете сына человеческого, тогда узнаете то, что я есть. Я от себя не делаю ничего, а чему научил меня Отец, то говорю.
> И пославший меня со мною. Не оставил меня одного Отец, потому что я всегда и везде делаю то, что приятно ему....И познаете истину, и истина освободит вас.
> Отвечали ему: мы порода Авраама и ничьи рабы не были никогда. Как же ты говоришь: вы сделаетесь свободными?
> И отвечал им Иисус: вы сами узнаете, что всякий, кто делает ошибку, делается рабом ошибки.
> Но раб не остается в семье навсегда, а сын навсегда.
> Так что если сын вас освободит, то по настоящему будете свободны.

(Ин.VII, 16—18)
Отвечал на это Иисус и сказал: мое учение не мое, но того, кто послал меня.
Тот, кто захочет делать его волю, тот узнает об учении, что оно от Бога, или я сам от себя говорю.
Тот кто сам от себя говорит, тот рассуждает о том, что ему одному кажется; тот же, кто рассуждает о том, что кажется пославшему его, тот прав и неверности нет в нем.
И, войдя в храм, учит народ служению Богу духом, и народ дивится на его учение, на то, как мог он, простой человек, познать все это. Он говорит: это учение не мое, а это учение Бога — духа. Когда у него спрашивают доказательств истинности его учения, он говорит: одно есть доказательство, чтобы узнать, справедливо ли то, что он проповедует: надо испытать исполнять волю Отца — Бога, и тогда узнаешь, правда ли то, что он говорит от Бога ли, или сам выдумал. Воля же эта всем известна, она высказана Иисусом в своих проповедях о том, что Бог есть дух
(Ин. V, 36—47)
«Потому что те дела, каким научил меня Отец, чтобы я исполнял их, эти самые дела, какие я делаю, показывают обо мне, что Отец меня послал.
И Отец, тот, что послал меня, он показывает и показал обо мне, но вы ни голоса его никак не понимали и не понимаете, и не знали и не знаете, кто он.
И разумения его, такого, чтобы оно держалось в вас, не имеете в себе, потому что не верите тому, кого он послал.
Разберите в писании; вы по нем думаете иметь жизнь вечную. Оно-то и уверяет обо мне.
И вы не хотите верить мне, что будете иметь жизнь.
Суждения человеческие я не принимаю. (Не принимаю славы от человеков).
Но я узнал, что в вас нет правды и любви Божией.
Я учу вас от Отца моего, и вы не принимаете моего учения. А если кто другой будет учить вас сам от себя, того учение примете.
На что вы можете полагаться, когда принимаете учение от людей, а учение от единого, однородного Богу сына не ищете?»
Я учу вас от Отца моего и вашего, и вы не понимаете меня, а если кто вас будет учить от себя, вы тому поверите. На что вы можете положиться, когда друг от друга речи принимаете, а учения от такого же, как Отец, сына не ищете? Я не один показываю вам, что вы не правы перед Отцом вашим. Тот самый Моисей, на которого вы надеетесь, он показывает вам, что вы не правы и не понимаете его. Ес-

> ли бы вы полагались на то, что говорил Моисей, то вы бы полагались на то, что я говорю. Если не полагаетесь на его писание, то и моему учению не поверите».

Великий успех проповеди Небесного Царства Христа в том, что он сумел настолько пробудить духовную энергию в людях своим даром говорить поэтически о философии и этике, заменять точное знание «божественными логиями» своих притч, что дальше пробужденное им пламя Духа в душах людей уже само собой закономерно вело к нарастанию интеллектуального вопрошания, к острой жажде знания в поисках ответов, которые только были поставлены в евангелиях.

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Тотчас после падения Рима уже пробегают по всему христианскому миру первые тени той варварской ночи, где человеческий разум будет на краю гибели
> Начал спасать разум св. Августин; кончил — св. Фома.
> «Огненного искушения» разумом оба они «не чуждались», по слову Петра о христианских мучениках Нерона, «живых факелах»: страшную «смоляную рубаху», tunica molesta, надели оба. «Светочем живым» вспыхнул Августин, и «зажег разум всей христианской Европы», — сначала — в себе самом, потом — в Фоме Аквинском, потом — в Лютере и Кальвине, потом — в Паскале, и в скольких других еще зажжет! О, если бы зажег и в нас, в эту вторую «варварскую ночь», — каким бы светом озарился весь наш путь!»

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «старый, мудрый, святой Августин этого не знал и, не зная, прошел весь крестный путь мысли до конца — дострадал, долюбил, додумал Христа до конца: только так и могло совершиться движение Духа во времени, ибо даже в таком человечестве, каким оно было за две тысячи лет христианства, и даже в таком, каково оно сейчас, — „Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит“ (Ио. 3, 8)».

2. ГРАД БОЖИЙ АВГУСТИНА КАК СВОБОДА ОСОЗНАННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ СПИНОЗЫ. ТЕОКРАТИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Принято называть Августина детерминистом, который отрицал свободу воли. Опять таки потому, что до сих пор понятия законов природы и свободы воли принято противопоставлять как антитезу. Однако, как мы показали выше никакого противоречия между этими понятиями нет. Напротив, единственная свобода воли в нашем мире детерминированном законами природы, возможна только как знание и контроль законов природы. И именно человек, с его активным интеллектом, с его Мышлением и научным контролем обладает этой относительной свободой. Полная свобода устанавливать законы только у Господа-Творца. Человека Бог возвысил до себя уже тем, что дал ему Разум познавать и контролировать эти законы. Таким образом, само понятие свободы проистекает из детерминации мира законами природы. Это и есть спинозовская свобода как осознанная необходимость, ведь и Бог Спинозы и Бог Эйнштейна — это Бог-Интеллект, положивший в основе вселенной интеллектуальные формулы законов природы.

Спиноза прямо противопоставляет Евангелия Христа и Откровения Ветхого Завета как Естественный свет Разума и Сверхъестественный свет воображения, признавая истинность обоих откровений. И вот отец церкви, св. Августин уже развивает полноценную метафизику интеллекта и свободы как осознанной необходимости. Таким образом, мы не будем следовать грубой ошибки, и противопоставлять метафизику интеллекта Августина, как детерминиста — свободе воли. Та свобода, которая доступна человеку только на основе детерминизма и обретается.

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Тот вечный план, который раскрывается в истории, — не есть стихийный рок, а проявление божественной воли. Порядок причин, их коих все существующее вытекает с непреложной необходимостью, от века известен Богу и всецело определяется его волей. Челове-

> ская воля, как и все существующее, — включена в вечный мировой план; и она составляет звено в том порядке причин и следствий, который от века известен Богу и содержится в его предвидении. „Из этого не следует, — говорит Августин, — чтобы ничего в мире не зависело от нашей воли, а напротив — она предвидена Богом в числе необходимых причин“. Предвидение Божье нисколько не уничтожает свободы человеческой воли уже потому, что самая эта свобода включена в вечный Божественный план; действия наши предвидены Богом как свободные. Эта попытка согласовать человеческую свободу с вечным мировым планом, раскрывающимся в истории, не должна вводить нас в заблуждение относительно мировоззрения Августина в целом. Свобода, о которой он говорит, окажется мнимой свободой, если мы вспомним его теорию неодолимой благодати, действующей по предопределению».

В знаменитом споре о свободе воли с Пелагием, правда и истинная свобода воли на стороне Августина, хотя принято считать, что Пелагий отстаивал свободу воли, а Августин был ее противником как «детерминист». Трубецкой, излагая существо спора, прав в том, что Пелагий и Августин говорят о разных законах: для Пелагия это законы человеческие, «эмпирические», нормативные (то есть установленные людьми), а для Августина — это естественное право установленных Творцом законов природы. Первые законы всегда ложные (только если они не основаны на законах природы), и такая Богоподобная свобода воли устанавливать свои законы на деле оборачивается потерей истинной свободы — свободы научного контроля, так как потеряно научное мышление. А те законы природы, о которых говорит Августин — это и есть дорога к научному контролю и к свободе, которое человеку дает его мышление. Вот почему настоящую свободу защищает в этом споре вовсе не Пелагий, а именно Августин.

Трубецкой, как видно в ниже приведенной цитате, также правильно замечает, что Августин как рационалист, понимает Бога как Интеллект, и Проповедь Христа только как частный случай проявления этого интеллекта Бога-Творца. Соответственно, принимая догмат воплощения на словах, Августин отрицает Христа как Бога. Трубецкой неправ в другом: это не значит, что

Августин отступает от христианства, а совершенно напротив, это значит, что уже в 5 веке Августин дал ту единственно правильное научное понимание проповеди Христа, к которому человечество придет только в век научного мышления вместе с Ренаном, Толстым, Штраусом и другими исследователями «Исторического Иисуса».

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «В конце концов, оба проповедуют спасение по закону, оба возводят закон в абсолютный принцип. Но у Пелагия верховный принцип есть закон, как внешняя эмпирическая норма, от соблюдения которой зависит спасение, тогда как у Августина верховное начало есть предвечный Божественный закон, как предопределение. Коренное различие между тем и другим заключается в том, что у Пелагия исполнительница закона есть свободная человеческая воля, награждаемая за заслуги, а у Августина — благодать, действующая по предопределению. Один приписывает спасение одностороннему действию человека, другой — Божества. У обоих законнический элемент учения выражается в умалении богочеловеческой личности Христа. Ибо, если для Пелагия жизнь и страдание Христово есть лишь Его частная заслуга перед законом, лишенная всеобщего мирового значения, то и у Августина человечность Христа, как мы видели, есть лишь частное явление предвечного закона, и социальное действие благодати ограничено в своем объеме
> .....Уже раньше, при характеристике антиманихейских произведений великого отца церкви мы видели, что центральная идея христианства — боговоплощение, не есть центральный принцип его учения. То же следует сказать и о его антипелагианской проповеди. И здесь основным понятием является вечный порядок, закон, действующий как предопределение, а не богочеловеческая личность Христа»

Августин жил два века спустя после Теократии Естественного Права Антонинов. Синагоги Александрии, и философ Филон как их представитель, а также апостол Павел, одинаково обученный иудейской и греческой учености, были первыми центрами синтеза греческой метафизики со Священными Писанием иудеев, которые дали нам евангелие от Иоанна. Несомненно, что св. Августин, один из Отцов Церкви, которого равно считают своим учителем и католическая и протестантские церкви, был тем, кто

завершил этот синтез мудрости греко-римского мира и мудрости иудейских Священных Писаний.

Его Град Божий есть несомненно Теократия Естественного Права, как синтез платонизма и римского естественного права. Никто не сказал с такой определенностью, как это сделал Августин, о том, что Закон есть только Божий Закон, то есть законы природы установленные Богом, а значит Право может быть только Естественным Правом. Вот почему нормальное Общество в основе которого Закон, Право — это всегда Теократия Естественного Права, это всегда Церковь, где правит Закон Божий.

Так, Е. Трубецкой пишет в «Учении о Граде Божьем Августина»:

> «В «Граде Божьем» Августина учением о церковном авторитете роднится с миросозерцанием Платона, теократический идеал отца церкви насыщается римскими юридическими воззрениями. Подобно идеальному государству Платона, Град Божий, хочет быть царством сверхчувственной идеи. Если бы Платон видел, — читаем мы в одном из ранних произведений Августина, — как авторитет церкви обращает целые народы от служения плоти и ее страстям к единой божественной мудрости, от ложного и призрачного чувственного мира, где все течет и меняется, к сверхчувственной и неизменной истине, от обманчивого мнения к достоверному знанию и от многих земных благ единственному небесному благу, то Платон без всякого сомнения уверовал бы в божественность такого авторитета. Быть может, прибавим мы к этому, и римские юристы узнали бы в Civitas Dei свой идеал всемирного права и вечной незыблемой божественной правды.
> …Понятие всемирного божественного закона, осуществляющегося во всем и подчиняющего себе все, есть действительно центральное понятие миросозерцания Августина, как это будет нами показано ниже. Против манихеев, делящих вселенную на два царства, он отстаивает принцип божественного единовластия в космическом порядке. Но что же служит здесь высшим выражением божественной власти? Закон, которым Бог от века все упорядочивает, единый порядок, которым Он все нормирует, а не любовь, которой Он все к себе притягивает и все с Собой примиряет. Единый порядок — высшее проявление божественной власти, начало и конец всего сущего. С точки зрения теодицеи Августина, страдание или гибель — факт безразличный, так как сотворенное существо не в состоянии нару-

> шить порядок мироздания. Торжество закона равно выражается как в победе добра, так и в наказании зла.
> Христианский принцип божественной любви, для которой дорого всякое создание, отнюдь не центральная идея учения Августина. Верховный принцип у него не любовь, но порядок, закон, берегущий тех, кто ему противится. Любовь этой точки зрения не есть вообще отношение Бога к твари, а лишь частичное проявление вечного божественного порядка».

Если мы подробнее рассмотрим тот вселенский закон божий, который правит миром и который у Августина представлен как Град Божий — то есть как интеллектуальная архитектура в основе нашего материального мира — мы увидим. Что он развивает вполне современное учение о мире с позиций Энергетики: Мир есть Энергия, Движение, которое все можно объять в понятиях Равновесия и Неравновесия, в понятиях циклического гомеостаза детерминированных энергий. Все стремится к «миру» к «покою», то есть движение начинается в неравновесии. И между границ этих циклов неравновесия и покоем равновесия умещается все движение вселенной. Мы увидим позже, что знает Августин и разницу между устойчивым равновесием духовной и энергии и циклическим гомеостазом энергий материальных.

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Град Божий не есть только Союз Бога и людей; ему принадлежит универсальное, космическое значение. В нем не только человечество, но и вся тварь, начиная с ангелов и кончая массами неорганического вещества, — приходит к совершенному единству с создателем. Град Божий есть Верховный принцип мировой организации и конечная цель творения. Ибо в нем осуществляется вечный покой Творца, в котором каждое сотворенное существо находит подобающее ему место и назначение: человек как разумная тварь, находит свой покой в совершенном подчинении Богу, а низшая неразумная тварь успокаивается в совершенном подчинении человеку; ибо словами Писания человеку отдается власть над всеми скотами. Мир физический не упраздняется в идее царствия божьего, он подчиняется воле человека, который сам всецело подчинен воле Божьей. Покой есть конечная цель всякого движения: таков основной закон вселенной. Всякое существо стремится к своему естественном ме-

> сту в природном порядке, и не спокойно, пока оно его не достигнет. Только достигнув своего естественного места, тела прекращают движение, приходят в состояние равновесия, то есть покоя. Таким образом естественное тяготение тел есть ни что иное как стремление к покою и равновесию, — к миру. И мы тяготеем к тому что любим, любовь есть тяготение нашей души, которое приводится к покою и равновесию, когда мы обладаем тем, что любим. Всеобщий закон природы, мир есть вместе с тем образующее начало всех человеческих отношений, основной принцип общежития. Нет такого извращенного желания или порока, который был бы в состоянии уничтожить этот всеобщий, необходимый закон природы. И в страданиях, которыми наказуется наша греховная природы, болезненно ощущается утраченный мир и тем самым предполагается его существование, реальность».

Центральная мысль его сочинения относится однако к поискам нормальном человеческого общественного союза, который он и строит на основе вселенского божьего закона как Теократии естественного Права, то есть церкви. Эту церковь, эту теократию естественного права он противополагает Государству как неправому и нездоровому общественному союзу, основанному на грубой силе. В той мере в которой государство соглашается подчиняться вселенскому закону естественного права, то есть руководству церкви, оно признается «перемирием» с Градом Божьим до окончательного его поглощением церковью. В той мере в которой государство физического контроля (права сильного) противится руководству естественного права церкви оно остается Градом сатаны, — патологической организацией насилия и порока.

Именно учение Августина о Граде Божьем и стало тем развитием проповеди Христа о Царствии Небесном, которое дало силу средневековому папству выиграть битву с военной властью королей и императоров, и таким образом, образовать ту щель, как говорит Ж. Бенда, сквозь которую цивилизация проникла в наш мир.

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Требуется доказать, что Град Божий есть центральный мотив всемирной истории, что он есть безусловная провиденциальная цель,

к которой стремится все исторически существующее. Как вечное ядро и разумный смысл временной действительности, град Божий не протекает и не уничтожается подобно другим историческим явлениям, имеющим лишь относительное, условное значение: он предшествует созданию времени в вечном божественном плане, присутствует от начала в беге времени, непрестанно в нем сохраняется, раскрываясь постепенно, и переходит в вечность, переживая самую временную действительность. Он есть начало, середина и конец мирового процесса. Требуется не более не менее как всемирно-историческое исследование. Политеистическому миросозерцанию недостает вовсе понятия всемирной истории, как единого, планомерного целого. Против этого хаотического мировоззрения, дробящего действительность, Августин задается целью показать, что Бог властвует в истории. Бог, расположивший все в строгом порядке, предопределивший все мерою, числом и весом — не мог оставить неустроенными человеческие отношения. «Никак не следует о нем думать, чтобы законам его Провидения были чужды человеческие царства, владычество людей и их рабство» В истории человечества, как и во всем мировом устройстве господство Божества проявляется как стройный порядок. Он действует как Бог, а не как языческая Фортуна, случайно и необдуманно: сообразуясь с вечной провиденциальной целью, «ради порядка вещей и времен.

....Всматриваясь в его апологетическую деятельность, мы увидим, что она вся есть не что иное, как проповедь боговластия как всеобщего закона вселенной и принципа всемирной социальной организации. Постепенным упразднением ветхого Рима и созиданием нового, т.е. главным историческим делом той эпохи, определяются исторические рамки этой проповеди. Идеал всемирного вечного города, построенного не на шаткой человеческой основе, подверженной разрушению и гибели, а на вечном божественном фундаменте, — идеал града Божия, — есть ее начало, середина и конец. Чтобы убедиться в этом, попытаемся охватить одним взглядом апологетическую деятельность Августина в целом.

....деятельность Августина проникнута одной центральной идеей, одним историческим мотивом. Теократия, как закон вселенной, как принцип архитектурного единства церкви, как содержание религиозной жизни личности и обществ, — таковы три стадии этой деятельности, которая вся резюмируется двумя словами — Civitas Dei».

...Церковь есть носительница права и лишь через приобщение к ней государство становится сообществом права.... В подчинении церкви заключается спасение государства, «ибо государство всего лучше

устрояется и хранится, будучи основано и связано верой и прочным согласием, когда все любят общее благо; высшее же и истинное благо есть бог». В служении церкви государство находит истинное свое значение. С этой именно точки зрения Августин возражает против языческого воззрения, которое видит в христианстве антигосударственное учение. Ходячее в средние века сравнение церкви с солнцем, а государства с луной, заимствующей свет свой от солнца, а равным образом и теория двух мечей, светского и духовного, делающая церковь обладательницей и того и другого, соответствуют вполне мысли Августина, ибо средневековая теория следует программе, формулированной уже в пятом веке отцом и родоначальником латинского христианства».

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

«Промыслом, а не случаем установлена всемирно-историческая «связь-согласие», concordia, двух Римов, языческого и христианского, — учит Августин. Мир всего мира, нужный для шествия человечества к царству Божию, есть «Римский мир», pax Romana.

Как бы то ни было, вся душа средних веков, Теократия, — уже в «Граде Божием». Можно сказать, что Августин спас христианскую Европу от смерти: только что старая душа от нее отлетела, он вдохнул в нее новую. «Град Божий» будет любимой книгой Карла Великого, основателя Священной Римской империи. В самой черной ночи варварства путь христианского Запада будет озаряться, как вспыхивающей в тучах зарницей, огненным видением «Града».

«Первым синтезом всемирной истории» — назовет в переводе на наш язык книгу Августина один из свободнейших учителей Церкви, в конце средних веков, предтеча Реформации, Жерсон.

«В некоторых частях своей философии Августин (в „Граде Божием“) ближе к нам, чем Гегель и Шопенгауэр», — скажет ученый XIX века; можно бы прибавить: ближе, чем Нитцше и Бергсон. Это значит, по слову Гарнака, «первый человек наших дней — Августин».

В «Исповеди» — вечный спутник каждого христианина, а в «Граде Божием», — всего христианского человечества. Два великих открытия сделаны здесь Августином, во всяком случае: найдены два величайших новых понятия — Всемирная История и Человечество.

Сказанное впервые голосами всех веков и народов, как бы семью громами Апокалипсиса: «Adveniat regnum tuum, да приидет Царствие Твое», — вот что такое «Град Божий».

Все исполинское зодчество «града» напоминает кристаллической ясностью и стройностью систему Коперника и «Божественную комедию» Данте. Трудно поверить, что это величайшее и стройнейшее

> из всех когда-либо на земле воздвигнутых зданий (кроме, может быть, «Суммы» Аквината) построено на непрекращающемся землетрясении; что этот Божественный космос зиждется на человеческом хаосе, между двумя нашествиями варваров, — первым на Европу, вторым на Африку — между падением Рима и падением Гиппона, где Августин во время осады и умер, окончив «Град Божий».

3. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ ИИСУСА, КАК РАДИКАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ЦЕРКВИ ГОСУДАРСТВУ

Для своего времени поэтический язык Христа был единственно верным путем к сердцу простого народа, к широким массам. Однако, для становления христианской церкви уже одного Евангелия было мало как мы видели. Папская церковь встала на деятельности практической и теоретической таких мощных Отцов Церкви как св. Амвросий и св. Августин. Без Иисуса не было бы ни Амвросия, ни Августина; но и без них учение Христа не достигло бы своей цели, и ключи которые он дал Петру были только символом, открывающим строительство церкви, продолжающееся по сей день.

Теперь, когда учение Августина о Граде Божьем в полной мере объяснило нам что церковь Царствия Небесного есть Теократия Естественного Права, мы вполне можем понять, тот радикальный переворот к которому призывает Иисус как Реформатор и Революционер.

Будучи проповедником Духовной энергии поля интеллекта, Иисус строго отделяет Духовный союз людей через поля интеллекта от Левиафанов садомазохизма поля Эгосистемы. То что в Риме, давшем первый образец Теократии Естественного Права было еще смешано, так что Злые Императоры сменяли на троне Благочестивых Императоров, то в евангелии Иисуса получает жесткое разделение. Именно это разделение и символизирует ключи и камень Петра, на котором он сооружает божью церковь. Эта церковь не есть просто общество верующих, клуб общих интересов группы людей; эта церковь есть альтернатива го-

сударству, которая должна со временем одолеть государство и стать на его место как форма единственно нормальной и здоровой организации людей. Вот в чем смысл его радикальной реформы, о которой пишет Ренан в «Жизни Иисуса», и который подчеркивает А, Тойнби в «Постижении истории». Тойнби приходит к выводу, после длительного анализа истории церкви и государства, что только история церкви есть развитие и рост, линейное движение (движение духовной энергии поля интеллекта!); в то же время движение государства есть поверхностное круговое движение, бессмысленные войны в борьбе за власть. Церковь возрастет и утвердится, тогда как государство перестанет существовать, — приходит к выводу А, Тойнби, соглашаясь с Августином.

Ренан подчеркивает, что проповедь Царствия Небесного есть проповедь Революционера, который отвергает полностью государство как Левиафан грубой физической силы и отношений господства и подчинения и ставит на их место «Общество свободы» как духовный союз, как этику совести, сочувствия и справедливости, как законы другой духовной энергии человечества. Другими словами, проповедь Церкви как Теократии Естественного Права. И поскольку Свобода есть атрибут только духовной энергии человечества (ведь материальные энергии не имеют мышления), потому только церковь как теократия естественного права есть общество свободы. И наоборот, поскольку Левиафан поля Эгосистемы есть материальная энергия, то это общества тирании насилия, которые лишены свободы.

В конечном итоге, в проповеди Царствия Небесного Иисуса четко просматривается разделение церкви и государства как двух качественно отличных организмов, как добра и зла поля интеллекта и поля Эгосистемы в основе человеческих объединений. Град Божий есть духовный союз через поле интеллекта, где свобода проявляется как правление естественного права, как общий для всех научный контроль, как здоровье отношений совести и сочувствия «отцовско-сыновьей» дружбы человечества. И наоборот, Князь мира сего, как Иисус называет кесарей совре-

менных ему государств, «осужден и будет низвержен», ибо его мир есть мир сатаны, где сильные угнетают слабых. Это Град сатаны как физический контроль отношений господства и подчинения поля Эгосистемы, как правление произвола порочных людей.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Кажется также, что его знакомство с Иоанном — скорее в силу естественного хода его собственной мысли, чем вследствие влияния Крестителя, — дало возможность созреть его идеям о „Царствии небесном". С этого времени лозунгом его становится „благая весть" о близости царствия Божия. Иисус уже не является теперь услаждающим сердца моралистом, стремящимся заключить в нескольких живых и кратких афоризмах возвышенное учение; это великий революционер, пытающийся обновить мир до самого его основания и восстановить на земле постигаемый им идеал. „Ждать Царствия Божия" — становится синонимом приверженности к Иисусу. Это слово о „царствии небесном", как мы уже сказали, было издавна в употреблении у евреев. Но Иисус придал ему моральный смысл, общественное значение, которое даже сам автор книги о Данииле в своем апокалипсическом энтузиазме не мог предвидеть. В мире, каков он есть, царствует зло. Сатана — „князь мира сего", и всё ему повинуется. Цари убивают пророков. Священники и ученые сами не делают того, что приказывают другим. Праведники преследуются; единственный удел добрых — слезы. „Мир", таким образом, является враждебным Богу с его святыми; но Бог пробудится и отомстит за своих святых. День близится, ибо безнравственность достигла высшей своей точки. Наступает очередь царства добра. Пришествие этого царства добра будет великой и внезапной революцией. Будет казаться, что настал конец мира; так как его современное состояние дурно, то, чтоб представить себе будущее, достаточно представить себе нечто ему противоположное. И первые будут последними. Новый порядок будет управлять человечеством. Теперь добро и зло перемешаны между собой, как пшеница и плевелы в поле; господин дает им расти вместе, но настанет час насильственного раздела. Царствие Божие будет подобно огромному улову невода, который тащит и хорошую, и дурную рыбу; но хорошую опускают в кувшины, а остальную выбрасывают. Зародыш этой великой революции будет сначала не заметен. Он будет подобен горчичному зерну, которое меньше всех семян, но, брошенное в землю, оно превращается в дерево, под листья кото-

рого слетаются для отдыха птицы. Или этот зародыш уподобится закваске, которая, будучи положена в тесто, приводит его в брожение. Целый ряд подобных притч, часто весьма темных, должен был выражать всю внезапность этого нежданного события, кажущаяся несправедливость, которая его будет сопровождать, его неизбежный и окончательный характер. Кто же водворит это Царствие Божие? Вспомним, что первой мыслью Иисуса, мыслью настолько глубокой, что у нее, вероятно, не было определенного источника, и коренилась она в самом существе его натуры, было то, что он — Сын Божий, доверенный своего Отца, исполнитель Его желаний. Ответ Иисуса на подобный вопрос отнюдь не мог быть сомнительным. Убеждение в том, что он даст царствие Богу, всецело овладело его душой. Он смотрел на себя, как на всемирного реформатора».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Коренной переворот, охвативший самую природу — вот основная мысль Иисуса. С этой минуты он, без сомнения, отказался от политики; пример Иуды Гавлонита показал ему бесполезность народных возмущений. Никогда он не думал восставать против римлян и тетрархов. Необузданный анархический принцип Гавлонита не находил себе в нем почвы. Его подчинение установленной власти, в существе своем ироническое, по форме было полным. Он платил подать Кесарю, чтобы не вызвать в нем раздражения. Свобода и право — не от мира сего; зачем смущать и искажать свою жизнь пустыми мелочами? Презирая землю, убежденный, что существующий мир не стоит того, чтобы о нем заботиться, он удалился в свое идеальное царство; он основал учение о высшем презрении, истинное учение о свободе духа, которая только и может дать душевное успокоение. Но он еще не сказал: „Царство мое не от мира сего“. Много еще нелепого было в его самых определенных взглядах. Иногда в уме его проносились странные сомнения. В пустыне иудейской сатана предлагает ему царства земные. Не зная сил римской империи, он мог на основании энтузиазма, царившего в Иудее и вылившегося скоро в страшное вооруженное восстание, он мог, говорю, надеяться основать царство при смелости и многочисленности своих приверженцев. Быть может, много раз вставал перед ним вопрос высшего порядка: чем создается Царствие Божие, силой или кротостью, восстанием или терпением? Однажды, говорят, народ в Галилее хотел увлечь его и провозгласить царем. Иисус бежал в горы и оставался там некоторое время один. Его прекрасная натура спасла его от ошибки, которая сделала бы из него агитатора или вождя по-

встанцев, Февду или Бар-Кохбу. Революция, которую он хотел совершить, всегда была революцией в области морали; но он еще не дошел до того, чтоб доверить ее осуществление ангелам и звукам последней трубы. Он хотел действовать на людей и через людей самих. Мечтатель, у которого нет другой мысли, кроме идеи близости страшного суда, не употребил бы столько усилий для морального подъема людей и не создал бы самое прекрасное учение практической морали, какое только получало когда-либо человечество».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Действительно, он основал Царствие Божие, я хочу сказать, царство духа, — и если Иисус, взирая с лона своего Отца, видит те плоды, которые принесло его дело в истории человечества, он может по справедливости сказать: „Вот то, чего я хотел". То, что основал Иисус, что осталось от него навеки, — если исключить те несовершенства, которые примешиваются ко всякому делу, осуществляемому человечеством, — это учение о свободе духа. Уже греки имели и высказывали о ней прекрасные мысли. Многие стоики находили средство быть свободными под господством тирана. Но в общем античный мир представлял себе свободу связанной с известными политическими формами; свободными названы Гармодий и Аристогитон, Брут и Кассий. Истинный христианин гораздо менее связан какими бы то ни было цепями; здесь, на земле, он — изгнанник; какое может иметь для него значение преходящий земной владыка, когда земля — не его родина? Свобода для него — это истина. Иисус не знал хорошо истории, чтобы понять, насколько такое учение пришлось кстати тому времени, когда республиканская свобода угасла, а мелкие муниципальные конституции древности задыхались и растворялись в единой римской Империи. Но у него был надежный и чудесный руководитель в лице его удивительного здравого смысла и истинно пророческого инстинкта, раскрывшего ему истинный смысл его миссии. Словами своими: „Воздайте кесарево кесарю, а богови — божие" — он создал нечто далекое от политики, убежище для души среди господства грубой силы. учреждая огромный свободный союз, который в течение трехсот лет сумел избегнуть политики, христианство возместило полностью тот ущерб, который причиняло гражданским добродетелям. Благодаря ему власть государства была ограничена земными делами, дух освобожден или, по крайней мере, грозная пирамида римского всемогущества была разбита навсегда. каковы успехи партий в создании общей морали человечества? Если бы Иисус вместо основания царства небесного отправился в Рим, занялся бы заговорами

> против Тиверия или стал бы горевать о Германике, — что было бы с миром? Если бы он стал суровым республиканцем и пламенным патриотом, он не остановил бы великого движения событий своего века, между тем, как, объявив политику неважной, он раскрыл миру ту истину, что родина — это еще не все, что человек стоит впереди и выше гражданина».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Но то, что действительно отличает Иисуса от агитаторов его времени и всех веков вообще, — это его целостный идеализм. Иисус в некоторых отношениях — анархист, так как у него совершенно отсутствует идея гражданского управления. Это управление кажется ему простонапросто злоупотреблением. Он говорит о нем в выражениях колеблющихся, тоном человека из народа, не имеющего представления о политике. Всякий чиновник кажется ему естественным врагом людей Божьих: он объявляет своим ученикам, что им придется столкнуться с властями, и ни на минуту не допускает мысли о том, что это может быть стыдно. Но никогда в нем не видно искушения занять место богатых и сильных. Он хочет уничтожить богатство и власть, а не овладеть ими. Он предсказывает ученикам муку и преследования, которым они подвергнутся; но ни разу он не останавливается на мысли о вооруженном сопротивлении. Мысль о том, что всемогущество достигается страданием и смирением, что над силой можно восторжествовать благодаря чистоте души, — вот собственно чистая идея Иисуса. Иисус — не спиритуалист; ибо у него все обусловлено осязательной осуществимостью. Но это настоящий идеалист, материя для него — лишь символ идеи, — реальное, живое отражение невидимого. К кому же обращаться за помощью, чтобы основать Царствие Божие? Иисус никогда не задумывался на этот счет. Все, что есть высокого в понимании людей, все это в глазах Божьих ничто. Основателями Царствия Божия будут самые простые люди. Не богатые, не книжники, не священники — нет: это будут женщины, люди из народа, униженные и дети. Великий признак Мессии — благовествование нищим. Идиллическая, мягкая натура Иисуса берет здесь верх. Огромная социальная революция, где все общественные различия будут перемешаны, где все, что признается значительным в этом мире, будет уничтожено, — вот его мечта. Мир не уверует в него; мир его убьет. Но ученики его будут не от мира сего. Они образуют маленькую группу униженных и простых людей, которая победит своим самоуничижением. Чувство, которое сделало из понятия „мирянин" противоположность понятия „христианин", нашло себе в мыслях самого учителя полное оправдание».

ГЛАВА 3. ВОЙНА ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

1. Град Божий и Град Дьявола у Августина

2.Откровение Русской Классической Литературы. Д. Мережковский о войне Церкви и Государства

1. ГРАД БОЖИЙ И ГРАД ДЬЯВОЛА У АВГУСТИНА

Августин противопоставляет Церковь и Государство как Теократию Естественного Права, то есть общество правды и свободы порядка с одной стороны, и как Левиафан садомазохизма, то есть общество построенное на насилии и отношениях господства и рабства с другой стороны. При этом он относит языческий Рим Злых Императоров к Левиафанам садомазохизма, а наследие Рима Благочестивых Императоров в виде римского естественного права, как мы видели он адаптирует для Града Божьего.

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «В своей Civitas Dei он противополагает языческому царству не идеал нормального христианского государства, а церковь, — град Божий, как единственно нормальный общественный союз. В великом споре между христианством и язычеством государство на западе было действительно нулем в занимающую нас эпоху. Именно отрицательное отношение великого апологета к государству ведет к тому, что церковь в его глазах заменяет и упраздняет собой мирской союз, поглощая его атрибуты и функции. Замечательно, что рассуждая о правовом общении людей, Августин как бы забывает о существовании христианского мирского общества и говорит о церкви, как о единственно истинной правовой сфере. Самое умолчание здесь красноречивее всяких слов свидетельствует о том, до какой степени мирской союз в глазах великого отца церкви лишен цены и значения. Вне церкви нет правового поряд-

> ка; поэтому государство, чуждое церкви, ничем не отличается от шайки разбойников. «За удалением справедливости, — читаем мы в Граде Божьем, — что такое человеческие царства, как не большие разбойничьи общества?» Одна церковь на земле обладает всякой правдой; все что вне ее, есть разбойничье и бесовское царство. Из философских учений древности ближе всего подходит к христианству платонизм. Платон и его последователи обладают познание истинного Бога; в согласии с христианством и истиной они видят в нем конечную цель, к которой все должно стремиться.
> ...Крушение Рима не есть возмездие языческих богов: над ним совершаются судьбы всего земного, временного: «ибо всем земным царствам будет конец». Для Августина значение современных ему событий резюмируется известными словами пророчества Даниила. Нерукотворное царствие Божье разрушило все человеческие царства, сокрушило идолов; а само возрасло, обратившись во всемирное церковное здание, и овладело вселенной; так точно в известном видении Навуходоносора (Даниил, II, 34, 35) камень, отделившийся от горы без содействия человеческих рук, разбил великого истукана, вырос в высокую гору и наполнил собой землю. Разрушается город, к которому мы принадлежим в силу телесного рождения, но пребывает вечно тот, в котором мы духовно родились. Истинно вечный город имеет своим основанием небо, а не землю. «Что мы пугаемся гибели земных царств? — говорит Августин в говорит Августин в Civitas Dei, — Нам для того обещано небесное, чтобы мы не погибали вместе с земными».

Царствие Небесное или Град Божий на земле представлен Церковью. Задача Церкви есть война с Левиафаном государства, в котором сосредоточены силы зла дурной энергии человека. Существование государство может быть оправдано только его подчинением правовому порядку церкви — естественному праву вечного закона божьего, законам природы.

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Между тем тысячелетнее царство есть для него несомненно особая историческая эпоха, отличающаяся от всех предыдущих видимым объективным признаком. Начало тысячелетнего царствия Августин считает с того момента, когда церковь, отрешившись от узко национальных иудейских рамок, начинает распространяться среди других племен, обращаясь в союз общенародный. «Сатана связан», согласно предсказанию Апокалипсиса, в силу самого распространения

> церкви, которая вырвала из под власти его целые народы. Он «низвержен с высоты» и «заключен в бездну», то есть в сердца язычников и нечестивых, будучи уже не в состоянии вредить верным; он ограничен в сфере своей мощи. Наконец, слова Апокалипсиса: «и увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, относятся по объяснению Августина, прямо к земной церкви с ее епископскими престолами, с ее иерархами, имеющими власть вязать и решать, то есть судить. Этими словами, читаем мы в Граде Божьем, св. Писание рассказывает о том, что церковь делает после связывания диавола.
> Итак, тысячелетнее царство отличается рядом признаков и все признаки Августин находит в видимой церкви его времени. Рассуждая о земном царствии Христа, Августин трижды говорит, что оно рядом с пшеницей заключает в себе плевелы, и к этому главным образом сводится для него различие между земным тысячелетним царством и царством будущего века. Раз существует на земле царствие Христово, перед ним должны исчезнуть с лица земли всякие другие царства: как единственная форма истинного правового общения людей, оно упраздняет собой всех их. Все что враждует против церкви внутри ее, или противополагается ей извне как царство неверных олицетворяется для Августина апокалипсическим образом «зверя, выходящего из бездны».

И Августин в самом деле на самом глубоком психологическом анализе, который позволяет Мережковскому называть его ученым опытных наук и открывателем законов психики (как раздвоенность сознания, например) дает два Града — земной и небесный — как два психологических синдрома, полностью соответствующих в основных своих чертах тому что энергетика называет «полем интеллекта» и «полем Эгосистемы». Здесь надо сразу заметить, что Августин под Благодатью понимает истинную Свободу как свободу осознанной необходимости — как подчинение законам природы, без которого нет никакой науки, никакого разума, никакого духа и свободы. А под беззаконной свободой он понимает произвол Эгозащиты, который только кажется его носителям свободой, а на деле оказывается автоматизмами поля Эгосистемы, законов физического контроля насилия и подчинения. Хорошо об этой беззаконной свободе сказал С, Кьеркегор в «Болезнь к смерти», где он говорит о шизоидном

Гибрис-Эго как о «дьявольской упертости против Бога», которая на деле оказывается «воздушными замками королей без королевства» и «рабской несвободой». Благодать же Августина есть не только осознанная необходимость, но сама Духовная энергия, которая будучи здорова и развита в человеке всегда ведет к единству в этике совести, и к интуитивному знанию правды в законах собственного поля интеллекта.

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Та же противоположность и та же борьба благодати со свободой наполняет собой всю историю человеческого развития. В основе двух обществ лежат две любви: земное общество любит само себя до презрения к Богу; небесное общество, напротив, любит Бога до совершенного презрения к самому себе. Одно принимает славу от людей и одержимо страстью властвования, другое славится о Боге и живет в смирении и послушании Его воле. Одно следует желаниям плоти; другое напротив живет по божески и предназначено вечно царствовать со Христом.
>
> Как Град Божий, так и земное царство стремятся к миру. Но между тем как церковь ищет мира небесного, стремится к покою вечности, — земное царство стремится к миру земному, к совокупности наслаждения и пользования мирскими благами. Земное царство рассеяно по земле, разделено различными особенностями, но «связано некоторым сообществом одной и той же природы». Уже в лице Каина, основателя первого города на земле, сущность этого царства обнаруживается как братоубийство, раздор. Земные блага, которые в нем служат высшей, безусловной целью, не могут всех одинаково насытить, примирить и объединить. Земное царство в каждой части своей стремится господствовать над всеми; потому оно разделяется на отдельные царства, которые ведут между собой ожесточенные братоубийственные войны. В Вавилонском столпотворении та же злая сущность обнаруживается в самопревознесении себя земного царства, за которым следует смешение языков, то есть опять таки разделение. Основатель Рима, Ромул, — братоубийца, подобно Каину, — и история Рима есть беспрерывная война или междоусобие. Братоубийство Ромула означает внутреннее раздвоение земного царства, в коем братья сталкиваются и воюют между собой из-за земных благ, которые обоим одинаково служат целью. Ибо все хотят одного и того же — господства, власти и не могут жить все на сем свете. Во всеобщей взаимной борьбе одни царства возвышаются и приобретают главенство над другими»

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Противоположность благодати и беззаконной свободы от начала мира олицетворяется противоположностью двух ангельских царств. Еще до создания человека град Божий был обоснован в ангелах, которых Бог связал в единое общество, наполняя их собой, как общая всем жизнь и пища. Бог дал им свободу, так что они могли пребывать в боге или отпасть от него. Он не отнял этой свободы даже у тех, коих падение он предвидел, предпочитая употребить самое их зло на добро, нежели отнять у них свободу. Для ангелов, пребывающих в послушании, воля Божья есть закон.
>
> В противоположность этому обществу ангелов, где свобода приносит себя в жертву благодати, в сатаническом царстве она сама возводит себя в верховный, абсолютный принцип. Гордый и завистливый дух, сатана, не довольствуется тем, чтобы держать власть от высшего себя и хочет сам быть высшим, властвовать сам от себя: он отвращается от Бога к самому себе, делает себя центром вместо него и с какой то тиранической спесью предпочитает радоваться о своих подчиненных, чем самому быть подчиненным. Впоследствии средневековые папы для которых государство вне церкви было, как и для Августина, «диавольским обществом», почти буквально в тех же выражениях говорили о светских князьях, ослушниках их власти. Знаменитые слова папы Григория Гильдебранта в письме к Герману Мецскому: «Кто не знает, что цари и князья ведут свое начало от тех, которые не ведая Бога, гордостью, разбоем, лукавством, убийствами, наконец почти всеми злодеяниями, побуждаемые дьяволом, князем мира сего, в слепой своей алчности и в невыносимом самопревознесении присвоили себе власть над равными себе, то есть над людьми? И когда они стараются преклонить святителей к своим стопам, с кем можно сравнить их, как не с тем, кто глава всех сынов гордости?»
>
> Какого же спрашивается, отношение двух обществ в земном сожительстве?
>
> В идее Град Божий представляется безусловным отрицанием самостоятельного земного царства. Земное царство имеет право на существование лишь поскольку оно служит символом, образом небесного царства. Казалось бы, такая непримиримая противоположность исключает всякую возможность мирного сожительства между градом Божьим и земным царством. Но на земле, где праведные живут вместе с грешными и злыми, град Божий неизбежно приходит в столкновение с земным обществом, странствуя среди него. … Здесь на земле царствие Божье как здание отличается от царствия Божьего

> как общества святых, ибо на земле церковь еще борется со внутренним врагом, оно есть царство воинствующее...... На земле существует временный мир между обоими царствами.
> ....Церковь есть носительница права и лишь через приобщение к ней государство становится сообществом права. ... В подчинении церкви заключается спасение государства, «ибо государство всего лучше устрояется и хранится, будучи основано и связано верой и прочным согласием, когда все любят общее благо; высшее же и истинное благо есть бог». В служении церкви государство находит истинное свое значение».

Мы видели, что тот физический контроль поля Эгосистемы, который проявляется в войне всех против всех за власть, и который знали Иисус и Августин как зло сатаны больной человеческой природы, победил при дарвиновской парадигме, был оправдан и возведен на степень всеобщего закона здоровой человеческой природы. Теперь то, о чем Августин говорит как о сатанизме самой низкой деградации возводится во всеобщий принцип «борьбы за выживание сильнейшего». Мережковский выражает свое полное презрения возмущение амбициям Струве такого плана о «Великой России» как победительнице в звериной борьбе за право сильнейшего. Тем не менее, как всем нам известно, именно этот принцип не только в основе современного путинизма, но и все мировой «Революции Консерваторов», победивший демократической развитие всей тысячелетней мировой цивилизации. Они конечно проиграют, плывя против течения науки. Но без Открытия ПЭ и Научной Революции Энергетики, которая дает научное обоснование развитию этических религий, победить этого страшного дьявола бы не удалось.

Д. С. Мережковский «Красная Шапочка»:

> «Великая Россия для своего создания, — говорит Струве, — требует от всего народа, и прежде всего от его образованных классов, признания идеала государственной мощи». Этот идеал должен образовать «железный инвентарь нового политического и культурного сознания». Только государство и его мощь могут быть для настоящих патриотов путеводной звездой. Остальное — «блуждающие огни». Верховный закон государственной мощи для Струве определяется так: «Всякое слабое государство — добыча государства сильного».

> Надо есть других, чтобы не быть съеденным; народ народу — зверь. Этот закон природного, дочеловеческого, звериного бытия есть вместе с тем будто бы и верховный закон бытия государственного. Человек не зверь. Человек иногда не может не быть, но никогда не хочет быть зверем; не быть зверем и значит быть человеком. Уход от зверства и есть человечество. Так нам казалось; но вот оказывается, что все это революционная «романтика», «блуждающие огни», гнилые устои почти рухнувшей идеологии. Патриотизмом «великой России» должно отныне сделаться стремлением к новому, сознательному, оправданному культурному зверству, и это стремление должно образовать «железный», может быть, не только железный, но и кровавый «инвентарь нового культурного сознания» — почему же, однако, «нового», а не древнего? почему «культурного», а не варварского? Ведь именно безусловное принятие закона: слабый — добыча сильного, как закона верховного и единственного, восторженное преклонение перед зверством как перед абсолютной «мощью» и есть глубочайшая основа древнего варварства, пусть даже вечного и неизбежного, но с которым так же вечно и неизбежно вся человеческая культура борется.
> Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины; и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским; и если в такой любви к свободе вплоть до возможного отречения от родины состоит «банальный радикализм» — я хочу быть банальным.
> Как ни субъективны эти мои признания, они для Струве не могут не иметь и некоторого значения объективного. Я — член того «образованного русского общества», которому он предлагает свой идеал. По мне может он судить если не о всех, то о множестве подобных мне. Та же соль, которою все море солоно, должна быть и в каждой капле.
> Ежели русская соль — государственность в том смысле, как ее понимает Струве, то я пресен, как родниковая вода».

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «Человек по своей природе далек от того, чтобы быть толерантным. Человек — крайне тяжелое, скажем так, в общежитии существо. И ему сложно отказаться от своего эгоизма, от агрессивности, от хищнических инстинктов. Да он и не должен этого делать. Строго говоря, он и человеком-то стал благодаря всем этим качествам. Человек таков, какой он есть, и попытки придумать, что он другой, заканчиваются провалом, сколько бы времени вы ни потратили

> на объяснения и убеждения. Все равно в какой-то момент он встрепенется и скажет: «Постойте, постойте. Я мужчина и рожден мужчиной.
> …Начну эту главу с напоминания о том, что никто не отменял такой простой и элементарной вещи, как борьба за выживание. Причем человек выживает не только в формате один на один. Люди, как социальные животные, так или иначе все равно сбиваются в организованные структуры, высшей формой которых является государство. И государства находятся между собой в постоянной конкурентной борьбе»

2. Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ О ВОЙНЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

Папская церковь, совершив свой великий всемирно-исторический подвиг в борьбе с Левиафаном власти королей и императоров, в конечном итоге не устояла сама, и превратилась в Левиафан. То есть из союза духовного, из союза поля интеллекта и совести превратилась в союз садомазохизма поля Эгосистемы, в физический контроль отношений господства и рабства. Это исторический факт, особо подчеркнутый и отмеченный даже не современными учеными как А. Тойнби или Ренан, но прежде всего движением Реформации, которое не захотело признавать этот «Престол Сатаны» главой христианской церкви.

Мы уже говорили о причинах, как о регрессе сознания в магию поля Эгосистемы в условиях, когда знания христианской церкви стоят на полу-мифологическом материале и все еще очень далеки от научного знания. Тем более что Иисус через обожествление был превращен в идол, и философское значение его интеллектуального и духовного наследия было таким образом частично профанировано в «сказке» о приключениях божества на земле. При таких условиях сползание в магическое сознание поля Эгосистемы было неизбежно с течением времени. Ну а поле Эгосистемы функционирует соответственно своим законом, и всегда заканчивает строительством Левиафана. Об этом регрессе католической церкви в Левиафан хорошо сказано у Тойнби, я приводила его цитаты в предыдущих кни-

гах. Г. Уэллс в «Новом мировом порядке» очень негативно отзывается о влияние католической церкви на современные ему события, заранее оговаривая, что его друг Г. Честертон хоть и католик, а самый замечательный человек на свете. Т. Манн в «Волшебной горе» сравнивает католическую церковь с русскими коммунистами и построенной ими системой насилия. Задолго до всех этих ученых, свое слово о деградации католической церкви в магические ритуалы идолопоклонства и о ее негативном влиянии на ход цивилизации сказал Э. Гиббон в «Истории упадка и падения Рима».

Однако, если все эти исследователи говоря о падении Папской церкви, все же согласны в том, что средневековая история католической церкви составит «вечную славу католичества» по слову Огюста Конта, они не находят таких слов для церкви православной, которая с самого начала своей истории оставалась на службе у государства. Тойнби сожалеет о падении Папской церкви как «уникального института», но о византийской православной церкви он сразу говорит как о бесполезном и даже вредном институте как помощнике деспотической власти. В том же духе пишут о византийском православии и русские писатели и реформаторы: Герцен, Толстой, Мережковский, Трубецкой.

Таким образом, христианская церковь как католическая так и православная больше не могли быть той Воинствующей церковью со злом «зверя», воплощенного в Левиафане государства, которую создал Христос, вручив ключи Петру, и которую утвердил Августин, развив учение о Теократии естественного права.

Тем не менее, для Мережковского, Толстого, Достоевского этот факт вовсе не означал, что Церковь как Духовный союз поля интеллекта противопоставленный Левиафану садомазохизма поля Эгосистемы не может возродиться вновь. И вновь возглавить войну против языческих Левиафанов грубой силы, насилия и рабства, невежества и лжи.

Эта мысль является центральной идеей всех религиозных поисков Мережковского, который пронизывает историю и лите-

ратуру России самым глубоким испытующим взглядом с тем, чтобы найти и показать всем эти поиски «Града грядущего» как душу русского народа. Он шлет проклятье русскому самодержавию как «Царству Зверя» в одноименной трилогии, рассказывающей о благородной, но незрелой борьбе декабристов с царизмом. Он сожалеет об ограниченности русских революционеров, которые хотят сделать революцию без Бога, без Теократии естественного права Христа, без истинной церкви и истинной свободы. Он шлет проклятие русским коммунистам, этим «маленьким дьяволам», которые не понимают, что нельзя спрятать Евангелие от человечества, и что их нелепые попытки скрыть от народа слово Божье приведет к невиданному до сих пор взрыву любви к Христу. Он связывает все свои надежды с настоящей революцией, революцией христовой, которая одна только одолеет дьявола Левиафана, и даст людям свободу и правду здорового духовного союза — правду теократии естественного права. И он предсказывает, что на пути у истинной революции, у религиозной революции встанет настоящий дьявол. Не «маленькие дьяволы» коммунисты, которые откровенно прячут Евангелие, а большой дьявол Антихрист, который будет утверждать свой Левиафан сатанизма именем Христа.

Д. Мережковский, «Иисус Неизвестный»:

> «Русские коммунисты, маленькие дьяволы, «антихристы», служат сейчас Христу, как давно никто не служил. Снять с Евангелия пыль веков — привычку; сделать его новым, как будто вчера написанным, таким «ужасным» — «удивительным», каким не было оно с первых дней христианства, — дело это, самое нужное сейчас для Евангелия, русские коммунисты делают так, что лучше нельзя, отучая людей от Евангелия, пряча его, запрещая, истребляя. Если бы только знали они, что делают, — но не узнают до конца своего. Только такие маленькие, глупые дьяволы, как эти (умны, хитры во всем, кроме этого), могут надеяться истребить Евангелие так, чтобы оно исчезло из памяти людской навсегда, Тот, настоящий, большой дьявол — Антихрист — будет поумнее: «Христу подобен во всем».
>
> Нет, люди не забудут Евангелия; вспомнят — прочтут, — мы себе и представить не можем, какими глазами, с каким удивлением

и ужасом; и какой будет взрыв любви ко Христу. Был ли такой с тех дней, когда Он жил на земле?»

Д. С. Мережковский «Революция и Религия»:

«Русское самодержавие уходит корнями своими через Византию, Вто-
рой Рим христианский, в Первый Рим языческий и еще далее, в глубину веков, в монархии Востока. Рушится здание тысячелетней древности, тысячелетней крепости, твердыня, которая служила оплотом всех реакций и о которую разбивались все революции. Последняя, глубочайшая основа этой твердыни, — не только социально-политическая, но и религиозная.
низвержение русского единовластия, имеет великий смысл религиозный. Для того чтобы понять этот смысл, следует рассматривать русскую революцию, как одно из действий и, может быть, именно последнее действие трагедии всемирного освобождения; тогда первое действие той же трагедии — Великая французская революция. Римское папство и русское царство суть две попытки «теократии», т. е. религиозной политики, осуществления града Божиего в граде человеческом.
а в реальности наоборот: небесное поглощалось земным, церковное — государственным; глава государства становился главою церкви, кесарь несомненно-языческого Первого Рима — первосвященником сомнительно-христианского Третьего Рима.
Этот византийский уклон привел старую Россию к тому же, хотя с другого конца, к чему пришла и средневековая, католическая Европа, — к борьбе государства с церковью.
Обе эти ложные теократии двумя различными путями пришли к одному и тому же: западная — к превращению церкви в государство; восточная — к поглощению церкви государством; в обоих случаях — одинаковое упразднение Церкви, царства любви и свободы, царства Божиего — государством, царством вражды и насилия, царством безбожия.
Православное самодержавие оказалось невозможным равновесием, реакцией в революции, страшным висением над бездною, которое должно кончиться еще более страшным падением в бездну.
Посеянное при Александре I в бескровном либерализме взошло при Николае I кровавою жатвою.
Религиозное и революционное движения русского общества, дотоле разъединенные, впервые соединились в Декабрьском бунте. Наиболее сознательные и творческие вожди декабристов — Раевский, Рылеев, кн. Одоевский, Фонвизин, барон Штейнгель, братья Муравьевы

и многие другие вышли из мистического движения предшествующей эпохи. Подобно народным сектантам и раскольникам, все это люди «настоящего града не имеющие, грядущего града взыскующие», — другого града, другого царства, потому что и «другого Бога».
«Православного Катехизиса» братьев Муравьевых:
«Вопрос. Не сам ли Бог учредил самодержавие?
Ответ. Бог в области своей никогда не учреждал зла. Злая власть не может быть от Бога.
Вопрос. Какое правление сходно с законом Божиим?
Ответ. Такое, где нет царей. Бог создал нас всех равными.
Вопрос. Стало быть, Бог не любит царей?
Ответ. Нет. Они прокляты суть от Бога, яко притеснители народа, а Бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый, желающий знать суд Божий о царях, книгу Царств, главу восьмую: Возопиете в то время из-за царя вашего, которого выбрали вы себе, но не услышит вас Господь. — Итак, избрание царей противно воле Божией.
Вопрос. Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?
Ответ. Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: да будет всем един Царь на небеси и на земли — Иисус Христос».
Прочтя это место, император Николай I написал на полях: «Quelle infamie! — Какая гнусность!»
Следовало совершиться всему, о чем декабристы не смели мечтать и что теперь на наших глазах совершается, — следовало разразиться русской революции, для того чтобы мы, наконец, поняли религиозное значение того, что высказано в этих забытых и никакого реального действия не имевших листках «Православного Катехизиса»; чтобы мы догадались, что здесь поставлен религиозный вопрос о власти так, как он никогда в истории христианства не ставился.
Здесь впервые Благовестие, Евангелие Царствия Божия понято и принято не как мертвая, идеальная и бесплотная отвлеченность, а как живая, действенная реальность, как основание нового религиозно-общественного порядка, абсолютно противоположного всякому порядку государственному.
В «Православном Катехизисе» декабристов критикуется глубочайшее
мистическое основание не только самодержавия, но и какой бы то ни
было государственной власти. Да всем будет один царь на земле и на небе, — Христос — это чаяние русских искателей града гряду-ще-

го неосуществимо ни конституционною монархией, ни буржуазной республикой, о которой мечтали тогдашние, — ни даже республикой социал-демократической, о которой мечтают нынешние революционеры; оно осуществимо только абсолютною безгосударственностью, безвластием как утверждением боговластия.

Так, в первой точке русской политической революции дан последний предел революции религиозной, может быть, не только русской, но и всемирной.

Приходило ли, однако, в голову составителям «Православного Катехизиса», что он столь же не православный, как и не самодержавный? Русские святители не могли бы, конечно, не согласиться с мнением русского царя «Quelle infamie! Какая гнусность!» И согласились, действительно.

Так Царство Божие русский царь объявил «гнусностью», а русскую церковь — «крамолою».

...Так Достоевский совершил полный круг своего развития: начал с революции политической, кончил революцией религиозной.

За что посажен в Шлиссельбургскую крепость Новиков, только помысливший о Царстве Божием; за что повешены декабристы, впервые сказавшие: «да будет всем один Царь на земле и на небе — Христос»; за что объявлен сумасшедшим Чаадаев, который только и делал, что говорил: «да приидет Царство твое»; за что погиб Гоголь, бежавший из мертвого царства мертвых душ, — то самое сказано и в этом предсмертном завете Достоевского:

«Церковь есть воистину царство и определена царствовать, и в конце своем должна явиться как царство на всей земле».

«Царство Божие» — озаглавил Л. Толстой произведение свое, посвященное проповеди религиозной анархии.

Он первый показал, какую неимоверную силу приобретает отрицание государства и церкви, делаясь из политического религиозным, показал место, где находится рычаг, которым может быть разрушено всякое государственно-церковное строение. Но сам не сумел взять в руки этот рычаг.

Толстой провозглашает анархию, Достоевский — теократию; Толстой отрицает государство как царство безбожно-человеческое, Достоевский утверждает церковь как царство богочеловеческое. Надо соединить отрицание Толстого с утверждением Достоевского, для того чтобы между этими двумя столкнувшимися тучами вспыхнула первая молния последнего религиозного сознания, последнего революционного действия.

Безмолвное недоумение Шлиссельбургского узника Новикова, мла-

денческий лепет декабристов-мистиков, тихая молитва сумасшедшего Чаадаева, громкий смех Гоголя, неистовый вопль бесноватого или пророка Достоевского, подземный ропот слепого титана Л. Толстого, глас вопиющего в пустыне Вл. Соловьева — все они твердят одно и то же: да приидет Царствие Твое. У всех бессознательная стихия религиозная соединяется со стихией революционною. Но религиозное сознание и революционное действие соединились только на один миг, в одной точке обоих движений, в декабристах, и тотчас опять разошлись. Русская революция совершается помимо или против русского религиозного сознания; и это сознание развивается помимо или против русской революции. Революция без религии или религия без революции; свобода без Бога или Бог без свободы.
Нам предстоит соединить нашего Бога с нашей свободой, нам предстоит раскрыть единую мысль в обоих движениях; это — мысль о Церкви как Царстве Божием на земле: Да приидет Царствие Твое».

Д. С. Мережковский «Пророк Русской Революции Достоевский»:

«Но может быть оба зверя борются только до тех пор, пока не соединятся для борьбы с общим врагом — с Агнцем. Тогда то снова в Третьем Риме, как некогда в Первом, «произойдет столкновение двух самых противоположных идей, которые когда-либо существовали на земле», — ЧеловекБог встретит БогоЧеловека, Антихрист — Христа.
Достоевский вложил этот меч в наши руки. Сам он только и делал всю жизнь, что выковывал и оттачивал его, но не поднял в бою, потому ли что не успел, или не наступил еще срок для последнего боя.
Во всяком случае одна черта отделяет сознание Достоевского от нашего религиозного сознания — борьбы с Грядущим Зверем под личиной Господа Грядущего — в апокалипсических чаяниях и ужасах русского народа о самодержавии.
В его последнем величайшем и наиболее синтетическом произведении, в «Братьях Карамазовых»,, дана уже почти совершенная формула этого сознания; уже почти вскрывается неразрешимое противоречие между Церковью и Государством, как между абсолютною истиной и абсолютною ложью, Царством Божьим и Царством дьявола..
О смешении этих двух царств говорит недаром в первых же главах романа не кто иной как Иван Карамазов, ученик Великого Инквизитора, старцу Зосиме, ученику или учителю самого Достоевского.
«Церковь должна заключать в себе все государство, в не занимать

в нем лишь некоторый угол, и если это теперь невозможно, то должно быть поставлено прямою и главнейшею целью всего дальнейшего развития христианского общества.... Таким образом не церковь должна искать себе места в государстве, а напротив всякое земное государство должно впоследствии обратиться в церковь вполне и стать не чем иным как церковью».

Ученый монах, о. Паисий, обостряет и доводит до конца эти мысли Ивана Карамазова:

«Не церковь обращается в государство. То Рим и его мечта. То третье дьяволово искушение. А напротив государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, — что совершенно противоположно Риму...»

«Церковь есть воистину царство и определена царствовать и в конце концов должна явиться как царство, на всей земле несомненно, на что имеем обетование...»

И старец Зосима подтверждает:

«Общество христианское пребывает незыблемо в ожидании своего полного преображения из общества, как союза почти еще языческого, во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено свершиться»

И если Иван Карамазов допускает «необходимый еще в наше грешное и не завершившееся время компромисс», то старец Зосима возражает:

«Церковь с Государством сочетаться даже и в компромисс временный не может. Тут нельзя уже в сделки вступать».

Только этою непримиримостью меч Христов и заостряется до последней остроты для последней битвы со Зверем.

Заострение этого серпа и есть теократическое сознание. Борьба между государством и церковью — борьба на жизнь и смерть. Всему, чему государство говорит абсолютное «да», церковь говорит абсолютное «нет». Как невозможен переход абсолютной лжи в абсолютную истину, дьявола — в Бога, так невозможен и переход Государства в Церковь. Возможен только переход общества в Церковь, и этот переход, естественная эволюция, действительно совершается во всемирно-историческом процессе. Теократическое сознание вскрывает неразрешимое противоречие между Государством и Церковью и постепенный переход эволюции становится революцией, история — апокалипсисом, самой разрушительной и убийственной для государства революцией. Религиозная революция — предельная и окончательная, ниспровергающая всякую человеческую власть,

> всякое государство в его последнем метафизическом основании. Это тот малый камень, пущенный из пращи Божьей, который разбивает глиняные ноги Истукана в видениях пророка Даниила. Это — та малая искра, которая взрывает пороховой погреб, так что не остается камня на камне. «Огонь пришел Я низвесть на землю и как томлюсь, чтоб он возгорелся» Будучи внутри себя величайшим порядком, властью, теократия будет казаться величайшим бунтом».

В своей полемике с Е. Трубецким, который утверждал по видимому, что церковь не может существовать вне границ национального государства, Д. Мережковский выходит из себя, отстаивая свой идеал единой Вселенской Церкви как Теократии Естественного права вечного закона всего человечества. Всечеловества, как говорит Мережковский, не признававший национализма и патриотизма Левиафанов. И если сейчас невозможно подчинить государства единой вселенской церкви, говорит он, то их необходимо разделить. Единство церкви и государства, где церковь подчинена государству как департамент или министерство в его понимание соответствует тому, что Томас Пейн называет «преступным союзом церкви и государства». Или тому, что Л. Толстой в «Царствии Божьем в ваших сердцах» именует порочностью всех современных ему церквей как помощниц лжи и тирании государства. Потому мысль Мережковского в том, что минимальная безопасность общества может быть достигнута только в том, чтобы хотя бы разделить эти два института, как это было прекрасно сделано в средневековье католической церковью. Современная католическая церковь хоть и не подчинена государству, но сама превратилась в Левиафан государства. Таков общий приговор мыслителей.

Действительно, Международный Институт естественного Права, который провозглашает Открытие ПЭ и Научная Революция Энергетика как раз и стал бы таким разделение церкви и государства как духовного союза поля интеллекта с одной стороны, и Левиафана поля Эгосистемы с другой стороны. И в полном соответствии с теорией Града Божьего Августина очистил и оправдал бы Государство, подчинив национальные правовые системы единому всемирному естественному праву, теперь уже

на основе настоящей объективной науки — на основе открытия психической энергии.

Д.С.Мережковский «Христианство и Государство»:

> «Христианство не преодолело государства; но и государство в христианстве утратило тот абсолютный смысл, который имело в язычестве, — перестало быть религиозной целью и сделалось эмпирическим средством.
> Да, недаром и не случайно у моего критика это забвение церкви как реального пути к всечеловечеству. Ведь главная сущность всего старого порядка в России и есть поглощение церкви государством, превращение церкви в «департамент дел духовных». Петр, основатель русского абсолютизма, и основал его на этом именно смешении «кесарева с Божиим". Достоевский видел, что „русская церковь в параличе с Петра Великого»; но откуда паралич, не видел или не хотел видеть.
> И напрасно, возражая мне, князь Е. Трубецкой ссылается на Достоевского, как будто я его не знаю: знаю и отрицаю именно здесь, в отношении к церкви.
> То превращение государства в церковь, в котором Достоевский видит спасительное будто бы отличие «богоносной» России от «безбожной» Европы, — еще больший соблазн, чем превращение церкви в государство, папы в кесаря, которое, по мнению Достоевского, происходит в католическом Риме. Пока нельзя соединить, лучше отделить, чем смешивать. Отделение церкви от государства — вот если не последняя, то первая, если не богочеловеческая, то человеческая, но все-таки святая правда современной европейской культуры. А Россия не только не прошла через нее, но и не дошла до нее. Просвещенному христианину Запада, принявшему ту святую правду, показался бы кощунственным «истинно русский» вопрос князя Е. Трубецкого: возможно ли всечеловечество вне национальной государственности? Если оно невозможно, то церковь — «пустой звук», христианство — «пустой звук», Евангелие, благая весть о царстве Божием на земле, как на небе, — «пустой звук».
> Понятно и правдиво подобное утверждение в устах откровенного язычника. Но удивительная необдуманность со стороны христианина — это исповедание Христа на словах и «Князя мира сего» на деле. «Если падши поклонишься мне, я дам тебе все царства мира».
> Так называемая «христианская государственность» или «государственное христианство» есть не что иное, как поклонение Христа «Князю мира сего».
> Действительное отделение церкви от государства неизмеримо зна-

чительнее и глубже того, которое доныне происходило в истории христианства.

Церковь только до тех пор жива и действенна, пока борется с государством, утверждая свою особую, внегосударственную и вненациональную, всечеловеческую правду, «Царство Божие на земле, как на небе».

Всякая революция, достойная этого имени, утверждает — пусть на одно мгновение, на одной высшей точке своего подъема, но все-таки неизменно и неотразимо утверждает вненациональный и внегосударственный идеал, не менее, а может быть, и более, чем исторические церкви, вселенский, всечеловеческий, — тот идеал «свободы, равенства и братства», который ни в каком народе и ни в каком государстве осуществиться не может, т. е. в последнем счете утверждает «Царство Божие на земле, как на небе».

Государственность — эмпирически-необходимое средство, но не религиозно-свободная цель человечества. Не человек для государства, а государство для человека. Когда же в относительной и преходящей правде национальной государственности утверждается, как делает князь Е. Трубецкой, безусловная и вечная правда всечеловечества, тогда из эмпирического средства государство становится мистическою целью, из доброго, домашнего животного, коня или вола — в хищного «зверя», в «самое холодное из чудовищ», по слову Ницше, в того «Левиафана», который уже не человеку служит, а человека пожирает. Религия государственности и есть не что иное, как поклонение «зверю».

ГЛАВА 4. «ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК» ПАВЛА. «О СВОБОДЕ ХРИСТИАНИНА» ЛЮТЕРА

1. Закон Моисея как Нормативное Право. Тирания Нормативного Права и Свобода Естественного Права.

2. О Спасении Верой. Переход к научному контролю поля Интеллекта

1. ЗАКОН МОИСЕЯ КАК НОРМАТИВНОЕ ПРАВО. ТИРАНИЯ НОРМАТИВНОГО ПРАВА И СВОБОДА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Мы уже видели из предыдущего исследования, что мы легко находим объяснение всем внутренним конфликтам христианской церкви, начиная уже с конфликта Моисея и Золотого Тельца, фарисеев и пророков, фарисеев и Иисуса, и потом уже Петра и Павла, Лютера и Католиков, — мы легко находим объяснения этим конфликтам если даем объяснение в терминах энергетики. То есть весь ход становления христианской церкви, который продолжается по сей день, есть переход от магического сознания поля Эгосистемы к научному сознанию поля интеллекта и совести. Другими словами, от чуждой материальной энергии к разумной, живой, здоровой энергии Духа. И поскольку сделать этот переход возможно только с открытием психической энергии (то есть познанием законов обоих силовых полей психики), то первичные знания о двух полях психики (добро и зло в человеке, первородный грех) в Откровении наполовину мифологического языка недостаточны. В результате, все попытки перехода заканчивались до сих пор регрессом и сползанием обратно в магическое сознание, так как без знаний законов психической

энергии невозможно удержаться на поле интеллекта. Таким образом, конфликт Моисея и Золотого Тельца, фарисеев и пророков, Иисуса и фарисеев постоянно воспроизводился заново в истории церкви, начиная уже с конфликта Петра и Павла.

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Павел, так же как Иисус, уже о Законе не спорит, а стоит вне Закона. «Ваш закон; их закон», — говорит Иисус, в IV Евангелии (8, 17; 10, 34; 15, 25).Правы Иудеи, восставая на Павла, так же как на самого Иисуса, за то, что он «учит людей чтить Бога не по Закону» (Д. А. 18, 13).
> ...Кажется, самим Иисусом, в предсмертную ночь, на Тайной Вечере, предсказаны всемирно-исторические судьбы Церкви, в этой «великой распре» между Петром и Павлом: «Симон! Симон! вот сатана просил (у Бога), чтобы сеять вас, как пшеницу (сквозь сито). Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя, и ты некогда, обратившись (покаявшись), утвердил братьев твоих» (Лк. 22, 31–32). Вечная распря между Петром и Павлом — не одно ли из этих «диавольских сит»?
> Через пятнадцать веков вспыхнет снова, уже всемирным пожаром, все та же «великая распря» между Петром и Павлом, в Протестантстве-Реформации, и люди поймут или все еще не поймут, что значит: «другой поведет тебя, куда не хочешь».
> ...Но тщетно пытается Лука, «врач возлюбленный» (Кол. 4, 14), исцелить эту зияющую рану Церкви — «великую распрю» Петра и Павла: через пятнадцать веков, в протестантстве, Реформации, рана зазияет снова и уже не исцелит ее никто, кроме одного Врача.
> ....рождением того, что мы называем так узко и плоско «Протестантством», «Реформацией», а на самом деле, чего-то бесконечно большего. Лютер, Кальвин, Паскаль, и мы все, и то, что за нами, до конца времен, — в св. Августине, за эти сорок лет, родилось».

Здесь мы видим, что Мережковский говорит о конфликте Петра и Павла как продолжении конфликта Иисуса и фарисеев, и подобно Толстому однозначно ассоциирует фарисеев с католиками и православными своего времени, против которых, подобно Иисусу и Павлу, и вслед за ними, встанет Реформация. Между Павлом и Лютером — Августин в «этом движении Духа от Иисуса к нам», как говорит Мережковский. Действительно, мы можем четко сформулировать закономерность этого движе-

ния Духа в терминах Энергетики: переход от магического сознания поля Эгосистемы к научному контролю поля Интеллекта и совести.

Мы видели, что Августин развил учение Христа в Теократию Естественного Права в своем знаменитом исследовании «О Граде Божьем»: он противопоставил Теократию естественного Права поля интеллекта (Civitas Dei, Град Божий), — Левиафану поля Эгосистемы (Civitas Diaboli, Град Дьявола). Действительно, также и Иисус, развивая учение пророков и особенно Исайи, говорит о том, что Князь мира сего будет осужден и низвержен в Судный день. В то же время, Августин развивает теорию о том, что на земле где праведные и порочные вынуждены жить вместе до судного дня, Град Божий и Град Дьявола могут сосуществовать, объявить перемирие (Concordia) в том случае, если земные государства физического контроля усвоят себе Естественное Право, Божий Закон хотя бы в качестве идеала, к которому будут стремится. Таким образом, если Церковь Божьего Закона или Теократия Естественного Права, что одно и то же в конечном итоге, станут направлять государства физического контроля (права сильного, отношений насилия и подчинений), то есть духовно их себе подчинят, то такое перемирие между Градом Божьим и Градом Дьявола в виде государств, основанных на насилии, возможно.

Эти Государства и есть современные Государства Нормативного Права, или правовые государства, которые, как говорит Поппер, вводят свои правые системы угрозой наказания через силовые институты. Действительно, в основе современных государств и похвальные тенденции к гуманизму, свободе и этике, и в то же время тяжелая коррупция, которая часто опрокидывает все эти тенденции, показывая, что они все еще остаются словами, и обществом движет физический контроль поля Эгосистемы. Именно потому, то что могло бы называться Естественным Правом, все еще вводится силовыми институтами, угрозой наказания, а вовсе не системой образования и не исходит естественным образом из развитой духовной энергии граждан.

Эта тема принципиального различия между Нормативным Правом, которое вводится силовыми институтами под угрозой наказания, и Естественным Правом, которое не нуждается в угрозах для его реализации в обществе, потому что зрелая духовная энергия естественно живет законами совести и справедливости — есть тема «Богословско-политического трактата» Спинозы. Пока развитие поля интеллекта не достигло уровня полной свободы от поля Эгосистемы и все еще подвержено «первородному греху» физического контроля насилия и рабства — общество нуждается в силовых институтах, чтобы утверждать законы этики (совести, справедливости, сочувствия) угрозой наказания. А Церковь естественного Права остается отдельным направляющим институтом, идеалом, к которому должно стремится всякое государство. По ходу развития духовной энергии, по ходу становления научного контроля, по ходу избавления от поля Эгосистемы здоровое поле Интеллекта больше не будет нуждаться в насильственном утверждении закона этики, потому что теперь это естественные закономерности поля интеллекта — совесть, справедливость, сочувствие. И тогда раздвоение между церковью и государством перестанет существовать в единой Теократии Естественного Права. В этих рассуждениях Августин «Додумывает» Евангелия Христа, а Спиноза «додумывает» «Град Божий» Августина в «Теолого-политическом трактате».

Там же Спиноза говорит о Моисее как о политическом деятеле — учредителе Государства Нормативного Права Израиля, то есть государства, где правила морали вводятся силовыми институтами под угрозой наказания. И там же он отделяет от Моисея Христа как того, кто впервые заговорил о Теократии Естественного Права, где развитый ум и дух взрослых людей (он считает древние племена — детьми) уже не нуждается в том, чтобы вводить правила морали под угрозой наказания силовыми институтами. То есть о Церкви или Граде Божьем, который, по уверению А. Тойнби в «Постижении истории» есть конечная цель человеческой эволюции, победитель государства.

Спиноза, «Теолого-политический трактат»:

> «что Моисей научил их чему-нибудь иному, кроме образа жизни; к тому же он учил не как философ, желающий добиться, чтобы они в конце концов руководились свободою духа, но как законодатель, надеясь принудить их жить хорошо под давлением силы закона. Поэтому для них хорошее поведение или истинная жизнь, служение богу и любовь к нему были скорее рабством, нежели истинной свободой, милостью и даром бога. Он ведь приказывал любить бога и соблюдать его закон из благодарности к богу за ниспосланные благодеяния (именно: освобождение от египетского рабства и пр.). И потом, он пугает их угрозами, в случае если они преступят те правила, и, наоборот, обещает многие блага, в случае если они сохранят их. Следовательно, он учил их таким же образом, как обыкновенно родители учат совсем еще глупеньких детей. Поэтому несомненно, что они не знали ни превосходства добродетели, ни истинного блаженства.
> ….Например, Моисей не учит иудеев не убивать и не красть, как учитель и пророк, но приказывает это как законодатель и владыка; он ведь не подкрепляет правил доводами разума, но присоединяет к приказаниям наказание, которое, как опыт достаточно подтвердил, может и должно меняться, смотря по характеру каждой нации. Точно так же и заповедь не прелюбодействовать касается пользы только общества и государства, потому что, если бы она желала научить моральному правилу, которое имело бы в виду не одну пользу общества, но и душевный покой и истинное блаженство каждого, тогда она осудила бы не только внешнее действие, но и самое вожделение души, как это сделал Христос, учивший только всеобщим правилам (см. Матф., гл. 5, ст. 28); по этой причине Христос обещает награду духовную, а не телесную, как Моисей. Ибо Христос был послан, как я сказал, не ради сохранения государства и установления законов, но только для научения всеобщему закону. Отсюда легко понять, что Христос нимало не отменял Моисеева закона, т. к. Христос никаких новых законов не хотел вводить в общественную жизнь и не заботился ни о чем другом, кроме как научить моральным правилам и отличить их от государственных законов. Он это делал главным образом вследствие невежества фарисеев, думавших, что то ведет блаженную жизнь, кто защищает права государства или Моисеев закон; между тем последний, как мы сказали, имел отношение только к государству и служил не столько к научению евреев, сколько к их принуждению. Но возвратимся к нашему намерению и приведем другие места Писаний, в которых за [исполнение] религиозных обрядов не обещается

> ничего, кроме телесных удобств, а блаженство обещается только за всеобщий божественный закон. Из пророков никто яснее Исайи не учил этому.
> ...А тех, кому дано было знать тайны небес, он, без сомнения, учил вещам как вечным истинам, а не предписывал их как законы; в этом отношении он, освободив их от рабства закону, тем не менее еще более подтвердил и упрочил этим закон и глубоко написал его в их сердцах. На это, по-видимому, и Павел указывает в некоторых местах, именно: в Послании к римлянам, гл. 7, ст. 6, и гл. 3; ст. 28.»

Таким образом, мы видим что Открытие психической энергии позволяет нам дать четких ответ и на долго мучивший всех вопрос о том, какой закон Христос принес и какой закон Христос отменил, потому что Евангелия дают противоречию информацию, как мы увидим ниже.

Однако, из хода наших рассуждений совершенно очевидно, что Моисеев закон — это закон Нормативного Права, когда еще нет знаний о психике, о естественном праве, и регулирование правил этики только внешнее: не укради, не лги, не убий и тп. В то же время, проповедь Иисуса как «вечного закона», как говорят Августин и Спиноза, — это уже переход к научному контролю, к Естественному Праву, к уровню анализа духовной энергии человека и ее закономерностей как истинных причин плохого поведения: надо не угрозами заставлять не красть и не лгать, а лечить душу от порочных помыслов проповедью и братским союзом в церкви. То что в качестве научного подхода «врача» мог предложить Иисус для своего времени. Хоть этого пока не много, зато сам радикальный переход от «кодекса религиозного террора» физического контроля к «вечному закону» совести и справедливости, к научного контролю анализа души и духовной деятельности совершенно очевиден.

Почему такой переход от нормативного права к естественному праву ощущается как Свобода? Ведь и то закон и это закон, но почему бремя одного закона — тирания, а бремя другого закона — не ощущается совсем? Мережковский, когда анализирует проповедь Свободы Павла как отказа от закона Моисея, неверно полагает, что свобода есть отказ от всякого закона. По-

тому что цель евангелий как врачевания души, как научного контроля на пути к здоровому полю интеллекта и совести, очищенным от поля Эгосистемы есть «быть самим собой», обрести свою природу живой и разумной духовной энергии, которая в отличии от автоматизмов материальной энергии есть блаженство и избыток, равновесие и рост, сила и насыщаемость, радость дружбы и восхищение творчеством. Закономерности духовной энергии так устроены (в отличии от ненасыщаемой мотивации дефицита, вечного голода поля Эгосистемы), что дарят здоровому человечеству блажество, силу и богатство всего космоса. Вот почему эти закономерности легко нести и они не дают ощущение несвободы, хотя также детерминируют духовную энергию, законы поля Эгосистемы детерминируют материальную энергию.

Вот что пишут об этом сложном месте в Евангелиях Штраус, Толстой, Мережковский в своих исследованиях (о разнице между законом принесенным Иисусом и законом Моисея и его отношении к закону Моисея):

Д. Штраус, «Жизнь Иисуса»:

> «Такое толкование взглядов Иисуса, по-видимому, противоречит тому, что он говорил сам в Нагорной проповеди: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо… доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота… не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5:17—19).
> ……Но вслед за тем в стихе 20 говорится: «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное». Между этими двумя стихами нет ничего общего. Ибо, как это видно из стиха 21 и следующих, где говорится о Моисеевом законе, воспрещающем убийство, прелюбодеяние и клятвопреступление, — «превзойти праведность» фарисеев означает исполнять не только букву, но и дух Закона; это означает избегать не только злодеяния, но и соответствующих помыслов, не только убийства, но и ненависти и мести, не только прелюбодеяния, но и первых движений похоти; а если так, то зачем же было Иисусу требовать ненарушимого соблюдения мельчайших обрядо-

вых предписаний, которые исполнялись фарисеями с неподражаемой щепетильностью? ...Если в то место, где формула употреблена впервые, переставить 20-й стих, к которому она так мало подходит в данном месте, тогда получится прекрасная связь мыслей. Тогда окажется, что Иисус изъясняет смысл своей миссии — исполнение или усовершенствование Закона не так, как это теперь указано у Матфея, не совершенно неожиданным заявлением о строгом соблюдении йоты Закона, а совсем иначе: указанием на то, что он пришел не нарушать, а исполнять Закон, так как фарисейское соблюдение Закона, избегающее явных злодеяний и непротивящееся злым помыслам, или пустая законность при безнравственности, ничего не стоит. Если мы так представим себе ход мыслей Иисуса, тогда все будет ясно и окажется в полнейшем соответствии со всей деятельностью Иисуса. Быть может, именно так и передавалась речь Иисуса первоначально, путем изустного, а потом и письменного сказания, и никого она сначала не смущала, пока обрядовые Законы Моисея непоколебимо соблюдались первыми христианами из иудеев. Но потом, когда апостол Павел обратился с проповедью к язычникам и указал, что для христиан соблюдение Моисеевых обрядов не обязательно, это указание среди иудео-христиан вызвало сильный переполох, как это видно из посланий самого Павла и отчасти из Деяний апостолов: тогда иудео-христиане стали находить соблазнительным это изречение Иисуса»

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»;

«(Мф. V, 17,18; /Лк. XVI, 17/)
Не думайте, чтобы я учил о том, как уничтожить закон. Я учу не уничтожать, а исполнять.
Верно говорю вам: пока небо и земля стоят, и каждое положение закона будет стоять перед вами до тех пор, пока не будет исполнено все.
Я опускаю слова «или пророков». «Закон и пророки» было обычное выражение, и потому естественно к слову «закон» могло быть прибавлено «пророки»; прибавка же эта нарушает смысл, ибо речь идет не о законе и пророках, а о *законе вообще*.
Иисус говорит: «По всему, что вы слышали и видели от меня — отрицание обрядов, храма, и теперь по тому, что я говорю, что блаженны бродяги, и увещеваю всех сделаться бродягами, — вы можете думать, что я развязываю руки всем людям, говорю: делай, что хочешь, нет ни хорошего, ни дурного, нет закона. Так не думайте этого: я вовсе не тому учу, я не учу беззаконию, а учу исполнению закона и вот какого», — и говорит о тех правилах, о правилах маленьких этих, ко-

> торые он дает: «кто будет поступать так, т.е. так, как я сейчас скажу, тот будет в царствии Божием». ...18-й стих весь служил и служит до сих пор камнем преткновения богословов».

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Доколе не прейдут небо и земля, ни одна йота или ни одна черта из Закона не прейдет» (Мт. 5, 18). Это одно утверждение: закон вечен; а вот и другое, — закон до времени: «до Иоанна Крестителя... закон и пророки; от дней же Иоанна, царство небесное» (Мт. 11, 13). Это понял Павел, как никто из святых: «Дан людям Закон (только) до... Христа» (Гал. 3, 19).
> Все это и значит: между Законом и царством Божиим, — прерыв, «меч» рассекающий; «не мир пришел Я низвесть на землю, но меч» (Мт. 10, 34).
> Этим-то мечом и доныне все христианство рассекается: что такое Христос, нового Закона начало или вечного — конец?»

Вот почему вместе с Христом приходит сразу все: и Царство Небесное, и Дух, и Свобода, и Град Божий (то есть Теократия Естественного Права). Это связано с его радикальным переходом к научному контролю на поле интеллекта, что и дает такой мощной всплеск духовной энергии.

Важно понимать, что проповедь Христа не есть просто проповедь самого замечательного и возвышенного моралиста; и что его превосходная этика не только не противоречит его революционным настроениям «радикального социального переворота», но составляет с ним неразрывное целое. Потому что проповедь Иисуса — это проповедь Духовной Энергии как целостного явления, как системы и синдрома, который есть и самая замечательная этика, и Царствие Небесное поля интеллекта, и духовный союз как церковь радикально отличный от государства, и научный контроль духовного меча вместо физического контроля насилия, и энергия нежности и дружбы «сыновне-отцовских» отношений вместо рабства притяжений Влюбленности и Самолюбия поля Эгосистемы, и наконец, свобода естественного права вместо тирании нормативного права. Только если мы будем оценивать его проповедь с этой точки зрения, как переход к научному контролю поля интеллекта, мы

сможем увидеть стройную систему во всем что он говорил и делал.

Свобода воли до сих пор остается якобы «неразрешимым» вопрос в руках нашей лже-науки: философия и психология отчаялись дать на него ответ. Однако, я много раз показывала на страницах своих книг как просто решается этот вопрос в терминах Энергетики: Свобода как дар духовной энергии человека, его активного интеллекта контролировать законы природы и получать доступ к их силе. Нет и не может быть другой свободы у тварного мира, только один Творец обладает свободой ставить и отменять законы, мы можем только познавать и контролировать их. И в этом мы цари и правители вселенной, как правильно утверждает Августин, и власть эту дал нам тот, кто создал законы природы, и дал нам разум познавать их.

И вот эта свобода и приходит к нам с проповедью Царствия Небесного и Закона Естественного Права в Евангелиях. Единственно истинная и единственно доступная в физическом мире, детерминированном законами природы, свобода: свобода научного контроля как подчинение законам мышления и законам природы. Ведь только подчиняясь законам мышления мы можем развить научный метод и познать законы природы. Ведь только подчинившись законам природы, мы можем их контролировать. Вот почему наша человеческая относительная свобода, есть в основе своей сознательной подчинение божьей воле в подчинении законам природы им установленным. И получается, что нет никакого парадокса и никакого противоречия в том, что как говорит Лютер в «Свободе Христианина»:

> «Христианин является совершенно свободным господином всего сущего, и не подвластен никому; Христианин является покорнейшим слугой всего сущего, и подвластен всем;
> Кажется, что два этих тезиса противоречат друг другу. Однако, если обосновать их соответствующим образом, то вместе они могли бы прекрасно служить нашей цели. Оба эти тезиса являются утверждениями самого Павла, который говорит в 1-м Послании к Коринфянам 9 [19]: «Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя»

Мережковский прав в том, что сразу по смерти Христа начавшаяся борьба Павла и Петра до сих остается центральной динамикой христианской церкви, которая, добавим мы, закончится только с Открытием Психической Энергии. Петр безусловно великий святой, и как святые люди Павел и Петр братья, так что их борьба о нужности или ненужности обрезания для христиан сегодня совершенно неважный фактор. Но Петр как символ старого закона останется символом Католической церкви, которая всегда своей главной крепостью имела собор св. Петра. А Павел как символ «новой твари» после Христа, как символ Духа «внутреннего человека» станет и символом Реформации, символом Духа противостоящего старой обрядности, естественного права противостоящего нормативному праву, символом Иисуса противостоящего фарисеям. Действительно, Августин пришел в христианство через Писания св. Павла, и его «внутренний человек» как «новая тварь» Духа в основе всех его собственных христианских писаний. Лютер также отталкивается от «внутреннего человека» Павла и весь его трактат «О свободе христианства» основывается на учение Павла о «спасении верой». «Теолого-политический трактат» Спинозы много ссылается на цитаты из посланий Павла, и мы видели как близок ему по духу. Янсений и Паскаль были учениками Августина. Таким образом, борьба за окончательный переход к научному контролю поля интеллекта в самом деле по сей день символизируется борьбой Петра и Павла.

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «О том, как глубоко столкновение Павла с Церковью, лучше всего можно судить по глубине его столкновения с Петром. Вечная противоположность или противоречие, антиномия, закона и свободы, терзающее сердце Павла, терзает и сердце всей Церкви».

Мы уже видели, что закон и свобода не есть антиномия, так как свобода и есть контроль законов природы, или «осознанная необходимость» по Спинозе. Конфликт Петра и Павла, Моисея и Христа — это конфликт между Нормативным Правом

(которое защищает наши современники К. Поппер, Л. Мизес, Ф. Хайек и многие другие) и Естественным Правом, которое в современном мире лженауки потерпело поражение. И до сих пор современное государство как «правовое государство» есть Государство Нормативного право — тот переходный период между Левиафанами открытого насилия прошлого (в том числе недавнего) и Теократией Естественного Права будущего, который Августин называл «перемирием» между Градом Божьим и Градом Дьявола (Левиафанами физического контроля).

И тем не менее, как правильно замечает Мережковский, бессмысленное круговое движение (ванька-встанька истории) борьбы за власть поля Эгосистемы было нарушено с проповедью Царствия Небесного Христа раз и навсегда. Несмотря на регресс местами в магическое сознание, импульс, сообщенный духовной энергии, был настолько велик, что в целом прогрессивное движение Духа, сообщенной христианской церкви никогда не останавливалось, и в конечном итоге привело таки к Открытию Психической энергии. То есть к последней точке в том решительном переходе на поле интеллекта, к научному контролю, который совершил Христос.

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Все перевороты внешние, политические и социальные, все наши «революции», — поверхностны: буйны и кратки, дерзки и робки, грубы и слабы; все останавливаются на полпути или кончаются своей противоположностью: освобождая, порабощают. В новом порядке возникает старый: Ванька-Встанька, только что сваленный, но с неперемещенным центром тяжести, опять встает и крепче утверждается. Новый порядок хуже старого: вместо веревочных уз — железные, стальные, адамантовые; внешнее рабство становится внутренним: люди сами в цепи идут, жаждут рабства все неутолимее, и этот «прогресс» бесконечен. Тщетны все революции внешние; в мнимом движении, неподвижны все. Только один, — Его, Первого Двигателя, — внутренний переворот действителен, потому что только он перемещает в мире и в человеке внутренний центр тяжести; только он — глубочайший и сильнейший, потому что тишайший.
>
> Прямо стоявший мир будет опрокинут Иисусом, или опрокинутый, — поставлен прямо. Сколько бы ни уничтожали мы дело Его, — нару-

> шенное Им, равновесие уже не восстановится. Зиждется ли Им или разрушается все; восстает или падает; к добру идет или к худу, — но дойдет до конца — не остановится. Правильно планетное, круговое движение Земли нарушено, и, превратившись в комету, несется она по какой-то неведомой нам траектории. Вот что значит: ученики Христовы — «возмутители всесветные». Первый из них и величайший — Христос, а за Ним — Павел»

2. О СПАСЕНИИ ВЕРОЙ. ПЕРЕХОД К НАУЧНОМУ КОНТРОЛЮ ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА

Мережковский в «Павле и Августине», а равно и Трубецкой в «Учении Августина о Граде Божьем» видят неразрешимую трудность в противоречиях между свободой и предопределением (детерминацией космоса вечным законом), которым эти святые одинаково привержены. Конечно, это затруднение началось не с русских исследователей, и не с писаний святых, а уже с текстов Евангелий, как мы видели, все исследователи широко признают это противоречие между свободой и законом.

Мы показали, что в терминах энергетики этот кажущийся парадокс легко разрешается в понимании свободы как контроля законов природы. И потому самым последовательным логическим следствием перехода Христа и его последователей к научному контролю поля интеллекта является Свобода христианской веры, заявленная прежде всего в трудах «святых интеллигентов»: Павла, Августина, Лютера, Спинозы Толстого.

Другим трудным местом считалось учение Павла о «спасении верой», развитое позднее Лютером в «Свободе христианина». Однако, если мы опять переведем это учение Павла и Лютера в термины энергетики, то ясно увидим, что Спасение Верой есть как раз четкое отделение уровня духовной энергии от материальных энергий человека, и понимание Спасения как Врачевания Души Знанием о Первородном грехе и Благодатью духовного единства в церкви. Другими словами, научный контроль психической энергии человека, где уровни духа и материи разделены, а врачевание духа представляется как очищение поля

интеллекта и совести от поля Эгосистемы, и подчинение духу биологии плоти.

Это абсолютно гениальное прозрение христианства, которое в современном научном мышлении пока не имеет себе равных. Приближаются к нему только гуманистическая психология Фромма, Хорни, Маслоу, Адлера, Роджерса, Юнга; в литературе — это прежде всего русская классика, — Толстой, Достоевский, Чехов, Мережковский, Гоголь.

Мы видим, что Павел и Лютер противопоставляют свое понимание учения Иисуса как Спасения Верой и обрядности материального культа и нормативному законодательству, как научный контроль духовной энергии и естественное право законов совести, «написанных в сердце» (то есть законов психики). Так, Павел воюет по следам Христа с обрядностью Закона Моисея, а Лютер подобно Толстому находит новых правоверных своего времени, которые заменяют духовную активность по борьбе с пороком поля Эгосистемы, — заменяют на внешнюю обрядность, которая ничего не меняет в душе, а потому бессмысленна и лицемерна. Ханжами, и лицемерными святошами называет Лютер фарисеев своего времени, прелатов католической церкви. В то же самое время ни Павел, ни Лютер не только отказываются от Закона, но подобно Христу утверждают Закон, и в этом нет никакого противоречия. Нормативное право не есть истинный закон естественного права, как законы природы. С этим нормативным правом, которое только внешне старается регулировать поведение угрозой наказания, оставляя источники зла в виде патологии души нетронутыми, и борется истинный закон: научный контроль естественного права.

И Павел и Лютер в своем понимании свободы христианина и спасения верой говорят о спасении как Пробуждении энергии Духа, и о Слово Божьем (доступном им естественном праве научного контроля) как единственном средстве. Что же касается «добрых дел», то они могут быть только следствием излечившихся от порока душ, только следствием активной духовной борьбы по самоочищению в процессе «самопознания», как го-

ворит Лютер уже совсем терминами гуманистической психологии. То же скажут вслед за ним и другие замечательные христианские философы: Спиноза и Кьеркегор.

Следствием этого «спасения верой» как научного контроля поля интеллекта и станет мощное пробуждение духовной энергии и ее совести и сочувствия как закономерностей поля интеллекта. Самым прямым логическим следствием пробужденного духа является единение людей в братства духовного союза, так как закон сохранения силы духовной энергии, выраженный в совести и сочувствие есть общее Я здорового человечества: любовь к ближнему как к самому себе. Это и есть тот феномен, который в работах гениального Августина получил название «Благодати» как социального явления представленного в церкви как социальном институте. Благодать в этом понимании — есть единение пробужденной христианской философией и поэзией духовной энергии, и благотворное влияние этого союза пока он именно есть духовный союз как силы Духа. Как только «внутренний человек» духовной энергии и «спасение верой» как научный контроль законов природы, перестают быть истинной активностью христианской церкви она из Благодати духовного союза вырождается в Левиафан насилия и подчинения магического сознания. Вот о чем писал Лютер, когда называл «добрые дела» и материальные атрибуты «сакральности» — грехом и безумием ханжей и лицемеров. Нет добрых дел без веры, то есть нет добрых дел без здоровой от поля Эгосистемы духовной энергии человека, — вот мысль Павла, Августина, Лютера, Спинозы, Кьеркегора. Вот почему они вовсе не отрицают Закон сам по себе, но отрицают нормативное право человеческих законов, и утверждают естественное право законов природы (божьих законов). В этом смысле христианская философия — первооткрыватели психической энергии. А Спиноза в «Этике», Ськеркегор в «Болезни к смерти», А. Тойнби в «Постижении Истории», гуманистическая психология и русская литература — продолжатели этой работы.

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

«В проповеди Павла, или, как он сам называет ее, в «Павловом Евангелии» (Гал. 1, 11), движется все на двух осях — «согласной противоположности», антиномии двух религиозных опытов: свободы человеческой и Необходимости Божественной — Предопределения, prothesis. Компасной стрелкой этой антиномии указан не только для Павла, но и для нас весь путь христианства от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему, — от Отца к Сыну и от Сына к Духу. Здесь-то и начинается то величайшее, после первохристианства, религиозное движение Духа, которое мы так плоско и неточно называем «протестантством», «Реформацией».

«Конец Закона — Христос» (Рим. 10, 4) — в этих трех словах — все «Евангелие Павла», учение об освобождающей от Закона вере. «Верою (только) оправдывается человек, помимо дел Закона» (Рим. 3, 28). — «Даром, по искуплению (освобождению, apolytioseos) во Христе Иисусе, получают оправдание» — все, кто верует (Рим. 3, 24). Сын превращает Отчий закон в свободу, ибо «делами Закона не оправдается перед Богом никакая плоть» (Рим. 3, 20). Главное здесь то, что человек наверное спасется, — уже спасен «даром».

В этом учении о свободе Павел ближе всех учеников Иисуса к Иоанну, а если тот ближе всех к Учителю, то и Павел тоже.

....Радость освобождения от ига Закона у Павла есть радость отпущенного вдруг или бежавшего из тюрьмы человека. Петр, Иоанн, Иаков — все ученики Господни — начали уже привыкать к этой радости, уставать от нее. Но пришел к ним Павел и обрадовался поновому, открыл источники новой, никем, никогда еще не испытанной, радости: «Кто во Христе, тот — новая тварь: древнее прошло, теперь все новое» (II Кор. 5, 17).

.....«Выше всего Ты поставил свободу, — скажет Христу Великий Инквизитор Достоевского, предтеча Антихриста. — Свобода их веры Тебе была дороже всего... Не Ты ли говорил: „Хочу сделать вас свободными“?.. Чудом не захотел поработить человека... жаждал свободной веры, а не чудесной, — свободной любви человека, а не рабских восторгов перед могуществом, раз навсегда его ужаснувшим».

Миру спастись или погибнуть — значит сейчас, как никогда, принять или отвергнуть пред лицом Поработителя-Антихриста это неизвестнейшее слово Неизвестного: «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ио. 8, 36). Все еще самое неизвестное имя Иисуса Неизвестного: Освободитель.

Имя это знает Павел, один из всех святых; что такое свобода Христова, знает он, как никто».

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Но когда я увидел, что они поступают не прямо, по истине евангельской, то сказал Петру при всех: „Если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?.. Мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою... Если же Законом оправдание, то Христос напрасно умер“» (Гал. 2, 13–21).
> ...«Верою мы уничтожаем Закон? Никак; но утверждаем» (Рим. 3, 31). — «Божиим обетованиям противен закон? Никак» (Гал. 3, 21). — «Будем ли грешить, потому что мы не под Законом? Никак» (Рим. 6, 15).
> ....Павлова учения о свободе не поняли даже ближайшие к Иисусу, ученики.
> «Хочешь ли знать, неосновательный человек (Павел), что вера без дел мертва? — скажет Иаков, „брат Господень“... Добрые плоды не могут не рождаться от доброго дерева, так же как дела — от веры; но дерево по плодам узнается, а не плоды — по дереву. Нет веры без дел, как огня — без жара; но жар — от огня, а не огонь от жара»
> ....Только силою Духа преодолевает он все эти преграды, внешние и внутренние. Шагу без Духа не может ступить. То тихо шевелится в нем Дух, как дитя во чреве матери, тихо толкает и манит его; то неудержимо гонит, как буря — сорванный лист. «Не были мы допущены Духом... проповедовать слово (Божие) в Азии». — «Было ночью видение Павлу: предстал ему некий муж Македонянин, прося его: приди в Македонию и по моги нам» (Д. А. 16, 6–9). Вся Европа, весь Запад является Павлу в лице этого Македонянина. «Ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим» (Д. А. 20, 22). — «Силою Духа... благовествование Христово распространено мною, от Иерусалима... до Иллирика» (Рим. 15, 19). — «В Духе, положил я... видеть и Рим» (Д. А. 19, 21)».

Лютер, «О свободе христианина»:

> «Чтобы понять эти два противостоящих положения о свободе и служении, мы должны вспомнить, что каждый христианин является двоякой природой, духовной и телесной. Согласно душе он именуется духовным, новым, внутренним человеком, согласно крови и плоти его именуют телесным, ветхим и внешним человеком.
> ...Таким образом, душе никак не поможет, облачится ли тело в священные одежды, как это делают священники и духовные, также не поможет, будет ли оно в церкви и святых местах, будет ли оно

обращаться со святыми вещами, будет ли телесно молиться, поститься, паломничать и совершать добрые дела, ибо все это вечно происходит в теле и посредством тела. Это должно быть чем-то совсем другим, чтобы принести и дать душе праведность и свободу. Ибо все эти вышеназванные штуки, дела и манеры может иметь и в них упражняться и злой человек, лицемер и притворщик, и посредством этого ничем другим и не становится, разве что тщеславным ханжой. Наоборот, душе никак не повредит, будет ли тело носить несвятые одежды, находиться в несвятых местах, есть, пить, паломничать, не молиться и не делать ничего того, чем занимается вышеназванный ханжа.

....У души нет ничего другого, ни на небе, ни на земле, внутри чего бы она жила и была праведной, свободной и христианской, кроме Святого Евангелия, Слова Божия, проповедоваемых Христом, как Он сам об этом говорит (Ин. 2): ≪Я есмь Жизнь и Воскресенье, и всякий живущий и верующий в Меня, не умрет вовек≫. Далее, (14): ≪Я есмь Путь, Истина и Жизнь≫. Далее, (Мф. 4): ≪Не хлебом единым будет жить человек, но всяким Словом, исходящим от уст Божиих≫. Итак, мы должны быть отныне уверены, что душа
в состоянии обойтись без всего другого, кроме Слова Божия, и что, кроме Слова Божия, ничто ей не поможет. Когда же у нее есть Слово, тогда она не нуждается более ни в чем другом, но в изобилии имеет в сем Слове удовлетворение, пищу, радость, мир, свет, искусство, справедливость, истину, мудрость, свободу и всякое благо

.....Ибо нельзя почитать Бога, если не признавать за Ним Истину и все блага, чем Он поистине и является. А этого не достигнуть никакими добрыми делами, но только верою сердца. Поэтому одна вера является праведностью человека и исполнением всех заповедей. А это не что иное, как вера сердца, которая является главою и всею сущностью праведности.

......Ибо это есть господство духовное, которое управляет и в телесном угнетении. Это значит, что относительно души я могу изо всего извлечь пользу, так что и смерть, и страдания должны *будут* мне служить и принесут пользу блаженству. Это праведное всемогущее господство, духовное царство, где ничто не бывает добрым или злым настолько, чтобы не послужило мне во благо. Так я верую, и вовсе ни в чем не нуждаюсь, но мне достаточно одной моей веры. Смотри, как драгоценны свобода и власть христианина!

.....Кроме того, мы являемся священниками, быть которыми много больше, чем быть царем, потому что священство нас удостаивает стоять перед Богом и молиться за других. Кто же способен постичь высоту и славу христианина?

......мы, пожалуй, все равные священники, мы, однако же, не все смогли бы служить, управлять или проповедовать. Так говорит св. Павел (I Кор. 4): ≪Люди должны разуметь нас как служителей Христовых
и домостроителей Евангелия≫. Ныне же из сего управления произошло такое мирское, внешнее, ужасное господство и власть, что с ними ни в какую не сравнится власть действительно мирская; прямо как если бы миряне были нечто другое, нежели христиане. Тем самым был изъят смысл христианской милости, свободы, веры и всего, что мы имеем от Христа; да, собственно, и сам Христос. Вместо этого пришло множество человеческих законов и дел, а мы превратились в рабов негоднейших людей на земле.

.....Ну, довольно о внутреннем человеке, о его свободе и высшем правосудии, для которых не требуется никакого закона, никаких добрых *дел,* каковые даже вредны, если таким ошибочным образом кто-нибудь посредством них захочет стать праведным. И перейдем к другой части, к внешнему человеку.

....Как говорит св. Павел (Рим. 7): ≪По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием, но
в членах моих вижу иной закон, делающий меня пленником закона греховного≫. И далее (Гал. 5): ≪Все, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями≫.

.....Но эти самые дела не должны совер шаться в том мнении, что ими человек становится праведным
перед Богом, ибо вера не терпит сего ложного мнения, являясь единственным благочестием перед Богом; но дела должны совершаться только в том мнении, что таким способом тело усмиряется и очищается от своих дурных похотей, дабы как только увидит око дурную похоть, так тотчас изгоняет ее. Великое безумство и безрассудство христианской жизни и веры, когда желают без веры стать праведными
и блаженными.

....И так христианин, освященный верою, совершает добрые дела, но не становится тем самым лучше или посвященнее (ведь это не увеличивает веру); и если бы он не веровал и вообще не был бы христианином до этого, то все его дела ничего бы не стоили, но были бы тщеславно глупым, наказуемым, проклятым грехом.

.....Поэтому истинным будет другое высказывание: никогда добро и праведное дело не создадут доброго и праведного человека, но добрый и праведный человек исполнит доброе и праведное дело. Дурное дело никогда не создаст дурного человека, но дурной человек совершает дурное дело. И так нужно во всяком случае, чтобы

лицо было добрым и праведным прежде всякого доброго дела, а от праведного и доброго лица последуют и выйдут добрые дела. Так и Христос говорит: плохое дерево не принесет доброго плода. Ведь очевидно, что не плод приносит дерево, как и не дерево растет на плоде, но, наоборот, дерево приносит плоды и плоды растут на дереве.

.....и, таким образом, тот человек оправдывается и возвышается верою в Божественное Слово, который смиряется страхом Божиим, и приходит к познанию самого себя»

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

«Если бы врачу сказали, что черное чумное пятно — только синяк от ушиба, — завтра заживет, то врач почувствовал бы то же, что Августин, когда ему сказал Пелагий, что первородный грех — ничто

Тайна зла, во времени, есть какая-то «премирная вина», в вечности, — «первородный грех»: это Августин знает, уже в «Исповеди», за пятнадцать лет до спора с Юлианом и Пелагием.

Врач, смертельно заболевший и с неумолимою точностью наблюдающий за ходом болезни на собственном теле, чтобы сделать открытие, которое может спасти других от той же болезни, — вот кто такой Августин в этом страшном опыте зла.

Вот какие атомы, «бесконечно малые величины», души человеческой взвешивает Августин, первый из людей, на весах Господних, как химик на точнейшем приборе, чтобы найти «простое химическое тело» Зла — «первородный грех».

Вот оно, «простое химическое тело» Зла — в чистейшем виде, «Первородный Грех» — восстание человека на Бога, «воля к превратности», perversitas, — «Зло ради зла».

Кажется, в религиозном опыте всего христианского человечества не будет ничего подобного этому, вплоть до «Демона превратности» Эдгара Поэ и «Записок из подполья» Достоевского.

Тайна Предопределения — Промысла связана для Августина так же неразрывно, как для Павла, с тайной Первородного греха, губящего, и Благодати спасающей: «Все согрешили (погибли) ... получая оправдание (спасение) даром, gratis, по Благодати, gratia, искуплением Иисуса Христа» (Рим. 3, 23–24).

Этот опыт Павла, «Свет, озаривший его на пути в Дамаск», есть и опыт Августина: «Свет пролился в сердце мое, и мрак озарился», после «гласа Божия», услышанного в «детской песенке».

Но, чтобы увидеть всю белизну Света, спасающую силу Благодати — Жизни, надо увидеть и всю черноту Мрака, губящую силу Грехопадения — Смерти.

> «Смертью заражена вся толща, всё тесто (massa, по слову Павла), вся громада человечества; ядом первородного греха отравлена вся». — «Весь человеческий род — одно сплошное тесто смерти… сплошная толща проклятия… глыба, громада погибели, massa mortalium, massa damnata, massa perditionis, — повторяет он ненасытимо как будто, а на самом деле, может быть, с тайным ужасом, — одна громада погибели, осужденная праведным судом Божьим». Есть у человека свободная воля: он может хотеть, но делать то, чего хочет, не может, вследствие первородного греха (воли к «злу ради зла», как у того шестнадцатилетнего Августина-Адама, воровавшего плоды в Тагастском раю). Только Благодать спасет человека от этого жалкого «рабства в свободе».

Глава 5. Церковь Христа какБлагодать Августина

1. Церковь Христа – Духовный СоюзПоля Интеллекта. А. Тойнби как последователь Августина.

2. Элементы Церкви в проповедиХриста

1. Церковь Христа – Духовный СоюзПоля Интеллекта. А. Тойнби как последователь Августина.

Самым главным наследием проповедиИисуса, как мы уже много раз говорили, стал его драгоценный дар человечеству ввиде Церкви Христа. Мы будем под Церковью Христа понимать «духовный союз поляИнтеллекта», а вовсе не те сотни христианских вероисповеданий, на которыесегодня раздробилось христианство. Католическая церковь в период раннегохристианства сумела приблизиться к этой драгоценной цели человеческой эволюции:к созданию истинного духовного союза поля интеллекта и совести, и об этом мыеще скажем подробнее позже. Сейчас же важно отметить, что под Церковью Христамы разумеем проповедь Христа и ее будущее воплощение. И постараемся показать,что цель и результат его проповеди, правильно понятой, есть духовный союз поляинтеллекта и совести как противопоставление государству-Левиафану физическогоконтроля поля Эгосистемы. Вот почему правы Гарнак и Мережковский, когдаговорят, что Августин, который именно так понял проповедь Христа в «ГрадеБожьем», что Августин – первый человек наших дней.

Наша задача сказать тоже самое втерминах энергетики и доказать, что проповедь Христа есть предтеча ОткрытияПсихической Энергии, и что без окончательного слова в виде научной теории озакономерностях психики, Церковь Христа как духовный союз не может окончательноутвердиться. Сегодня практика это подтверждает как нельзя более отчетливо. Мывидели, что католическая, православная, а за ними и протестантские церквисползают в магическое сознание, превращая Христа в Идол, а церковь либо вЛевиафан, как православие и католицизм, либо в бессильный департаментгосударства как протестантские церкви. Однако истинное значение церкви в жизничеловечества показала только Католическая церковь раннего христианства иКатолическая церковь средних веков, - церковь Гильдебрандта, как называет ее А.Тойнби. Августин начертил отношения между Градом Божьим и Государством, аранняя Католическая Церковь гениально воплотила в жизнь этот чертеж ОтцаЦеркви. И именно эта победа Церкви Христа создала университеты, свободныегорода-государства средневековья, а через них и демократические и правовыереволюции, которые как говорил Ренан «все привьются к слову Христа».Современное правовое государство, как Государство Нормативного Права сгуманистическими и христианскими ценностями – это как раз результат той победыцеркви и демонстрация того «перемирия» между Градом Божьим и Государством,которое Августин определил как переходный период к Граду Божьему, то естьокончательной победы Теократии Естественного Права. Из современных ученых, А.Тойнби всецело разделяет теорию отношений Града Божьего и Государства, ипророчет победу церкви над государством в будущем.

А. Тойнби, «Цивилизация передсудом истории»:

«Этидва слова — «Иисус Христос» — имеют неоценимое значение для нас и будут,

рискну предсказать, все так же важны для человечества идве, и три тысячи лет спустя. Эти

два слова были свидетелями столкновения междугреко-римской и сирийской

цивилизациями, столкновения, в результате которого иродилось христианство. Слово

«Иисус» — это третье лицо единственного числа одногосемитского глагола; «Христос» —

пассивное причастие от греческого глагола. Это двойноеимя само по себе — свидетель

того, что христианство было рождено от брака двухкультур.

....Если в этом анализе естьзерно истины, то открывается третий возможный взгляд на

отношение между цивилизациями и высшими религиями,совершенно противоположный

тому, что я предложил вам только что. По той второй точкезрения религия подчинена

задаче воспроизводства цивилизаций; третий же подходпредполагает, что

последовательные подъемы и спады цивилизаций могут бытьвспомогательным элементом в

развитии религии.

Надломы и распады цивилизаций могут оказаться ступенькамик высшему развитию в

религиозной сфере.

....Если религию уподобитьколеснице, то можно сказать, что колеса, на которых она

взбирается на Небеса, — это, вероятно, крушенияцивилизаций на планете Земля. Похоже,

что движение цивилизаций имеет циклический ипериодический характер, в то время как

движение религии выглядит как одна непрерывная восходящаялиния. Возможно, что

циклическое движение цивилизаций служит и помогаетнепрерывному восходящему

движению религии через повторяющийся цикл: рождение — смерть — рождение.

Если мы согласимся с таким выводом, он откроет намдовольно неожиданный взгляд на

историю. Если цивилизации являются служанками религии иесли греко-римская

цивилизация сослужила хорошую службу христианству, давему жизнь перед тем, как

развалиться окончательно самой, тогда цивилизациитретьего поколения могут показаться

напрасным повторением язычества. И если вместоисторической функции высших религий

— способствовать в качестве куколки циклическому процессувоспроизводства цивилизаций

— исторической функцией цивилизаций, напротив, являетсяслужить, разрушаясь,

ступеньками для поступательного процесса все болееглубокого религиозного прозрения,

тогда общества того типа, который мы называемцивилизацией, должны завершить

выполнение своей функции, дав жизнь зрелой высшейрелигии; и в этом случае наша

собственная западная постхристианская секулярнаяцивилизация была бы в лучшем случае

излишним, а в худшем — пагубным отступничеством с путидуховного прогресса. В нашем

сегодняшнем западном мире поклонение Левиафану —племенное самопоклонение — это

религия, которой мы все в той или иной мере отдаем дань;эта племенная религия является,

конечно, чистым идолопоклонством».

А. Тойнби, «Постижение истории»:

«Таким образом, хотя цивилизация иявляется предварительным умопостигаемым полем исторического исследования, Град-Божий — единственное нравственно допустимое поле действия, и гражданство этого CivitasDei (Града Божьего) на земле дают-

людям высшие религии. Фрагментарное и мимолетное участие человека в земнойистории действительно спасает его, когда он играет свою роль на земле вкачестве добровольного помощника Бога, чье господство над ситуацией придаетбожественную ценность и смысл всем, в ином случае ничтожным, попыткам человека.Это искупление Истории столь дорого для человека, что в современномсекуляризованном западном мире криптохристианская философия истории сохраняетсядаже якобы преодолевшими христианство рационалистами

...Эта начальная глава историихристианства явилась зловещим предзнаменованием для будущеговестернизированного мира XX столетия, поскольку культ Левиафана, которомураннехристианская Церковь нанесла поражение, казавшееся уже окончательным,вновь заявил о себе с грозным появлением тоталитарного типа государства, сдьявольской изобретательностью завербовавшего на свою службу современныйзападный гений организации и механизации в целях порабощения как душ, так и телдо такой степени, какая была недоступна для злонамеренных тиранов прошлого.Похоже, что в современном вестернизированном мире вновь должна начаться войнамежду Богом и кесарем. И, похоже, что и в этом случае нравственно благородная,хотя и опасная в духовном плане роль воинствующей церкви вновь выпадет на долюхристианства».

2. «Элементы Церкви» в проповеди Христа

Мы видим, однако, что в современноммире, где правит лженаука дарвиновской парадигмы, никому и дела нет ни до ГрадаБожьего Августина, ни до «Постижения истории» А. Тойнби. И это при том, чтоистина несомненно на их стороне, на стороне последователей той гениальнойпроповеди Христа, которая однажды создала и показала человечеству его настоящеебогатство и сокровище, к которому стремится вся его история: «духовный союзполя интеллекта» в качестве ранней католической церкви и ее правильного места вобществе: Града Божьего Естественного Права, контролирующегоГосударства-Левиафаны физического

контроля духовным мечом, - то естьнаправляющая Нормативное право государств к образцу Естественного права.

И мы знаем,что сегодняшнее плачевное положение состоит в том, что проповедь христианскаянедосказана, и в наш век научного мышления она не может иметь действия, пока Иисусаоставляют идолом-божеством, а евангелие перемешано с возмутительной магией,которая мешает восприятию ее философского и теоретического содержания. Самипритчи уже недостаточны для века научного мышления. И потому мы ставим себезадачу показать в терминах энергетики, что великая и цель и результат этих«божественных логий» Христа – создание церкви как духовного союза поляинтеллекта.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Никогда Иисус не выражалкощунственной идеи , что он Бог. Он верит, что находится в непосредственном общениис Богом , что он Сын Божий . Самое высокое сознание Бога, какое только проявлялосьв человечестве, было сознание Иисуса . С другой стороны, легко понять, что,исходя из такого духовного состояния, Иисус никогда не станет спекулятивным философом, как Сакья –Муни» .

Итак, для духовного союза требуетсяздоровье психики, то есть очищенное от поля Эгосистемы поле Интеллекта исовести. Так, если мы возьмем исследования А. Маслоу о «самоактуалах», то естьо «здоровой психике» людей (среди них Маслоу брал исторические личности игениев как образцы здоровья, например, Брамса, Эйнштейна, Чаплина, ЭлеоноруРузвельт, Линкольна, Спинозу и др), то как я старалась детально показать в«Пяти книгах Научной Революции Энергетика на английском», синдром здоровойпсихики у Маслоу – это поле интеллекта и совести, очищенное от автоматизмовфизического контроля поля Эгосистемы. И вот, одной из важных характеристик этихлюдей является крепкая дружба между собой, и любовь между полами имееткачественное отличие как любовь-дружба, то есть как духовный союз. При этомМаслоу подчеркивает, что это особая любовь-

дружба у здоровых людей возможнатолько с такими же здоровыми как они сами людьми. Конечно, единое полеинтеллекта и совести не получить с теми, чье поле интеллекта разрушеноавтоматизмами поля Эгосистемы. Или говоря обычным языком как подружиться снегодяем? Или языком христианским: если не покается пусть будет вам как мытарьи грешник, говорит Евангелие.

В своих работах «Человек для себя»,«Искусство любить» Э. Фромм показывает качественное различие между«идолопоклонством»-любовью, иначе «садомазохизмом» господства-подчинения,самолюбия-влюбленности с одной стороны, и с другой стороны любовью-дружбой, каку самоактуалов Маслоу. Первое есть болезнь, которая ничуть не сближает людейдуховно, утверждает Фромм: действительно все отношения через поле Эгосистемыесть разделение духовной энергии людей автоматизмами мертвой чуждой энергии(отчуждение от себя, говорит Фромм, общение без единения). Второе напротив естьнастоящие человеческие отношения, потому что в их основе соединение духовнойэнергии людей, которому больше не мешают нейтрализованные автоматизмы поляЭгосистемы (притяжения самолюбия-влюбленности). Так, Маслоу и ФРомм дают намлучшее на сегодня, до науки энергетики, определение духовного союза поляинтеллекта и совести вследствие нейтрализации поля Эгосистемы.

Христос дал его в своей знаменитойпроповеди две тысячи лет назад, на языке поэзии, и поэзия его была так сильна,что пробудила духовную энергию, научила бороться с полем Эгосистемы, и создалав конечном итоге духовный союз – церковь Христа. Что это за проповедь?Попробуем сделать беглый обзор. Мы обозначили как «элементы церкви» егопроповеди те смысловые части Евангелия, которые на самом деле есть формулированиезаконов психической энергии, и ведут через очищение поля интеллекта и совестиот поля эгосистемы – к здоровой духовной энергии индивида, а значит квозникновению духовного союза между этими здоровыми индивидами. То есть церкви.

Элементы церкви, или что сделаловозможным духовный союз ранних христиан, в проповеди Иисуса.

1) Четкое отделение духовнойэнергии от материальных энергий человека: не хлебом единым, но словом божьим;кто не родится от духа, тот не войдет вцарствие небесное; собирайте сокровища на небесах; нельзя служить богу имамоне: господу служи и ему одному работай; дух животворит, плоть не пользуетнимало.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Удивительно глубокое чувствовладеет во всем этом Иисусом, как и толпою веселых детей, сопровождающих его, ион стал навеки творцом душевного мира и великим утешителем жизни. Освобождаячеловека от того, что он называл мирской суетой, Иисус мог бы дойти докрайностей и нарушить существенные устои человеческого общества, но он положилоснову тому вечному спиритуализму, который на протяжении веков наполнялрадостью сердца в этой юдоли слез. Он совершенно ясно видел, что невниманиечеловека, недостаток в нем философии и нравственности чаще всего являютсярезультатом развлечений, которым он отдается, и осаждающих его забот, которые цивилизация умножает безмерно. Такимобразом евангелие было высшим целителем печалей обыденной жизни, постоянным«горе имеем сердца», могучим отвлечением от жалких земных забот, кроткимпризывом, напоминающим слова, которые Иисус шепнул Марфе: «Марфа, Марфа,печешься о многом, единое же есть на потребу». Благодаря Иисусу самое тусклоесуществование , всего более поглощенное печальными и унизительнымиобязанностями, получило просвет к небу. В наших деловых цивилизациях воспоминаниео свободной жизни в Галилее было как бы благоуханием другого мира, «росойГермона», которая помешала черствости и пошлости окончательно овладеть Божьейнивой»

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Это презрение к внешним благам ик суетному изобилию комфорта, которое – раз причиной его не является лень –

необыкновенно возвышает душу, вдохновляло Иисуса на самые чарующие поучения.«Не собирайте себе, – говорил он, – сокровищ на земле, где моль и ржаистребляют их, и где воры подкапывают и крадут; собирайте себе сокровища нанебе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут,ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет. Никто не может служить двумгосподам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станетусердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и Маммоне. Посемуговорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для телавашего, во что одеться. Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, несобирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя бы на один локоть? Иоб одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: нетрудятся, не прядут, но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей неодевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, азавтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак,не заботьтесь и не говорите: что нам есть или что пить, или во что одеться?Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, чтовы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, иэто все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашнийдень сам заботится о своем: довольно для каждого дня своей заботы».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

«Что сказано в беседе с Никодимом:

В стихах с 1-го по5-й сказано: кроме той причины жизни, которую человек видит в зачатии ребенка вутробе матери от плотского отца, причина жизни человека есть еще другая — неплотская.

Иисус называет это непл6тское начало жизни Отцом, духом.Это та мысль, которая выражена Иисусом еще в детстве в

храме, когда он называлОтцом своим Бога; та же мысль, с которой начинается искушение: Если ты сынБога, и та же выражена в ответе: Нехлебом жив человек, но исходящим из уст Бога — духом. Та же мысль выражена в Введении: По началубыло разумение... и т. д. (Ин. 1,1); Все им рождено... и т.д. (Ин.1, 3).

2. Стихи 7, 8 и 9 выражают то, что неплотское началожизни — разумное и свободное — каждый человек знает в себе и понимаетего, хотя и не знает его источника.

Во Введении та же мысль выражена в стихах 4 и 5.

3. В стихах 11, 12 и 13 сказано, что мы не можем,постигнуть того, что на небе это неплотское бесконечное начало, как начало всамом себе; но что мы знаем это бесконечное начало, потому что в нас, вчеловеке, находится этот дух, исшедший из бесконечного и сам бесконечный, и чтоэтот дух в человеке и есть то, что мы должны считать началом всех начал.

Та же мысль выражена в Введении и в стихах: Ин. 1, 18; 1,2.

4. В стихе 14 сказано, что этот-то дух в человеке,исшедший от бесконечного и относящийся к нему, как сын к Отцу, это бесконечноеначало в человеке — есть то, что должно обоготворить, Т.е. заменитьвымышленного Бога этим настоящим и единственным Богом.

То же сказано в словах Иоанна Крестителя о царстве Бога: Когдадух очистит людей; то же сказаноНафанаилу, когда сказано, что небо отверсто и чело век в общении сБогом; то же сказано самарянке: Богесть дух и служить ему надо в духе и делом.

5..В стихе 15 сказано, что вера в этого единственногоистинного Бога избавляет людей от погибели и дает им жизнь не временную.

Эта же мысль выражена в стихах 10,11, 12 и в гл.20,ст.31.

В стихе 15 беседы Никодима сказано, что вера в сыначеловеческого дает жизнь не уничтожающуюся. Во Введении сказано, что верасделает их сынами Бога. Верить в сына и иметь жизнь не временную — одно и тоже. В искушении сказано то же, когда сказано, что Иисус, после искушения, познал могущество духа».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

«Говорится только об Иисусе ио том враге, который есть в каждом человеке, о том начале борьбы, без которойнемыслим живой человек. Очевидно, писатель с простыми приемами хочет выразитьмысли Иисуса. Чтобы выразить мысли, надо заставить говорить его, но он один. Иписатель заставляет говорить Христа с самим собою, и он называет один голосголосом Иисуса, а другой — то дьяволом, Т.е. обманщиком, то искусителем. Для всякого человека, свободного отцерковного толкования, будет ясно, что слова, приписываемые искусителю,выражают только голос плоти, противный тому духу, в котором находился Иисуспосле проповеди Иоанна. Такое понимание значения слов: искуситель, обманщик,сатана, означающих одно и то же.

И голос плоти говорит ему: еслиты сын Бога, прикажи, чтобы из камней ста ли хлебы. Если понимать слова эти как понимает ихцерковь, именно: что Диавол, искушая сына Бога, хочет от него доказательстваего божественности, — то нельзя понять, почему Иисус Христос, если он могэто сделать, не претворил камней в хлебы. Это был бы самый лучший и простой икороткий, достигающий цели, ответ.

Из того, что Иисус не тольконе делает из камней хлеба, чего очевидно нельзя сделать, и даже не отвечает наэту невозможность, а отвечает на общий смысл, видно, что слова эти не моглииметь прямого значения: скажи, чтоб из камней сделался хлеб, — а имеют то значение, которое они имеют,когда прямо обращены к человеку, а не к Богу. Если они обращены просто кчеловеку, то значение их ясно и просто.

Слова эти значат: Хлеба тебехочется, и потому позаботься, чтоб хлеб у тебя и был, потому что сам видишь,что словами хлеба не сделаешь.

И Иисус отвечает не на то,почему он не делает хлеб из камней, а на тот смысл, который лежит в словах: покоряешьсяли ты требованиям плоти? онотвечает: че ловек жив не хлебом, а духом.

С первых слов голос плоти хочет показать Иисусу ложностьего убеждений в том, что он есть духовное существо и сын Божий. Ты говоришь: Тысын Божий, ушел в пустыню и думаешь освободиться от похоти плоти. А похотьплоти мучает тебя. Здесь не удовлетворишь похоти; камней хлебами не сделаешь,так лучше поди туда, где есть из чего делать хлеб, и делай его или запасай егои носи с собою и ешь, как все люди.

Вот что сказал голос плоти впервом искушении. На это Иисус, вспоминая Израиля в пустыне, сказал: Израильсорок лет жил в пустыне без хлеба и питался, и жив остался, потому что Богхотел этого. Стало быть, не хлебом жив человек, а волей Божьею.

Голос плоти как бы заставил Иисуса признать могущество ееи неизбежность жизни плотской, и потому он и говорит: Все эти твои надежды наБога и уверенность в нем — все это слова, а наделе ты не ушел и не уйдешь отплоти. Такой же ты сын плоти были есть, как и все люди. А сын плоти, так почтиее и работай ей. Я дух плоти. И он показывает Иисусу царства мира: Видишь, чтоя даю тем, кто служит мне. Почти меня, работай мне, и тебе то же будет. На это Иисус отвечает опять из книги Моисея(Второзакон. VI, 13): «Господа, Бога твоего, бойся и ему одному работай».

Сказано это во Второзаконии непросто, а сказано израильтянам, что тогда, когда они получат все блага плоти,то тут то и надо бояться забыть Бога и ему одному работать. Голос плоти замолкаети сила Божия помогает Иисусу перенести искушение. Все, что нужно былосказать, — все сказано.

Церковные толкования любятпредставлять это место как победу Иисуса над Диаволом. Победы ни по какомутолкованию не выходит никакой: Диавола можно считать столько же победителем,сколько и Иисуса. Победы нет ни с той, ни с другой стороны; есть тольковыражение двух противоположных друг другу основ жизни. И ясно выражена и та,которую отрицает Иисус, и та, которую он избрал. Оба хода рассужденияпоразительны тем, что философские системы, системы морали, религиозные секты,раз-

личные направления жизни в тот или другой исторический период имеют в основетолько различные стороны обоих этих рассуждений.

И дух одерживает победу надплотью, и Иисус находит тот дух, который должен очистить его для того, чтобынаступило царство небесное. И в сознании этого духа Иисус возвращается изпустыни»

2) Дружба единения Духа вместо Рабства насилия иподчинения материальной энергии.

Другими словами, любовь-дружбавместо притяжений самолюбия-влюбленности садомазохизма. Иисус четко прочертилэту черту между качественно различными эмоциями поля интеллекта и совести содной стороны, и поля Эгосистемы с другой стороны прежде всего в новой, до негоневедомой проповеди Бога-Отца к Сыну Человеческому. «Если Сын освободит васистинно свободны будете». Поклонение Идолам через поле Эгосистемы естьпритяжение Влюбленности, когда поклоняются внешнему идолу (загрузки СуперЭго)или притяжение Самолюбия (загрузки Эго) когда поклоняются себе как Идолу. Такработает магическое сознание аборигенов и их поклонение тотемам: колдунычувствуют себя всесильными на притяжении Влюбленности и рабами в отношениивсесильных идолов, которым они отдают большую часть своих запасов и добровольноистязают себя. Идолопоклонство всегда происходит через эту ткань эмоций рабстваполя Эгосистемы. Истинный Бог-Интеллект, даровавший нам разум и духовнуюэнергию может нами восприниматься только через эту духовную энергию, а ее тканьэмоций совсем другая – это эмоции дружбы и нежности, искренности и уважения,юмора и восхищения, свободы и почитания. Слышит ли Бог наши чувства мы можемсомневаться, но если слышит, то они могут быть только теми, что исходят изразумной энергии, но никак не автоматизмы материальной энергии. Вот почемупроповедь Бога-Отца и Сына человеческого есть переход на поле интеллекта исовести, и отказ от рабских чувств идолопоклонства тотемизма. И

вот почему этототказ от садомазохизма отношений насилия и рабства Иисус демонстрирует всегда иво всем, заменяя отношения господства на отношения дружбы и нежностиродительских чувств: когда он объясняет ученикам, что у людей князья властвуютнад ними, а они должны жить в братстве и дружбе, так что тот кто будет искатьвласти станет всем слугой; когда он объясняет что вожделение в душе уже грех,то есть притяжения самолюбия и влюбленности как материальная энергия психики иесть разрушение духа; когда говорит, что мужчины и женщины единый дух, и чтоангелы не имеют пола; когда наконец, перед смертью, умывает ноги ученикам инаказывает любить друг друга: вы мне больше рабы, я все вам сказал, теперь мы –друзья. Единственный рациональный авторитет таким образом – знание, и именнознание есть научный контроль, доступный всем.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Конечно, не сразу пришел Иисус к высокомусамоутверждению, что он сын Божий. Но вероятно, что отношения его с Богом спервых же шагов представлялись ему отношениями сына с отцом. В этом величайшаяего оригинальность: в этом он нисколько не принадлежит своей расе. Ни иудей, нимусульманин не понимали этой прекрасной теологии любви. Бог Иисуса это – невладыка, одаренный силой рока, который убивает нас, осуждает на вечные муки илиспасает по своему произволу. Бог Иисуса – наш Отец. Его услышишь, внемлялегкому дуновению, которое взывает в нас: «Авва, Отче»! Бог Иисуса – непристрастный деспот, избравший Израиля своим народом и покровительствующий емупротив и вопреки всем. Это – Бог человечества. Иисус не мог быть патриотом, какМаккавеи, или теократом, как Иуда Гавлонит. Смело поднявшись над предрассудкамисвоего народа, он утвердил всеобщую отчизну по Богу. Гавлонит говорил, чтолучше умереть, чем называть «Господом» кого-либо, кроме Бога; Христоспредоставляет это имя всякому, кто захочет им воспользоваться; для Бога же он оставляетболее благостное имя. Охотно воздавая внешнее почтение, полное иронии, сильныммира сего, которые для него – лишь представители насилия, он создает

высшееутешение, прибежище к Отцу, которое всякий имеет на небе, истинное ЦарствоБожие, которое каждый носит в своем сердце. Название «Царства Божьего» или«Царства Небесного» было любимым выражением Иисуса для обозначения тойреволюции, которую он приносит в мир»

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

«(Ин. XV, 9)

Так, как Отец любил меня, так и я полюбил вас. Живитемоей любовью.

(Ин. XV, 13)

Самая истинная любовь есть та, чтобы отдавать свою душутем, кого любишь.

(Ин. XV, 14, 15)

Вы любимы мною, если делаете то, что я вам заповедал.

Я не почитаю вас рабами, потому что раб не знает, чтоделает господин; вас же я почел друзьями, потому что я все вам разъяснил изтого, что я понял от Отца.

Иисус говорит, что он не повелевает, а объясняет все то,что он знает: что жизнь есть дело любви Отца, и потому жизнь есть любовь».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

«(Мф. XXIII, 5-10)

Только для того, чтобы любовались на них люди, навешиваютна руки четки и выпускают подолы ряс и мантий;

любят на обедах на первое место садиться и в церквах навозвышенные кресла;

любят, чтобы им руки целовали на народе и чтобы называлиих: наставник! учитель!

А вы не называйтесь учителями, потому что у вас одинучитель Христос и вы все братья.

И батюшкой никого не называйте на земле, потому что одинОтец у вас на небе.

И не называйтесь вождями или наставниками,

потому что один ваш вождь и пастырь Христос».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

«(Мф. XX, 24-27; Лк. XXII, 26; Мф. XX, 28)

Услыхав это, остальные десять учеников рассердились на-двух братьев.

И подозвав их, Иисус сказал: вы знаете, что те, которыесчи-тают себя

начальниками народа, владеют людьми. И чиновникираспо-ряжаются народом.

Промеж вас этого не должно быть. Из вас, если кто хочетс-делаться большим, тот будь слугой.

Кто хочет сделаться первым, тот будь рабом.

Тот, кто, как младший, тот больший; тот, кто как слуга,впере-ди всех.

Так как сын человеческий не затем объявился, чтоб емуслу-жили, а затем, чтобы служить и жизнь свою отдать, как выкуп за большое»

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Многиепредставляли себе , что в мире воскресших будут есть и пить и сочетатьсябраком. И Иисус допускал, что в его Царстве будет пасха новая, новая трапеза иновое вино 883, но он решительно исключает из него брак. Иисусвыходил из за-труднения, решительно заявляя, что в жизни веч ной не будет большеразличия полов и человек уподобится ангелам.

......Обе семьи .Иоанна и Зеведея, жили, по- видимому, в тес-ной дружбе; женаЗеведея, С аломея , была сильно привязана к Иисусу и сопровождала его до смерти.Действительно, женщины принимали Иисуса радушно: он обходился с ними с тойвоздер-жанностью , которая дает возможность нежной идейной связи между полами. Три или четыре преданных галилеянки всегда-сопровождал и юного учителя, соперничая за счастье послушать его и послужитьему в свою очередь. Они вносил и в новую секту начала энтузиазма и чудесного,всю важность которого мы ощу-

щаем уже теперь.

........Женщиныявлялись, чтобы излить елей на его голову и благовония на его ноги. Поройученики отталкивали их за надоедливость, но Иисус, любивший древние обычаи ивсе, что указывало на простоту сердца, исправлял зло, содеянное его слишкомревностными друзьями. Он покровительствовал тем , которые почитали его; оттогоего обожали дети и женщины. Упрек в том , что он отчуждает от семьи эти нежныесоздания, которых так легко увлечь, был одним из тех упреков, с которыми всегоч а ще обращались к нему его враги. Зарождающаяся религия был а , таким образом, во многих отношениях движением женщин и детей .»

3) Социальный союз естественногоправа вместо политического союза нормативного права. Этика чистой совестивместо вводимых силовыми институтами законов под угрозой наказания, вместокодекса фарисеев религиозного террора. Подход врача, научный контроль отделен ипротивопоставлен подходу судьи, физическому контролю.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Иисус не мог быть патриотом, какМаккавеи, или теократом, как Иуда Гавлонит. Смело поднявшись над предрассудкамисвоего народа, он утвердил всеобщую отчизну по Богу. Гавлонит говорил, чтолучше умереть, чем называть «Господом» кого-либо, кроме Бога; Христоспредоставляет это имя всякому, кто захочет им воспользоваться; для Бога же оноставляет более благостное имя. Охотно воздавая внешнее почтение, полноеиронии, сильным мира сего, которые для него – лишь представители насилия, онсоздает высшее утешение, прибежище к Отцу, которое всякий имеет на небе,истинное Царство Божие, которое каждый носит в своем сердце. Название «ЦарстваБожьего» или «Царства Небесного» было любимым выражением Иисуса для обозначениятой революции, которую он приносит в мир».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Этой экзальтированной морали,выраженной гиперболическим языком и с ужасающей силой , грозил а большаяопасность в будущем . Отрывая человека от земли, она разбивала жизнь.Христианина будут восхвалять за то, что он дурной сын и дурной патриот, еслиХриста ради он противится отцу и сражается против родины Христа ради . Древняягражданская община , республика , мать всех граждан, государство, общий законпоставлены во враждебное отношение с Царствием Божиим . Роковая теократиязародилась в мире .

....Великим нравственнымпрогрессом, совершенным Евангелием , мы обязаны этим увеличениям. Именно в этомсмысле оно, как и стоицизм, но в бесконечно большей пол ноте является живымдоказательством божественных сил , присущих человеку, памятником, воздвигнутыммогуществу е г о воли

...Широта его взглядов на будущее·была порой изумительна : он не скрывал от себя , какую страшную грозу он подниметв мире. « Вы полагаете, быть может-, сказал он смело и красиво-, что я пришелпринести мир на землю? Не мир принести , а меч . Пятеро в одном до м е ста нутразделяться , трое против двух и двое против трех. Я пришел разделить человекас отцом его, и дочь с матерью, и невестку со свекровью. Отныне в р а г ичеловеку домашние его.Огонь при шел я низ весть на землю и как желал бы , чтобы он ужевозгорелся». « Изгонять вас из синагог, сказал он в другой раз ,- даже наступает время , когда всякий , убивающийвас, будет думать, что он тем служитБогу. Если м и р вас ненавидит, знайте, что меня прежде вас возненавидят .. . Помните слово, которое я сказалв а м : раб не больше господина своего. Если меня гнали , будут гнать и вас».Увлеченный этим страшно возраставшим энтузиазмом , вынужденный необходим остьюк проповедиболее и более крайней , Иисус не был более свободен : он уже зависел. от своей рол и , принадлежал, в известном смысле, человечеству. Великое видение Царствия Божи-

его, постоянноблиставшее перед его гл а за м и , кружило голову. необъясним ы м поступкам ,казавшимся нелепыми.Это не был упадок мужества , но его борьба во и м я идеала, противдействительности становилась невыносимой . Он убивался и возмущался о тсоприкосновения с землей».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех евангелий»:

«(Мф. XVI, 6/Мр. VIII, 15/; Мф. XVI, 7;Мф. XVI, 11 /Мр.VIII, 15/; Мф. XVI, 12; Лк. XII, 1,2)

И Иисус сказал: смотрите, берегитесь закваски фарисейскойи саддукейской и иродовой.

Ученики подумали, что он говорит о хлебе.

Тогда он сказал им: как вы не понимаете, что не о хлебе яговорю, берегитесь ,закваски фарисейской, саддукейской и иродовой?

Тогда они .поняли, что он говорил им не о том, чтобыостерегаться хлеба, а говорил об учении.

Но более всего берегитесь закваски фарисейской; она —обман.

А нет того скрытого, что бы не открылось, и тайного, чтобы не стало известно.

Высказав свое учение, Иисус предостерегает противзакваски. Слово «закваска» ученики понимают в смысле учения, но Иисус сказал быучение, если бы он разумел учение.Кроме того, он не мог бы сказать учение Иродово; Иродова, царского учения небыло. То, про что он говорит, он называет закваской, т.е. тем, что, как теперьбы мы сказали, химически соединяется с телом и вполне изменяет его. Закваска,положенная женщиною в квашню и изменившая всю муку, была сравнением для того,чтобы выразить то, что совершается перед лицом Бога и всем миром людей оттого,что в мир вложено разумение блага. То же сравнение Иисус употребляет для того,чтобы выразить то начало, которое вложено в мир и которое, соединяясь с людьми,производит зло. Такая же закваска — закваска фарисейская, саддукейская иירодова — изменяет совсем человека, переставляя для

него добро и зло, делаетто, что добро кажется злом и наоборот. И Иисус говорит, что необходимо беречьсятакой закваски. Закваска Иродова — это закваска власти.

Иродиане — это те, которые считают, что насилия властинеобходимы для блага людей; те, которые, считая Иоанна святым, посадили втюрьму и потом убили его в угоду плясунье; это те, которые собирают подати,судят, казнят, воюют. Это те, которые обрадовались, увидев Иисуса, и все-такираспяли его».

«(Ин. XV, 18-21)

Если мир ненавидит вас, то вы знайте, что меня еще преждененавидел и ненавидит.

Если бы вы были мирские, то он свое любил бы, но вы немирские, я выделил вас от мира, за это ненавидит вас мир.

Поминайте слова, которые я сказал вам: раб не большегосподина своего. Если меня гнали, и вас будут гнать. Если слово мое выполнили,то и ваше выполнят.

Но все это они будут делать вам за мое разумение, потомучто не знают пославшего меня.

Иисус говорит, что надо не удивляться злобе людей. Этазлоба на добро должна быть. Если люди не любят добра, то как же им любить слугдобра?

(Ин. XV, 22-25)

Если бы я не приходил и не говорил им, их ошибки не видныбы были им. Теперь же нет у них отговорки в их ошибке».

«(Ин. XVI, 1-4)

Все это я сказал вам, чтобы вы не соблазнились.

Вас отрешат от собраний. Мало того, придет время, вкоторое всякий, побивая вас, будет считать, что он работает Богу.

Все это будут делать, потому что не познали ни Отца, нимоего учения.

Все это говорю вам, чтобы в то время вы бы вспомнилислова, что я сказал. Сначала же не говорил, потому что был с вами.

Помните, говорит он, что люди ненавидят добро, потому чтоне знают Отца и разумения, и потому не могут не ненавидеть вас. Ненависть к ваместь один из признаков того, что вы остались верными мне. Блаженны вы, когдагонят вас за имя мое».

4) Научный контроль вместо физического контроля: уважение кзнанию и добродетели. Естественное право вместо Нормативного права: Законы этикикак законы поля интеллекта и совести, как норма здорового человека вместообрядов и законов вводимых под угрозой наказания.

Презрение к ложным сакральным авторитетам магическогосознания. Борьба со злом как с общей человечеству болезнью – полем Эгосистемыматериальной энергии. Зло есть болезнь, пока совесть человека жива и он грешитпо незнанию. Каждый человек страдает под автоматизмами поля Эгосистемы –прощайте нездоровым людям, которые страждут выздороветь. Потому Иисус идетименно к грешникам: к мытарям, к тем, кого фарисее считают нечистыми и говорит,когда они его упрекают: Больные нуждаются в докторе. Непротивление Злу насилиемозначает Научный Контроль подхода Врача ко злу: нельзя убить Зло физически,убивая человека не убиваешь с ним зло. Зло есть механизм в душе человека –материальная энергия, от которого можно избавиться только знанием его законов исознательным волевым отказом им повиноваться. Боритесь со злом, не боритесь слюдьми, прощайте больным людям и учите их бороться в самих себе со злом. Идитеи проповедуйте. Таким образом, непротивление злу насилием никак не означаетпопустительство злу, и отказ от борьбы со злом, как думали Томас Пейн (Векразума) и Чехов (Дуэль, Дом с мезонином). Непротивление злу насилием какговорит Толстой, означает единственный эффективный способ борьбы со злом:научный контроль врача вместо судьи, естественное право вместо нормативногоправа, знание вместо наказания, этика чистой совести вместо обрядности идолопоклонства. В том же проявляется и известная Ирония Христа, на которуюобращают внимание Ренан и Честертон. Действительно, ирония как философскийю-

мор, который открыл Маслоу в исследовании самоактуалов, есть осознание поляЭгосистемы как общей болезни всему человечеству. Правильность этого открытияничего так не подтверждает как Ирония Первого Врача Научного Контроля,определившего Зло как общую болезнь человечества, и учившего потому прощать ипомогать друг другу. Однако, если лечитьуже поздно, если поле Эгосистемы поглотило и разрушило поле интеллекта исовести, если дух мертв в человеке и он отказывается покаяться – пусть вам какмытарь и грешник.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«В ту пору врачебное искусство было в Иудее втом же положении, как теперь на Востоке, то есть совершенно ненаучным , исключительнозависевшим от личного вдохновения . Научная медицина, уже пять столетийоснованная в Греции, в эпоху Иисуса был а почти незнакома палестинским евреям .При таком состоянии знания присутствие необыкновенного человека , бережно относившегосяк больному, подававшего ему некоторыми внешними знамениями надежду на выздоровление,ч а сто

бываетдействительным лекарством . Кто решится утверждать, что во многих случаях, заисключением характерных случаев повреждения, прикосновение прекрасной личностине стоит всех аптечных средств? Врачует уже одно удовольствие, что видишь ее.Она дает, что может, улыбку, надежду, и это чего-нибудь да стоит. У Иисуса ,как у большей части его соотечественников , не было представления о рациональнойврачебной науке : подобно все м , он верил , что главное средств о исцеления врелигиозных действиях, и эта вер а был а очень последовательна. Когда на болезньсмотрели как на наказание за грех или как на действие злого духа,а не как на следствие физических причин , лучшим врачом был святой человек,которому дана власть в области сверхъестественного . Исцеление считалосьнравственным

актом»

Мф. 9:10-13

«10 И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришлии возлегли с Ним и учениками Его.

11 Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель вашест и пьет с мытарями и грешниками?

12 Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду вовраче, но больные,

13 пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? ИбоЯ пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

Иисус не говорил против закона Моисеева, но чувствуется, что онощущал его недостаточность и давал

это понять. Он беспрестанно повторял, что надо сделать больше, чемсказали древние мудрецы . Он запрещал малейшее-грубое слово, развод и всякую клятву осуждал закон возмездия, лихоимство,находил сладострастное желание столь же греховным, как и прелюбодеяние

Он требовал общего прощенияобид . Довод, которым он поддерживал это требование высочайшего милосердия, былвсегда один и тот же: «дабы вы были сынами Отца вашего небесного, ибо онповелевает солнцу восходить над злыми и добрыми» . И он прибавлял: «Если выбудете любить любящих вас, какая вам награда ? Не то же дел ают и мытари? И есливы приветствуете только братьев ваших, то что особенного делаете ? Не так липоступают и язычники? И так будьте совершенны,

как совершенен Отец ваш небесный» Чистый культ, религия безсвященства и внешних обрядов, покоящаяся на сердечном чувстве, на последаванииБогу , на непосредственном общении совести с Отцом небесным - таковы быливыводы из этих принципов. Иисус никогда не отступал от этого смелого вывода ,который дел ал его в среде иудейства настоящим революционером . К чему посредники между человеком и егоОтцом? Бог видит сердце , к чему же эти очищения, эти обряды , касающиесятоль-

ко тела? И само предание, столь святое дл я еврея , ничто в сравнении счистым чувством»

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Он открыто нарушал шабаш иотвечал на обращенные к нему упреки тонки ми насмешками. Тем более пренебрегалон многочисленным и, недавно установившиеся обрядами, которые предание примешалок закону и которые пoэтому были особенно милы ханжам. Он беспощадно от носилсяк омовениям, к слишком щепетильному различению чистых и нечистых предметов.«Можете ли вы также омыть вашу душу? - говорил он и м .- Не то оскверняет, чтовходит в уст а человека, но то, что исходит из его сердца».

...Но когда бесподобное очарование егодуховной личности находит себе выход, наступает момент истинного триумфа.Однажды хотели его смутить, приведя к нему женщину, повинную в грехепрелюбодеяния, и спрашивая его, какого обращения она достойна. Известенудивительный ответ Иисуса. Тонкая насмешка мирского человека, умеряемаябожественной добротой, не могла бы найти более красивого выражения. Но уму,который стремится к моральному величию и с ним соединяется, такой ответ меньшевсего могут простить глупцы. Произнося эти слова, полные изящества,справедливости и чистоты: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень!» –Иисус попал в самое сердце лицемерия, и тем же ударом подписал себе смертныйприговор.

...Иисус хотел, чтобы по примеру еговестники доброй вести делали свою проповедь желанной и приятной путемблагожелательных и вежливых манер. Он хотел, чтобы они, входя в дом, говорили«селям» (мир дому сему) или выражали пожелание счастья. Некоторые не решалисьделать этого, ибо селям, как и теперь, символизировал на Востоке религиозноеобщение, на которое, конечно, не шли сразу с человеком, вера которого неизвестна.«Не бойтесь ничего, – говорил Иисус, – если никто в доме не будетдостоин мира вашего, то мир ваш к вам возвратится». Действительно, апостолыЦарствия Божия бывали

иногда плохо приняты и приходили жаловаться Иисусу,который старался их успокоить. Некоторые, убежденные во всемогуществе своегоучителя, были оскорблены этой снисходительностью к людям. Сыновья Зеведеяхотели, чтобы он призвал небесный огонь на негостеприимные дома. Иисус принималих негодование со своей тонкой иронией и останавливал их словами: «Я пришел негубить души человеческие, а спасать».

Г. Честертон, «Вечный человек»:

«У человека, впервые открывшегоЕвангелие и ничего не слышавшего о Христе, сложится совсем другоепредставление. Многое покажется загадочным, кое-что непоследовательным, нодалеко не только кротость увидит и почувствует он. Евангелие захватит его ипотому, что о многом придется догадываться, а многое потребует объяснений. Оннайдет там немало насмешливых намеков.... ....Простые слова Евангелия тяжелы, какжернова, и тот, кто может читать их просто, чувствует, что на него свалилсякамень. Толкования — только слова о словах. Но как опишешь словами темный сад,внезапный свет факелов, гневные лица? «Как будто на разбойника вышли вы смечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в Храме, и вы неподнимали на Меня рук; но теперь — ваше время и власть тьмы». Что прибавишь к мощной сдержанности этойнасмешки, подобной вознесшейся и застывшей волне? «Дщери Иерусалимские! Неплачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших»

Предисловие к Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Чтоособенно раздражает критиков Ренана, искателя религиозных и нравственных ус тоев,так это его «видимые:. противоречия, его неувядаемая ирония. <Я никогда не страдал,- замечает онпоэтому поводу,- и в скромной улыбке, вызванной человеческой слабостью илитщеславием, находил некоторую философию». В 188 2 году, в ответе на книгупокойного Амиеля, он в сущности повторил то же самое: его упрекали в эпикуреизмевоображения, в том, что, говоря о предметах серьез-

ных, он дает место «улыбке ииронии:.; быть может, это «вовсе не дурной nрием. В юморе есть нечто весьмафилософское».

5) Хула на СвятогоДуха. Сатан-Эго мертвой совести. Разрушенное поле интеллекта и совести.Неизлечимое зло Сатан-Эго. Поле Эгосистемы поглотившее духовную энергиючеловека. Именно в этом причина психозов, то есть психических расстройств.Человек не живет без духовной энергии, - она, а не способность мыслить сама посебе делает человека здравым и здоровым. Потому мышление в начальной фазепсихозов полностью сохраняется. Психоз есть – взрыв базовой энергии, взрыв поляинтеллекта и совести. Однако, не всегда проявляется как взрыв, которыйпревращает человека в труп и делает в прямом смысле недееспособным. Такиепсихотики быстро умирают и теряют ориентацию в окружающей действительности.

Есть другой психоз, когда вместо взрыва истощение поляинтеллекта и совести под автоматизмами поля Эгосистемы: это люди с мертвойсовести, жестокие садисты и маньяки, которые со времен Калигул и Неронов оченьчасто оказываются на самом верху социальной лестницы, управляя здоровымипростодушными людьми. Впрочем раньше Злых Императоров– Платон описывает такоеСатан-Эго как «Тиранического человека» в «Республике». Честертон описываетСатан-Эго в «Вечном человеке» как сознательное бесопоклонство «деловых кругов»,которые сознательно жертвуют добродетелью для физического контроля «количествавласти». Толстой прав в том, что главное в них «дух лжи», притворство илицемерие, разложившие на корню совесть и честность поля интеллекта. Солженицынпоказал этих людей Сатан-Эго на своих палачах чекистах, подчеркивая, что вкаждом борется добро со злом, но однажды тот кто постоянно практикует злоперестает существовать для человечества – зло полностью поглощает его. Это и естьСатан-Эго мертвой совести. И Хула на Духа, о которой говорит Иисус как осознательном зле лицемеров, о сознательном бесопоклонстве, о котором пишетЧестертон. Толстой называет это «закваской фари-

сейской», но все ближе наверное«закваска иродианова», так как именно власть, физический контроль насилия ирабства особенно развращает людей. Вот почему Хула на Духа Святого –сознательное бесопоклонство, сознательное зло – не проститься. Дух ужеразрушен, а то что осталось от человека – только ненависть к богу и кдобродетели, и издевательство над «простодушными».

Первородный грех -общая болезнь всего человечества. Людибольны, потому им надо помочь. Совсем другое дело те, кто сознательно насаждаетзло. Кто развратился настолько, что стал сознательным бесопоклонником, иценаправленно закрывает людям дороги к истине, к здоровью, чтобы поработить иразвратить их. Это – враг. Нет ему излечения, нет ему и прощения.

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех евангелий»:

« (Мр. III, 28, 29)

«Потому что, вы сами знаете, что все ошибки могут пройтилюдям и все поругания, какие бы они ни делали. Но если кто надругается наддухом Бога, тому это не пройдет в этом веке, но он подлежит погибели века».

Человек может грешить, ошибаться, ругаться над всеми в мире,и все-таки он может носить в себе дух Бога. Но когда надругается над самим этимдухом, над тем, что есть его жизнь, то уже он сам отнял у себя жизнь. Ужасны истрашны все соблазны. Соблазны личные: похоти, корыстолюбие, тщеславие; ужасныобщие соблазны: соблазны земных рассуждений саддукеев, производящие равнодушиек истинной жизни, прилепление людей к одному земному и гордость ума; ужаснособлазны, выставляющие высоким то, что мерзость перед Богом, соблазны властей,производящие суды, казни, грабеж, войны, убийства; но ужасней всех соблазновсоблазны, выходящие из закваски фарисейской: притворство, выставление неправдывместо божеской правды, презрение Бога в душе и пользование именем его длязаблуждения людей и достижения своих целей. Иисус знал вперед, что как ни враждебноего учение иродианам и саддукеям, они не стоят на дороге этого учения, от нихможно еще освобо-

диться, но фарисеи заграждают, заграждали и всегда будутзаграждать путь к его учению».

Мф. 18:6-11:

«6 а кто соблазнит одного измалых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничныйжернов на шею и потопили его во глубине морской.

7 Горе миру от соблазнов, ибонадобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазнприходит.

8 Если же рука твоя или ногатвоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь безруки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огоньвечный;

9 и если глаз твой соблазняеттебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь,нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную.

10 Смотрите, не презирайте ниодного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицеОтца Моего Небесного.

11 Ибо СынЧеловеческий пришел взыскать и спасти погибшее»

6) Устойчивоеравновесие и насыщаемая мотивация жажды знаний, переход к мотивацииудовольствия поля Интеллекта духовной энергии. Линейное движение и рост,избыточность духовной энергии. И наоборот, циклическое неустойчивое равновесиеполя Эгосистемы материальной энергии (как всех материальных энергий);ненасыщаемая мотивация дефицита (боли, голода). Сознательная воля поляИнтеллекта: и наоборот, бессознательные автоматизмы, компульсия поля Эгосистемы(«Тирания Надо» у Хорни, навязчивые расстройства воли притяжений Самолюбия иВлюбленности, конформизм, страх сверхъестественных сил).

Здесь мыочертили основные принципиальные различия между духовной энергией психики(Контрольный Ток ПЭ) и мате-

риальными энергиями вообще (Детерминированныеэнергии, в том числе Детерминированный Ток ПЭ). Только духовная энергия,постольку поскольку в ее основе Активный Интеллект, Мышление имеет устойчивоеравновесие линейного движения, что связано с ее способностью видетьдействительность, реальность в законах природы и получать устойчивый научныйконтроль над физическими природными энергиями. Это же объясняет ее способностьк росту и насыщаемость мотивации голода (голода знаний, который есть базоваямотивация поля интеллекта).

Кривое зеркало поля Эгосистемы, с его обманчивыми миражами о себеи о мире, не может дать знаний о реальности, и цели которые пказывает война Эгои СуперЭго на поле Эгосистемы недостижимы и всегда будут провоцировать страхсверхъестественных сил, или иначе «голод тщеславия», связанный с поклонениеммагическим авторитетам (количественной абстракции силы физического контроля).Здесь все мираж и ложь и потому цели схватить СуперЭго как физическое(магическое) всесилие не могут быть достижимы, и служат только для постоянноговоспроизводства мотивации страха ложной картинойвойны Эго и всего мира(СуперЭго). Так, работает циклический гомеостаз (равновесие-неравновесие)материальной энергии психики – просто двигаться по кругу без всякого смысла,мотивируясь ложными целями. Потому, мотивация материальных энергий чрезвычайноболезненна: жестокий голод, жажда и холод движут биологическим миром. Человек,способен насыщать свой биологический голод только за счет научного контролядуховной энергии. Животный мир живет в мире постоянной жестокой боли. Точнотакже и для материальной энергии психики: мотивация страха сверхъестественныхсил, которая у абориген проявляется как поклонение тотемам, а у людей нашегомира как поклонение магическим авторитетам (эксперименты Милграма), ненасыщаемаи нескончаема на какие бы высоты социальной лестницы человек не поднимался.Господин и Раб одинаково живут на поле Эгосистемы, где притяжения СамолюбияГоспод и притяжения Влюбленности Рабов составляют единый циклический гомеоста-

зединой материальной энергии. Вот почему оба полюса поля Эгосистемы остаютсяодинаково несчастны и одинаково бедны, какими бы богатствами господа себя нетешили: все нейтрализует поле Эгосистемы, пожирающее их духовную энергию вавтоматизмах ненасыщаемой болезненной мотивации «голода тщеславия» (страхасверхъестественных сил).

По другому дело обстоит на поле Интеллекта, которое образуетполюса интеллекта (Мышление человека и законы природы, активный и пассивныйинтеллект). Здесь голод знаний – это притяжение между этими двумя полюсами,которые человек ощущает как неизбывную любовь к окружающему миру, каклюбознательность, которая им движет. Законы природы не есть миражи кривогозеркала как Эго и СуперЭго и их магические авторитеты (количественнаяабстракция силы физического контроля закона сохранения силы психики). Законыприроды есть истина и действительность, реальное знание о мире. Это научныйконтроль закона сохранения силы психики, который дает реальную информацию омире в виде законов природных энергий. Человек открывает эти законы, получаетдоступ к силам природных энергий, его собственная энергия как эмоции счастья илюбви к миру возрастают с количеством полученных знаний. Таким образом, вместонеустойчивости страха, вместо болезненной мотивации дефицита, вместоненасыщаемого голода тщеславия, - духовная энергия имеет избыток позитивныхэмоций, доступ к силам природных энергий и устойчивый научный контроль.

Мы видим, что оба силовых поля энергий психики детерминированызаконами природы. Но поле интеллекта имеет сознательную волю научного контроля,постижение реальности и относительную свободу контроля этой реальности. ПолеИнтеллекта также свободно от жестких автоматизмов поля Эгосистемы в виде страхаи ненасыщаемого голода, в виде расстройств воли и навязчивых состоянийпритяжений Самолюбия и Влюбленности, свободу от насилия господства иподчинения, ибо это союзы братства совести и сочувствия. Вот почему несмотря на-то, что это поле тоже детерминировано законами природы, его

«бремя легко инести его легко», как говорит Иисус. То есть оно ощущается как свобода, а некак тюрьма рабства.

Вот почему, Свобода есть состояние духовное прежде всего,состояние психики: очищенная от поля Эгосистемы психика народа никогда несоздаст Левиафан рабства, а только свободное братство совести, естественногоправа этики. Вот почему здоровая духовная энергия ощущается как Свобода, тогдакак автоматизмы поля Эгосистемы ощущаются как рабство внешнего чуждого насилия,как жестокость ненасыщаемой мотивации страха.

И вот почему Иисус отвечает так на вопрос фарисеев о том, почемуон говорит, что даст им свободу, если они никогда ни у кого в рабстве не были:«если сын освободит вас, то истинно свободны будете». Потому что свобода естьсостояние психическое прежде всего: чтобы быть свободным надо уйти с поляЭгосистемы на поле Интеллекта, уйти от отношений Господина и Раба к отношениямОтца и Сына. Этот переход и совершает Иисус.

Е. Трубецкой, «УчениеАвгустина о Граде Божьем»:

«Все на свете стремится к миру (равновесию), но надо отличать вечный мир(равновесие) Божий от ложного, неправого мира (равновесия) греховной твари; ибоесли последняя стремится к эгоистическому преобладанию и тираническомугосподству, то истинный Божеский мир есть всеобщее равенство и согласие людей.Злой человек или злой дух ненавидит равенство под законом Божьим и стремится кмиру неправому: из подчиненного члена мирового порядка он сам хочет статьсредоточием, центром всего. Напротив, истинный мир Бога и человека есть«послушание, упорядоченное в вере под вечным законом». «Мир всех вещей есть спокойствиепорядка. Порядок есть расположение вещейравный и неравных каждой в своем месте». Разумные твари успокаиваются в наслаждении Богом и друг другом в Боге, атела их во всех своих частях совершенно подчиняются их воле».

Л. Толстой, «Соединение и переводчетырех Евангелий»:

«(Мф. IX, 36; Мф. XI, 28-30)

Иисусу жалко было людей, что они не понимают, в чемистинная жизнь, и мучаются, не зная зачем, как овцы без пастуха.

И он сказал: Отдайтесь мне все замученные, все сверх силнагруженные, и я дам вам отдых.

Наденьте на себя мое ярмо и научитесь от меня. Я ведьсмирен и мягок сердцем. И вы узнаете отдых в жизни. Потому что мое ярмо ладноеи воз мой легкий.

Люди надевают на себя ярмо не по них сделанное ивпрягаются в воз не по их силам. Люди, живя для плотской жизни, хотят найтиуспокоение и отдых. Только в духовной жизни есть отдых и радость. Только этоярмо сделано как раз по силам людей, и ему учит Иисус. Попробуйте и узнаете,как ладно и легко.

....(Мф. XXIII, 4)

Потому что они связывают ноши тяжелые и неподъемные инакладывают на плечи людям, а сами пальцем не хотят пошевелить их.

Ноши закона тяжелые, и никто их не Исполняет. Ноша Иисусалегкая. Речь все продолжается о том, почему никто не исполняет закона и неделает дел; это происходит потому, что 1) они говорят и не делают и примера неподают; 2) потому, что то, что они велят делать, слишком трудно, и трудностьэта для них не важна, потому что они не помогают поднять ношу.

(Мф. XXIII, 5-10)

Только для того, чтобы любовались на них люди, навешиваютна руки четки и выпускают подолы ряс и мантий;любят на обедах на первое местосадиться и в церквах на возвышенные кресла;любят, чтобы им руки целовали нанароде и чтобы называли их: наставник! учитель! А вы не называйтесь учителями,потому что у вас один учитель Христос и вы все братья. И батюшкой никого неназывайте на земле, потому что один Отец у вас

на небе. И не называйтесьвождями или наставниками, потому что один ваш вождь и пастырь Христос.»

Д. Мережковский, «Павел иАвгустин»:

«В тайне Предопределения Павелпонял Иисуса, как никто из святых. «Христос есть Дух, а где Дух, там свобода» (II Кор. 3, 17). — «Духдышет, где хочет, и голос Его слышишь, и не знаешь, откуда приходит и кудауходит: так бывает и со всяким, рожденным от Духа» (Ио. 3, 8). — «ДухГосподен на Мне; ибо Он послал Меня... проповедовать пленным освобождение...отпустить измученных (рабов) на свободу» (Лк. 4, 18). Это и значит: тайна Духа — тайна свободы. Первое царство, Отца, — Закон; второе, Сына, —любовь; третье, Духа, — свобода».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Ночувство, введенное в мир Иисусом , это чувство наше. Его совершеннейший. идеализм- высшее правило самоотреченной и добродетельной жизни. Он создал небеса чистыхдуш , где есть все, чего напрасно ищут на земле : чистое благородство детей Божьих,полная святость, совершен н а я

отрешенность о тмирской скверны, наконец, свобода , которую существующее общество исключает какневозможную и которая существует во всей своей пол ноте только в областимысли. Иисус - великий учитель всех, кто находит убежище в этом идеальном рае.Он первый провозгласил царство духа , первый сказал , по крайней мере своимидел а м и : « Царство мое не от мира сего » . Истинное Царствие Божие -это царство духа, где каждый человек - царь и священ ник; это царство, как горчичное зерно, вырастетдеревом, которое осенитмир, под ветвями которого гнездятся птицы,вот царство, которое разумел Иисус, которого он желал, которое основал. Рядом с ложным,холодным, несбыточным представленнемо торжествен ном пришествии он постиг идею действительногограда Божия, истинное возрождение, дал Нагорнуюпроповедь , апофеоз слабого, постиг любовь кнароду, симпатию к бедняку, восстановлениевсего приниженного, истин-

но простодушного.Это восстановление он выразил , как несравненный художник, в чертах, которыебудут жить вечно. Каждый из насобязан ему тем, что в нем лучшего. Простимему надежду на суетное откровение, на торжественное явление на облаках небесных.

....Это так верно, что · такназываемая мораль последних дней оказалась вечной, спасла человечество. СамИисус в о многих случаях пользуется оборотами речи , вовсе не входившими в егоапокалиптическую теорию. Он часто заявляет, что Царствие Божие уже наступило,что всякий носит его в себе, может насладиться им если его достоин , создаетего в тишине искренним обращением сердца. В таком случае Царствие Божие не чтоиное, как благо порядок вещей лучший,чем существующий, царство

справедливости, в создании которого обязан участвовать, помере возможности, всякий верующий; ил и это - свобода души, нечто подобное буддистскому«освобождению», плод самоотречения. Все эти истины, дл я нас часто отвлеченные,был и дл я Иисуса живой существенностью. В его мысли все существенно .ипредметно : Иисус - человек, всего страстнее веровавший -в реальность идеала . Воспринимаяутопии своего времени и расы, Иисус таким об р азом сумел пересоздать их, поплодотворному недоразумению, в вел и кие истины. Е го Царствие Божие - несомненно,откровение, которое должно было вскоре развернуться в небе, но, вероятно, этобыло преимущественно царство души , созданное свободой и сыновним чувство м , котороеиспытывает добродетельный на лоне Божием. Т о был а ч и стая религия, без обрядов,без храма и священника; нравственный суд над миром , предоставленный совести

справедливого человека и исполнению народа . Вот что предназначенобыло жить, и вот что жило. Когда после стольких тщетных ожиданий исчерпал асьматериалистическая надежда на конец м и р а , истинное Царствие Божие

начинает выясняться .

.....Необыкновенная уверенность и порою звуки необычайной кротости, перепутывающие все наши мысли,искупали эти преувеличения. «Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные,-говорил он,- и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибоя кроток и смирен сердцем , и найдете покой душам вашим , ибо иго мое благо ибремя мое легко»

Таким образом, мы можем видеть, что элементыцеркви в проповеди Христа можно свести к научному контролю поля интеллекта поисцелению его от физического контроля поля Эгосистемы. Тогда высвобождениедуховной энергии по законов поля интеллекта, где законы этики – совесть,сочувствие, справедливость – выражают общее Я (общий объект контроля законасохранения силы) духовной энергии, - по законам поля интеллекта приведет ксилиянию духовной энергии в единое братство самой нежной дружбы. Это и есть плодпроповеди Христа – Духовный Союз поля Интеллекта.

1) Четкое отделение духовной энергии от материальных энергийчеловека:

2) Дружба единенияДуха вместо Рабства насилия и подчинения материальной энергии.

3) Социальный союз естественного права вместо политическогосоюза нормативного права.

4) Научный контроль вместо физического контроля. Борьба сполем Эгосистемы, подход врача: омойте свои души.

5) Хула на СвятогоДуха. Сатан-Эго мертвой совести

6) Устойчивое равновесие поля Интеллекта как Свободанаучного контроля. Циклическое равновесие поля Эгосистемы как рабствобессознательных автоматизмов физического контроля.

3. Церковь Христа как ДуховныйСоюз Поля Интеллекта.

«Отныне, - говорит Иисус, -будете видеть Небо отверстым и ангелов Божьих восходящих и нисходящих к СынуЧеловеческому».

Действительно, с очищением отполя Эгосистемы материальной энергии, человек, чья духовная энергия основана наполе Интеллекта на движение между Активным и Пассивным полюсами Интеллекта (отМышления к Законам природы), попадает на свою родину – на лоно Знаний, на лоноДуха, на лоно Пространства Интеллекта. Его дух, угнетенный до этого в рабствеполю Эгосистемы, теперь высвобождается, чтобы увидеть Небо в своей новойдуховной жизни познания, творчества и церкви духовного союза. Небо в прямомсмысле открывается Сынам Человеческим, которые в самом деле произошли отСвятого Духа, ведь их базовая энергия есть энергия интеллекта.

Достаточно вспомнить, что такое вэнергетическом смысле магическое сознание Идолопоклонства поля Эгосистемы.Человек с магическим сознанием не видит реального мира: между ним и миромКривое Зеркало (покрывало Майи) чувственной информации физического контроля,которая отражает мир и самого человека как борьбу на смерть между Эго иСуперЭго, где Эго – отражение себя, а СуперЭго – количественная абстракция силывсего остального мира!). Понятно, что мир будет несравнимо превосходить, будет«всесилием» наряду со слабым Эго. Понятно, что эти «Отражения» не равны ниастоящему Я человека (то есть его духовной энергии), ни миру, а толькоколичественная абстракция силы. Понятно, что неравенство сил и ихпротивостоящий характер будут рождать «страх сверхъестественных сил», о котороммного написал Леви-Брюль, исследуя магическое сознание абориген. Понятно также,что в этих силах нет ничего сверхъестественного, они просто ложные и даютискаженную картину как любое физическое отражение, в данном случае в видеколичественной абстракции сил – ведь это картина закона сохранения силыпсихики. О противостоянии Эго и СуперЭго как фигур бессознательного много писалФрейд.

Фрейд не мог объяснить откуда этифигуры и что они значат: его попытки дать биологическое объяснение нелепы иабсурдны. Однако, если мы возьмем термины энергетики, то сразу картинапредельно ясна: физический контроль закона сохранения си-

лы материальной энергиипсихики таким образом формирует противоположные полюса своего поля – Эго иСуперЭго! Вот почему отражаемая картина носит характер противостояния мира исебя – это плюс и минус силового поля материальной энергии, которые запустятцикличный гомеостаз, то есть круговое движение материальной энергии.

Теперь, если мы вспомним, чтоидолопоклонство есть преклонение Эго перед СуперЭго, мы поймем как безуспешныпопытки магического сознания соединиться с объектом своего вожделения –СуперЭго. Навеки эти миражи, пока они существуют в психике, разделены какпротивоположные полюса силового поля материальной энергии. Вот почему магияабориген не имеет ничего общего с религией и мистикой поисков истинного богадуховной энергией, и вот почему все попытки установить между магией абориген ирелигией духа количественные различия (еще Тойнби делит их как низшие и высшиерелигии, в чем сильно ошибается!) обречены на полную неудачу. Магия сознанияесть полное отсутствие духа материальной энергии, и «закрытые небеса»интеллекта, рождающего дух и общение с Богом чрез посредство интеллекта. Вотпочему Иисус, чья проповедь есть переход к научному контролю поля интеллекта,говорит, что отныне будете видеть Небеса Отверстыми. Действительно, он открылНебо Сынам Человеческим.

Л.Толстой «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

«Для тогоже, кто понял истинность Иисуса и сыновность его Богу

так, какони объяснены в l-й главе, предания о голубе и голосе

с неба,по меньшей мере, излишни. По прежнему учению Бог был

отдельноесущество от человека. Небо обиталище Бога, и сам Бог

былзакрытым для человека. По учению Иисуса небо открыто для

человека.Общение Бога с человеком установлено. Жизнь человека

от Бога,и Бог всегда с человеком, и потому сила Божия сходит
к сынучеловеческому; человек познает ее в себе и восходит
на небо. Человекиз себя познает Бога. В этом и заключает-
ся на-
ступлениецарства Божия, которое проповедовал Иоанн и подтвер-
ждаетИисус. Здесь же уже неизбежно значит свобода, а не власть,
потомучто противополагается учению книжников. Книжники имели
власть, ипотому не могло быть сказано: имея власть, а не как
книжники(имеющие власть). Противоположение тут в том, что
книжникиименно потому, что имели власть, учили несво-
бодно,
а Иисусучил свободно: т.е. что учение книжников (как оно и было)
считалолюдей рабами Бога, несвободными, а по учению Иисуса
люди былисвободны. При таком объяснении понятно и то, чему
могвосхищаться народ. Если бы Иисус учил как власть име-
ющий,
т.е. сдерзостью и нахальством, то народу бы нечем было восхи-
щаться.Это фарисеи и книжники умели гораздо лучше. Но, очевид-
но,что-то другое было в его учении. И это другое было то, что он
училсвободно, как свободный от всех уз».

Лютер, «О свободе христианина»:

«Это иесть истинная жизнь христианина, ибо вера приступа-
ет тогда к делам с желанием илюбовью, как учил галатов св. Па-
вел. Однако филиппийцев, которых он назидал,каким образом

через веру в Христа они возымели бы милость и удовлетворение нуждсвоих, он учит далее, и говорит (Флп. 2): ≪Увещеваювас всяким утешением, которое вы имеете во Христе, и всяким утешением, которое имеетеот любви нашей к вам, и всякой общностью, которую имеете со всеми духовными,праведными христианами, что тем вы всецело обрадуете сердце мое, если друг кдругу любовь проявлять и впредь возжелаете, так что один будет служить другомуи каждый будет заботиться не о себе и не о своем, но о других и о том, в чемони нуждаются≫.

.....Смотри, вот так вытекает из верылюбовь и ликование к Богу, а из любви свободная, вольная, радостная жизнь, дабыдаром служить ближнему!

.....Из всего этого следует заключение,что христианин живет не в себе самом, но в Христе и в ближнем своем: в Христечерез веру, а в ближнем через любовь; верою поверх себя он направляется к Богу,а от Бога он направляется любовью опять в себя самого и остается всегда в Богеи в Божественной любви. Подобно тому как говорит Христос (Ин. I): ≪Отныне будете видеть небо отверстым иангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну человеческому≫. Смотри, это и есть истинная,духовная, христианская свобода,

освобождающая сердце от всех грехов,законов и заповедей, которая превосходит всякую другую свободу, как небо землю,которой, дай нам Бог, правильно понимать и держаться. Аминь».

«Будучисвободным ото всех, - говорит Павел, - я всем поработил себя». Так же и Лютерговорит, что «христианин живет не в себе самом, но вХристе и в ближнем своем». Так, проповедь Евангелия для тех, кто ее понял ведетк пробуждению духовной энергии, к очищению ее от поля Эгосистемы (или какминимум к упорной борьбе с полем Эгосистемы как общей бедой человечества), икак следствие к единению духовной энергии.

Этоединение в дружбе, сочувствии и совести есть качественно отличные эмоции,позитивные и счастливые, которых не мо-

гут знать основанным на вечном страхеэмоции притяжений влюбленности и самолюбия, рабства и насилия. И вот,исследователи особенно отмечают качество этих эмоций. Фромм и Маслоу, Хорничетко противопоставили эмоции избытка здоровых людей – эмоциям невроза какненасыщаемой болезненной мотивации невротиков, которых они понимают как людей«Ложного Я» и «Инфляции Эго». Они же пишут о качественно различных эмоцияхмежду притяжениями самолюбия-влюбленности (отношения садомазохизма) с однойстороны и братской любовью, любовью-дружбой, или как сказал бы Иисусотечески-сыновней любовью с другой стороны. Впрочем, об этих качественныхотличиях говорят уже Платон, Спиноза (Этика), Кьеркегор.

Д. Мережковский, «Павел иАвгустин»:

«Но главная «движущая сила» его —та же, что у самого Иисуса, — любовь не только общая, ко всем людямвместе, но и к каждому в отдельности. «Каждого из вас, я (в подлиннике „мы“, нозначит: „я“) просил и убеждал, и умолял, как отец — детей своих» (I Фес. 2,11–12). — «Как отец», и еще нежнее, — как мать: «дети мои! длякоторых я снова — в муках рождения, доколе изобразится в вас Христос» (Гал. 4,19). — «Нежен я был среди вас, как кормилица, которая нежно обходится сдетьми своими» (I Фес. 2, 7). — «Вы в сердце моем, так, чтобы нам вместе иумереть и жить» (II Кор. 7, 3). — «Кто изнемогает, с кем бы я неизнемогал? Кто соблазняется, с кем бы и я не воспламенялся?» (II Кор. 11,29). — «Я всем поработил себя... для всех сделался всем, чтобы спасти, покрайней мере, хоть некоторых» (I Кор. 9, 19).

Большею любовью никто никогда не любил людей, кроме Иисуса.Вот Павлова победа, победившая мир. «Если я имею дар пророчества, и знаю всетайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, алюбви не имею, то я — ничто» (I. Кор. 13 — 2).

Мать, не умеющая пеленать и кормить младенца, не многогстоит. Павел это умеет, как никто; хлопочет, как Марфа, о «большом угощеньи»,хотя и знает, как Мария, что «нужно только

одно» (Лк. 10, 39–42); вечносуетится, заботится обо всех вместе и о каждом в отдельности. «Каждый день, уменя забота о всех церквах» (II Кор. 11, 28). В сердце своем соединяет всецеркви, от захолустной в Колоссах, у подножия Арарата, до Рима, а может быть идо берегов Атлантики — Испании; кормит их всех одной и той же пищей — «молоком,как нежная кормилица»: «Вам нужно еще молоко, а не твердая пища» (Евр. 5,12)».

Д. Мережковский, «Павел иАвгустин»:

«В тайне Предопределения Павелпонял Иисуса, как никто из святых.

«Все да будет едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе; так иони да будут в Нас едино» (Ио. 17, 21). «Я в них, — во всех» (Ио. 17, 26).Это последние слова Иисуса, сказанные на земле ученикам. «Многое еще имеюсказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Дух... то откроетвам всю истину... и будущее возвестит вам» (Ио. 16, 12–13»

Наконец, на последок хотелось бысказать о «Благодати» Августина, под которой он понимал частное проявлениевсеобщего вечного закона Божьего как движущей силы церкви. В этом смыслеБлагодать есть Закономерности духовной энергии человека, закономерности поляинтеллекта и совести, которые конечно в духовном союзе церкви будут ощущатьсямного сильнее и лучше, чем одинокими индивидами, как бы здоровы они ни были икакой силы духом бы они не обладали. В этом смысле, надо помнить что Благодатьцеркви Христа жива только до тех пор, пока жива здоровая духовная энергия,очищенная от поля Эгосистемы. И что если это условие соблюдено, что Августинсовершенно прав в том, что такой союз есть Благодать Божья, и что Благодать этамного предпочтительнее и много мудрее любого индивида, так как ею движутзакономерности здорового духа целой общины. Однако, католическая церковь,которая в ранний свой период, особенно в период св. Амвросия, сильноповлиявшего на Августина, являла мощный пример такой Благодати, не устояла вней и потеряла и свое здоровье и свое единство, и свою мудрость. Очевидно, чтотот заряд «подхода врача», кото-

рый мог быть только «начатками Духа», какговорит Павел, в эпоху далекую от науки, следует теперь развивать так, чтобынаучный контроль в виде правильной системы образования позволил воспроизводитьиз подрастающих поколений здоровую духовную энергию и таким образом нерушимыедуховные союзы, нерушимую мудрость, силу, совесть, дружбу Благодати церкви Христа.

У. Трубецкой,«Учение Августина о Граде Божьем»:

«Человек не предоставлен самому себе в деле спасения, но связан солидарнойвластью с родом человеческим. Он связан со своими ближними природной,естественной связью через общего родоначальника Адама и в силу этого – общимиузами греха. Адам для Августина есть олицетворение нашей общей социальнойприроды, и грех Адама по тому самому не есть для него только акт единичнойволи, а родовой, социальный фактор. «Мы были в нем одном, когда были все онодин». Мы еще не существовали тогда, как единицы, но уже существовали, как природа,– в семени родоначальника, и унаследовали от него греховную организацию.Во-вторых, индивид связан с человечеством узами благодати, которая объединяетвсех участников спасения в единое социальное целое в общем духовномродоначальнике Христе. Ибо идеальная цель благодатного процесса именно изаключается в том, чтобы все избранные были единым телом Христовым, или, каквыразился Августин, – единым Христом. Социальному греху противополагаетсясоциальное действие благодати на человечестко, как род, как единый организм.Элементарная, земная форма действия благодати, по Августину, есть социальнаяжизнь земной церкви; конечная и безусловная цель его есть социальное единствоизбранных во Христе, единство вечного града Божия».

Э. Ренан«Жизнь Иисуса»:

«Невзираяна феодальную церковь, секты, духовные ордена, свя-

тые людипродолжали восставать во имя Евангелия на неправду

света.Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более ис-

тинныхпоследователей, кроме тех, которые, по-видимому, его от-

рицают,мечты об идеальном устройстве общества, представляю-

щиестолько сходства со стремлениями первых христианских

сект, —эти мечты являются в известном смысле развитием той же

идеи,одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в за-

родышевсякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно бу-

детЦарствие Божие. Все общественные перевороты привьются

к этомуслову, а социалистические попытки нашего времени, запят-

нанныегрубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то

есть ксозданию общего благоденствия политическими и экономи-

ческимимерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство

истинныйдух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм

не усвоиттого начала, что, дабы обладать землею, надо от нее от-

речься»

ГЛАВА 5. ЦЕРКОВЬ ХРИСТА КАК БЛАГОДАТЬ АВГУСТИНА

1. ЦЕРКОВЬ ХРИСТА — ДУХОВНЫЙ СОЮЗ ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА. А. ТОЙНБИ КАК ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ АВГУСТИНА

Самым главным наследием проповеди Иисуса, как мы уже много раз говорили, стал его драгоценный дар человечеству в виде Церкви Христа. Мы будем под Церковью Христа понимать «духовный союз поля Интеллекта», а вовсе не те сотни христианских вероисповеданий, на которые сегодня раздробилось христианство. Католическая церковь в период раннего христианства сумела приблизиться к этой драгоценной цели человеческой эволюции: к созданию истинного духовного союза поля интеллекта и совести, и об этом мы еще скажем подробнее позже. Сейчас же важно отметить, что под Церковью Христа мы разумеем проповедь Христа и ее будущее воплощение. И постараемся показать, что цель и результат его проповеди, правильно понятой, есть духовный союз поля интеллекта и совести как противопоставление государству-Левиафану физического контроля поля Эгосистемы. Вот почему правы Гарнак и Мережковский, когда говорят, что Августин, который именно так понял проповедь Христа в «Граде Божьем», что Августин — первый человек наших дней.

Наша задача сказать тоже самое в терминах энергетики и доказать, что проповедь Христа есть предтеча Открытия Психи-

ческой Энергии, и что без окончательного слова в виде научной теории о закономерностях психики, Церковь Христа как духовный союз не может окончательно утвердиться. Сегодня практика это подтверждает как нельзя более отчетливо. Мы видели, что католическая, православная, а за ними и протестантские церкви сползают в магическое сознание, превращая Христа в Идол, а церковь либо в Левиафан, как православие и католицизм, либо в бессильный департамент государства как протестантские церкви. Однако истинное значение церкви в жизни человечества показала только Католическая церковь раннего христианства и Католическая церковь средних веков, - церковь Гильдебрандта, как называет ее А. Тойнби. Августин начертил отношения между Градом Божьим и Государством, а ранняя Католическая Церковь гениально воплотила в жизнь этот чертеж Отца Церкви. И именно эта победа Церкви Христа создала университеты, свободные города-государства средневековья, а через них и демократические и правовые революции, которые как говорил Ренан «все привьются к слову Христа». Современное правовое государство, как Государство Нормативного Права с гуманистическими и христианскими ценностями – это как раз результат той победы церкви и демонстрация того «перемирия» между Градом Божьим и Государством, которое Августин определил как переходный период к Граду Божьему, то есть окончательной победы Теократии Естественного Права. Из современных ученых, А. Тойнби всецело разделяет теорию отношений Града Божьего и Государства, и пророчет победу церкви над государством в будущем.

А. Тойнби, «Цивилизация перед судом истории»:

> «Эти два слова — «Иисус Христос» — имеют неоценимое значение для нас и будут, рискну предсказать, все так же важны для человечества и две, и три тысячи лет спустя. Эти два слова были свидетелями столкновения между греко-римской и сирийской цивилизациями, столкновения, в результате которого и родилось христианство. Слово «Иисус» — это третье лицо единственного числа одного семитского глагола; «Христос» — пассивное причастие от греческого глагола. Это двойное имя само по себе — свидетель того, что христианство было рождено от брака двух культур.

….Если в этом анализе есть зерно истины, то открывается третий возможный взгляд на отношение между цивилизациями и высшими религиями, совершенно противоположный тому, что я предложил вам только что. По той второй точке зрения религия подчинена задаче воспроизводства цивилизаций; третий же подход предполагает, что последовательные подъемы и спады цивилизаций могут быть вспомогательным элементом в развитии религии.

Надломы и распады цивилизаций могут оказаться ступеньками к высшему развитию в религиозной сфере.

….Если религию уподобить колеснице, то можно сказать, что колеса, на которых она взбирается на Небеса, — это, вероятно, крушения цивилизаций на планете Земля. Похоже, что движение цивилизаций имеет циклический и периодический характер, в то время как движение религии выглядит как одна непрерывная восходящая линия. Возможно, что циклическое движение цивилизаций служит и помогает непрерывному восходящему движению религии через повторяющийся цикл: рождение — смерть — рождение. Если мы согласимся с таким выводом, он откроет нам довольно неожиданный взгляд на историю. Если цивилизации являются служанками религии и если греко-римская цивилизация сослужила хорошую службу христианству, дав ему жизнь перед тем, как развалиться окончательно самой, тогда цивилизации третьего поколения могут показаться напрасным повторением язычества. И если вместо исторической функции высших религий

— способствовать в качестве куколки циклическому процессу воспроизводства цивилизаций

— исторической функцией цивилизаций, напротив, является служить, разрушаясь, ступеньками для поступательного процесса все более глубокого религиозного прозрения, тогда общества того типа, который мы называем цивилизацией, должны завершить выполнение своей функции, дав жизнь зрелой высшей религии; и в этом случае наша собственная западная постхристианская секулярная цивилизация была бы в лучшем случае излишним, а в худшем — пагубным отступничеством с пути духовного прогресса. В нашем сегодняшнем западном мире поклонение Левиафану — племенное самопоклонение — это религия, которой мы все в той или иной мере отдаем дань; эта племенная религия является, конечно, чистым идолопоклонством».

А. Тойнби, «Постижение истории»:

«Таким образом, хотя цивилизация и является предварительным умопостигаемым полем исторического исследования, Град Божий —

> единственное нравственно допустимое поле действия, и гражданство этого *Civitas Dei* (Града Божьего) на земле дают людям высшие религии. Фрагментарное и мимолетное участие человека в земной истории действительно спасает его, когда он играет свою роль на земле в качестве добровольного помощника Бога, чье господство над ситуацией придает божественную ценность и смысл всем, в ином случае ничтожным, попыткам человека. Это искупление Истории столь дорого для человека, что в современном секуляризованном западном мире криптохристианская философия истории сохраняется даже якобы преодолевшими христианство рационалистами ...Эта начальная глава истории христианства явилась зловещим предзнаменованием для будущего вестернизированного мира XX столетия, поскольку культ Левиафана, которому раннехристианская Церковь нанесла поражение, казавшееся уже окончательным, вновь заявил о себе с грозным появлением тоталитарного типа государства, с дьявольской изобретательностью завербовавшего на свою службу современный западный гений организации и механизации в целях порабощения как душ, так и тел до такой степени, какая была недоступна для злонамеренных тиранов прошлого. Похоже, что в современном вестернизированном мире вновь должна начаться война между Богом и кесарем. И, похоже, что и в этом случае нравственно благородная, хотя и опасная в духовном плане роль воинствующей церкви вновь выпадет на долю христианства».

2. «ЭЛЕМЕНТЫ ЦЕРКВИ» В ПРОПОВЕДИ ХРИСТА

Мы видим, однако, что в современном мире, где правит лженаука дарвиновской парадигмы, никому и дела нет ни до Града Божьего Августина, ни до «Постижения истории» А. Тойнби. И это при том, что истина несомненно на их стороне, на стороне последователей той гениальной проповеди Христа, которая однажды создала и показала человечеству его настоящее богатство и сокровище, к которому стремится вся его история: «духовный союз поля интеллекта» в качестве ранней католической церкви и ее правильного места в обществе: Града Божьего Естественного Права, контролирующего Государства-Левиафаны физического контроля духовным мечом, — то есть направляющая Нормативное право государств к образцу Естественного права.

И мы знаем, что сегодняшнее плачевное положение состоит в том, что проповедь христианская не досказана, и в наш век научного мышления она не может иметь действия, пока Иисуса оставляют идолом-божеством, а евангелие перемешано с возмутительной магией, которая мешает восприятию ее философского и теоретического содержания. Сами притчи уже недостаточны для века научного мышления. И потому мы ставим себе задачу показать в терминах энергетики, что великая и цель и результат этих «божественных логий» Христа — создание церкви как духовного союза поля интеллекта.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Никогда Иисус не выражал кощунственной идеи, что он Бог. Он верит, что находится в непосредственном общении с Богом, что он Сын Божий. Самое высокое сознание Бога, какое только проявлялось в человечестве, было сознание Иисуса. С другой стороны, легко понять, что, исходя из такого духовного состояния, Иисус никогда не станет спекулятивным философом, как Сакья –Муни».

Итак, для духовного союза требуется здоровье психики, то есть очищенное от поля Эгосистемы поле Интеллекта и совести. Так, если мы возьмем исследования А. Маслоу о «самоактуалах», то есть о «здоровой психике» людей (среди них Маслоу брал исторические личности и гениев как образцы здоровья, например, Брамса, Эйнштейна, Чаплина, Элеонору Рузвельт, Линкольна, Спинозу и др), то как я старалась детально показать в «Пяти книгах Научной Революции Энергетика на английском», синдром здоровой психики у Маслоу – это поле интеллекта и совести, очищенное от автоматизмов физического контроля поля Эгосистемы. И вот, одной из важных характеристик этих людей является крепкая дружба между собой, и любовь между полами имеет качественное отличие как любовь-дружба, то есть как духовный союз. При этом Маслоу подчеркивает, что это особая любовь-дружба у здоровых людей возможна только с такими же здоровыми как они сами людьми. Конечно, единое поле интеллекта и совести не получить с теми, чье поле интеллекта разрушено автоматизмами поля Эгосистемы. Или говоря обычным

языком как подружиться с негодяем? Или языком христианским: если не покается пусть будет вам как мытарь и грешник, говорит Евангелие.

В своих работах «Человек для себя», «Искусство любить» Э. Фромм показывает качественное различие между «идолопоклонством»-любовью, иначе «садомазохизмом» господства-подчинения, самолюбия-влюбленности с одной стороны, и с другой стороны любовью-дружбой, как у самоактуалов Маслоу. Первое есть болезнь, которая ничуть не сближает людей духовно, утверждает Фромм: действительно все отношения через поле Эгосистемы есть разделение духовной энергии людей автоматизмами мертвой чуждой энергии (отчуждение от себя, говорит Фромм, общение без единения). Второе напротив есть настоящие человеческие отношения, потому что в их основе соединение духовной энергии людей, которому больше не мешают нейтрализованные автоматизмы поля Эгосистемы (притяжения самолюбия-влюбленности). Так, Маслоу и ФРомм дают нам лучшее на сегодня, до науки энергетики, определение духовного союза поля интеллекта и совести вследствие нейтрализации поля Эгосистемы.

Христос дал его в своей знаменитой проповеди две тысячи лет назад, на языке поэзии, и поэзия его была так сильна, что пробудила духовную энергию, научила бороться с полем Эгосистемы, и создала в конечном итоге духовный союз – церковь Христа. Что это за проповедь? Попробуем сделать беглый обзор. Мы обозначили как «элементы церкви» его проповеди те смысловые части Евангелия, которые на самом деле есть формулирование законов психической энергии, и ведут через очищение поля интеллекта и совести от поля эгосистемы – к здоровой духовной энергии индивида, а значит к возникновению духовного союза между этими здоровыми индивидами. То есть церкви.

Элементы церкви, или что сделало возможным духовный союз ранних христиан, в проповеди Иисуса.

1) Четкое отделение духовной энергии от материальных энергий человека: не хлебом единым, но словом божьим; кто не родится от духа, тот не войдет в царствие небесное; собирайте

сокровища на небесах; нельзя служить богу и мамоне: господу служи и ему одному работай; дух животворит, плоть не пользует нимало.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Удивительно глубокое чувство владеет во всем этом Иисусом, как и толпою веселых детей, сопровождающих его, и он стал навеки творцом душевного мира и великим утешителем жизни. Освобождая человека от того, что он называл мирской суетой, Иисус мог бы дойти до крайностей и нарушить существенные устои человеческого общества, но он положил основу тому вечному спиритуализму, который на протяжении веков наполнял радостью сердца в этой юдоли слез. Он совершенно ясно видел, что невнимание человека, недостаток в нем философии и нравственности чаще всего являются результатом развлечений, которым он отдается, и осаждающих его забот, которые цивилизация умножает безмерно. Таким образом евангелие было высшим целителем печалей обыденной жизни, постоянным „горе имеем сердца“, могучим отвлечением от жалких земных забот, кротким призывом, напоминающим слова, которые Иисус шепнул Марфе: „Марфа, Марфа, печешься о многом, единое же есть на потребу“. Благодаря Иисусу самое тусклое существование, всего более поглощенное печальными и унизительными обязанностями, получило просвет к небу. В наших деловых цивилизациях воспоминание о свободной жизни в Галилее было как бы благоуханием другого мира, „росой Гермона“, которая помешала черствости и пошлости окончательно овладеть Божьей нивой»

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Это презрение к внешним благам и к суетному изобилию комфорта, которое — раз причиной его не является лень — необыкновенно возвышает душу, вдохновляло Иисуса на самые чарующие поучения. «Не собирайте себе, — говорил он, — сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют их, и где воры подкапывают и крадут; собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет. Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и Маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы,

и Отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя бы на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут, но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть или что пить, или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам заботится о своем: довольно для каждого дня своей заботы».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

«Что сказано в беседе с Никодимом:

В стихах с 1-го по 5-й сказано: кроме той причины жизни, которую человек видит в зачатии ребенка в утробе матери от плотского отца, причина жизни человека есть еще другая — неплотская.

Иисус называет это непл6тское начало жизни Отцом, духом. Это та мысль, которая выражена Иисусом еще в детстве в храме, когда он называл Отцом своим Бога; та же мысль, с которой начинается искушение: *Если ты сын Бога,* и та же выражена в ответе: *Не хлебом жив человек, но исходящим из уст Бога — духом.* Та же мысль выражена в Введении: *По началу было разумение...* и т. д. (Ин. 1, 1); *Все им рождено...* и т. д. (Ин. 1, 3).

2. Стихи 7, 8 и 9 выражают то, что неплотское начало жизни — *разумное и свободное* — каждый человек знает в себе и понимает его, хотя и не знает его источника.

Во Введении та же мысль выражена в стихах 4 и 5.

3. В стихах 11, 12 и 13 сказано, что мы не можем, постигнуть того, что на небе это неплотское бесконечное начало, как начало в самом себе; но что мы знаем это бесконечное начало, потому что в нас, в человеке, находится этот дух, исшедший из бесконечного и сам бесконечный, и что этот дух в человеке и есть то, что мы должны считать началом всех начал.

Та же мысль выражена в Введении и в стихах: Ин. 1, 18; 1, 2.

4. В стихе 14 сказано, что этот-то дух в человеке, исшедший от бесконечного и относящийся к нему, как сын к Отцу, это бесконечное начало в человеке — есть то, что должно обоготворить, Т.е. заменить вымышленного Бога этим настоящим и единственным Богом.

То же сказано в словах Иоанна Крестителя о царстве Бога: *Когда дух очистит людей;* то же сказано Нафанаилу, когда сказано, что *небо отверсто и чело век в общении с Богом;* то же сказано самарянке: *Бог есть дух и служить ему надо в духе и делом.*

5..В стихе 15 сказано, что вера в этого единственного истинного Бога избавляет людей от погибели и дает им жизнь не временную.

Эта же мысль выражена в стихах 10,11, 12 и в гл.20,ст.31.

В стихе 15 беседы Никодима сказано, что вера в сына человеческого дает жизнь не уничтожающуюся. Во Введении сказано, что вера сделает их сынами Бога. Верить в сына и иметь жизнь не временную — одно и то же. В искушении сказано то же, когда сказано, что Иисус, *после* искушения, познал могущество духа».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

«Говорится только об Иисусе и о том враге, который есть в каждом человеке, о том начале борьбы, без которой немыслим живой человек. Очевидно, писатель с простыми приемами хочет выразить мысли Иисуса. Чтобы выразить мысли, надо заставить говорить его, но он один. И писатель заставляет говорить Христа с самим собою, и он называет один голос голосом Иисуса, а другой — то дьяволом, Т.е. обманщиком, то искусителем. Для всякого человека, свободного от церковного толкования, будет ясно, что слова, приписываемые искусителю, выражают только голос плоти, противный тому духу, в котором находился Иисус после проповеди Иоанна. Такое понимание значения слов: искуситель, обманщик, сатана, означающих одно и то же.
И голос плоти говорит ему: *если ты сын Бога, прикажи, чтобы из камней ста ли хлебы.* Если понимать слова эти как понимает их церковь, именно: что Диавол, искушая сына Бога, хочет от него доказательства его божественности, — то нельзя понять, почему Иисус Христос, если он мог это сделать, не претворил камней в хлебы. Это был бы самый лучший и простой и короткий, достигающий цели, ответ.

Из того, что Иисус не только не делает из камней хлеба, чего очевидно нельзя сделать, и даже не отвечает на эту невозможность, а отвечает на общий смысл, видно, что слова эти не могли иметь прямого значения: *скажи, чтоб из камней сделался хлеб,* — а имеют то значение, которое они имеют, когда прямо обращены к человеку, а не к Богу. Если они обращены просто к человеку, то значение их ясно и просто.

Слова эти значат: Хлеба тебе хочется, и потому позаботься, чтоб хлеб у тебя и был, потому что сам видишь, что словами хлеба не сделаешь.

И Иисус отвечает не на то, почему он не делает хлеб из камней, а на тот смысл, который лежит в словах: *покоряешься ли ты требованиям плоти?* он отвечает: *че ловек жив не хлебом, а духом.*

С первых слов голос плоти хочет показать Иисусу ложность его убеждений в том, что он есть духовное существо и сын Божий. Ты говоришь: Ты сын Божий, ушел в пустыню и думаешь освободиться от похоти плоти. А похоть плоти мучает тебя. Здесь не удовлетворишь похоти; камней хлебами не сделаешь, так лучше поди туда, где есть из чего делать хлеб, и делай его или запасай его и носи с собою и ешь, как все люди.

Вот что сказал голос плоти в первом искушении. На это Иисус, вспоминая Израиля в пустыне, сказал: Израиль сорок лет жил в пустыне без хлеба и питался, и жив остался, потому что Бог хотел этого. Стало быть, не хлебом жив человек, а волей Божьею.

Голос плоти как бы заставил Иисуса признать могущество ее и неизбежность жизни плотской, и потому он и говорит: Все эти твои надежды на Бога и уверенность в нем — все это слова, а наделе ты не ушел и не уйдешь от плоти. Такой же ты сын плоти были есть, как и все люди. А сын плоти, так почти ее и работай ей. Я дух плоти. И он показывает Иисусу царства мира: Видишь, что я даю тем, кто служит мне. Почти меня, работай мне, и тебе то же будет. На это Иисус отвечает опять из книги Моисея (Второзакон. VI, 13): «Господа, Бога твоего, бойся и ему одному работай».

Сказано это во Второзаконии не просто, а сказано израильтянам, что тогда, когда они получат все блага плоти, то тут то и надо бояться забыть Бога и ему одному работать. Голос плоти замолкает и сила Бо-

> жия помогает Иисусу перенести искушение. Все, что нужно было сказать, — все сказано.
>
> Церковные толкования любят представлять это место как победу Иисуса над Диаволом. Победы ни по какому толкованию не выходит никакой: Диавола можно считать столько же победителем, сколько и Иисуса. Победы нет ни с той, ни с другой стороны; есть только выражение двух противоположных друг другу основ жизни. И ясно выражена и та, которую отрицает Иисус, и та, которую он избрал. Оба хода рассуждения поразительны тем, что философские системы, системы морали, религиозные секты, различные направления жизни в тот или другой исторический период имеют в основе только различные стороны обоих этих рассуждений.
>
> И дух одерживает победу над плотью, и Иисус находит тот дух, который должен очистить его для того, чтобы наступило царство небесное. И в сознании этого духа Иисус возвращается из пустыни»

2) Дружба единения Духа вместо Рабства насилия и подчинения материальной энергии.

Другими словами, любовь-дружба вместо притяжений самолюбия-влюбленности садомазохизма. Иисус четко прочертил эту черту между качественно различными эмоциями поля интеллекта и совести с одной стороны, и поля Эгосистемы с другой стороны прежде всего в новой, до него неведомой проповеди Бога-Отца к Сыну Человеческому. «Если Сын освободит вас истинно свободны будете». Поклонение Идолам через поле Эгосистемы есть притяжение Влюбленности, когда поклоняются внешнему идолу (загрузки СуперЭго) или притяжение Самолюбия (загрузки Эго) когда поклоняются себе как Идолу. Так работает магическое сознание аборигенов и их поклонение тотемам: колдуны чувствуют себя всесильными на притяжении Влюбленности и рабами в отношении всесильных идолов, которым они отдают большую часть своих запасов и добровольно истязают себя. Идолопоклонство всегда происходит через эту ткань эмоций рабства поля Эгосистемы. Истинный Бог-Интеллект, даровавший нам разум и духовную энергию может нами

восприниматься только через эту духовную энергию, а ее ткань эмоций совсем другая – это эмоции дружбы и нежности, искренности и уважения, юмора и восхищения, свободы и почитания. Слышит ли Бог наши чувства мы можем сомневаться, но если слышит, то они могут быть только теми, что исходят из разумной энергии, но никак не автоматизмы материальной энергии. Вот почему проповедь Бога-Отца и Сына человеческого есть переход на поле интеллекта и совести, и отказ от рабских чувств идолопоклонства тотемизма. И вот почему этот отказ от садомазохизма отношений насилия и рабства Иисус демонстрирует всегда и во всем, заменяя отношения господства на отношения дружбы и нежности родительских чувств: когда он объясняет ученикам, что у людей князья властвуют над ними, а они должны жить в братстве и дружбе, так что тот кто будет искать власти станет всем слугой; когда он объясняет что вожделение в душе уже грех, то есть притяжения самолюбия и влюбленности как материальная энергия психики и есть разрушение духа; когда говорит, что мужчины и женщины единый дух, и что ангелы не имеют пола; когда наконец, перед смертью, умывает ноги ученикам и наказывает любить друг друга: вы мне больше рабы, я все вам сказал, теперь мы – друзья. Единственный рациональный авторитет таким образом – знание, и именно знание есть научный контроль, доступный всем.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Конечно, не сразу пришел Иисус к высокому самоутверждению, что он сын Божий. Но вероятно, что отношения его с Богом с первых же шагов представлялись ему отношениями сына с отцом. В этом величайшая его оригинальность: в этом он нисколько не принадлежит своей расе. Ни иудей, ни мусульманин не понимали этой прекрасной теологии любви. Бог Иисуса это — не владыка, одаренный силой рока, который убивает нас, осуждает на вечные муки или спасает по своему произволу. Бог Иисуса — наш Отец. Его услышишь, внемля легкому дуновению, которое взывает в нас: „Авва, Отче“! Бог Иисуса — не пристрастный деспот, избравший Израиля своим народом и покровительствующий ему против и вопреки всем. Это — Бог чело-

> вечества. Иисус не мог быть патриотом, как Маккавеи, или теократом, как Иуда Гавлонит. Смело поднявшись над предрассудками своего народа, он утвердил всеобщую отчизну по Богу. Гавлонит говорил, что лучше умереть, чем называть „Господом“ кого-либо, кроме Бога; Христос предоставляет это имя всякому, кто захочет им воспользоваться; для Бога же он оставляет более благостное имя. Охотно воздавая внешнее почтение, полное иронии, сильным мира сего, которые для него — лишь представители насилия, он создает высшее утешение, прибежище к Отцу, которое всякий имеет на небе, истинное Царство Божие, которое каждый носит в своем сердце. Название „Царства Божьего“ или „Царства Небесного“ было любимым выражением Иисуса для обозначения той революции, которую он приносит в мир»

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «(Ин. XV, 9)
>
> Так, как Отец любил меня, так и я полюбил вас. Живите моей любовью.
>
> (Ин. XV, 13)
>
> Самая истинная любовь есть та, чтобы отдавать свою душу тем, кого любишь.
>
> (Ин. XV, 14, 15)
>
> Вы любимы мною, если делаете то, что я вам заповедал.
>
> Я не почитаю вас рабами, потому что раб не знает, что делает господин; вас же я почел друзьями, потому что я все вам разъяснил из того, что я понял от Отца. Иисус говорит, что он не повелевает, а объясняет все то, что он знает: что жизнь есть дело любви Отца, и потому жизнь есть любовь».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «(Мф. XXIII, 5—10)
>
> Только для того, чтобы любовались на них люди, навешивают на руки четки и выпускают подолы ряс и мантий; любят на обедах на первое место садиться и в церквах на возвышенные кресла;

> любят, чтобы им руки целовали на народе и чтобы называли их: наставник! учитель!
> А вы не называйтесь учителями, потому что у вас один учитель Христос и вы все братья. И батюшкой никого не называйте на земле, потому что один Отец у вас на небе. И не называйтесь вождями или наставниками, потому что один ваш вождь и пастырь Христос».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «(Мф. XX, 24—27; Лк. XXII, 26; Мф. XX, 28)
>
> Услыхав это, остальные десять учеников рассердились на двух братьев.
>
> И подозвав их, Иисус сказал: вы знаете, что те, которые считают себя
>
> начальниками народа, владеют людьми. И чиновники распоряжаются народом.
>
> Промеж вас этого не должно быть. Из вас, если кто хочет сделаться большим, тот будь слугой.
>
> Кто хочет сделаться первым, тот будь рабом.
>
> Тот, кто, как младший, тот больший; тот, кто как слуга, впереди всех.
>
> Так как сын человеческий не затем объявился, чтоб ему служили, а затем, чтобы служить и жизнь свою отдать, как выкуп за большое»

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Многие представляли себе, что в мире воскресших будут есть и пить и сочетаться браком. И Иисус допускал, что в его Царстве будет пасха новая, новая трапеза и новое вино 883, но он решительно исключает из него брак. Иисус выходил из затруднения, решительно заявляя, что в жизни веч ной не будет больше различия полов и человек уподобится ангелам.
>
> ......Обе семьи. Иоанна и Зеведея, жили, по- видимому, в тесной дружбе; жена Зеведея, С аломея, была сильно привязана к Иисусу и сопровождала его до смерти. Действительно, женщины принимали Иисуса радушно: он обходился с ними с той воздержанностью, которая дает возможность нежной идейной связи между полами. Три или

> четыре преданных галилеянки всегда сопровождал и юного учителя, соперничая за счастье послушать его и послужить ему в свою очередь. Они вносил и в новую секту начала энтузиазма и чудесного, всю важность которого мы ощущаем уже теперь.
>
> ....Женщины являлись, чтобы излить елей на его голову и благовония на его ноги. Порой ученики отталкивали их за надоедливость, но Иисус, любивший древние обычаи и все, что указывало на простоту сердца, исправлял зло, содеянное его слишком ревностными друзьями. Он покровительствовал тем, которые почитали его; оттого его обожали дети и женщины. Упрек в том, что он отчуждает от семьи эти нежные создания, которых так легко увлечь, был одним из тех упреков, с которыми всего ч а ще обращались к нему его враги. Зарождающаяся религия был а, таким образом, во многих отношениях движением женщин и детей.»

3) Социальный союз естественного права вместо политического союза нормативного права. Этика чистой совести вместо вводимых силовыми институтами законов под угрозой наказания, вместо кодекса фарисеев религиозного террора. Подход врача, научный контроль отделен и противопоставлен подходу судьи, физическому контролю.

> Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:
>
> «Иисус не мог быть патриотом, как Маккавеи, или теократом, как Иуда Гавлонит. Смело поднявшись над предрассудками своего народа, он утвердил всеобщую отчизну по Богу. Гавлонит говорил, что лучше умереть, чем называть „Господом“ кого-либо, кроме Бога; Христос предоставляет это имя всякому, кто захочет им воспользоваться; для Бога же он оставляет более благостное имя. Охотно воздавая внешнее почтение, полное иронии, сильным мира сего, которые для него — лишь представители насилия, он создает высшее утешение, прибежище к Отцу, которое всякий имеет на небе, истинное Царство Божие, которое каждый носит в своем сердце. Название „Царства Божьего“ или „Царства Небесного“ было любимым выражением Иисуса для обозначения той революции, которую он приносит в мир».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Этой экзальтированной морали, выраженной гиперболическим языком и с ужасающей силой, грозил а большая опасность в буду-

щем. Отрывая человека от земли, она разбивала жизнь. Христианина будут восхвалять за то, что он дурной сын и дурной патриот, если Христа ради он противится отцу и сражается против родины Христа ради. Древняя гражданская община, республика, мать всех граждан, государство, общий закон поставлены во враждебное отношение с Царствием Божиим. Роковая теократия зародилась в мире.

....Великим нравственным прогрессом, совершенным Евангелием, мы обязаны этим увеличениям. Именно в этом смысле оно, как и стоицизм, но в бесконечно большей пол ноте является живым доказательством божественных сил, присущих человеку, памятником, воздвигнутым могуществу е г о воли

...Широта его взглядов на будущее·был а порой изумительна: он не скрывал от себя, какую страшную грозу он поднимет в мире. « Вы полагаете, быть может-, сказал он смело и красиво-, что я пришел принести мир на землю? Не мир принести, а меч. Пятеро в одном до м е ста нут разделяться, трое против двух и двое против трех. Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью, и невестку со свекровью. Отныне в р а г и человеку домашние его. Огонь при шел я низ весть на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся». « Изгонять вас из синагог, сказал он в другой раз, — даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Если м и р вас ненавидит, знайте, что меня прежде вас возненавидят... Помните слово, которое я сказал в а м: раб не больше господина своего. Если меня гнали, будут гнать и вас». Увлеченный этим страшно возраставшим энтузиазмом, вынужденный необходим остью к проповеди более и более крайней, Иисус не был более свободен: он уже зависел. от своей рол и, принадлежал, в известном смысле, человечеству. Великое видение Царствия Божиего, постоянно блиставшее перед его гл а за м и, кружило голову. необъясним ы м поступкам, казавшимся нелепыми. Это не был упадок мужества, но его борьба во и м я идеала, против действительности становилась невыносимой. Он убивался и возмущался о т соприкосновения с землей».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех евангелий»:

«(Мф. XVI, 6/Мр. VIII, 15/; Мф. XVI, 7;Мф. XVI, 11 /Мр. VIII, 15/; Мф. XVI, 12; Лк. XII, 1,2)

И Иисус сказал: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской и иродовой.

Ученики подумали, что он говорит о хлебе.

Тогда он сказал им: как вы не понимаете, что не о хлебе я говорю, берегитесь, закваски фарисейской, саддукейской и иродовой?

Тогда они. поняли, что он говорил им не о том, чтобы остерегаться хлеба, а говорил об учении.

Но более всего берегитесь закваски фарисейской; она — обман.

А нет того скрытого, что бы не открылось, и тайного, что бы не стало известно.

Высказав свое учение, Иисус предостерегает против закваски. Слово «закваска» ученики понимают в смысле учения, но Иисус сказал *бы учение,* если бы он разумел учение. Кроме того, он не мог бы сказать учение Иродово; Иродова, царского учения не было. То, про что он говорит, он называет закваской, т.е. тем, что, как теперь бы мы сказали, химически соединяется с телом и вполне изменяет его. Закваска, положенная женщиною в квашню и изменившая всю муку, была сравнением для того, чтобы выразить то, что совершается перед лицом Бога и всем миром людей оттого, что в мир вложено разумение блага. То же сравнение Иисус употребляет для того, чтобы выразить то начало, которое вложено в мир и которое, соединяясь с людьми, производит зло. Такая же закваска — закваска фарисейская, саддукейская и иродова — изменяет совсем человека, переставляя для него добро и зло, делает то, что добро кажется злом и наоборот. И Иисус говорит, что необходимо беречься такой закваски. Закваска Иродова — это закваска власти.

Иродиане — это те, которые считают, что насилия власти необходимы для блага людей; те, которые, считая Иоанна святым, посадили в тюрьму и потом убили его в угоду плясунье; это те, которые собирают подати, судят, казнят, воюют. Это те, которые обрадовались, увидев Иисуса, и все-таки распяли его».

«(Ин. XV, 18—21)

Если мир ненавидит вас, то вы знайте, что меня еще прежде ненавидел и ненавидит.

> Если бы вы были мирские, то он свое любил бы, но вы не мирские, я выделил вас от мира, за это ненавидит вас мир.
>
> Поминайте слова, которые я сказал вам: раб не больше господина своего. Если меня гнали, и вас будут гнать. Если слово мое выполнили, то и ваше выполнят.
>
> Но все это они будут делать вам за мое разумение, потому что не знают пославшего меня.
>
> Иисус говорит, что надо не удивляться злобе людей. Эта злоба на добро должна быть. Если люди не любят добра, то как же им любить слуг добра?
>
> (Ин. XV, 22—25)
>
> Если бы я не приходил и не говорил им, их ошибки не видны бы были им. Теперь же нет у них отговорки в их ошибке».
>
> «(Ин. XVI, 1—4)
>
> Все это я сказал вам, чтобы вы не соблазнились.
>
> Вас отрешат от собраний. Мало того, придет время, в которое всякий, побивая вас, будет считать, что он работает Богу.
>
> Все это будут делать, потому что не познали ни Отца, ни моего учения.
>
> Все это говорю вам, чтобы в то время вы бы вспомнили слова, что я сказал. Сначала же не говорил, потому что был с вами.
>
> Помните, говорит он, что люди ненавидят добро, потому что не знают Отца и разумения, и потому не могут не ненавидеть вас. Ненависть к вам есть один из признаков того, что вы остались верными мне. Блаженны вы, когда гонят вас за имя мое».

4) Научный контроль вместо физического контроля: уважение к знанию и добродетели. Естественное право вместо Нормативного права: Законы этики как законы поля интеллекта и совести, как норма здорового человека вместо обрядов и законов вводимых под угрозой наказания.

Презрение к ложным сакральным авторитетам магического сознания. Борьба со злом как с общей человечеству болезнью – полем Эгосистемы материальной энергии. Зло есть болезнь, пока совесть человека жива и он грешит по незнанию. Каждый человек страдает под автоматизмами поля Эгосистемы – прощайте нездоровым людям, которые страждут выздороветь. Потому Иисус идет именно к грешникам: к мытарям, к тем, кого фарисее считают нечистыми и говорит, когда они его упрекают: Больные нуждаются в докторе. Непротивление Злу насилием означает Научный Контроль подхода Врача ко злу: нельзя убить Зло физически, убивая человека не убиваешь с ним зло. Зло есть механизм в душе человека – материальная энергия, от которого можно избавиться только знанием его законов и сознательным волевым отказом им повиноваться. Боритесь со злом, не боритесь с людьми, прощайте больным людям и учите их бороться в самих себе со злом. Идите и проповедуйте. Таким образом, непротивление злу насилием никак не означает попустительство злу, и отказ от борьбы со злом, как думали Томас Пейн (Век разума) и Чехов (Дуэль, Дом с мезонином). Непротивление злу насилием как говорит Толстой, означает единственный эффективный способ борьбы со злом: научный контроль врача вместо судьи, естественное право вместо нормативного права, знание вместо наказания, этика чистой совести вместо обрядности и идолопоклонства. В том же проявляется и известная Ирония Христа, на которую обращают внимание Ренан и Честертон. Действительно, ирония как философский юмор, который открыл Маслоу в исследовании самоактуалов, есть осознание поля Эгосистемы как общей болезни всему человечеству. Правильность этого открытия ничего так не подтверждает как Ирония Первого Врача Научного Контроля, определившего Зло как общую болезнь человечества, и учившего потому прощать и помогать друг другу. Однако, если лечить уже поздно, если поле Эгосистемы поглотило и разрушило поле интеллекта и совести, если дух мертв в человеке и он отказывается покаяться – пусть вам как мытарь и грешник.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «В ту пору врачебное искусство было в Иудее в том же положении, как теперь на Востоке, то есть совершенно ненаучным, исключительно зависевшим от личного вдохновения. Научная медицина, уже пять столетий основанная в Греции, в эпоху Иисуса был а почти незнакома палестинским евреям. При таком состоянии знания присутствие необыкновенного человека, бережно относившегося к больному, подававшего ему некоторыми внешними знамениями надежду на выздоровление, часто бывает действительным лекарством. Кто решится утверждать, что во многих случаях, за исключением характерных случаев повреждения, прикосновение прекрасной личности не стоит всех аптечных средств? Врачует уже одно удовольствие, что видишь ее. Она дает, что может, улыбку, надежду, и это чего-нибудь да стоит. У Иисуса, как у большей части его соотечественников, не было представления о рациональной врачебной науке: подобно всем, он верил, что главное средств о исцеления в религиозных действиях, и эта вера был а очень последовательна. Когда на болезнь смотрели как на наказание за грех или как на действие злого духа, а не как на следствие физических причин, лучшим врачом был святой человек, которому дана власть в области сверхъестественного. Исцеление считалось нравственным актом»

Мф. 9:10-13

> «10 И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его.
>
> 11 Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?
>
> 12 Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные,
>
> 13 пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Иисус не говорил против закона Моисеева, но чувствуется, что он ощущал его недостаточность и давал это понять. Он беспрестанно повторял, что надо сделать больше, чем сказали древние мудрецы. Он запрещал малейшее грубое слово, развод и всякую клятву осуж-

> дал закон возмездия, лихоимство, находил сладострастное желание столь же греховным, как и прелюбодеяние
>
> Он требовал общего прощения обид. Довод, которым он поддерживал это требование высочайшего милосердия, был всегда один и тот же: «дабы вы были сынами Отца вашего небесного, ибо он повелевает солнцу восходить над злыми и добрыми». И он прибавлял: «Если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, то что особенного делаете? Не так ли поступают и язычники? И так будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» Чистый культ, религия без священства и внешних обрядов, покоящаяся на сердечном чувстве, на последавании Богу, на непосредственном общении совести с Отцом небесным — таковы были выводы из этих принципов. Иисус никогда не отступал от этого смелого вывода, который делал его в среде иудейства настоящим революционером. К чему посредники между человеком и его Отцом? Бог видит сердце, к чему же эти очищения, эти обряды, касающиеся только тела? И само предание, столь святое для еврея, ничто в сравнении с чистым чувством»

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Его подчинение предержащим властям, в глубине полное насмешки, было безупречно по внешности. Он платил дань Кесарю, чтобы не возбуждать скандала. Свобода и право не от мира сего, — зачем же смущать жизнь щекотливыми пустяками? Презирая землю, убежденный в том, что окружающий мир не заслуживает внимания, он спасался в свое идеальное царство и полагал основание великому учению трансцендентного презрения, истинной доктрине душевной свободы, которая одна дает мир.
>
> ...Его изящные насмешки, его лукавые вызовы всегда попадали в сердце; как вечные стигматы, они всегда застревали в ране. Насмешки эти — туника Несса, это Иисус соткал ее своим божественным искусством. Образцы высокой насмешки, вписавшейся огненными чертами в тело лицемера и ханжи. Черты бесподобные, достойные сына Божия! Только Бог убивает таким путем. Сократ и Мольер лишь задевают кожу, он же вносит огонь и бешенство в кости до самого мозга.
>
> ...Но когда бесподобное очарование его духовной личности находит себе выход, наступает момент истинного триумфа. Однажды хотели

его смутить, приведя к нему женщину, повинную в грехе прелюбодеяния, и спрашивая его, какого обращения она достойна. Известен удивительный ответ Иисуса. Тонкая насмешка мирского человека, умеряемая божественной добротой, не могла бы найти более красивого выражения. Но уму, который стремится к моральному величию и с ним соединяется, такой ответ меньше всего могут простить глупцы. Произнося эти слова, полные изящества, справедливости и чистоты: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень!» — Иисус попал в самое сердце лицемерия, и тем же ударом подписал себе смертный приговор.

...Иисус хотел, чтобы по примеру его вестники доброй вести делали свою проповедь желанной и приятной путем благожелательных и вежливых манер. Он хотел, чтобы они, входя в дом, говорили «селям» (мир дому сему) или выражали пожелание счастья. Некоторые не решались делать этого, ибо селям, как и теперь, символизировал на Востоке религиозное общение, на которое, конечно, не шли сразу с человеком, вера которого неизвестна. «Не бойтесь ничего, — говорил Иисус, — если никто в доме не будет достоин мира вашего, то мир ваш к вам возвратится». Действительно, апостолы Царствия Божия бывали иногда плохо приняты и приходили жаловаться Иисусу, который старался их успокоить. Некоторые, убежденные во всемогуществе своего учителя, были оскорблены этой снисходительностью к людям. Сыновья Зеведея хотели, чтобы он призвал небесный огонь на негостеприимные дома. Иисус принимал их негодование со своей тонкой иронией и останавливал их словами: «Я пришел не губить души человеческие, а спасать».
...Он открыто нарушал шабаш и отвечал на обращенные к нему упреки тонки ми насмешками. Тем более пренебрегал он многочисленным и, недавно установившиеся обрядами, которые предание примешало к закону и которые nоэтому были особенно милы ханжам. Он беспощадно от носился к омовениям, к слишком щепетильному различению чистых и нечистых предметов. «Можете ли вы также омыть вашу душу? — говорил он и м.- Не то оскверняет, что входит в уст а человека, но то, что исходит из его сердца».

Г. Честертон, «Вечный человек»:

«У человека, впервые открывшего Евангелие и ничего не слышавшего о Христе, сложится совсем другое представление. Многое покажется загадочным, кое-что непоследовательным, но далеко не только кротость увидит и почувствует он. Евангелие захватит его и потому, что о многом придется догадываться, а многое потребует

> объяснений. Он найдет там немало насмешливых намеков.... ....Простые слова Евангелия тяжелы, как жернова, и тот, кто может читать их просто, чувствует, что на него свалился камень. Толкования — только слова о словах. Но как опишешь словами темный сад, внезапный свет факелов, гневные лица? «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в Храме, и вы не поднимали на Меня рук; но теперь — ваше время и власть тьмы». Что прибавишь к мощной сдержанности этой насмешки, подобной вознесшейся и застывшей волне? «Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших»

Предисловие к Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Что особенно раздражает критиков Ренана, искателя религиозных и нравственных ус тоев, так это его «видимые:. противоречия, его неувядаемая ирония. <Я никогда не страдал, — замечает он поэтому поводу, — и в скромной улыбке, вызванной человеческой слабостью или тщеславием, находил некоторую философию». В 188 2 году, в ответе на книгу покойного Амиеля, он в сущности повторил то же самое: его упрекали в эпикуреизме воображения, в том, что, говоря о предметах серьезных, он дает место «улыбке и иронии:.; быть может, это «вовсе не дурной прием. В юморе есть нечто весьма философское».

5) Хула на Святого Духа. Сатан-Эго мертвой совести. Разрушенное поле интеллекта и совести. Неизлечимое зло Сатан-Эго. Поле Эгосистемы поглотившее духовную энергию человека.

Это люди с мертвой совести, которые со времен Калигул и Неронов очень часто оказываются на самом верху социальной лестницы, управляя здоровыми простодушными людьми. Впрочем, Сатан- Эго было раньше Злых Императоров: Платон описывает такое Сатан-Эго как «Тиранического человека» в «Республике». Честертон описывает Сатан-Эго в «Вечном человеке» как сознательное бесопоклонство некоторых (не всех конечно) «деловых кругов», которые сознательно жертвуют добродетелью для физического контроля «количества власти». Толстой прав в том, что главное в них «дух лжи», притворство и лицемерие, разложившие на корню совесть и честность поля интеллекта. Во времена Христа лженаукой были «книжники и фарисеи»,

в наше время лженаука — то, что привело к крушению рационализма в 19 веке, дарвиновская парадигма, победа эмпиризма и материализма над метафизикой интеллекта.

Солженицын показал Сатан-Эго на своих палачах чекистах, подчеркивая, что в каждом борется добро со злом, но однажды тот кто постоянно практикует зло перестает существовать для человечества — зло полностью поглощает его. Это и есть Сатан-Эго мертвой совести. И Хула на Духа, о которой говорит Иисус как о сознательном зле лицемеров, о сознательном бесопоклонстве, о котором пишет Честертон. Толстой называет это «закваской фарисейской», то есть ложью лженауки, - ведь именно православному богословию он шлет упрек в Хуле на Духа Святого в "Исследовании догматического богословия". Возможно все ближе «закваска иродианова», так как именно власть, физический контроль насилия и рабства особенно развращает людей. Вот почему Хула на Духа Святого — сознательное бесопоклонство, сознательное зло — не проститься. Дух уже разрушен, а то что осталось от человека — только ненависть к богу и к добродетели, и издевательство над «простодушными». Первородный грех - общая болезнь всего человечества. Люди больны, потому им надо помочь. Совсем другое дело те, кто сознательно насаждает зло. Кто развратился настолько, что стал сознательным бесопоклонником, и целенаправленно закрывает людям дороги к истине, к здоровью, чтобы поработить и развратить их. Это — враг, как пишет Честертон в «Вечном человеке» о сознательном зле.

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех евангелий»:

> «(Мр. III, 28, 29)
>
> «Потому что, вы сами знаете, что все ошибки могут пройти людям и все поругания, какие бы они ни делали. Но если кто надругается над духом Бога, тому это не пройдет в этом веке, но он подлежит погибели века».
>
> Человек может грешить, ошибаться, ругаться над всеми в мире, и все-таки он может носить в себе дух Бога. Но когда надругается

> над самим этим духом, над тем, что есть его жизнь, то уже он сам отнял у себя жизнь. Ужасны и страшны все соблазны. Соблазны личные: похоти, корыстолюбие, тщеславие; ужасны общие соблазны: соблазны земных рассуждений саддукеев, производящие равнодушие к истинной жизни, прилепление людей к одному земному и гордость ума; ужасны соблазны, выставляющие высоким то, что мерзость перед Богом, соблазны властей, производящие суды, казни, грабеж, войны, убийства; но ужасней всех соблазнов соблазны, выходящие из закваски фарисейской: притворство, выставление неправды вместо божеской правды, презрение Бога в душе и пользование именем его для заблуждения людей и достижения своих целей. Иисус знал вперед, что как ни враждебно его учение иродианам и саддукеям, они не стоят на дороге этого учения, от них можно еще освободиться, но фарисеи заграждают, заграждали и всегда будут заграждать путь к его учению».

Мф. 18:6—11:

> «6 а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.
>
> 7 Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.
>
> 8 Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный;
>
> 9 и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную.
>
> 10 Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного.
>
> 11 Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»

6) Устойчивое равновесие и насыщаемая мотивация жажды знаний, переход к мотивации удовольствия поля Интеллекта

духовной энергии. Линейное движение и рост, избыточность духовной энергии. И наоборот, циклическое неустойчивое равновесие поля Эгосистемы материальной энергии (как всех материальных энергий); ненасыщаемая мотивация дефицита (боли, голода). Сознательная воля поля Интеллекта: и наоборот, бессознательные автоматизмы, компульсия поля Эгосистемы («Тирания Надо» у Хорни, навязчивые расстройства воли притяжений Самолюбия и Влюбленности, конформизм, страх сверхъестественных сил).

Здесь мы очертили основные принципиальные различия между духовной энергией психики (Контрольный Ток ПЭ) и материальными энергиями вообще (Детерминированные энергии, в том числе Детерминированный Ток ПЭ). Только духовная энергия, постольку поскольку в ее основе Активный Интеллект, Мышление имеет устойчивое равновесие линейного движения, что связано с ее способностью видеть действительность, реальность в законах природы и получать устойчивый научный контроль над физическими природными энергиями. Это же объясняет ее способность к росту и насыщаемость мотивации голода (голода знаний, который есть базовая мотивация поля интеллекта).

Кривое зеркало поля Эгосистемы, с его обманчивыми миражами о себе и о мире, не может дать знаний о реальности, и цели которые пказывает война Эго и СуперЭго на поле Эгосистемы недостижимы и всегда будут провоцировать страх сверхъестественных сил, или иначе «голод тщеславия», связанный с поклонением магическим авторитетам (количественной абстракции силы физического контроля). Здесь все мираж и ложь и потому цели схватить СуперЭго как физическое (магическое) всесилие не могут быть достижимы, и служат только для постоянного воспроизводства мотивации страха ложной картинойвойны Эго и всего мира (СуперЭго). Так, работает циклический гомеостаз (равновесие-неравновесие) материальной энергии психики – просто двигаться по кругу без всякого смысла, мотивируясь ложными целями. Потому, мотивация ма-

териальных энергий чрезвычайно болезненна: жестокий голод, жажда и холод движут биологическим миром. Человек, способен насыщать свой биологический голод только за счет научного контроля духовной энергии. Животный мир живет в мире постоянной жестокой боли. Точно также и для материальной энергии психики: мотивация страха сверхъестественных сил, которая у абориген проявляется как поклонение тотемам, а у людей нашего мира как поклонение магическим авторитетам (эксперименты Милграма), ненасыщаема и нескончаема на какие бы высоты социальной лестницы человек не поднимался. Господин и Раб одинаково живут на поле Эгосистемы, где притяжения Самолюбия Господ и притяжения Влюбленности Рабов составляют единый циклический гомеостаз единой материальной энергии. Вот почему оба полюса поля Эгосистемы остаются одинаково несчастны и одинаково бедны, какими бы богатствами господа себя не тешили: все нейтрализует поле Эгосистемы, пожирающее их духовную энергию в автоматизмах ненасыщаемой болезненной мотивации «голода тщеславия» (страха сверхъестественных сил).

По другому дело обстоит на поле Интеллекта, которое образует полюса интеллекта (Мышление человека и законы природы, активный и пассивный интеллект). Здесь голод знаний – это притяжение между этими двумя полюсами, которые человек ощущает как неизбывную любовь к окружающему миру, как любознательность, которая им движет. Законы природы не есть миражи кривого зеркала как Эго и СуперЭго и их магические авторитеты (количественная абстракция силы физического контроля закона сохранения силы психики). Законы природы есть истина и действительность, реальное знание о мире. Это научный контроль закона сохранения силы психики, который дает реальную информацию о мире в виде законов природных энергий. Человек открывает эти законы, получает доступ к силам природных энергий, его собственная энергия как эмоции счастья и любви к миру возрастают с количеством полученных

знаний. Таким образом, вместо неустойчивости страха, вместо болезненной мотивации дефицита, вместо ненасыщаемого голода тщеславия, - духовная энергия имеет избыток позитивных эмоций, доступ к силам природных энергий и устойчивый научный контроль.

Мы видим, что оба силовых поля энергий психики детерминированы законами природы. Но поле интеллекта имеет сознательную волю научного контроля, постижение реальности и относительную свободу контроля этой реальности. Поле Интеллекта также свободно от жестких автоматизмов поля Эгосистемы в виде страха и ненасыщаемого голода, в виде расстройств воли и навязчивых состояний притяжений Самолюбия и Влюбленности, свободу от насилия господства и подчинения, ибо это союзы братства совести и сочувствия. Вот почему несмотря на то, что это поле тоже детерминировано законами природы, его «бремя легко и нести его легко», как говорит Иисус. То есть оно ощущается как свобода, а не как тюрьма рабства.

Вот почему, Свобода есть состояние духовное прежде всего, состояние психики: очищенная от поля Эгосистемы психика народа никогда не создаст Левиафан рабства, а только свободное братство совести, естественного права этики. Вот почему здоровая духовная энергия ощущается как Свобода, тогда как автоматизмы поля Эгосистемы ощущаются как рабство внешнего чуждого насилия, как жестокость ненасыщаемой мотивации страха.

И вот почему Иисус отвечает так на вопрос фарисеев о том, почему он говорит, что даст им свободу, если они никогда ни у кого в рабстве не были: «если сын освободит вас, то истинно свободны будете». Потому что свобода есть состояние психическое прежде всего: чтобы быть свободным надо уйти с поля Эгосистемы на поле Интеллекта, уйти от отношений Господина и Раба к отношениям Отца и Сына. Этот переход и совершает Иисус.

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Все на свете стремится к миру (равновесию), но надо отличать вечный мир (равновесие) Божий от ложного, неправого мира (равновесия) греховной твари; ибо если последняя стремится к эгоистическому преобладанию и тираническому господству, то истинный Божеский мир есть всеобщее равенство и согласие людей. Злой человек или злой дух ненавидит равенство под законом Божьим и стремится к миру неправому: из подчиненного члена мирового порядка он сам хочет стать средоточием, центром всего. Напротив, истинный мир Бога и человека есть „послушание, упорядоченное в вере под вечным законом". „Мир всех вещей есть спокойствие порядка. Порядок есть расположение вещей равный и неравных каждой в своем месте". Разумные твари успокаиваются в наслаждении Богом и друг другом в Боге, а тела их во всех своих частях совершенно подчиняются их воле».

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «(Мф. IX, 36; Мф. XI, 28—30)
>
> Иисусу жалко было людей, что они не понимают, в чем истинная жизнь, и мучаются, не зная зачем, как овцы без пастуха.
>
> И он сказал: Отдайтесь мне все замученные, все сверх сил нагруженные, и я дам вам отдых.
>
> Наденьте на себя мое ярмо и научитесь от меня. Я ведь смирен и мягок сердцем. И вы узнаете отдых в жизни. Потому что мое ярмо ладное и воз мой легкий.
>
> Люди надевают на себя ярмо не по них сделанное и впрягаются в воз не по их силам. Люди, живя для плотской жизни, хотят найти успокоение и отдых. Только в духовной жизни есть отдых и радость. Только это ярмо сделано как раз по силам людей, и ему учит Иисус. Попробуйте и узнаете, как ладно и легко.
>
> .... (Мф. XXIII, 4)
>
> Потому что они связывают ноши тяжелые и неподъемные и накладывают на плечи людям, а сами пальцем не хотят пошевелить их.

Ноши закона тяжелые, и никто их не Исполняет. Ноша Иисуса легкая. Речь все продолжается о том, почему никто не исполняет закона и не делает дел; это происходит потому, что 1) они говорят и не делают и примера не подают; 2) потому, что то, что они велят делать, слишком трудно, и трудность эта для них не важна, потому что они не помогают поднять ношу.

(Мф. XXIII, 5—10)

Только для того, чтобы любовались на них люди, навешивают на руки четки и выпускают подолы ряс и мантий; любят на обедах на первое место садиться и в церквах на возвышенные кресла; любят, чтобы им руки целовали на народе и чтобы называли их: наставник! учитель! А вы не называйтесь учителями, потому что у вас один учитель Христос и вы все братья. И батюшкой никого не называйте на земле, потому что один Отец у вас на небе. И не называйтесь вождями или наставниками, потому что один ваш вождь и пастырь Христос.»

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

«В тайне Предопределения Павел понял Иисуса, как никто из святых. „Христос есть Дух, а где Дух, там свобода“ (II Кор. 3, 17). — „Дух дышет, где хочет, и голос Его слышишь, и не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает и со всяким, рожденным от Духа“ (Ио. 3, 8). — „Дух Господен на Мне; ибо Он послал Меня... проповедовать пленным освобождение... отпустить измученных (рабов) на свободу“ (Лк. 4, 18). Это и значит: тайна Духа — тайна свободы. Первое царство, Отца, — Закон; второе, Сына, — любовь; третье, Духа, — свобода».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Но чувство, введенное в мир Иисусом, это чувство наше. Его совершеннейший. идеализм — высшее правило самоотреченной и добродетельной жизни. Он создал небеса чистых душ, где есть все, чего напрасно ищут на земле: чистое благородство детей Божьих, полная святость, совершенная отрешенность от мирской скверны, наконец, свобода, которую существующее общество исключает как невозможную и которая существует во всей своей пол ноте только в области мысли. Иисус — великий учитель всех, кто находит убежище в этом идеальном рае. Он первый провозгласил царство духа, первый сказал, по крайней мере своими делами: « Царство мое не от мира сего».

Истинное Царствие Божие — это царство духа, где каждый человек — царь и священ ник; это царство, как горчичное зерно, вырастет деревом, которое осенит мир, под ветвями которого гнездятся птицы, вот царство, которое разумел Иисус, которого он желал, которое основал. Рядом с ложным, холодным, несбыточным представленнем о торжествен ном пришествии он постиг идею действительного града Божия, истинное возрождение, дал Нагорную проповедь, апофеоз слабого, постиг любовь к народу, симпатию к бедняку, восстановление всего приниженного, истинно простодушного. Это восстановление он выразил, как несравненный художник, в чертах, которые будут жить вечно. Каждый из нас обязан ему тем, что в нем лучшего. Простим ему надежду на суетное откровение, на торжественное явление на облаках небесных.

....Это так верно, что · так называемая мораль последних дней оказалась вечной, спасла человечество. Сам Иисус в о многих случаях пользуется оборотами речи, вовсе не входившими в его апокалиптическую теорию. Он часто заявляет, что Царствие Божие уже наступило, что всякий носит его в себе, может насладиться им если его достоин, создает его в тишине искренним обращением сердца. В таком случае Царствие Божие не что иное, как благо порядок вещей лучший, чем существующий, царство

справедливости, в создании которого обязан участвовать, по мере возможности, всякий верующий; ил и это — свобода души, нечто подобное буддистскому «освобождению», плод самоотречения. Все эти истины, дл я нас часто отвлеченные, был и дл я Иисуса живой существенностью. В его мысли все существенно. и предметно: Иисус — человек, всего страстнее веровавший -в реальность идеала. Воспринимая утопии своего времени и расы, Иисус таким об р азом сумел пересоздать их, по плодотворному недоразумению, в вел и кие истины. Е го Царствие Божие — несомненно, откровение, которое должно было вскоре развернуться в небе, но, вероятно, это было преимущественно царство души, созданное свободой и сыновним чувство м, которое испытывает добродетельный на лоне Божием. Т о был а ч и стая религия, без обрядов, без храма и священника; нравственный суд над миром, предоставленный совести справедливого человека и исполнению народа. Вот что предназначено было жить, и вот что жило. Когда после стольких тщетных ожиданий исчерпал ась материалистическая надежда на конец м и р а, истинное Царствие Божие начинает выясняться.

> .....Необыкновенная уверенность и порою звуки необычайной кротости, перепутывающие все наши мысли, искупали эти преувеличения. «Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные, — говорил он, — и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим, ибо иго мое благо и бремя мое легко»

Таким образом, мы можем видеть, что элементы церкви в проповеди Христа можно свести к научному контролю поля интеллекта по исцелению его от физического контроля поля Эгосистемы. Тогда высвобождение духовной энергии по законов поля интеллекта, где законы этики – совесть, сочувствие, справедливость – выражают общее Я (общий объект контроля закона сохранения силы) духовной энергии, - по законам поля интеллекта приведет к слиянию духовной энергии в единое братство самой нежной дружбы. Это и есть плод проповеди Христа – Духовный Союз поля Интеллекта.

1) Четкое отделение духовной энергии от материальных энергий человека:

2) Дружба единения Духа вместо Рабства насилия и подчинения материальной энергии.

3) Социальный союз естественного права вместо политического союза нормативного права.

4) Научный контроль вместо физического контроля. Борьба с полем Эгосистемы, подход врача: омойте свои души.

5) Хула на Святого Духа. Сатан-Эго мертвой совести

6) Устойчивое равновесие поля Интеллекта как Свобода научного контроля. Циклическое равновесие поля Эгосистемы как рабство бессознательных автоматизмов физического контроля.

3. НЕБО, ОТКРЫТОЕ ХРИСТОМ И БЛАГОДАТЬ АВГУСТИНА

«Отныне, - говорит Иисус, - будете видеть Небо отверстым и ангелов Божьих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому».

Действительно, с очищением от поля Эгосистемы материальной энергии, человек, чья духовная энергия основана на поле Интеллекта на движение между Активным и Пассивным полюсами Интеллекта (от Мышления к Законам природы), попадает на свою родину – на лоно Знаний, на лоно Духа, на лоно Пространства Интеллекта. Его дух, угнетенный до этого в рабстве полю Эгосистемы, теперь высвобождается, чтобы увидеть Небо в своей новой духовной жизни познания, творчества и церкви духовного союза. Небо в прямом смысле открывается Сынам Человеческим, которые в самом деле произошли от Святого Духа, ведь их базовая энергия есть энергия интеллекта.

Достаточно вспомнить, что такое в энергетическом смысле магическое сознание Идолопоклонства поля Эгосистемы. Человек с магическим сознанием не видит реального мира: между ним и миром Кривое Зеркало (покрывало Майи) чувственной информации физического контроля, которая отражает мир и самого человека как борьбу на смерть между Эго и СуперЭго, где Эго – отражение себя, а СуперЭго – количественная абстракция силы всего остального мира!). Понятно, что мир будет несравнимо превосходить, будет «всесилием» наряду со слабым Эго. Понятно, что эти «Отражения» не равны ни настоящему Я человека (то есть его духовной энергии), ни миру, а только количественная абстракция силы. Понятно, что неравенство сил и их противостоящий характер будут рождать «страх сверхъестественных сил», о котором много написал Леви-Брюль, исследуя магическое сознание абориген. Понятно также, что в этих силах нет ничего сверхъестественного, они просто ложные и дают искажен-

ную картину как любое физическое отражение, в данном случае в виде количественной абстракции сил – ведь это картина закона сохранения силы психики. О противостоянии Эго и СуперЭго как фигур бессознательного много писал Фрейд.

Фрейд не мог объяснить откуда эти фигуры и что они значат: его попытки дать биологическое объяснение нелепы и абсурдны. Однако, если мы возьмем термины энергетики, то сразу картина предельно ясна: физический контроль закона сохранения силы материальной энергии психики таким образом формирует противоположные полюса своего поля – Эго и СуперЭго! Вот почему отражаемая картина носит характер противостояния мира и себя – это плюс и минус силового поля материальной энергии, которые запустят цикличный гомеостаз, то есть круговое движение материальной энергии.

Теперь, если мы вспомним, что идолопоклонство есть преклонение Эго перед СуперЭго, мы поймем как безуспешны попытки магического сознания соединиться с объектом своего вожделения – СуперЭго. Навеки эти миражи, пока они существуют в психике, разделены как противоположные полюса силового поля материальной энергии. Вот почему магия абориген не имеет ничего общего с религией и мистикой поисков истинного бога духовной энергией, и вот почему все попытки установить между магией абориген и религией духа количественные различия (еще Тойнби делит их как низшие и высшие религии, в чем сильно ошибается!) обречены на полную неудачу. Магия сознания есть полное отсутствие духа материальной энергии, и «закрытые небеса» интеллекта, рождающего дух и общение с Богом чрез посредство интеллекта. Вот почему Иисус, чья проповедь есть переход к научному контролю поля интеллекта, говорит, что отныне будете видеть Небеса Отверстыми. Действительно, он открыл Небо Сынам Человеческим.

Л. Толстой «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «Для того же, кто понял истинность Иисуса и сыновность его Богу так, как они объяснены в l-й главе, предания о голубе и голосе с неба, по меньшей мере, излишни. По прежнему учению Бог был отдельное существо от человека. Небо обиталище Бога, и сам Бог был закрытым для человека. По учению Иисуса небо открыто для человека. Общение Бога с человеком установлено. Жизнь человека от Бога, и Бог всегда с человеком, и потому сила Божия сходит к сыну человеческому; человек познает ее в себе и восходит на небо. Человек из себя познает Бога. В этом и заключается наступление царства Божия, которое проповедовал Иоанн и подтверждает Иисус. Здесь же уже неизбежно значит свобода, а не власть, потому что противополагается учению книжников. Книжники имели власть, и потому не могло быть сказано: имея власть, а не как книжники (имеющие власть). Противоположение тут в том, что книжники именно потому, что имели власть, учили несвободно, а Иисус учил свободно: т.е. что учение книжников (как оно и было) считало людей рабами Бога, несвободными, а по учению Иисуса люди были свободны. При таком объяснении понятно и то, чему мог восхищаться народ. Если бы Иисус учил как власть имеющий, т.е. с дерзостью и нахальством, то народу бы нечем было восхищаться. Это фарисеи и книжники умели гораздо лучше. Но, очевидно, что-то другое было в его учении. И это другое было то, что он учил свободно, как свободный от всех уз».

Лютер, «О свободе христианина»:

> «Это и есть истинная жизнь христианина, ибо вера приступает тогда к делам с желанием и любовью, как учил галатов св. Павел. Однако филиппийцев, которых он назидал, каким образом через веру в Христа они возымели бы милость и удовлетворение нужд своих, он учит далее, и говорит (Флп. 2): ≪Увещеваю вас всяким утешением, которое вы имеете во Христе, и всяким утешением, которое имеете от любви нашей к вам, и всякой общностью, которую имеете со всеми духовными, праведными христианами, что тем вы всецело обрадуете сердце мое, если друг к другу любовь проявлять и впредь возжелаете, так что один будет служить другому и каждый будет заботиться не о себе и не о своем, но о других и о том, в чем они нуждаются≫.
>
> .....Смотри, вот так вытекает из веры любовь и ликование к Богу, а из любви свободная, вольная, радостная жизнь, дабы даром служить ближнему!

> .....Из всего этого следует заключение, что христианин живет не в себе самом, но в Христе и в ближнем своем: в Христе через веру, а в ближнем через любовь; верою поверх себя он направляется к Богу, а от Бога он направляется любовью опять в себя самого и остается всегда в Боге и в Божественной любви. Подобно тому как говорит Христос (Ин. I): ≪Отныне будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну человеческому≫. Смотри, это и есть истинная, духовная, христианская свобода, освобождающая сердце от всех грехов, законов и заповедей, которая превосходит всякую другую свободу, как небо землю, которой, дай нам Бог, правильно понимать и держаться. Аминь».

«Будучи свободным ото всех, - говорит Павел, - я всем поработил себя». Так же и Лютер говорит, что «христианин живет не в себе самом, но в Христе и в ближнем своем». Так, проповедь Евангелия для тех, кто ее понял ведет к пробуждению духовной энергии, к очищению ее от поля Эгосистемы (или как минимум к упорной борьбе с полем Эгосистемы как общей бедой человечества), и как следствие к единению духовной энергии.

Это единение в дружбе, сочувствии и совести есть качественно отличные эмоции, позитивные и счастливые, которых не могут знать основанным на вечном страхе эмоции притяжений влюбленности и самолюбия, рабства и насилия. И вот, исследователи особенно отмечают качество этих эмоций. Фромм и Маслоу, Хорни четко противопоставили эмоции избытка здоровых людей – эмоциям невроза как ненасыщаемой болезненной мотивации невротиков, которых они понимают как людей «Ложного Я» и «Инфляции Эго». Они же пишут о качественно различных эмоциях между притяжениями самолюбия-влюбленности (отношения садомазохизма) с одной стороны и братской любовью, любовью-дружбой, или как сказал бы Иисус отечески-сыновней любовью с другой стороны. Впрочем, об этих качественных отличиях говорят уже Платон, Спиноза (Этика), Кьеркегор.

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Но главная «движущая сила» его — та же, что у самого Иисуса, — любовь не только общая, ко всем людям вместе, но и к каждому в отдельности. «Каждого из вас, я (в подлиннике «мы», но значит: «я») просил и убеждал, и умолял, как отец — детей своих» (I Фес. 2, 11–12). — «Как отец», и еще нежнее, — как мать: «дети мои! для которых я снова — в муках рождения, доколе изобразится в вас Христос» (Гал. 4, 19). — «Нежен я был среди вас, как кормилица, которая нежно обходится с детьми своими» (I Фес. 2, 7). — «Вы в сердце моем, так, чтобы нам вместе и умереть и жить» (II Кор. 7, 3). — «Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, с кем бы и я не воспламенялся?» (II Кор. 11, 29). — «Я всем поработил себя... для всех сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, хоть некоторых» (I Кор. 9, 19).
>
> Большею любовью никто никогда не любил людей, кроме Иисуса. Вот Павлова победа, победившая мир. «Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а любви не имею, то я — ничто» (I. Кор. 13 — 2).
>
> Мать, не умеющая пеленать и кормить младенца, не многого стоит. Павел это умеет, как никто; хлопочет, как Марфа, о «большом угощеньи», хотя и знает, как Мария, что «нужно только одно» (Лк. 10, 39–42); вечно суетится, заботится обо всех вместе и о каждом в отдельности. «Каждый день, у меня забота о всех церквах» (II Кор. 11, 28). В сердце своем соединяет все церкви, от захолустной в Колоссах, у подножия Арарата, до Рима, а может быть и до берегов Атлантики — Испании; кормит их всех одной и той же пищей — «молоком, как нежная кормилица»: «Вам нужно еще молоко, а не твердая пища» (Евр. 5, 12)».

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «В тайне Предопределения Павел понял Иисуса, как никто из святых.
>
> «Все да будет едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе; так и они да будут в Нас едино» (Ио. 17, 21). «Я в них, — во всех» (Ио. 17, 26). Это последние слова Иисуса, сказанные на земле ученикам. «Многое еще имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Дух... то откроет вам всю истину... и будущее возвестит вам» (Ио. 16, 12–13»

Наконец, на последок хотелось бы сказать о «Благодати» Августина, под которой он понимал частное проявление всеобщего вечного закона Божьего как движущей силы церкви. В этом смысле Благодать есть Закономерности духовной энергии человека, закономерности поля интеллекта и совести, которые конечно в духовном союзе церкви будут ощущаться много сильнее и лучше, чем одинокими индивидами, как бы здоровы они ни были и какой силы духом бы они не обладали. В этом смысле, надо помнить что Благодать церкви Христа жива только до тех пор, пока жива здоровая духовная энергия, очищенная от поля Эгосистемы. И что если это условие соблюдено, что Августин совершенно прав в том, что такой союз есть Благодать Божья, и что Благодать эта много предпочтительнее и много мудрее любого индивида, так как ею движут закономерности здорового духа целой общины. Однако, католическая церковь, которая в ранний свой период, особенно в период св. Амвросия, сильно повлиявшего на Августина, являла мощный пример такой Благодати, не устояла в ней и потеряла и свое здоровье и свое единство, и свою мудрость. Очевидно, что тот заряд «подхода врача», который мог быть только «начатками Духа», как говорит Павел, в эпоху далекую от науки, следует теперь развивать так, чтобы научный контроль в виде правильной системы образования позволил воспроизводить из подрастающих поколений здоровую духовную энергию и таким образом нерушимые духовные союзы, нерушимую мудрость, силу, совесть, дружбу Благодати церкви Христа.

У. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Человек не предоставлен самому себе в деле спасения, но связан солидарной властью с родом человеческим. Он связан со своими ближними природной, естественной связью через общего родоначальника Адама и в силу этого — общими узами греха. Адам для Августина есть олицетворение нашей общей социальной природы, и грех Адама по тому самому не есть для него только акт единичной воли, а родовой, социальный фактор. „Мы были в нем одном, когда были все он один“. Мы еще не существовали тогда, как единицы,

> но уже существовали, как природа, — в семени родоначальника, и унаследовали от него греховную организацию. Во-вторых, индивид связан с человечеством узами благодати, которая объединяет всех участников спасения в единое социальное целое в общем духовном родоначальнике Христе. Ибо идеальная цель благодатного процесса именно и заключается в том, чтобы все избранные были единым телом Христовым, или, как выразился Августин, — единым Христом. Социальному греху противополагается социальное действие благодати на человечестко, как род, как единый организм. Элементарная, земная форма действия благодати, по Августину, есть социальная жизнь земной церкви; конечная и безусловная цель его есть социальное единство избранных во Христе, единство вечного града Божия».

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Невзирая на феодальную церковь, секты, духовные ордена, святые люди продолжали восставать во имя Евангелия на неправду света. Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более истинных последователей, кроме тех, которые, по-видимому, его отрицают, мечты об идеальном устройстве общества, представляющие столько сходства со стремлениями первых христианских сект, — эти мечты являются в известном смысле развитием той же идеи, одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в зародыше всякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно будет Царствие Божие. Все общественные перевороты привьются к этому слову, а социалистические попытки нашего времени, запятнанные грубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то есть к созданию общего благоденствия политическими и экономическими мерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство истинный дух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм не усвоит того начала, что, дабы обладать землею, надо от нее отречься»

ГЛАВА 6. ВРАЧИ И ФИЛОСОФСКАЯ ИРОНИЯ РУССКИХ ХРИСТИАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. ГОГОЛЬ И ЧЕРТ

1. Раздвоенность сознания у Гоголя

2.Пошлость первобытного сознания. Страх сверхъестественных сил

3. Чертово марево мертвой энергии. Мертвые Души.

1. РАЗДВОЕННОСТЬ СОЗНАНИЯ У ГОГОЛЯ

Как Павел и Августин, как Толстой и Достоевский, как Кьеркегор и Мережковский — Гоголь остро чувствует раздвоенность своего сознания. Эта раздвоенность говорит как о хорошем, так и о плохом: только здоровые самоактуалы Маслоу в тяжелой борьбе с полем Эгосистемы побеждают его — гении разряда Спинозы, Эйнштейна, Толстого, Рассела — и не чувствуют более раздвоения, потому что здоровы. Или же не чувствуют раздвоения законченные психопаты с мертвой совестью поля интеллекта, потому что у них обратная ситуация: сильно развившееся поле Эгосистемы истощило поле духовной энергии. Есть еще третий случай, когда не чувствуют раздвоения: «Непосредственные люди», как говорит Достоевский, или «люди без рефлексии», как говорит Кьеркегор, у которых слабо развито сознание и они живут преимущественно биологическими инстинктами и бессознательными импульсами.

Раздвоенное же сознание говорит во первых о мощном развитом сознании: тот у кого духовная энергия разума не развита и кто живет автоматизмами поля Эгосистемы, не чувствуют своей раздвоенности. Отрицательная сторона раздвоенности в том,

что она также говорит о сильном еще поле Эгосистемы, которое противостоит его духовной энергии, его истинному Я поля интеллекта. Античность, существо которой в том, что это период Рождения Интеллекта, Духа, период Колыбели разумной энергии, запуталась, потерялась, не смогла сделать выбор между двумя энергиями психики. Ведь Рождение Духа ощутила античность как Раздвоенность сознания между духовной энергией разума, и мертвым полем Эгосистемы с его обоготворением ложного Эго. Между логосом этических религий с одной стороны и мифом языческих легенд с другой стороны, между философией рационализма естественного права с одной стороны и мифологией кесарей-богов, самодержцев с другой стороны, между правом этики, морали с одной стороны и правом сильного с другой стороны. Между Человеко-богом поля Эгосистемы и Бого-человеком духовной энергии разума, другими словами.

Античность выбрала Человеко-бога шизоидов, то есть запуталась — и погибла.

Христианство стало тем лекарем, который повернул человечество в правильную сторону: от Человеко-бога шизоидной античности к Бого-человеку духа, научного контроля разума. И с этих пор все христианские писатели продолжая святую борьбу античности между Человеко-богом и Богочеловеком борются на стороне Бого-человека. Не стал исключением и Гоголь.

Н. Гоголь, «Мертвые души»:

> «Но мудр тот, кто не гнушается никаким характером, но, вперя в него испытующий взгляд, изведывает его до первоначальных причин. Быстро все превращается в человеке; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки. И не раз не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рожденном на лучшие подвиги, заставляла его позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое».

Н. Гоголь, «Переписка с друзьями»:

> «Я люблю добро, я ищу его и сгораю им, но я не люблю моих мерзостей… Я воюю с ними

> и буду воевать, и изгоню их, и в этом мне поможет Бог. …Я уже от многих моих гадостей избавился тем, что передал их моим героям, обсмеял их в них и заставил других также над ними посмеяться. Я оторвался уже от много тем, что лишивши картинного вида и рыцарской маски, под которой выезжает козырем всякая мерзость наша, поставил ее рядом с той гадостью, которая всем видна. И когда поверяю себя на исповеди перед тем, кто повелел мне быть в мире, и освобождаться от моих недостатков вижу, что святая сила помогла мне оторваться от моих пороков»

Как всякий истинный гений, в особенности религиозный гений, Гоголь посвящает свою жизнь войне со злом в себе, и войне со злом вообще, то есть ищет закономерности психики, разграничивает таким образом два поля энергии, — здоровое и больное, и показывает всему человечеству дорогу как преодолеть больную энергию, как вылечить и максимально развить здоровую энергию психики.

Д. С. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Ум мой был всегда наклонен к существенности и к пользе». «Я чувствовал всегда, что буду участник сильный в деле общего добра и что без меня не обойдется»… «Мне захотелось служить земле своей… Я примирился и с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также служить земле своей». «Мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит большое самопожертвование. «В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое звание и место требует богатырства». Но прежде чем вступить, подобно древним русским богатырям, в битву со «страшилищами». Гоголь должен был победить самое страшное из них, жившее в нем самом.
>
> Он покидает искусство для искуса; кончается пушкинская «молитва», жертвоприношение — начинается «битва», «самопожертвование Гоголя; исчезает поэт, выступает пророк. И вместе с тем тут начинается трагедия Гоголя — incipit tragoedia — борьба с вечным злом — пошлостью, — уже не в творческом созерцании, а в религиозном действии, великая борьба человека с чертом».

Маслоу в своем исследовании самоактуалов в ряде других замечательных открытий открыл также прелюбопытный факт: феномен «философского смеха», который свойственен только людям с развитой духовной энергией разума и который каче-

ственно отличается от насмешек, злорадства поля Эгосистемы (как все атрибуты духовного поля отличаются от атрибутов материального поля психики). Как выяснилось в ходе исследования «философский юмор» означает смех над общей всему человечеству болезнью — над полем Эгосистемы. Только люди с развитой духовной энергией способны различить в себе и в других поле Эгосистемы как один феномен и увидеть его убогость, вред и ничтожество, его пошлость. Смех над этой всеобщей болезнью человечества есть признание этой убогости и пошлости, пагубности этой энергии, ее ничтожества. Этот смех лечит и является показателем здорового поля Интеллекта. В отличие от злорадства людей с активным полем Эгосистемы, которые высмеивают Эго друг друга, чтобы утвердить свое собственное Эго на их могилах, «философский юмор» здоровых людей духовной энергии высмеивает поле Эгосистемы в целм, как ложное Эго всего человечества, в том числе и свое собственное Эго. Их цель избавится от Эго, а не утвердить его на могилах других.

Помимо Маслоу о «философском юморе», противопоставляя его «насмешке, злорадству» говорили Спиноза в «Этике», Шеллинг (в «Ночных бдениях», под псевдонимом Бонавентура) и Марк Твен (до Маслоу), Гордон Олпорт (он ссылается на Маслоу) и др. Интересно, что Эрнест Ренан в «Жизнь Иисуса» делает акцент на «иронии Иисуса» в отношении зла, которое он критикует. Важно вспомнить Римскую сатиру писателей-моралистов первого и второго веков до нашей эры (Гораций, Петроний, Ювенал, Персий, Лукиан и др), когда на смену греческой трагедии, обоготворяющей зло наравне с добром, приходит насмешка над злом, как над душевной болезнью, пошлостью и ничтожеством человека. В этом смысле русская литература продолжает традицию римской сатиры.

Так Гоголь ставит своей целью «выставить черта дураком», «насмеяться вволю над чертом».

Д. С. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Как черта выставить дураком», — это, по собственному признанию Гоголя, было главной мыслью всей его жизни и всего творчества.

> «Уже с давних пор я только и хлопочу о том, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чертом». (Письмо Шевыреву из Неаполя от 27 апреля 1847 года.)

Еще Герцен писал в «Письме к Мишле», что русская литература в целом, и в особенности Гоголь, взяли этот философский юмор смеха над своими пороками, над своей пошлостью с тем, чтобы излечиться от нее.

А. Герцен, «Письмо к Мишле»:

> «Первым русским произведением, снискавшим огромную популярность, было не послание, обращенное к императрице, не ода, на которую вдохновили поэта бесчеловечные опустошения и кровопролитные победы Суворова, а комедия, едкая сатира на провинциальных дворянчиков. Тогда как Державин сквозь ореол славы, окружавшей трон, видел одну лишь императрицу, Фонвизин, ум сатирический, видел изнанку вещей; он горько смеялся над этим полуварварским обществом, над его потугами на цивилизованность. В произведениях этого писателя впервые выявилось демоническое начало сарказма и негодования, которому суждено было с тех пор пронизать всю русскую литературу, став в ней господствующей тенденцией. В этой иронии, в этом бичевании, не щадящих ничего, даже личность самого автора, мы находим какую-то радость мести, злорадное утешение; этим смехом мы порываем связь, существующую между нами и теми амфибиями, которые, не умея ни сохранить свое варварское состояние, ни усвоить цивилизацию, только одни и удерживаются на официальной поверхности русского общества. Неутомимый протест неотступно преследовал эту аномалию. Он был горячим, беспрестанным.
> Анализ общественной патологии определил преобладающий характер современной литературы. То было новое отрицание существующего порядка вещей, которое вырвалось, наперекор монаршей воле, из глубины пробудившегося сознания, — крик ужаса каждого молодого поколения, опасающегося, что его могут смешать с этими выродками.
> Под московским небом все в душе его становится мрачным, пасмурным, враждебным. Он продолжает смеяться, даже больше, чем прежде, но это другой смех: он может обмануть лишь людей с очень черствым сердцем или слишком уж простодушных. Перейдя от своих малороссов и казаков к русским, Гоголь оставляет в стороне народ и принимается за двух его самых заклятых врагов: за чиновника и за помещика. Никто и никогда до него не написал такого полного

курса патологической анатомии русского чиновника, Смеясь, он безжалостно проникает в самые сокровенные уголки этой нечистой, зловредной души. Комедия Гоголя «Ревизор», его роман «Мертвые души» — это страшная исповедь современной России, под стать разоблачениям Кошихина в XVII веке

Присутствуя на представлениях «Ревизора», император Николай умирал со смеху!!!

Поэт, в отчаянии, что вызвал всего лишь это августейшее веселье да самодовольный смех чиновников, совершенно подобных тем, которых он изобразил, но пользовавшихся большим покровительством цензуры, счел своим долгом разъяснить в предуведомлении, что его комедия не только очень смешна, но и очень печальна, — что «за его улыбкой кроются горячие слезы».

После «Ревизора» Гоголь обратился к поместному дворянству и вытащил на белый свет это неведомое племя, державшееся за кулисами, вдалеке от дорог и больших городов, схоронившееся в деревенской глуши, — эту Россию дворянчиков, которые втихомолку, уйдя с головой в свое хозяйство, таят развращенность более глубокую, чем западная. Благодаря Гоголю мы видим их, наконец, за порогом их барских палат, их господских домов; они проходят перед нами без масок, без прикрас, пьяницы и обжоры, угодливые невольники власти и безжалостные тираны своих рабов, пьющие жизнь и кровь народа с той же естественностью и простодушием, с каким ребенок сосет грудь своей матери.

«Мертвые души» потрясли всю Россию.

Предъявить современной России подобное обвинение было необходимо. Это история болезни, написанная рукою мастера. Поэзия Гоголя — это крик ужаса и стыда, который издает человек, опустившийся под влиянием пошлой жизни, когда он вдруг увидит в зеркале свое оскотинившееся лицо. Но чтобы подобный крик мог вырваться из груди, надобно, чтобы в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения. Тот, кто откровенно сознается в своих слабостях и недостатках, чувствует, что они не являются сущностью его натуры, что он не поглощен ими целиком, что есть еще в нем нечто, не поддающееся, сопротивляющееся падению, что он может еще искупить прошлое и не только поднять голову, но, как в трагедии Байрона, стать из Сарданапала-неженки — Сарданапалом-героем.

Отчего не захотели вы прислушаться к потрясающим звукам нашей грустной поэзии, к нашим напевам, в которых слышатся рыдания?

Что скрыло от вашего взора наш судорожный смех, эту беспрестанную иронию, под которой скрывается глубоко измученное сердце,

> которая, в сущности, — лишь роковое признание нашего бессилия? Русский роман обращается исключительно в области патологической анатомии; в нем постоянное указание на грызущее нас зло, постоянное, безжалостное, самобытное. Здесь не услышите голоса с неба, возвещающего Фаусту прощение юной грешнице, — здесь возвышают голос только сомнение и проклятие. А между тем, если для России есть спасение, она будет спасена именно этим глубоким сознанием нашего положения, правдивостию, с которою она обнаруживает это положение перед всеми.
> Тот, кто смело признается в своих недостатках, чувствует, что в нем есть нечто сохранившееся среди отступлений и падений; он знает, что может искупить свое прошлое и не только поднять голову, но сделаться из «Сарданапала-гуляки — Сарданапалом-героем». Великий обвинительный акт, составляемый русской литературой против русской жизни, это полное и пылкое отречение от наших ошибок, эта исповедь, полная ужаса перед нашим прошлым, эта горькая ирония, заставляющая краснеть за настоящее, и есть наша надежда, наше спасение, прогрессивный элемент русской натуры. Каково же значение того, что написал Гоголь, которым славяне так неумеренно восхищаются? Кто другой поставил выше, чем он, позорный столб, к которому он пригвоздил русскую жизнь?»

В этой заметке Герцена исчерпывающий ответ критике русской литературы Мережковским — там, где он возмущается «смирением» русской литературы, у которой все «Наполеоны» и «сверхчеловеки» раскаиваются. Герцен видит много глубже в этом вопросе: он показывает, что отринуть ложную силу поля Эгосистемы, пусть в самосомеянии, есть путь к приобретению истинной силы духовной энергии разума. Мережковский увидел это не сразу и старался «соединить Человеко-бога с Бого-человеком». В конечном итоге, будучи умным человеком, понял что это невозможно. И вот уже Мережковский смеется над своей декадентской юностью и над своим ницшеанством:

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Пушкин погиб, а Хлестаков процветает. Дух его сказывается не только в романтических «кровавых незабудках» начала XIX века, но и в нашей современной декадентской резвости, в нашей ницшеанской дерзости, за которые здравый смысл, как старый барин, если бы узнал, в чем дело, не посмотрел бы на то, что ты декадент или

> ницшеанец, а, «поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня бы четыре ты почесывался».

Действительно, запад еще не понял, что Зло — это то, над чем надо смеяться, что это пошлость и ничтожество, от которых надо избавляться, когда русская литература уже несла в себе это откровение. Вспомнить образы демонов в западной литературе, они все сродни «Демону» Лермонтова (которого Мережковский хвалит в той статье как достойное исключение): «Каин» Байрона, «Потерянный рай» Мильтона, Сверхчеловек Ницше, «Дьявол» Сартра. Все эти авторы, выводя образ Демона как могучей своевольной силы, упертой в своем величии против Господа, вовсе не думают над ней смеяться. Это ожившее шизоидное сознание античной культуры, чьи Боги были Гераклами и Ахиллесами, бросавшими вызов небесам.

Откровение русской литературы состоит в том, что она вполне себе уяснила, что только посмеявшись над злом можно его уничтожить, потому что смех утверждает понимание зла как болезни, слабости и ничтожества. В греческих трагедиях дерутся боги, добрые и злые, но равно могучие силы. А в римской сатире глубокая насмешка над злом как над болезнью души, как над пошлостью, как над слабостью и ничтожеством. Мережковский противопоставляет «эпос» Толстого «греческой трагедии» Достоевского. Действительно, «Преступление и наказание» Достоевского с Раскольниковым-Наполеоном в главной роли вполне еще себе «греческая трагедия». Здесь еще борются две силы в шизоидном сознании героя, и конечно у Достоевского (но не у Ницше), побеждает духовная энергия разума. А вот «Записки из Подполья» уже самая настоящая римская сатира, где Зло высмеивается с той же безжалостностью, что и в произведениях Гоголя, где нет уже никакого величия у зла, а одна только непроходимая пошлость да «свиные рыла», как говорит Гоголь.

Конечно, есть великие имена писателей сатириков и в западной литературе: Марк Твен, Дж. Свифт, Дж. Селинджер и др. Однако, эти имена единичны и отнюдь не выражают общей тенденции — оттого они еще более велики.

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Зло видимо всем в великих нарушениях нравственного закона, в редких и необычайных злодействах, в потрясающих развязках трагедий; Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло не в трагедии, а в отсутствии всего трагического, не в силе, а в бессильи, не в безумных крайностях, а в слишком благоразумной середине, не в остроте и глубине, а в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей, не в самом великом, а в самом малом.
>
> Первый он понял, что черт и есть самое малое, которое, лишь вследствие нашей собственной малости, кажется великим, — самое слабое, которое, лишь вследствие нашей собственной слабости, кажется сильным. «Я называю вещи, — говорит он, — прямо по имени, «то есть черта называю прямо чертом, не даю ему великолепного костюма а 1а Байрон и знаю, что он ходит во фраке...» «Диавол выступил уже без маски в мир: он явился в своем собственном виде».

Д. Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «Но ведь Черт недаром — «третий между двумя», веет от него и другими разнообразными запахами реальнейшей, современнейшей русской и общеевропейской пошлости; он кажется иногда Хлестаковым
>
> и Чичиковым, старинным помещичьим приживальщиком («вид порядочности при весьма слабых карманных средствах»), напоминает и подозрительного «джентельмена» из новейшей космополитической мелкой прессы. И привидение как будто щеголяет этим «человеческим, слишком человеческим», этой «бессмертною пошлостью людской» — дразнит ею Ивана:
>
> ≪Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился к тебе в каком-нибудь красном сиянии, «гремя и блистая», с опаленными крыльями, а предстал в таком скромном виде. ... Люди принимают всю эту комедию — (то есть мир явлений) — за нечто серьезное, при всем своем бесспорном уме, — продолжает Черт в своей беседе с Иваном. — В этом их и трагедия»

Зло, изображенное как мощь отрицательной силы, изобличает ненаучный взгляд. Это старый взгляд магического сознания дикарей, которые видят мир через «загрузки СуперЭго», и потому живут «страхом сверхъестественных сил», порождаемого кривым зеркалом своего поля Эгосистемы. Отличие античной ге-

роев-полубогов, или байроновски-ницшеанских дьяволов западной литературы только в их «шизоидности», то есть это уже не спонтанные загрузки СуперЭго физического контроля, а с добавлением «формальной логики» шизоидов. Но суть та же: те же миражи, химеры магического сознания, порожденные страхом сверхъестественных сил поля Эгосистемы.

И только когда научный взгляд изобличает Зло, как болезнь души, как закономерности поля Эгосистемы, он видит всю убогость и пошлость Зла, всю его ничтожность и гнилость. И тогда появляется философский юмор и смех вместо «страха сверхъестественных сил», потому что духовная энергия разума, ее научный контроля закона сохранения силы празднует свою победу над болезнью души, свое освобождение от этой болезни.

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеялся надо мною... Я стал наделять своих героев моею собственною дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом звании и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобою, насмешкою и всем, чем ни попало. Если бы кто видел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале, для меня самого, он бы точно содрогнулся».

Чичикову точно так же, как Хлестакову, мог бы он сказать то, что Иван Карамазов говорите своему черту: «Ты — воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых... Ты — я, сам я, только с другой рожей».

2. ПОШЛОСТЬ ПЕРВОБЫТНОГО СОЗНАНИЯ. СТРАХ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СИЛ

Итак, творчество Гоголя — важная веха в переходе от примитивного «страха сверхъестественных сил» в восприятии Зла к научному познанию Зла как болезни души, как «пошлости и слабо-

сти». «Пошлость» — так обозначает Гоголь ничтожество своего черта и противопоставляя его образам сверхъестественной мощи в стиле Байрона и Мильтона. Мережковский соглашается с этим определением, при этом подчеркивает, что пошлость — характерологическая черта обоих главных героев Гоголя, и Хлестакова, и Чичикова.

Но как нам определить «пошлость» на научном языке?

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «черт — ...вечная плоскость, вечная пошлость. Единственный предмет гоголевского творчества и есть черт именно в этом смысле, то есть как явление «бессмертной пошлости людской», созерцаемое за всеми условиями местными и временными — историческими народными, государственными, общественными — явление безусловного, вечного и всемирного зла; пошлость sub specie aeterni «под видом вечности».
> «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара — выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого точно нет у других писателей». (Из «Переписки с друзьями», XVIII, 3.)
> ...Да, в глубине чичиковского «позитивизма» (материализма) такое же всемирное «вранье», как в глубине хлестаковского идеализма. Желание Чичикова «стать твердою стопой на прочное основание» — это именно то, что теперь в ход пошло, а потому — пошло, как, впрочем, и желание Хлестакова «заняться, наконец, чем-нибудь высоким». Оба они только говорят и думают, «как все»; а в сущности ни Чичикову нет никакого дела до «прочных» основ, ни Хлестакову — до горных вершин бытия.
> .. В мысли о деньгах заключено для Чичикова нечто безусловное, как бы даже бесконечное, почти религиозное. «Шкатулка! — раздирающим душу голосом вопит он в тюрьме- перед тем, как разорвать на себе фрак „наваринского пламени с дымом“. — Шкатулка! Ведь там все имущество... Все украдут, разнесут! О, Боже!» Эта таинственная шкатулка для него новый «ковчег Завета».

Итак, наша задача дать определение пошлости с научной точки зрения, то есть в точки зрения открытых нами законов

психической энергии. Для этого нам надо еще раз вернуться к антропологии: к исследованиям первобытного сознания дикарей.

Индуизм говорит о «покрывале Майа», то есть об искаженном восприятии человеком окружающего мира чувственным восприятием. Платон писал об искаженным восприятии невеждами окружающей действительности. Спиноза писал об «аффектах», которые мешают разуму адекватно воспринимать действительность. Кьеркегор писал о «кривом зеркале» поля Эгосистемы. Карл Юнг — о «коконе» собственных проекций, в которых все больше запутывается невежественный человек, пока между ним и реальным миром не возникает непроходимая стена. Ни для этических религии, ни для гуманистической философии и психологии, ни для антропологии никогда не было секретом, что невежественное сознание смотрит на мир через какие-то очки, которые его искажают. Чтобы снять эти очки нужно разоблачить в себе кривое зеркало поля Эгосистемы. Так, дикари смотрели на мир природы как на сверхъестественные силы, тотемы, которым они поклонялись. Наука рассказала людям о законах физики, химии и биологии, и люди больше не поклоняются силам природы. Они теперь воспринимают мир природы не через физический контроль поля Эгосистемы (господство подчинение тотемам), а через научный контроль поля Интеллекта.

Однако, свою собственную энергию — людей и общество — люди все еще не знают как законы науки (до открытия психической энергии). Они продолжают воспринимать людей и общество через физический контроль поля Эгосистемы: они теперь поклоняются «социальным авторитетам», как доказали эксперименты Милграма, и о чем писал Э. Фромм. Как же работает этот механизм физического контроля поля Эгосистемы, это кривое зеркало, которое искажает восприятие?

Разберем на примере сознания дикарей, на материале исследований антропологов. Силовое поле Эгосистемы образует физический контроль закона сохранения силы психики. Это фи-

зический контроль формирует два полюса этого поля — Эго и СуперЭго — когда дает чувственную (бессознательную) информацию о мире, как о двух противостоящих силах — сила собственной энергии и сила всего прочего мира. Где, на каком «теле» отражается эта чувственная информация? Конечно на «теле» духовной энергии разума, фундаментальной энергии каждого человека. Без этой базисной энергии не могло бы и быть энергии-паразита. Что обозначает закон сохранения силы как «Я»? «Я» — это сила, которую надо сохранить, говорит основной закон психики, и поэтому у всех народов, от диких до цивилизованных есть понятие «Я» в языке. Однако, научный контроль указывает на духовную энергию как силу, которую надо сохранить. Таким образом, для истинного Я, для научного контроля — закон сохранения силы есть закон самосохранения — научный контроль духовной энергии разума указывает на самое себя как на «Я». Отвальд, первый учитель энергетики, писал, что только живые энергии имеют закон сохранения силы в качестве самосохранения.

Теперь посмотрим, что есть «Я» для физического контроля. Мы видели что физический контроль дает чувственную информацию, отражая духовную энергию психики и весь окружающий мир как две противостоящие силы: Эго и СуперЭго. Это — ложная информация о мире и духовной энергии человека, но в то же время это два полюса нового силового поля совсем другой энергии, материальной энергии психики. Так возникает энергия паразит, из ложной информации физического контроля закона сохранения силы психики. Далее она провоцирует затраты духовной энергии на Эгозащиту, поскольку истинное Я и его отражение Эго связаны в сознании как единый объект контроля закона сохранения силы. Чтобы разделить их, нужна аналитическая деятельность мышления научного контроля, который познает механизмы двух силовых полей и тем самым отделит одно поле от другого, истинное Я от его отражения.

Понятно, что Эго не равно духовной энергии, которую оно отражает, равно как наше отражение в зеркале не равно нам

самим. Понятно также, что Эго не равно и силовому полю Эгосистемы (это только один полюс этого поля). И следовательно, физический контроль закона сохранения силы не есть закон самосохранения: его объект контроля Эго, отражение духовной энергии, но не само силовое поле Эгосистемы. Так, мы подтверждаем теоретически то, что ясно из опыта: мертвенность материальной энергии психики.

Теперь когда мы знаем что такое Эго и СуперЭго как две фигуры чувственного восприятия физического контроля, искажающие информацию о духовной энергии и об окружающем мире, нам надо узнать как именно эта чувственная информация искажает действительность. Понятно, что Эго и СуперЭго — это противоположные полюса силового поля психики, значит физический контроль искажает действительность показывая противостояние человека и всего остального мира (плюс и минус силового поля). Далее, работает контроль закона сохранения силы и значит он абстрагирует всю действительность, все различные энергии природы в их качественном многообразии до единой количественной абстракции: Эго и СуперЭго — просто одна некая Сила, и различие только количественное.

Так рождается «страх сверхъестественных сил» первобытного сознания и его поклонение «тотемам». Страх происходит от противостоящего характера Эго и СуперЭго (плюс и минус силового поля). Фрейд подчеркивал, когда обнаружил Эго и СуперЭго в психике своих больных, антагонизм между этими двумя фигурами бессознательного. И поскольку мир отражается как всесильное СуперЭго рядом с малым Эго, и при этом угрожает ему (плюс и минус), то возникает «страх сверхъестественных сил». Исследования Леви-Брюля доказали, что в основе сознания дикарей — страх сверхъестественных сил, и что это «до-логическое сознание», то есть лишенное еще способности логически мыслить.

«Сверхъестественными» эти силы становятся от абстрагирования: действительно, в природе много различных энергий, существующих в конкретных вещах, но нигде нет этого экстракта

«силы» как единого количества. Его производит только обобщающая сила физического контроля поля Эгосистемы. Об этом много говорится в исследовании Э. Дюркгейма первобытного сознания, в его работе об происхождении тотемизма. Он прямо там доказывает, что «магия» первобытного сознания есть следствие количественной абстракции силы в восприятии дикарей. Там же Дюркгейм обращает внимание читателей на тот факт, что механизм этот все еще не изжит и в цивилизованном обществе: ведь восприятие социальных авторитетов есть та же «количественная абстракция силы» или как говорил Фрейд «загрузки СуперЭго». Фрейд также обращает внимание на тот факт, что государственные институты приобретают в глазах людей какое-то магическое значении как «социальные авторитеты». Э. Фромм в «Человек для себя» прямо разделяет «авторитарную этику», основанную на магическом сознании и «гуманистическую этику, основанную на рациональном сознании. Милграм доказал в экспериментах раздвоенность воли у здоровых людей, которые склонны подчиняться приказам авторитетов, даже если сознают разумом что приказы неправильны и их совесть противиться им. Тема иррационального подчинения авторитетам очень широкая в современной научной и художественной литературе.

Теперь мы можем вернуться к теме пошлости в работах Гоголя. Уже понятно, что «пошлость» — эта та самая деятельность физического контроля поля Эгосистемы по абстрагированию всего что есть в мире — от прекрасного материального мира в божественной природе до высочайшего полета гения мысли человеческой — уничтожения всего этого в количественной абстракции силы. Это значит, что больше не важны гениальность произведений, а только их «сила» в обществе: успешны ли, авторитетен ли автор в обществе, имеет ли власть и тп. Это значит, что больше не важны совесть и этика: важно только то победила ли ваша сила, подчинила ли всех себе. Это значит, что нет более красоты в природе: есть только комфорт и приспособление к условиям быта. И так далее: то что Мережковский пытается сформулировать как «усредненность, ни то ни се, ни теплое ни

горячее, ни добро ни зло». Все таки невозможно четко сформулировать без понимания этого механизма количественной абстракции физического контроля поля Эгосистемы.

Именно эта количественная абстракция силы упраздняет этику, совесть, которая есть проявление закона сохранения силы другого поля, то есть духовной энергии разума. Полю Эгосистемы мораль, этика, совесть всегда чужды, поле Эгосистемы всегда «По ту сторону добра и зла», как Ницше, потому что закон сохранения силы физического контроля — это закон количественных соотношений силы: насилие и подчинение, унизить или возвысить, кто выше и кто ниже на социальной лестнице, чинопочитание, табель о рангах, «прав тот у кого больше прав», победителей не судят и тп. Важно отметить эту самую важную характеристику физического контроля поля Эгосистемы — он всегда «по ту сторону добра и зла», потому что имеет дело только с количеством силы, только с физическим давлением, с насилием. И все авторы, которые защищали поле Эгосистемы против научного контроля поля совести и интеллекта всегда подчеркивали иллюзорность морали и этики — Макиавелли, Ницше, маркиз де Сад, В. Набоков, Р. Грин, Стенли Бинг. Гоголь и Достоевский подчеркивают что этика не имеет значение для их отрицательных героев с мертвой совестью: Хлестакова, Чичикова, Подпольного.

Однако, в том то и дело что не только Этика упраздняется этой Пошлостью абстракции силы физического контроля. Все, абсолютно все сводится к противостоянию силы, к соизмерению количеств насилия: все смыслы профанируются, все содержание выхолащивается, все цвета радуги становятся серыми в утробе кривого зеркала поля Эгосистемы: только кто сильнее, только табель о рангах, только кто богаче и больше ничего. Только «Тонкий и толстый» Чехова, выведенный им с такой добросовестностью в стольких вариациях его гениальных рассказов.

Понятия Власти и денег — самый яркий пример такого выхолащивания смысла и содержания реальных вещей в «магические» силы поля Эгосистемы. Что есть власть государства на са-

мом деле? Сила научного контроля духовной энергии человечества, которая через институты науки и др институты государства заботится о благосостоянии общества и каждого отдельного человека. А что есть власть как магия поля Эгосистемы, как абстракция силы, как пошлость зла? Это социальная лестница, которая показывает количество силы давления на каждой ступени высших на низших, толстых на тонких, табель о рангах и чинопочитание — предмет смеха русской литературы. И тоже самое с деньгами. Что есть деньги? Средство, облегчающее обмен продуктов труда между людьми. Что есть деньги как магия поля Эгосистемы, как абстракция силы и пошлость зла? Понятно, что деньги будучи количественной абстракцией экономики становятся идеальной количественной абстракцией силы поля Эгосистемы, — идеальной «материализацией», «воплощением фантастического» как говорит черт Достоевского. То что раньше только смутно ощущалось как обоготворение авторитетов в деньгах и в ступенях социальной лестнице получает конкретное измерение. Так, вся Пошлость «магии» количественной абстракции силы поля Эгосистемы сосредотачивается в деньгах и табели о рангах — их то и высмеивали сатирики еще со времен классической римской сатиры.

Н. Гоголь «Мертвые души»:

> «виною всему слово „миллионщик", — не сам миллионщик, а именно одно слово; ибо в одном звуке этого слова, мимо всякого денежного мешка, заключается что-то такое, которое действует и на людей подлецов, и на людей ни се ни то, и на людей хороших, — словом, на всех действует. Миллионщик имеет ту выгоду, что может видеть подлость, совершенно бескорыстную, чистую подлость, не основанную ни на каких расчетах: многие очень хорошо знают, что ничего не получат от него и не имеют никакого права получить, но непременно хоть забегут ему вперед, хоть засмеются, хоть снимут шляпу, хоть напросятся насильно на тот обед, куда узнают, что приглашен миллионщик. Нельзя сказать, чтобы это нежное расположение к подлости было почувствовано дамами; однако же в многих гостиных стали говорить, что, конечно, Чичиков не первый красавец, но зато таков, как следует быть мужчине, что будь он немного толще или полнее, уж это было бы нехорошо».

> «Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу смотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, — да просто от страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку! „Да это не Иван Петрович, — говоришь, глядя на него. — Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей и все смеется". Подходишь ближе, глядишь — точно Иван Петрович! „Эхе-хе", — думаешь себе...»

Потому Мережковский справедливо замечает, что между Хлестаковым в его вранье в погоне за чинами и Чичиковым с его «основательностью» в погоне за деньгами нет никакой разницы в смысле абсолютной пошлости их существования. Оба — только болезнь поля Эгосистемы, только поклонение сверхъестественным силам «власти и денег». Ведь «власть и деньги», как их понимает пошлость большинства, и есть отражение в кривом зеркале поля Эгосистемы человеческого общества; это и есть выхолащивание, профанация смысла и содержания человеческого общества до количественной абстракции силы. Макс Вебер в книге «Протестантская Этика и капитализм» указывает на это различие в восприятии денег и денежных отношений вообще между «поэтами цифр», как он называет пошляков, гоняющихся за успехом, за деньгами ради денег с одной стороны, и с другой стороны противопоставляет их искренним христианам, для которых деньги не цель, а средство жить праведно: работать, быть бережливым, накапливать стоимость и помогать ближним в перераспределении стоимости всем. В этом видимо отличие знаменитого скандинавского социализма. То же принципиальное отличие

в понимании денег и отношении к ним открыли ученые Стэндфордского университета, Д. Коллинз и Д. Поррас в исследованиях «визинарных компаний», которые как протестанты М. Вебера ставили себе целью не «цифры», а научный контроль и совесть в отношении к обществу, в котором живут. Ученые противопоставили «визинарные компании» — обычным, стандартным компаниям в погоне за деньгами, за ростом ради роста, за первенство на рынке. И доказали, что не «поэты цифр», не те кто гонятся за «магией денег и власти», а те кто ставят цели разумные и этические — настоящая сила и настоящий успех. Так, исследования М. Вебера и Стэндфордских ученых еще раз доказали слабость зла.

В рассказах Марк Твена, великого сатирика своего времени, жестко высмеивается «магия власти и денег» («Купюра в 100 000 фунтов», например), то есть пошлость абсурда количественной абстракции силы, выхолащивающей смысл и содержание человеческих отношений.

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Да, в глубине чичиковского «позитивизма» такое же всемирное «вранье», как в глубине хлестаковского идеализма. Желание Чичикова «стать твердою стопой на прочное основание « — это именно то, что теперь в ход пошло, а потому — пошло, как, впрочем, и желание Хлестакова «заняться, наконец, чем-нибудь высоким». Оба они только говорят и думают, «как все»; а в сущности ни Чичикову нет никакого дела до «прочных «основ, ни Хлестакову — до горных вершин бытия.
> .. В мысли о деньгах заключено для него нечто безусловное, как бы даже бесконечное, почти религиозное. «Шкатулка! — раздирающим душу голосом вопит он в тюрьме- перед тем, как разорвать на себе фрак „наваринского пламени с дымом“. — Шкатулка! Ведь там все имущество... Все украдут, разнесут! О, Боже!» Эта таинственная шкатулка для него новый «ковчег Завета».
> «Назначение ваше — быть великим человеком», — говорит ему Муразов. И это отчасти правда: Чичиков так же, как Хлестаков, все растет и растет на наших глазах. По мере того как мы умиляемся, теряем все свои «концы» и «начала», все «вольнодумные химеры», наша благоразумная середина, наша буржуазная «положительность», Чичиков, кажется все более и более великою, даже прямо бесконеч-

> ною. может быть, Иван Карамазов и Ницше признали бы в этой свободе от всех нравственных законов свою собственную свободу «по ту сторону добра и зла», свое сверхчеловеческое «все позволено». Добро и зло для Чичикова так условны — сравнительно с высшим благом-приобретением, что он иногда сам не сумел бы отличить одно от другого»

Теперь понятно, как Сатана из громадной «сверхъестественной силы», отраженной в кривом зеркале поля Эгосистемы превращается мелкого грязного черта, болезнь сознания, стоит нам только разоблачить физический контроль поля Эгосистемы. Это и значит поставить на место бессознательного — сознание, на место физического контроля — научный контроль, на место поля Эгосистемы материальной энергии — поле интеллекта духовной энергии.

Н. Гоголь (Мережковскому, Гоголь и Черт):

> «Вы эту скотину (черта) бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он щелкопер и весь состоит из надуванья. Он точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и поддаться назад — тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана, а в самом деле, он черт знает что. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: „Хвалился черт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти“. Пугать, надувать, приводить в уныние — это его дело».

3. МЕРТВЫЕ ДУШИ. ЧЕРТОВО МАРЕВО МЕРТВОЙ ЭНЕРГИИ

«Трагедия человека в том, — говорит Черт Достоевского Ивану Карамазову, — что человек воспринимает всю эту комедию всерьез».

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Итак, опять-таки, по собственному признанию Гоголя, в обоих величайших произведениях его — в «Ревизоре» и «Мертвых душах» картины русского провинциального города 20-х годов имеют, кроме

> явного, некоторый тайный смысл, вечный и всемирный: среди «безделья», пустоты, пошлости мира человеческого,
> не человек, а сам черт, «отец лжи», в образе Хлестакова или Чичикова, плетет свою вечную, всемирную «сплетню».
> С ложью связано в нем другое столь же первозданное, стихийное свойство. «У меня — признается он, — легкость в мыслях необыкновенная». Не только в мыслях, но и в чувствах, в действиях, в словах. Для него и в нем самом нет ничего трудного, тяжелого и глубокого — никаких задержек, никаких преград между истиной и ложью, добром и злом, законным и преступным; Величайшие мысли человечества, которые давят его целые века своею тяжестью, попадая в голову Хлестакова, становятся вдруг легче пуха.»
> Из всемирной культуры выбирает Чичиков то, что нужно ему, а все прочее, слишком глубокое и высокое, с такою же гениальною легкостью, как Хлестаков, сводит к двум измерениям, облегчает, сокращает, расплющивает до последней степени плоскости и краткости. Чичиковское рассуждение «о блаженстве двух душ» и чтение Собакевичу послания в стихах Вертера к Шарлотте стоят в своем роде хлестаковского: «Под сенью струй».

В «Ревизоре» Гоголь сумел показать фотографический снимок черта: вот этот мыльный пузырь, это ничто, которое поднимается из пошлого вранья, и разрастаясь, подчиняет себе и разума и совесть отдельных людей, и службу государственных чиновников. Из одной душевной болезни растет мыльный пузырь, и дорастает до антихристов самодержавия, если нет никого кто громко скажет: «А король то голый». А физический контроль ведь только болезнь и ничего больше!

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Ежели не зрители, то действующие лица чувствуют какую- то ошеломляющую сонную мглу, фантастическое марево черта. «Со мной чудеса», — с лукавым простодушием говорит сам Хлестаков в письме к Тряпичкину. «Что за черт!» — недоумевает Городничий, протирая глаза, словно просыпаясь. И перед самою катастрофою, уже проснувшись: «До сих пор не могу придти в себя. Вот подлинно, если Бог хочет наказать, то отнимет прежде разум». — «Уж как это случилось, — изумляется Артемий Филиппович, беспомощно расставив руки, — хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал». — «Неестественная сила побудила, — объясняет почтмейстер душевное

> Состояние. «Что ж он по-вашему такое?» — опрашиваете Городничий о Хлестакове. — «Ни се, ни то, черт знает что такое!» «Ничего не вижу, — стонет Городничий, ошеломленный туманом — вижу какие-то свиные рыла, вместо лиц, а больше ничего».»

Действительно, смешного в комедии «Ревизор» Гоголя не то, что чиновники ошиблись и поверили лжи прохвоста, а в том, что Хлестаков — стандартный чиновник, и что всякий чиновник именно таким враньем и фарсом и поднимается по лестнице. Этот «дух несерьезности», эта пошлость — есть свойство не отдельных случайных людей в мире, где все еще стоят Левиафаны, деспотии физического контроля, а свойство — всей системы власти, на которой эти Левиафаны держатся. «Дух несерьезности», то есть пошлость выхолащивания всех смыслов до отношений насилия и подчинения, до количества давления силы, отмечает и Эрнест Ренан как базисную характеристику сознания Антихриста Нерона, римского императора, которому товарищей Ренан видит только «патологической хронике эшафота». Этот шут, кривлявшийся на публику значительно больше и безобразнее Хлестакова, был ли истинным или тем кого только приняли за императора? Нет, это самый настоящий римский император, а ведь выше нет вершин на той лестнице рангов, которая кружит головы чертям «магии власти и денег».

Д. С. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «И вот «явление последнее» «Те же и жандарм»: «Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сейчас же к себе». Произнесенные слова поражают как громом всех. И далее страшная немая сцена — окаменение ужаса. Мы должны верить по замыслу Гоголя,
> что этот петербургский чиновник, являющийся, как «бог из машины «, как ангел в средневековых мистериях, есть подлинный.
> Ревизор — воплощенный рок, совесть человеческая, правосудие Божеское. Мы, однако, не видим его; он остается для нас еще более, чем Хлестаков, лицом фантастическим, призрачным. Но если бы мы увидели его, кто знает, не оказалось ли бы странное сходство между двумя «чиновниками из Петербурга», большим и маленьким.

> «По повелению из Петербурга» — вот что оглушает «как громом» всех, не только действующих лиц и зрителей, но, кажется, и самого Гоголя. Повеление из Петербурга? Но откуда же, как не из Петербурга —
> этого самого призрачного, туманного, «фантастического из всех городов земного шара», ползет и расстилается по всей России тот ошеломляющий «туман», та страшная мгла жизни, «египетская тьма“, чертово марево, в которых „ничего не видно, видны какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего». Оба ревизора, первый и второй, простой «елистратишка» и настоящий «генералиссимус», не одинаково ли законные дети одной и той же Табели о рангах, не плоды ли одного и того же «петербургского периода» русской истории?»
> Неужели окаменевший русский «Град», без железных цепей скованный «египетской тьмой», — это вся старая и современная
> Россия; а летящий куда-то к черту Хлестаков — это Россия новая? Каменная тяжесть, призрачная легкость, реальная пошлость настоящего, фантастическая пошлость грядущего, и вот два одинаково плачевные конца, два одинаково страшные пути России к черту в пустоту, в «нигилизм», в ничто»

Мертвая энергия поля Эгосистемы — «туман» ее магического сознания, «египетские тьмы» ее кривого зеркала — сковали по мнению Мережковского истинный Град России «без железных цепей». Люди превращены в тряпичных кукол, которыми правит черт, то есть мертвая энергия-паразит психики. Уже Платон знал, что та часть души, которую он определял как невежество, болезнь и порок, есть автоматизмы, которые разрушают волю, и что человек, у которого эта болезнь берет вверх в душе, не сам себе хозяин, но «словно постоянно насилуемый слепнем». Спиноза развил эту мысль в «Этике», Кьеркегор в «болезни к смерти». Гуманистическая психология говорит устами Карен Хорни: «Это компульсивная мотивация бессознательного. Тирания „Надо“ Не я иду, а меня несет». Маслоу подчеркивает, что если у самоактуалов (здоровых людей с духовной энергией разума) сильно развита воля, то у невротиков, напротив, преобладают навязчивые состояния и автоматизмы бессознательного. Особенно выделяет этот момент Крл Юнг, подчеркивая, что человек абсолютно теряет волю, становясь

«словно фигура на шахматной доске». Действительно, так чувствует себя человек, у которого поле Эгосистемы подавило духовную энергию разума, потому что чуждая энергия-паразит поглотила его «истинное Я». Человек умер, он мертв, а энергия-паразит действует через него.

При этом энергия эта, имея свое силовое поле в каждом индивиде, соединяется в одно огромное силовое поле Левиафана, в одну систему насилия и подчинения (садомазохизма Самолюбия –Влюбленности). Как говорил сам Гоббс, придумавший термин Левиафан (библеизм) для деспотий, это единство людей достигнутое за счет поглощения одной волей самодержца — воли всех остальных людей. Это и есть разрушенная духовная энергия разума мертвой энергией, в основе которой насилие и подчинение физического контроля.

Д. Мережкоский, «Гоголь и Черт»:

> «Герой «Шинели» Акакий Акакиевич, точно так же, как Хлестаков, только не при жизни, а после смерти своей, становится призраком-мертвецом, который у Калинкина моста пугает прохожих и стаскивает с них шинели.
> И герой «Записок сумасшедшего» становится лицом фантастическим, призрачным — «королем испанским Фердинандом VIII». У всех троих исходная точка одна и та же: это мелкие петербургские чиновники, обезличенные клеточки огромного государственного тела, бесконечно малые дроби бесконечно великого целого. Из этой-то исходной точки — почти совершенного поглощения живой человеческой личности мертвым безличным целым — устремляются они в пустоту, в пространство, и описывают три различные, но одинаково чудовищные параболы: один — во лжи, другой — в безумии, третий — в суеверной легенде».
> Так, мелкий черт в сознании одного человека, через чертового марево «туманов лжи, египетской тьмы невежества», магии выхолащивающей пошлости, «растет, растет в мыльный пузырь» Левиафана, который вдруг во всей своей громадной величине возникает между людьми и давит их всей тяжестью своего мертвого чудовища. Сковывает одной «египетской тьмой» кривого зеркала пошлости, «без железных цепей».

Д. Мережковский, «Гоголь и черт»:

> «И газетный листок, ужасается Гоголь, становится нечувствительны мне чувствительным законодателем его
> не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые, видите, в виду всех чертит исходящая снизу нечистая сила, и мир это видит весь, и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством! Эта исходящая снизу нечистая сила и есть, конечно, сила Хлестакова, который уже не только в литературе, но и на страницах всемирной истории от Парижа до Пекина, от Лондона до Трансвааля, пишет свои «водевильчики», сплетает свою сплетню. И все растет, растет, как туманное видение, как фата морга- на. «Выше, выше, excelsior!1» — это бранный клич Хлестакова, клич современного прогресса.
> Кто из нас не слышал над собой его начальнического окрика: «О, я шутить не люблю, я им всем задам острастку!» Но выше, выше, excelsior! Привидение растет, мыльный пузырь надувается, играя волшебной радугой. «Да что в самом деле? Я такой! Я не посмотрю ни на кого… я говорю всем: „Я сам себя знаю, сам“». «Я везде, везде». Вот нуменальное слово, вот уже лицо черта почти без маски: он вне пространства и времени, он вездесущ и вечен. «Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш…» (поскальзывается и чуть-чуть не падает на пол, но с почтением поддерживается чиновниками). До чего бы дошел он, если бы не поскользнулся? Назвал ли бы себя, как всякий самозванец, самодержцем? А может быть, в наши дни не удовольствовался бы и царственным, никаким вообще человеческим именем, и уже прямо назвал бы себя «сверхчеловеком», «человекобогом»: сказал бы то, что у Достоевского черт советует сказать Ивану Карамазову: «Где станет Бог — там уже место Божие; где стану я, там сейчас же будет первое место — и все позволено».
> Недаром бедные чиновники уездного городка подавлены как бы сверхчеловеческим величием Хлестакова. Генерал это ведь для них и значит — почти сверхчеловек. Зрители смеются и не понимают страшного в смешном, не чувствуют, что они, может быть, обмануты еще больше, чем глупые чиновники. Никто не видит, как растет за Хлестакова исполинский призрак, тот, кому собственные страсти наши вечно служат, которого они поддерживают, как поскользнувшегося ревизора — чиновники, как великого Сатану — мелкие черти»

Силовое поле Эгосистемы — это циклический гомеостаз (циклы равновесий — неравновесий) двух противоположных притяжений Самолюбие-Влюбленность, насилие и подчинение,

которые соединяются для обретения временных равновесий физического контроля. Понятно, что как пишет Гоголь по отношению к низшим человек с физическим контролем будет сидеть Прометеем, а по отношению к высшим — насекомым унизиться. Оба этих притяжения в циклическом нормальном гомеостазе поля Эгосистемы всегда присутствуют одновременно (только у шизоидов сломан циклический гомеостаз формальной логикой, и остается только притяжение Самолюбия, физический контроль становится нежизнеспособен). И Спенсер в «Социальной статике», когда дает прекрасное определение поля Эгосистемы как магического сознания «Обожания силы» (awe of power), как насилия и лжи «по ту сторону добра и зла» (совести), подчеркивает, что высшим поклоняются, низших терроризируют, то есть оба притяжения присутствуют.

Однако, есть люди, как Подпольный Достоевского, или Хлестаков и Чичиков Гоголя, которые ложью и кознями, преступлениями и насилиями, научаются поддерживать в себе позицию насилия, то есть господства, самолюбия. Эти люди методами описанными у Р. Грина или Стенли Бинга в «Как бы поступил Макиавелли» воспитывают в себе жестокость, неискренность, учатся лгать, преследовать и насиловать людей, воровать, эксплуатировать, бороться со своей совестью, воспитывать в себе тщеславие. Они в конечном итоге добиваются своего, убивая в себе совесть, и превращаясь в «мертвые души» отвратительных машин для насилия. Не следует с ними сравнивать обычных средних людей, у которых живая душа и живая совесть, и которые ничего не знают о поле Эгосистемы, которое спит в недрах их бессознательного. Они могут прожить жизнь честными людьми и никогда не узнать, какое чудовище носят в себе (потому что поле Эгосистемы мало развито). А могут узнать о нем так, как узнали люди, которые пришли на эксперименты Милграма «Подчинение авторитету». Милграм ставил себе целью выяснить как далеко пойдут обычные люди в исполнении порочных и подлых приказов авторитетов. Сумеют ли сделать то, что говорит им их совесть

или будут подчиняться приказам, даже если их приказы убивают невинных людей? Какого было его удивление когда 70 процентов подчинились приказам, несмотря на то что очень страдали что идут против совей совести! Так он подтвердил на практике, что два контроля в психике людей, потому что воля их раздвоилась между желанием подчиняться авторитетам (притяжение Влюбленности поля Эгосистемы физического контроля) и желанием поступить по совести и отказаться подчиняться подлым приказам) духовная энергия поля интеллекта научного контроля) Раздвоилась, да, но в 70 случаях из 100 победил физический контроль! Как мало развита духовная энергия научного контроля даже в самых развитых странах! Вот так эти люди узнали что у них есть притяжение Влюбленности (то есть весь циклический гомеостаз Самолюбия-Влюбленности, но из-за неразвитости поля Эгосистемы, обычно срабатывает только нижняя эгозащита, Влюбленность-подчинение), хотя тогда Милграм не смог дать обобщить выводы своих экспериментов (теория психической энергии их обобщила).

Я привела все эти сведения здесь, чтобы подчеркнуть, что не надо путать людеф, которые специально развили в себе поле Эгосистемы и верхнюю эгозащиту — Самолюбие-Насилие с обычными людьми, которые как правило честные и хорошие люди и способны только на нижнюю эгозащиту, подчинение. Понятно, что здесь Толстой абсолютно прав, предпочитая этих простых людей — уродам с развитым полем Эгосистемы.

Здесь важно отметить, что Самолюбие-Влюбленность — два притяжения одного физического контроля поля Эгосистемы — то есть мелкий черт мертвой энергии. Однако же, безумие магического кривого зеркала этих людей рисует им полюса Господства и Рабства как полюса Всесилия и Ничтожества, Человекобогов с одной стороны и рабов с другой стороны. И только философский юмор истинных ученых знает, что оба полюса — один мелкий черт душевной болезни, и что настоящая сила и здоровье не в разных полюсах поля Эгосистемы, а по ту сторону поля Эго-

системы — в духовной энергии разума. Об этом говорит Спиноза в Этике, когда говорит о ложности как тщеславия так и самоуничижения, и о том, что эти чувства сродни друг другу. Об этом говорит ФРомм, когда разъясняет механизмы садомазохизма «псевдолюбви», что садисты и мазохисты суть стороны одной болезни, а считают себя на полюсах всесилия и бессилия.

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Мертвые души» — это было некогда для всех привычное казенное слово на канцелярском языке крепостного права.
> .... а безусловный, религиозный, человеческий, Божеский смысл этих двух слов — «душа» и «смерть», чтобы выражение «мертвые души» зазвучало «престранно» и даже престрашно, как неимоверное кощунство. Не только мертвые, но живые человеческие души, как бездушный товар на рынке — разве это не странно и не страшно? ... так что в конце концов не оказывается никакого прочного, позитивного основания для того, чтобы отличить живых от мертвых, бытие от небытия.
> «Собирайте сокровище ваше на небесах. Какой выкуп даст человек за душу свою или какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет. У Бога все живы», — так говорит Христос. А черт, — то бишь Чичиков, возражает: «Мертвые души — дело не от мира сего. Это — прах, просто прах. Цена тряпке на бумажной фабрике больше, чем цена души человеческой в вечности. Это ведь мечта. Предмет, просто фу, фу!» Кому же мы, дети положительного века, верим больше — Христу или Чичикову?
> В нашем материализме чичиковском «фу, фу!» не открывается ли опять-таки, вместо «прочного основания», все та же бездна хлестаковской «легкости в мыслях», безграничного цинизма?
> Мы уничтожили крепостное право, мы не торгуем ни живыми, ни мертвыми душами. Но разве и в современных государствах с их чудовищным пролетариатом, проституцией не бывает иногда — точно так же, «душа человеческая все равно, что пареная репа».
> После «Мертвых душ» получается такое же впечатление, как после «Ревизора»: «что-то чудовищно-мрачное», «все это как-то необъяснимо страшно». Даже в детски-ясной душе Пушкина этот «страх», сначала заглушённый смехом, мало-помалу разгорается как зловещее зарево. Не грусть, не слезы, а именно страх сквозь смех.
> «Казалось, в этом теле совсем не было души», — замечает Гоголь о Собакевиче. У него — в живом теле мертвая душа. И Манилов, и Ноздрев, и Коробочка, и Плюшкин, и Прокурор «с густыми бровя-

> ми» — все это в живых телах «мертвые души». Вот отчего так страшно с ними. Это страх смерти, страх живой души, прикасающейся к мертвым. «Ныла душа моя, — признается Гоголь, — когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных мертвых обитателей, страшных недвижным холодом души своей». И здесь, так же, как в «Ревизоре», надвигается «египетская тьма», «слепая ночь среди белого дня», «ошеломляющий туман», чертово марево, в котором ничего не видно, видны только «свиные рыла» вместо человеческих лиц.
> Чичиков скрылся.
> Но из необъятного русского простора выступит и русский богатырь, появится снова уже в окончательном ужасающем явлении своем бессмертный хозяин мертвых душ — Чичиков. И тогда лишь откроется то, что теперь еще скрыто не только от нас, читателей, но и от самого художника, — как страшно это смешное пророчество: «Чичиков — антихрист».

Гоголь сжег второй том «Мертвых душ», потому что там он пытался дать картину «обращения Чичикова ко Христу». И поскольку, как он пишет в Переписке с друзьями, он не знает еще как порочные души очищаются и становятся на верный путь, он сжег свои фантазии, не желая лгать. Поступок истинного ученого и святого — правда в пику тщеславию. Достоевский не стал восстанавливать вырезанные цензурой места об обращении Подпольного на путь Христа, видимо тоже почувствовал что в этом есть ложь. Раскольникова и Ивана Карамазова приводит на путь Христа живая совесть, а что может привести Подпольного с его полным омертвением в грязи его мерзкого подполья?

Мережковский упрекает Толстого в искусственности образов его христианских героев — Пьера Безухова, Андрея Болконского, Левина, Нехлюдова. Но ведь Толстой ничего не выдумывал, он только каждый раз заново рассказывал свой собственный опыт обращения к христианским поискам духовной энергии разума. Ведь душа по природе христианка, как говорил Тертуллиан.

Может быть дело в том, что до открытия психической энергии, и противопоставления научного контроля — физическому контролю, трудно определить положительную составляющую духа. Отрицательная ее составляющая понятна всем: очищение

от грязи и пороков физического контроля. Но вот как выразить мощь, силу и красоту утверждающей ее составляющей. Пусть Толстой не написал законов открытия психической энергии, но мало было других таких жизней, которые бы своим личным опытом, своей личной жертвой крови и тела на алтарь духа и правды, с такой силой и мощью подтвердили и силу и красоту и мощь духовной энергии разума.

Н. Гоголь, «переписка с друзьями:

> «Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколенье к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бывает время что даже вовсе не стоит говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно как день путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе „Мертвых душ“, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен. Жгу когда нужно, и верно, поступаю как нужно, потому что без молитвы не приступаю ни к чему»

ГЛАВА 7. ВРАЧИ И ФИЛОСОФСКАЯ ИРОНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ЧЕХОВ КАК ВРАЧ ПСИХИАТР

1. Чехов и Единство духовной энергии разума. Духовный социализм Ренана, Толстого, Достоевского, Мережковского, Чехова.

2. Метафизика Интеллекта у Чехова

3. Чехов — врач-психиатр. Служение Богу в Борьбе со Злом.

1. ЧЕХОВ И ЕДИНСТВО ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ РАЗУМА. ДУХОВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ РЕНАНА, ТОЛСТОГО, ДОСТОЕВСКОГО, МЕРЕЖКОВСКОГО, ЧЕХОВА

Очиститься от греха, то есть «снять Эгозащиту» и остановить, нейтрализовать поле Эгосистемы — такова мудрость науки о душе человека, о законах психики еще со времен осевого времени первых этических религий. Это же очищение означает Единение Духовной Энергии Разума, потому что изначально силовое поле Интеллекта у людей — есть единое силовое поле, так что «истинное Я», то есть объект контроля закона сохранения силы, включает у здоровых людей всех их настоящих друзей.

В самом деле что значит «этика, мораль, нравственность» здорового человека? Это совесть, сочувствие и справедливость. И эти качества морали здоровых людей как раз и отражают единство «истинного Я» у людей: они готовы рисковать жизнью, чтобы спасти своих братьев, они готовы рисковать жизнью, чтобы исправить несправедливость в отношении себя или их, они готовы рисковать жизнью, чтобы избавить друзей от страданий. В этом суть «социализма», суть церкви дружбы, суть Христовой

церкви — единство «истинного Я» людей в законах духовной энергии, в морали совести, сочувствия и справедливости

Потому со времен первых этических религий этот основной закон ничуть не изменился: хочешь быть здоров, хочешь быть чист от порока, снимай Эгозащиту мертвой энергии (каждая религия дает свои пронзительные определения поля Эгосистемы) и вступай в церковь дружбы таких же как ты здоровых и борющихся с пороком людей. Ведь людей разделяет только материальная энергия, внушая иллюзию разделенности и вражды людей через кривое зеркало Эгосистемы. А как только сняты очки поля Эгосистемы, и мертвый ток между людьми остановлен, люди тут же чувствуют что они единая церковь дружбы, что «истинное Я» духа есть единое силовое поле совести и разума.

Поэтому все великие умы всегда были «социалистами» — они знают, что есть понятие человечества и единой человеческой природы, и что природа эта в единстве разума и совести. Однако, нет и не может быть социалистов вне Метафизики Интеллекта, вне Бога-Интеллекта, творца, установившего первоначальные законы природы, вне церкви христовой. Потому что социализм материалистов, как экономические законы общей собственности, есть ложь и вранье: нет никаких экономических законов (есть только законы математики), и общая собственность не только не объединяет людей, но еще больше усиливает поле Эгосистемы. Чтобы люди почувствовали свое единство надо чтобы они видели истинные законы, которые движут человеком и обществом: законы двух силовых полей психики. Поэтому Христова церковь, со всеми ее ограничениями мифологического языка, все же выражает истину, рассказывая о двух энергиях души, и потому социализм христианский был и бывает еще настоящим братством единения духовной энергии. Однако, с открытием психической энергии и переводом мифологического языка Евангелия на научный язык, такое духовное единство людей станет всеобщим и повсеместным.

И Маслоу пишет в исследовании самоактуалов, что его здоровые люди дружат только с такими же здоровыми людьми,

и при этом это крепкая настоящая дружба, на которую не способны обычные люди. И Толстой и Достоевский работали в преддверии этого Града Божьего церкви дружбы человечества, и Мережковский и Чехов всей своей жизнью служили этому Граду Божьему уже здесь, на земле.

Мережковский подчеркивает во всех своих произведениях, ту мысль Ренана, которая стала лейтмотивом всей русской классической литературы: что правда божья, социализм Града Божьего может быть только следствием внутреннего душевного переворота, душевного созревания людей, и ни в коем случае не может быть такого явления как «социализм материалистов на основе законов экономики», или каких-то других ложных и лживых законов, как законы дарвинизма, например. Социализм, как единство духовной энергии человечества, есть его конечное устойчивое равновесие, к которому оно идет, — равновесие Церкви Дружбы и Царствие Божьего «как на земле так и на небе». Но прийти к этому равновесию можно только через истину настоящих законов, движущих человека и общество — законов психики, через открытие психической энергии. И когда Мережковский формулирует эту очевидную истину, не подтверждает ли он тезис Толстого и Христа о том, что Зло нельзя победить насилием?

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Все перевороты внешние, политические и социальные, все наши „революции", — поверхностны: буйны и кратки, дерзки и робки, грубы и слабы; все останавливаются на полпути или кончаются своей противоположностью: освобождая, порабощают. В новом порядке возникает старый: Ванька-Встанька, только что сваленный, но с неперемещенным центром тяжести, опять встает и крепче утверждается. Новый порядок хуже старого: вместо веревочных уз — железные, стальные, адамантовые; внешнее рабство становится внутренним: люди сами в цепи идут, жаждут рабства все неутолимее, и этот „прогресс" бесконечен. Тщетны все революции внешние; в мнимом движении, неподвижны все. Только один, — Его, Первого Двигателя, — внутренний переворот действителен, потому что только он перемещает в мире и в человеке внутренний центр тяжести; только он — глубочайший и сильнейший, потому что тишайший».

Вл. Соловьев, «Три речи о Достоевском»:

> «Если мы хотим одним словом обозначить тот общественный идеал, к которому пришел Достоевский, то это слово будет не народ, а {Церковь}.
> Но, проповедуя Церковь как общественный идеал, он выражал вполне ясное и определенное требование, столь же ясное и определенное (хотя прямо противоположное), как и то требование, которое заявляется европейским социализмом. (Поэтому в своем последнем дневнике Достоевский и назвал народную веру в Церковь нашим русским социализмом.) Европейские социалисты требуют насильственного низведения всех к одному чисто материальному уровню сытых и самодовольных рабочих, требуют низведения государства и общества на степень простой экономической ассоциации. «Русский социализм», о котором говорил Достоевский, напротив, {возвышает} всех до нравственного уровня Церкви как духовного братства. хотя и с сохранением внешнего неравенства социальных положений, требует одухотворения всею государственного и общественного строя чрез воплощение в нем истины ч жизни Христовой. Главную мысль, а отчасти и план своего нового произведния Достоевский передавал мне в кратких чертах летом 1878 г. Тогда же мы ездили в Оптину Пустынь Если этот общественный идеал Достоевского прямо противуположен идеалу тех современных деятелей, которые изображены в «Бесах», то точно так же противуположны для них и пути достижения. Там путь есть насилие и убийство, здесь путь есть {нравственный подвиг}, и притом двойной подвиг, двойной акт нравственного самоотречения. Прежде всего требуется от личности, чтобы она отреклась от своего произвольного мнения, от своей самодельной правды во имя общей, всенародной веры и правды. Личность должна преклониться перед народной верой, но не потому, что она народная, а потому, что она истинная. А если так, то, значит, и народ во имя этой истины, в которую он верит, должен отречься и отрешиться ото всего в нем самом, что не согласуется с религиозною истиной. Обладание истиной не может составлять привилегии народа так же, как оно не может быть привилегией отдельной личности. Истина может быть только {вселенскою}, и от народа требуется подвиг служения этой вселенской истине, хотя бы, и даже {непременно, с} пожертвованием своего национального эгоизма.
> Эта центральная идея, которой служил Достоевский во всей своей деятельности, была христианская идея свободного всечеловеческого единения, всемирного братства во имя Христово. Эту идею пропове-

> довал Достоевский, когда говорил об истинной Церкви, о вселенском православии»

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Невзирая на феодальную церковь, секты, духовные ордена, святые люди продолжали восставать во имя Евангелия на неправду света. Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более истинных последователей, кроме тех, которые, по-видимому, его отрицают, мечты об идеальном устройстве общества, представляющие столько сходства со стремлениями первых христианских сект, — эти мечты являются в известном смысле развитием той же идеи, одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в зародыше всякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно будет Царствие Божие. Все общественные перевороты привьются к этому слову, а социалистические попытки нашего времени, запятнанные грубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то есть к созданию общего благоденствия политическими и экономическими мерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство истинный дух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм не усвоит того начала, что, дабы обладать землею, надо от нее отречься»

Лев Толстой, «Царство Божие внутри вас»:

> «И тут-то с составом людей, одуренных до того, что они обещаются убивать своих родителей, общественные деятели — консерваторы, либералы, социалисты, анархисты — толкуют о том, как устроить разумное и нравственное общество. Да какое же разумное и нравственное общество можно устроить из таких людей? Как из гнилых и кривых бревен, как ни перекладывай их, нельзя построить дома, так из таких людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Из таких людей может образоваться только стадо животных, управляемое криками и кнутами пастухов. Так оно и есть»

Важно отметить, что это убеждение в том, что человека и общество двигают не внешние обстоятельства «производственных сил общества», а внутренние законы психики разделяют вместе с христианскими философами и русскими писателями-моралистами также и философия позитивистов О. Конта, и все его самые талантливые последователи: и наши позитивисты, Герцен и Кропоткин, и западные позитивисты, Дюркгейм,

Милль, Спенсер, Бертран Рассел. И сам Конт как известно в конечном итоге понял, что наука и религия есть две стороны одной медали (это же утверждал Эйнштейн), то есть понял, что утвердив законы природы в основе вселенной, он утвердил Метафизику Интеллекта. И я постараюсь показать, что все эти позитивисты были на поверку — метафизиками интеллекта, в отличии от эмпириков и материалистов дарвиновской парадигмы. Именно поэтому самых последовательных адвокатов естественного права мы находим среди этих самых «позитивистов».

И в этом смысле Мережковский был не прав, смешивая позитивистов с эмпириками и материалистами дарвиновской парадигмы. Он прав, когда критикует Горького как предтечу литературы «советского марксизма-ленинизма», Горький вполне уже дарвинист и материалист. Но он не прав, когда он смешивает с дарвиновским материализмом и марксизмом-ленинизмом «позитивизм» Герцена и Чехова. У Чехова в этом смысле такое же положение в русской классической литературе как у Брамса в немецкой классической музыке: он последний, замыкающий перечень великих апостолов русского откровения. Тогда как Горький — начало советской литературы дарвиновской парадигмы.

Д. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Чехов — законный наследник великой русской литературы. Если он получил не все наследство, а только часть, то в этой части сумел отделить золото от посторонних примесей, и, велик или мал оставшийся слиток, но золото в нем такой чистоты, как ни у одного из прежних, быть может, более великих писателей, кроме Пушкина».

Д. Мережковский, «Асфодели и ромашки»:

> «Вся новейшая русская литература „веет, реет, веет, вьет" в пустоте и, не имея религии и жизни, хочет сделать искусство религией. Но подобно всякому „отвлеченному началу", искусство, становясь религией, становится мертвым богом, идолом. Чехов — последний из русских писателей, не поклонившийся мертвому богу. Пусть еще не знал он имени Бога живого — он уже предчувствовал его. И, де-

> лая не искусство, а жизнь религией, шел к истине, к тому, чтобы сделать религию жизнью. Не потому ли в этих посмертных письмах своих он среди нас — не как мертвый среди живых, а как живой среди мертвых?»

Действительно, жизнь Чехова — жизнь святого подвижника, посвятившего жизнь служению человечества. Недаром Толстой так любил Чехова, ведь Чехов принес не меньшую жертву на алтарь христовой церкви. Толстой был глубоко впечатлен рассказами Чехова «Черный монах», «Палата №6» и др., и сам дважды искал встречи с молодым писателем, пока Чехов не приехал, наконец сам в Ясную Поляну. И когда Чехов внезапно заболел, Толстой нашел его в больнице и просидел несколько часов с больным, рассказывая ему о бессмертии, и о своей новой книге «Об искусстве».

Толстой говорил, что Чехов больше христианин, чем те, кто называет себя христианином, а ведь Чехов утверждал что «растерял свою веру, и смотрит на интеллигентных верующих с недоумением». Однако, это он, «растерявший веру» всю жизнь собирал деньги и строил школы для крестьян, это он помогал бесчисленному количеству друзей и знакомых, будучи сам бедняком, это он предпринял за свой счет знаменитую поездку на Сахалин, чтобы облегчить адские условия жизни арестантов, это он не написал ни одного слова неправды для успеха или денег, это он безжалостно обличал успешных и порочных в своих евангельских рассказах. Толстой прав был, утверждая, что такого христианина поискать среди тех, кто называет себя христианином. Это ли не единство истинного Я человечества в церкви дружбы, это ли не единое поле совести и сочувствия духовной энергии разума? И Мережковский прав, когда говорит, что Чехов сделал религией свою жизнь, если еще не успел найти теорию религии.

И с другой стороны, разве Толстой и Мережковский были христианами в смысле догматического богословия? Толстой говорил о всемирной религии, которую принесли людям пророки осевого времени: Исайа, Будда, Христос. Мережковский говорил

Третьем завете, Ренан писал, что Третий Завет будет словом науки. Значит, Чехов ни в коем случае не противостоит этому движению русской классики в направлении Третьего Завета, напротив, он один из мощнейших столпов его.

2. МЕТАФИЗИКА ИНТЕЛЛЕКТА У ЧЕХОВА

В статье «Чехов и Горький» Мережковский доказывает, что Чехов атеист и безбожник как Горький, и как весь Грядущий Хам дарвиновской парадигмы. В отношении Горького как родоначальника советской литературы, Мережковский должно быть прав. Однако, в отношении Чехова — это совершенная неправда, даже если советская пропаганда рекомендовала его как атеиста и дарвиниста.

Д. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Мы видели общую исходную точку интеллигента и босяка — одну и ту же догматику позитивизма.
> «Существуют законы и силы... Человеку некуда податься... Ничего неизвестно... Тьма!» — утверждает горьковский босяк.
> «Обратитесь к точным знаниям... доверьтесь очевидности... дважды два есть четыре», — говорит чеховский интеллигент. — «Теперь перед смертью меня интересует одна только наука, — признается умирающий старый профессор в „Скучной истории". — Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви, и что только ею одною человек победит природу и себя. Вера эта, быть может, наивна... Но я не виноват, что верю так, а не иначе... Судьбы костного мозга интересуют меня больше, чем конечная цель мироздания». На вопрос о конечной цели мироздания наука отвечает: не знаю.
> Профессор всю жизнь довольствовался этим ответом и, ежели перед смертью почувствовал, что не может им довольствоваться, то сам не понимает, почему случилось так, никакого иного ответа не находит и не сомневается, что наука все, а не часть всего, точно так же как познающий разум, источник науки, не все, а только часть всего существа человеческого.
> Догматический позитивизм приводит босяка к столь же догматическому материализму в нравственности: «Брюхо в человеке главное

> дело. А как брюхо спокойно, значит, и душа жива. Всякое деяние человеческое от брюха происходит». — «Волк прав». Эта единственная волчья правда босячества превратится у чеховской интеллигенции в материализм, реализм, дарвинизм или в какой-нибудь другой «изм», но, в сущности, это будет все тот же босяцкий цинизм».

Насколько Мережковский несправедлив в отношении Чехова видно уже из этих его писем Суворину, где он жалуется, что без философии жизни, без понимания смысла науки и литературы, без понимания Бога истины, которому призвана служить литература — нет человека, нет науки, нет литературы, нет вообще жизни. И конечно он бесконечно далек от философии «сытого брюха», которое все решает. У Чехова всегда все решает служение истины и «наслаждение познания».

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «В письме к Суворину: «Писатели которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда то идут и вас зовут туда же... Оттого что каждая строчка пропитана как соком сознанием цели, вы кроме жизни какая есть, чувствует и ту жизнь какая должна быть, и это пленяет вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такою как она есть, а дальше ничего... У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений мы не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь. Кто ничего не хочет, ни на что не надеется, ничего не боится, тот не может быть художником... Положение наше хуже губернаторского...»

Суворин считал неискренним письмо, где Чехов писал о том, что у современных художников нет серьезных целей. Не было для Чехова большей обиды чем упреки в неискренности. «В своих письмах я часто бываю несправедлив и наивен, — отвечал он, — но никогда не пишу того, что мне не по душе.». Чехов нападал и на Суворина и на его сотрудницу Сазонову: « Под влиянием ее письма вы пишите мне о «жизни для жизни». Покорно вас благодарю. Ведь ее жизнерадостное письмо в 1000 раз больше похоже на могилу, чем мое. Я пишу что нет целей и вы понимаете что эти цели я считаю необходимыми и охотно по-

шел бы искать их, а Сазонова пишет, что вся наша беда в том, что мы все ищем каких-то высших и отдаленных целей. Это философия отчаяния. Кто искренне думает, что, что в «этих целях вся наша беда», тому остается кушать, пить, спасть или когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука»

«Скучная история» Чехова таким образом выражает его собственное отчаяние ученого, потерявшего смысл жизни. Она рассказывает о талантливом и успешном ученом, посвятившим жизнь науке, и на старости лет разочаровавшемся и в науке и в жизни, потому что прав оказался Толстой: не человек для науки, а наука для человека. Ученый Чехова — эмпирик как все ученые эпохи Юма и Канта, а значит он не признает ни Бога-интеллекта, положившего законы природы в основу мироздания, ни сами эти законы природы, ни сам процесс познания как соединение двух полюсов интеллекта: Активного (мышление) и Пассивного (законы природы). Так смотрят на мир деисты, или метафизики интеллекта, или философия христианства — это рационализм метафизики интеллекта.

Ученый Чехова не знает философию и теологию: он признается, я к сожалению не философ и не теолог. Но он глубоко страдает от того, что не может соединить свою горячую любовь к науке, свою веру в благо науки с общим смыслом существования человечества, с тем что дают этические религии. И тогда он говорит, «а без этого смысла жизни нет ничего», то есть нет ни жизни, ни науки.

Чехов, «Скучная история»:

> «для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моем пристрастии к науке, в моем желании жить, в этом сиденье на чужой кровати и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человека.

> А коли нет этого, то, значит, нет и ничего».

Совершенно очевидно, что ученый из «Скучной истории» одной этой своей фразой — что без смысла жизни он не принимает ни жизнь ни науку — отказывается от философии эмпиризма, и утверждает философию рационализма, метафизику интеллекта. И тогда наука обретает весь тот смысл, который он в ней искал, и оправдывает всю ту веру и любовь, которую он в нее вкладывал, и мироздание получает и объяснение и цель.

Мережковский в своем романе о Леонардо де Винчи много рассуждает об антагонизме на его взгляд между «механицизмом законов природы» и нравственным, этическим началом разумного сознания человека. Для него наука в этом смысле «вне добра и зла», потому что она подчиняется только законам природы, а не соображениям этики. Тогда как же соединить моральное начало ученого и его служение науке? Так поставлен вопрос в романе о самом знаменитом ученом. Однако, тот же позитивизм Конта, который утверждает законы природы в основе общества, уже дает ответ на его вопрос: законы этики и есть законы природы. Никакого противоречия здесь нет. Как творец создал законы для материальных энергий, так законы морали есть закон духовной энергии человека. И у Конта этот закон определен как прогресс человечества в избавлении от Эгоизма в направлении к Альтруизму. Как ни примитивно сформулировал Огюст Конт процесс борьбы разумного человечества с полем Эгосистемы, а общую направленность определил правильно. Потому позитивизм в конечном итоге вовсе не материализм и не эмпиризм, а метафизика интеллекта.

Поэтому Чехов напрасно соединяет материализм Горького с метафизикой интеллекта Чехова: Чехов любит науку и этим утверждает и Бога — интеллекта, и законы природы, и этику как законы природы духовной энергии. Правы Малюгин и Гитович, когда указывают, что диллему профессора из «Скучной истории» разрешает Чехов в другом рассказе «Студент». Чехов обнаруживает единое Пространство Интеллекта, как Толстой в трактате «О Жизни», видит вдруг единое направление, единую дорогу

и единый смысл в движении в этом Пространстве. Оказывается, что наука и знания не есть самоцель, они служат становлению духовной энергии человечества в ее служении Богу. Неслучайно поэтому толчком для озарения оказывается Евангельская история и праздник Пасхи. Теперь и Чехов видит, что между христианством и наукой нет противоречия, ведь христианство — это поэзия научного познания души человека и его служения богу в познании.

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «Чехов скажет Бунину: «Какой я пессимист? Ведь из моих вещей самый мой любимый рассказ «Студент». На нескольких страницах Чехов выразил главное, о чем думал все эти годы, без чего жизнь теряет смысл и что трагически ощутил герой «Скучной истории» профессор Николай Степанович. Человеку нужна уверенность в своей необходимости в «цепи жизни» и в том, что «прошлое связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекающих одно из другого». И студенту Ивану Великопольскому вдруг показалось, как казалось и самому Чехов, когда он смотрел на Ялту с вершины Дарсана, что он видит как бы оба конца этой цепи: «дотронулся до до одного конца, как дрогнул другой».

Чехов, «Студент»:

> «Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра. И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.
> А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, — ему было только 22 года, — и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу,

> и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла».

Вот где в конечном итоге находит свой высокий смысл профессор из Скучной истории: в Пространстве Интеллекта, в Боге-Интеллекте, в поэзии Евангелия, предваряющей познание этого Пространства! Он больше не несчастный эмпирик, лишенный смысла жизни и понимания философии науки, он опять христианин, но уже Третьего завета Духа, завета изложенного на научном языке. Разве сам Мережковский не утверждал что человечество выросло из христианства как младенец из пеленок? Только в этом смысле отказывался от христианства и сам Чехов, и Толстой: они отказывались принимать его догмы, видеть идолы в буквах, и принимали только смысл.

Наконец, любимый рассказ Толстого — «Черный монах». Чехов писал, что видел черного монаха идущего через поле во сне. И вот, он переносит этот мистический образ на бумагу, да еще как переносит! Он наконец, формулирует смысл служения науке как смысл служения Богу-Интеллекту, и утверждает Царствие небесное на земле как церковь дружбы здорового, развитого человечества:

Чехов, «Черный монах»:

> « — У тебя очень старое, умное и в высшей степени выразительное лицо, точно ты в самом деле прожил больше тысячи лет, — сказал Коврин. — Я не знал, что мое воображение способно создавать такие феномены. Но что ты смотришь на меня с таким восторгом? Я тебе нравлюсь?
> — Да. Ты один из тех немногих, которые по справедливости называются избранниками божиими. Ты служишь вечной правде. Твои мысли, намерения, твоя удивительная наука и вся твоя жизнь носят на себе божественную, небесную печать, так как посвящены они разумному и прекрасному, то есть тому, что вечно.
> — Ты сказал: вечной правде… Но разве людям доступна и нужна вечная правда, если нет вечной жизни?
> — Вечная жизнь есть, — сказал монах.
> — Ты веришь в бессмертие людей?
> — Да, конечно. Вас, людей, ожидает великая, блестящая будущность. И чем больше на земле таких, как ты, тем скорее осуществится это

> будущее. Без вас, служителей высшему началу, живущих сознательно и свободно, человечество было бы ничтожно; развиваясь естественным порядком, оно долго бы еще ждало конца своей земной истории. Вы же на несколько тысяч лет раньше введете его в царство вечной правды — и в этом ваша высокая заслуга. Вы воплощаете собой благословение божие, которое почило на людях.
> — А какая цель вечной жизни? — спросил Коврин.
> — Как и всякой жизни — наслаждение. Истинное наслаждение в познании, а вечная жизнь представит бесчисленные и неисчерпаемые источники для познания, и в этом смысле сказано: в дому Отца Моего обители многи суть.
> Он пошел назад к дому веселый и счастливый. То немногое, что сказал ему черный монах, льстило не самолюбию, а всей душе, всему существу его. Быть избранником, служить вечной правде, стоять в ряду тех, которые на несколько тысяч лет раньше сделают человечество достойным царствия божия, то есть избавят людей от нескольких лишних тысяч лет борьбы, греха и страданий, отдать идее все — молодость, силы, здоровье, быть готовым умереть для общего блага, — какой высокий, какой счастливый удел! У него пронеслось в памяти его прошлое, чистое, целомудренное, полное труда, он вспомнил то, чему учился и чему сам учил других, и решил, что в словах монаха не было преувеличения».

Чехов, «Палата 6»:

> «Вы сами изволите знать, — продолжает доктор тихо и с
> расстановкой, — что на этом свете все незначительно и неинтересно, кроме
> высших духовных проявлений человеческого ума. Ум проводит резкую
> грань между животным и человеком, намекает на божественность
> последнего и в некоторой степени даже заменяет ему бессмертие, которого
> нет. Исходя из этого, ум служит единственно возможным источником
> наслаждения. Мы же не видим и не слышим около себя ума, — значит, мы
> лишены наслаждения. Правда, у нас есть книги, но это совсем не то, что
> живая беседа и общение. Если позволите сделать не совсем удачное
> сравнение, то книги — это ноты, а беседа — пение.
> ...Жизнь есть досадная ловушка. Когда мыслящий человек
> достигает возмужалости и приходит в зрелое сознание, то он невольно

> чувствует себя как бы в ловушке, из которой нет выхода. В самом деле,
> против его воли вызван он какими-то случайностями из небытия к жизни...
> Зачем? Хочет он узнать смысл и цель своего существования, ему не говорят
> или же говорят нелепости; он стучится — ему не отворяют; к нему приходит
> смерть — тоже против его воли. И вот, как в тюрьме, люди, связанные
> общим несчастием, чувствуют себя легче когда сходятся вместе, так и в
> жизни не замечаешь ловушки, когда люди, склонные к анализу и
> обобщениям, сходятся вместе и проводят время в обмене гордых,
> свободных идей. В этом смысле ум есть наслаждение незаменимое».

Мережковский приводит слова Чехова в отношении религиозного общества Соловьева -Достоевского из письма, чтобы доказать, что Чехов «растерял веру». Однако единственное что следует из этого письма, что Чехов ищет Истинного Бога с неменьшей страстью, чем Мережковский свой Третий Завет и своего Иисуса Неизвестного. Он только предсказывает в этом письме, что догматическое богословие христианства обречено, и как Иисус в Евангелии говорит, что следующее «слово будет прямо от Отца», то есть на научном языке, проверяемом опытом и понятном для всех.

Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Во втором, от 30 декабря 1902 года — по поводу современного религиозного движения в России, идущего от Вл. Соловьева и Достоевского, движения, которое выразилось отчасти, хотя далеко неполно, в Религиозно-философских собраниях и в журнале «Новый путь»: «Теперешняя культура — это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога; т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура — это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, — есть пережиток, уже почти конец того, что отжило, или отживает»

3. ЧЕХОВ — ВРАЧ-ПСИХИАТР. СЛУЖЕНИЕ БОГУ В БОРЬБЕ СО ЗЛОМ

Подобно Иисусу и Августину, подобно Спинозе и Кьеркегору, подобно Достоевскому и Гоголю, Чехов в своем служении Богу, в своей борьбе со Злом предстает не революционером-марксистом из «Бесов», а врачом-психиатром, ученым, который стремится выяснить законы души, чтобы излечить ее от болезни.

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «Словно ученый- естествоиспытатель, неутомимо производил он все новые и новые эксперименты, лишь меняя условия опыта, рассматривая новые случаи и ситуации. С единственной целью получить в конце концов ответ, приблизиться к истине… В чем смысл жизни? В настоящем, которым живет большинство, или смысл жизни в служении высшей правде, в будущем, о котором говорил его «черный монах»,
> Он был врач, привыкший к точности, прошедший отличную школу, привыкший к точности. А хороший врач, прежде чем ставить диагноз, тщательно соберет анамнез и взвесит все мелочи, ибо в болезни как и в жизни, в конечном счете мелочей не бывает.
> Научный метод — серьезная опора для писателя. Научный метод держит, не давая выйти из круга жизни. Через несколько лет он напишет профессору Россолимо, своему университетскому товарище: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя может понять только тот, кто сам врач… Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня настороже, и я старался где было возможно соображаться с научными данными, а где невозможно — не писать вовсе… К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу, и к тем, которые до всего доходят своим умом, не хотел бы принадлежать»
> Чехов серьезно убеждал молодых писателей изучать психиатрию. И прибавлял: «Если хотите стать настоящей писательницей. Мне это много помогла и предохранило от ошибок». У него на столе стояла книга «Курс психиатрии» профессора Корсакова, первый русский учебник душевных болезней, и ею он долго был увлечен. В последнее время ему часто приходилось ездить в Мещерское — там находилась психиатрическая больница доктора Яковенко. Наблюдая его

> пациентов, Чехов и сам долго размышлял о том, как сложно связаны между собой различные проявления жизни, индивидуальной и общественной. И как важно научиться в этом разбираться... Возвращаясь из Мещерского домой, Чехов думал, что далекая от мирских дел психиатрия имеет куда более близкое отношение, чем кажется, к тому, что философы называют миросозерцанием человека»

Вот уже не наука ради науки у эмпириков, а наука в служении Богу-Интеллекту. Убедимся, что Чехов видит смысл жизни в служении правде, в борьбе с ложью, в борьбе со злом невежества и пошлости:

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «В наше больное время, когда европейскими обществами обуяла ложь, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царит нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они утешают, возбуждают и облагораживают». Трудно сказать чего в этой статье-некрологе Пржевальскому больше — восхищения подвижником или осуждения обществу?»

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «Мне жаль Салтыкова, — писал Чехов Плещееву, — Это была крепкая и сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком, измошенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага»
> ...Чехов радовался, что сахалинские школы будут иметь свои библиотечки. С Сахалина началась забота и помощь Чехова школам».
> Даже в таком начинании как помощь голодающим ставились запреты и ограничения. «Все повесили носы, пали духом, — писал Чехов Егорову, выражая недовольство распоряжением министра, — кто озлился, а кто просто омыл руки. Надо иметь смелость и авторитет Толстого, чтобы идти наперекор всяким запрещениям и настроениям, и делать то, что велит долг»

Чехов, «Дуэль»:

> « — Не смейтесь, дьякон, — сказал фон Корен, — это глупо, наконец. Я бы не обратил внимания на его ничтожество, — продолжал он, вы-

> ждав, когда дьякон перестал хохотать, — я бы прошел мимо него, если бы он не был так вреден и опасен.
> Рыться под цивилизацию, под авторитеты, под чужой алтарь, брызгать грязью, шутовски подмигивать на них только для того, чтобы оправдать и скрыть свою хилость и нравственную убогость, может только очень самолюбивое, низкое и гнусное животное.
> — Нравственный закон, который свойственен каждому из людей, философы выдумали или же его бог создал вместе с телом?
> — Не знаю. Но этот закон до такой степени общ для всех народов и эпох, что, мне кажется, его следует признать органически связанным с человеком. Он не выдуман, а есть и будет. Я не скажу вам, что его увидят когда-нибудь под микроскопом, но органическая связь его уже доказывается очевидностью: серьезное страдание мозга и все так называемые душевные болезни выражаются прежде всего в извращении нравственного закона, насколько мне известно».

Чехов, «Гусев»:

> «В харькове у меня литератор приятель. Приду к нему и скажу: ну брат оставь на время свои гнусные сюжеты насчет бабьих амуров и обличай двуногую мразь… вот тебе темы…»
> Чехов, «Рассказ неизвестного человека»:
> «я сама ненавижу и презираю свое прошлое, и Орлова и свою любовь… какая это любовь? Все эти любви только туманят совесть и сбивают с толку. Смысл жизни только в одном — в борьбе. Наступить каблуком на подлую змеиную голову, и чтобы она — крак! Вот в чем смысл. В этом одном или же вовсе нет смысла».

Чехов, «Крыжовник»:

> «И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа»
> Я соображал: как, в сущности, много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье… Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокой-

> ствие; из пятидесяти тысяч живущих в городе ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился
> Иван Иваныч прошелся в волнении из угла в угол и повторил: — Если б я был молод! Он вдруг подошел к Алехину и стал пожимать ему то одну руку, то другую. — Павел Константиныч, — проговорил он умоляющим голосом, — не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро! Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро!»

Чехов, «Скучная история»:

> « — Тон и манера у тебя таковы, как будто ты жертва. Это мне не нравится, друг мой. Сама ты виновата. Вспомни, ты начала с того, что рассердилась на людей и на порядки, но ничего не сделала, чтобы те и другие стали лучше. Ты не боролась со злом, а утомилась, и ты жертва не борьбы, а своего бессилия»

Чехов, «Палата №6»:

> «– Это пошло! — сказал он, быстро вставая и отходя к окну. — Неужели
> вы не понимаете, что говорите пошлости?
> Он хотел продолжать мягко и вежливо, но против воли вдруг сжал
> кулаки и поднял их выше головы.
> — Оставьте меня! — крикнул он не своим голосом, багровея и дрожа всем телом. — Вон! Оба вон, оба!
> Михаил Аверьяныч и Хоботов встали и уставились на него сначала с недоумением, потом со страхом.
> — Оба вон! — продолжал кричать Андрей Ефимыч. — Тупые люди!
> Глупые люди! Не нужно мне ни дружбы, ни твоих лекарств, тупой человек!
> Пошлось! Гадость!
> Хоботов и Михаил Аверьяныч, растерянно переглядываясь,
> попятились к двери и вышли в сени. Андрей Ефимыч схватил склянку с
> бромистым калием и швырнул им вслед: склянка со звоном разбилась о
> порог.
> — Убирайтесь к черту! — крикнул он плачущим голосом, выбегая в сени. — К черту!
> По уходе гостей Андрей Ефимыч, дрожа как в лихорадке, лег на диван

> и долго еще повторял:
> — Тупые люди! Глупые люди!»

Чехов, «Учитель словесности»:

> «Ему захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны. И в воображении вдруг, как живой, вырос бритый Шебалдин и проговорил с ужасом:
> — Вы не читали даже Лессинга! Как вы отстали! Боже, как вы опустились!
> ...В соседней комнате пили кофе и говорили о штабс-капитане Полянском, а он старался не слушать и писал в своем дневнике: «Где я, боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!»

Чехов, «Ионыч»:

> «А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрек и начинал сердиться и назойливо спорить. При всем том обыватели не делали ничего, решительно ничего, и не интересовались ничем, и никак нельзя было придумать, о чем говорить с ними. и всё, что в это время говорили, было неинтересно, несправедливо, глупо, ...Всё это раздражало Старцева. Садясь в коляску и глядя на темный дом и сад, которые были ему так милы и дороги когда-то, он вспомнил всё сразу — и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумал, что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город».

Малюгин, Гитович, «Чехов»:

> «Такая кругом Азия, что я просто глазам своим не верю! 60 000 жителей занимаются только тем, что едят пьют, плодятся, а других интересов — никаких! Куда ни явишься, всюду куличи, яйца, сантуринское, грудные ребята, но нигде нет ни газет, ни книг. Местоположение города прекрасное, климат великолепный, плодов земли тьма, но жители инертны до чертиков. Все одарены, нервны, чувствительны, но все это пропадает зря...»

Как ученый, Чехов обнаружил «Пошлость Зла». Он борется не со сверхъестественными силами, а с болезнью души, которая выражается прежде всего в невежестве, лжи, и пошлости. И он обнаруживает ее повсюду, и понимает, как Кьеркегор и Бертран Рассел, как Э. Фромм и Марк Твен, что само общество больно, что единичны не случаи патологии, а случаи здоровья. Что само общество — это система зла, где люди «густой замес Ноздрева и Хлестакова», как пишет он в «Письмах из Сахалина».

Л. Малюгин, И. Гитович: «Чехов»:

> «Из письма Немировичу: «Почему мы вообще ведем серьезные разговоры так редко? Когда люди молчат, это значит что им не о чем говорить. О чем говорить? У нас нет политики... у нас нет ни общественной, ни кружковой, ни даже уличной жизни, наше городское существование бедно, однообразно, тягуче, неинтересно... Разговоры же на общие темы никогда не клеятся, потому что когда кругом тебя тундра и эскимосы, то общие идеи, как неприменимые к настоящему, так же быстро расплываются и ускользают, как мысли о вечном блаженстве... В нашем молчании и несерьезности и в неинтересности наших бесед не обвиняй ни себя, ни меня, а обвиняй, как говорит критика «эпоху»

У Шеллинга в «Ночных бдениях» палаты сумасшедшего дома заняты философами. Чехов «Палате номер 6» показывает как раз эту ситуацию: больное пошлостью общество, черт Гоголя, помещает людей с развитой духовной энергией разума в сумасшедшие дома. Гоголь писал, что его «Мертвые души» ужаснули Россию, потому что все герои выходили один пошлее другого, так что стало душно как в погребе. Та же ситуация в творчестве Чехова: или удушающая пошлость Зла, или бессилие Добра, которое всегда в конечном итоге падает жертвой зла. И ответ напрашивается сам собой: виновата сама система, которая воспроизводит Зло, больных людей в массовых количествах — «стадные люди», говорит о них «черный монах». А разумные люди появляются в такой системе как исключение и обречены на гибель. И вот «гения» принимаются лечить в «Черном монахе», а интеллигентный врач, сумевший оценить ум пациента сумасшедшего дома, осужден стать его соседом по камере.

Чехов, «Палата 6»:

> «– А за что вы меня здесь держите?
> — За то, что вы больны.
> — Да, болен. Но ведь десятки, сотни сумасшедших гуляют на свободе,
> потому что ваше невежество не способно отличить их от здоровых. Почему
> же я и вот эти несчастные должны сидеть тут за всех, как козлы
> отпущения? Вы, фельдшер, смотритель и вся ваша больничная сволочь в
> нравственном отношении неизмеримо ниже каждого из нас, почему же мы
> сидим, а вы нет? Где логика?
> — Нравственное отношение и логика тут ни при чем. Все зависит от случая. Кого посадили, тот сидит, а кого не посадили, тот гуляет, вот и все.
> В том, что я доктор, а вы душевнобольной, нет ни нравственности, ни
> логики, а одна только пустая случайность».

Вывод один: надо сломать систему, которая постоянно воспроизводит пошлость зла. Нужно всеобщее образование, и не азбуки и грамматики, а университеты и научные институты, нужен прежде всего досуг для учебы, нужно освободить людей от тяжелого физического труда. Нужна в итоге, церковь дружбы единой духовной энергии разума, к такому выводу он приходит в «Доме с Мезонином»:

> «– Нужно освободить людей от тяжкого физического труда, — сказал я. — Нужно облегчить их ярмо, дать им передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корыт и в поле, но имели бы также время подумать о душе, о боге, могли бы пошире проявить свои духовные способности. Призвание всякого человека в духовной деятельности — в постоянном искании правды и смысла жизни. Сделайте же для них ненужным грубый животный труд, дайте им почувствовать себя на свободе и тогда увидите, какая в сущности насмешка эти книжки и аптечки. Раз человек сознает свое истинное призвание, то удовлетворять его могут только религия, науки, искусства, а не эти пустяки.
> — Освободить от труда! — усмехнулась Лида. — Разве это возможно?

> — Да. Возьмите на себя долю их труда. Если бы все мы, городские и деревенские жители, все без исключения, согласились поделить между собою труд, который затрачивается вообще человечеством на удовлетворение физических потребностей, то на каждого из нас, быть может, пришлось бы не более двух-трех часов в день. Представьте, что все мы, богатые и бедные, работаем только три часа в день, а остальное время у нас свободно. Представьте еще, что мы, чтобы еще менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд, мы стараемся сократить число наших потребностей до минимума. Мы закаляем себя, наших детей, чтобы они ни боялись голода, холода и мы не дрожали бы постоянно за их здоровье, как дрожат Анна, Мавра и Пелагея. Представьте, что мы не лечимся, не держим аптек, табачных фабрик, винокуренных заводов, — сколько свободного времени у нас остается в конце концов! Все мы сообща отдаем этот досуг наукам и искусствам. Как иногда мужики миром починяют дорогу, так и все мы сообща, миром, искали бы правды и смысла жизни, и — я уверен в этом — правда была бы открыта очень скоро, человек избавился бы от этого постоянного мучительного, угнетающего страха смерти, и даже от самой смерти».

Мережковский говорит, что Чехов так ярко отразил эту гнилость всего общества в своем творчестве, такими красками правды показал невозможную духоту пошлости, что он непременно ставит его в один ряд с вождями разразившейся в итоге революции: Толстым, Достоевским, Гоголем.

Д. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Везде уныние. Какая то метафизическая скука, чувство беспредельной пустоты, ненужности, ничтожности всего.
> ...Эта пронзительно унылая свирель Луки Бедного — не самого ли Антона Бедного, Антона Чехова? — предчувствие всеобщего конца, всемирной погибели — основной напев, Leitmotiv чеховской музыки. Иногда в мертвом затишье перед грозой одна только птица поет, словно стонет, уныло и жалобно: такова песня Чехова. Мы теперь уже вышли из этого предгрозового затишья — из чеховской скуки; мы уже видим грозу, которую он предсказывал: «Надвигается на всех громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, гнилую скуку» («Три сестры»). Чехову было скучно и страшно; нам теперь страшно и весело. Наконец то гроза! Наконец «началось», сорвалось, полетело — все кругом летит, летим и мы, вверх или вниз,

к Богу или к черту, — не знаем пока, боимся узнать, но, во всяком случае, летим, не остановимся, — и слава Богу! Кончился быт, начались события. Но какова бы ни была сила бури, которая сметет чеховский быт, — мы никогда не забудем — в темноте грозовой тучи белую чайку с ее жалобно вещим криком. Каков бы ни был ужас конца, мы никогда не забудем пронзительно унылую свирель Антона Бедного, которая напророчила этот конец».

ГЛАВА 8. ГРАД ДЬЯВОЛА И ВЛАСТЬ ТЬМЫ В КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1. Естественное право у Е. Трубецкого

2. Естественное право Града Божьего в русской литературе

3. Достоевский, Гоголь, Герцен — врачи-психиатры русской христианской литературы. Великий Инквизитор Града Дьявола.

4. Деградация христианства в язычество. Византия как Левиафан Садомазохизма: Мережковский, Герцен, Чаадаев, Толстой

1. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО У ТРУБЕЦКОГО

Самым первым Церковь и Государство, как Град Божий и Град Дьявола, противопоставил платоновский Сократ, когда нарисовал государство философов-правителей как великое Добро и противопоставил его государству тиранов, как великому Злу. Потому как церковь — это и есть общество людей, управляемых естественным правом законов природы (то есть законов интеллекта, законов божьих).

Е. Трубецкой, «Энциклопедия права»:

> «Вопрос о естественном праве есть центральный, жизненный вопрос философии права, о котором философы и ученые спорят с самого момента его зарождения. Еще в Древней Греции философы спорили о том, коренится ли право в самой природе вещей, в вечном неизменном порядке мироздания, или же оно составляет результат произвольного соглашения людей, человеческое установление, возникшее в определенный момент времени. Против этого учения софистов восстали глубочайшие ученые древности: прежде всего Сократ, а за ним — Платон и Аристотель. В основе права лежит вечный незыблемый божественный порядок, существуют вечные неписанные зако-

> ны, вложенные в сердца людей самим божественным разумом. Сходная точка зрения господствовала и в римской юриспруденции».

Е. Н. Трубецкой, современник Мережковского, с которым они полемизировали в прессе — великий русский философ и ученый юрист, и между прочим организатор Психологического общества России! Как философ он откровенно за Метафизику Интеллекта, за объективные законы природы, установленные творцом-интеллектом. Я уже писала в предыдущем томе, что Трубецкой счел нужным внести поправку в ход рассуждений Д. Мережковского о бескомпромиссной войне между церковью и государством, и напомнить ему, что церковь без четкого определения как института противостоящего государству есть только «пустой звук». Правда за Трубецким в этой полемике, потому что только в том случае, если мы понимаем церковь как общество людей, управляемых естественным правом законов нравственности (научным контролем духовной энергии), а государство как общество людей, управляемых физическим контролем материальной энергии (насилием, террором), — только в этом случае постановка вопроса Мережковским о бескомпромиссной войне между этими двумя институтами оправдана и обоснована. И вот мы видим, что уже Платон противопоставлял именно в этом смысле — как научный контроль естественного права философов-правителей и физический контроль тиранов Левиафанов — свое идеальное государство деспотиям насилия своего времени.

Далее Цицерон, горячий последователь Платона, дает превосходное изложение теории естественного права как научного контроля общества в своей книге «О законах». Теория естественного права получит развитие в римском праве, а также в трудах писателей моралистов первого и второго веков, уже после того, как Иисус даст свое, самое точное и самое яркое определение противостояние Града Божьего и Града Дьявола. После него Плиний противопоставит Град Божий Граду Сатаны в «Панегирике Траяну», а Тацит глубиной своего неподражаемого гения воссоздаст в «Анналах» лик первого антихриста Нерона, превратившего Рим в Град Сатаны. Э. Ренан опишет другой

Рим в «Марке Аврелии» — Рим — Государство Платона, с правителями-философами и торжеством науки и естественного права. Война между физическим контролем Левиафанов и научным контролем Царства Божьего разгорается. «Огонь я принес, — сказал Иисус, — и как хотел бы чтобы он уже возгорелся».

Цицерон, «О законах»:

> *«Но из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того, что мы рождены для справедливости и что не на мнении людей, а на природе основано право. Это сразу станет очевидным, если мы вникнем в сущность человеческого общества и связей между людьми. Ведь ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу. И если бы упадок наших обычаев и расхождение мнений не извращали и не отвлекали наших слабых умов, куда только пожелают, то каждый из нас был бы столь же подобен самому себе, сколь все люди подобны друг другу.*
> *И в самом деле, разум, который один возвышает нас над зверями, разум, благодаря которому мы сильны своей догадливостью, приводим доказательства, опровергаем, рассуждаем, делаем выводы, несомненно, есть общее достояние всех людей; он различен в зависимости от полученного ими образования, но одинаков у всех, в отношении способности учиться. Ведь чувства всех людей воспринимают одно и то же, и то, что действует на чувства, в равной степени действует на чувства всех людей*
> *И сходство между людьми необычайно велико не только в хороших, но и в дурных качествах. Но какой народ не ценит приветливости, благожелательности, сердечной доброты и способности помнить оказанные благодеяния? Какой народ не презирает, не ненавидит надменных, злокозненных, жестоких и неблагодарных людей? И когда мы поймем, что это объединяет весь человеческий род, то останется [только показать, что этим объединением людей должны управлять законы, способные укреплять дружбу и основанные на разуме,] так как разумный образ жизни делает людей лучше»*

Люди осознали, что идет великая борьба двух противоположных сил — добра и зла, научного контроля духовной энергии и физического контроля материальной энергии — задолго до проповеди Иисуса, как мы можем видеть. Однако, именно с его проповеди начинается четкое противопоставление двух

совершенно разных общественных организаций: братства и дружбы, управляемой естественным правом этики (научный контроль духовной энергии) с одной стороны и садомазохизма, насилия и подчинения, управляемого физическим контролем с другой стороны. Христианская церковь начинает свой смертный бой королями и императорами за власть: естественное право, закон божий над насилием светских правителей. «Град Божий» Августина объявил эту священную войну Граду Дьявола, которая с тех пор идет с переменным успехом. А Е. Н. Трубецкой справедливо замечает в своем исследовании о философии Августина, что Августин основывает свою церковь как Град Божий на земле, на метафизике интеллекта и естественном праве, восходящем еще к Платону и Цицерону. А. Тойнби, тоже ссылаясь на Августина, противопоставит церковь естественного права (где наука и религия соединяться в метафизике интеллекта) — Левиафанам физического контроля, и предскажет победу церкви.

Церковь христова установлена, вражеские стороны определились, война объявлена, линия фронта четко прочерчена, военные действия идут полным ходом. Казалось бы сила божья, сила духовной энергии не может не победить рядового черта материальной энергии. И действительно в первом раунде католическая церковь одерживает блестящую победу над императорами: сначала Карл Великий верно ей служит, признав власть церкви над собой и приняв титул императора из рук папы, а потом папы разбивают и других непокорных императоров, утвердив над ними свою власть силой духовного меча.

Е. Трубецкой «Учение Блаженного Августина о граде Божьем»:

> «До сих пор сколько мне известно, никто из современных исследователей не обращал внимания на тесное сродство между мировоззрением Августина и учением римских юристов и Цицерона о «естественном праве» (jus naturale). Между тем, при некотором знакомстве с философскими воззрениями римских юристов, сходство это бросается в глаза..Под естественным правом здесь разумеется неизменный строй вселенной, единый порядок, определяющий

взаимные отношения живых существ между собой. Как Августин различает вечный и неизменный мир, так и римский юрист Марциан различает естественное право, как вечную, незыблемую правду божию, от человеческих законодательств, неустойчивых и подверженных беспрестанным переворотам. «Институты естественного права, которые хранятся одинаково у всех народов, установленные некоторым божественным Провидением, всегда пребывают тверды и неизменны; те же, которые каждое государство установило само для себя, имеют обыкновение часто меняться либо в силу молчаливого согласия народа, либо посредством другого закона, изданного после. Как Августин в понятиях мира смешивает правовой и нравственный идеал, так же точно и римские юристы смешивают то и другое в идее естественного права. «То, что всегда хорошо и справедливо, говорит юрист Павел, «называется правом, какого и есть естественное право». Именно этот идеал справедливости и правды по учению Августина достигается в спокойствии вечного порядка, вечного мира Божия, где воздается каждому должное. Как для Августина Божеский мир, так точно и для римских юристов естественное право есть универсальный порядок, в отличие от различных положительных законодательств, которые носят на себе печать местных и национальных особенностей. «Ибо, — говорит Ульпиан, — при господстве естественного права все люди рождаются свободными». Для Августина, как и для римских юристов, раздробление единого рода человеческого на враждующие между собой царства, войны и рабство суть проявления извращенной человеческой природы. И если с точки зрения римских юристов все эти институты действующего права суть результат некоторого рода отпадения от нормального, естественного состояния, то Августин видит в них следствия грехопадения. Насколько это слияние римского идеала всемирного права с идеей всемирной божественной правды было подготовлено и предвосхищено уже в произведениях самих языческих римских мыслителей, читатель может видеть из следующих слов Цицерона: «Истинный закон есть правый разум, согласный с природой, незыблемый, вечный; он призывает к исполнению обязанностей, повелевая, и запрещая устрашает от обмана. Однако добрым он не напрасно повелевает и запрещает, злых же не подвигает к делу повелениями и запрещениями. Этот закон не может быть изменен или заменен в какой-либо части, либо в целом своем составе. Ни сенат, ни народ не может освободить нас от этого закона. И не нужно искать для него какого либо иного объяснителя или толкователя. И закон этот не будет иным в Риме, иным в Афинах, иным теперь, иным после, но один и тот же веч-

> ный и неизменный закон будет обнимать собой все народы во все времена, и будет единый и общий всем как бы учитель и повелитель — Бог, изобретатель, судья и установитель этого закона. Кто ему не подчинился тот отвергается самого себя и призрев человеческую природу, в силу этого самого понесет величайшие наказания, даже в том случае, если он избежит других мучений, которые считаются таковыми». Так выражается Цицерон в учении, которого римский юридический идеал воспринимает в себя элементы стоической философии. Из позднейших римских стоиков, Сенека в выражениях чрезвычайно напоминающих Августина, говорил о противоположности Божеского и человеческого царств. Марк Аврелий, выражая ту же мысль, возвещает, что «человек есть гражданин высшего города, по отношению к которому остальные города суть как бы отдельные дома». В идее всемирного естественного права римские стоики сходятся с римскими юристами коих философские воззрения, несомненно, носят на себе печать стоического влияния»

Однако, после этой первой победы, начинается череда мистических превращений всех завоеваний научного контроля духовной энергии в свою противоположность: то что Мережковский называет «Ванькой-Встанькой революций», когда попытка одолеть зло и установить Град Божий справедливости на земле всегда заканчивались обращением победителей в злодеев. И круг начинался сначала: одни злодеи замещали место других злодеев, и зло оказывалось мистически неуловимым.

Действительно, католическая церковь как известно проиграла потому, что сама обратилась в Зло с которым боролась: церковь перестала быть научным контроль духовной энергии, естественным правом этики и стала сама Левиафаном физического контроля. Потому Лютер, который начал борьбу с католической церковью, и говорил, что Сатана сидит на троне папы. Конечно, это были не только циклы борьбы, безо всякого развития: и победа пап над императорами, и победа Реформации над коррумпированными папами — все принесло свои плоды, все дало большой толчок развитию научного контроля духовной энергии. Ведь теперь борьба за власть естественного права разума перешла к народу, и этого бы не случилось без предшествовавшей борьбы церкви.

П. Новгородцев, «Лекции по истории философии права»:

> «В 1892 г. проф. Ковалевский, а три года спустя гейдельбергский ученый Иеллинек вновь вспомнили полузабытых протестантских политиков XVI и XVII столетий, чтобы подчеркнуть их значение в развитии политической мысли нового времени.) Ковалевский признал в них родоначальников английского радикализма и отметил вместе с тем их значение для образования принципов французской революции. В том же духе высказался Иеллинек. „Что до сих пор считали делом революции, — замечает он — то на самом деле есть плод Реформации и ее борений. Первым апостолом принципов революции был не Лафайет, а Роджер Вильямс". Но что же нового внести индепенденты в оборот политической мысли? Они впервые провозглашают известные права личности неотчуждаемыми и прирожденными, независимыми даже от народного представительства. Ковалевский и Иеллинек, вслед за Вейнгартеном, неопровержимо доказали, что французская декларация прав есть не более как список с соответствующих американских деклараций и что эти последние представляют собой выражение тех взглядов и требований, которые привозили с собой в Америку английские индепенденты, как плод политических опытов, вынесенных ими с родины. Вот где следует искать первый зародыш французских идей XVIII в. В новых Американских Штатах положения, высказанные левеллерами, являлись исходными моментами для всего последующего развития американской нации. Декларация Джефферсона, как и самая американская конституция, служат выражением тех же начал, из-за признания которых боролись левеллеры»

Коллапс католической церкви, коллапс Реформации в борьбе против физического контроля Левиафанов: все тот же сатана –соблазнитель из евангелия, все тот же «князь мира сего, который осужден» приходит и выигрывает все потуги научного контроля духовной энергии передать власть естественному праву научного контроля. И вот теперь явление Наполеона — и коллапс Французской революции! А до этого коллапс религиозной революции Кромвеля и Мильтона в Англии. «Ванька-Встанька революций» безжалостно уничтожает все потуги человечества определить и уничтожить Зло, обращая каждый раз новых победителей в злодеев. Пожалуй, один из самых ярких

примеров — русская революция, такая грандиозная своим духом божьего гнева на угнетателей, звучащим в русской литературе того времени, и такая сатанинская впоследствии, когда победители превратились в самых отъявленных злодеев, глумящихся над народом. Американская революция совершила в этом смысле стандартный круг, начав с борьбы за демократию и церковь христову и закончив полной победой консерваторов и официальной и популярной церковью Дарвинизма-Сатанизма.

П. Кропоткин, «Нравственные начала анархизма»:

> «История человеческой мысли напоминает собой качания маятника. Только каждое из этих качаний продолжается целые века. Мысль то дремлет и застывает, то снова пробуждается после долгого сна. Тогда она сбрасывает с себя цепи, которыми опутывали ее все заинтересованные в этом — правители, законники, духовенство. Она рвет свои путы. Она подвергает строгой критике все, чему ее учили, и разоблачает предрассудки, религиозные, юридические и общественные, среди которых прозябала до тех пор. Она открывает исследованию новые пути, обогащает наше знание непредвиденными открытиями, создает новые науки.
> Но исконные враги свободной человеческой мысли — правитель, законник, жрец — скоро оправляются от поражения. Мало-помалу они начинают собирать свои рассеянные было силы; они подновляют свои религии и свои своды законов, приспособляя их к некоторым современным потребностям. И, пользуясь тем рабством характеров и мысли, которое они сами же воспитали, пользуясь временной дезорганизацией общества, потребностью отдыха у одних, жаждой обогащения у других и обманутыми надеждами третьих — особенно обманутыми надеждами, — они потихоньку снова берутся за свою старую работу, прежде всего, овладевая воспитанием детей и юношества»

И все-таки, как победы церкви в борьбе с Властью черта физического контроля двигали каждый раз человечество вперед, так и каждая революция двигала человечество вперед, отбивая у Левиафанов важную уступку, — правовое государство: верховенство закона, институт прав человека, народный суверенитет. И казалось, научный контроль духовной энергии еще может по-

бедить в этой схватке с чертом, и Град Божий естественного права станет следующим шагом в этой войне.

Однако, пришел двадцатый век и полностью уничтожил какие бы то ни было остатки научного контроля в болезненных абстракциях шизоидной мысли, оторванной от реальности. Философия рационализма (метафизика интеллекта) разрушена в английском эмпиризме, в немецком идеализме, в сартровском экзистенциализме, в диалектическом материализме, и наконец, в оформившейся дарвиновской парадигме двадцатого века. Парадигма эта с гордостью утвердила, что нет ни бога, ни истины, ни законов природы, ни разума, который был бы способен их постигать, а только миражи субъектов, их иллюзии, и их «исторические» предпочтения. Вот и все: научный контроль разбит, и Власти Града Божьего, власти церкви естественного права единой истины нанесен смертельный удар.

О разрушенном научном контроле (самоубийстве разума) говорится в таких известных книгах, как «Предательство интеллектуалов» Ж. Бенда, «Упадок и возрождение культуры» А. Швейцера, «Новый мировой порядок» Г. Уэллса, «Поражение разума» А. Финкелькраута, «1984» Оруэлла, «Влияние науки на общество» Б. Рассела, «Бунтующий человек» А. Камю, «Постижение истории» А. Тойнби.

Л. Ландау, сборник цитат «Так говорил Ландау»:

> «У нас наука окончательно проституирована, и в большей степени, чем за границей. Там все-таки есть какая-то свобода ученых. Науку у нас не понимают и не любят. Нет простора научной индивидуальности. Направления в работе диктуют сверху. Академию педагогических наук давно надо разогнать. Это ведь дармоеды от науки. Их надо послать на села, сажать картофель. Тогда они принесут человеческому обществу больше пользы, чем когда они создают свои программы для учебных заведений»

Дж. Оруэлл, «1984»:

> «Бесчисленное множество слов, таких, как «честь», «справедливость», «мораль», «интернационализм», «демократия», «религия», «наука», просто перестали существовать. Их покрывали и тем самым

> отменяли несколько обобщающих слов. Например, все слова, группировавшиеся вокруг понятий свободы и равенства, содержались в одном слове «мыслепреступление», а слова, группировавшиеся вокруг понятий рационализма и объективности, — в слове «старомыслие». ... Все, что угодно, может быть истиной. Так называемые законы природы — вздор. Закон тяготения — вздор. «Если бы я пожелал, — сказал О'Брайен, — я мог бы взлететь сейчас с пола, как мыльный пузырь».

2. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО ГРАДА БОЖЬЕГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Позитивист Конта — не враг метафизике интеллекта и науке, потому что в отличие от эмпирика он признает законы природы и единую истину, в отличие от кантианцев он признает законы природы в психике человека и в обществе, в отличии от материалистов-дарвинистов позитивист разделяет уровень духовной и материальной энергии в человеке, и изучает общество как движение законов духовной энергии. Пусть Конт назвал три стадии развития сознания — религиозной, метафизической и позитивной: нам достаточно заменить их на близкие по тому смыслу, который он в них вкладывал — магическая, шизоидная и научная. Пусть Конт отказал психологии как науке, он поставил на ее место этику, и признал законы этики, то есть законы развития духа — важнейшей наукой человека. И это Конт говорил об исключительной важности различения научного контроля естественного права от временного юридизма позитивного права. Поэтому Мережковский неправ, когда отождествляет позитивизм с эмпиризмом, материализмом и дарвинизмом, — словом, дарвиновской парадигмой, разрушевшей метафизику интеллекта и науку. И это справедливо в отношении Милля и Спенсера, а также русских позитивистов Герцена и Кропоткина. Их позиция ничем не отличается от позиции рационалиста и адвоката естественного права Е. Трубецкого, который утверждает, что человек есть «вечный всеобщий закон нравственности» духовной энергии, и что именно этот закон есть то естественное право, которое должно быть в основании права всякого народа и государства.

П. Кропоткин развивает учение О. Конта в своей последней работе «Этика»:

П. Кропоткин, «Этика»:

> «Новой реалистической науки о нравственности, освобожденной от религиозного догматизма, суеверий и метафизической мифологии, подобно тому как освобождена уже современная естественно-научная философия, и вместе с тем одухотворенной высшими чувствами и светлыми надеждами, внушаемыми нам современным знанием о человеке и его истории, — вот чего настоятельно требует человечество. Что такая наука возможна — в этом нет никакого сомнения. Если изучение природы дало нам основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, развитие живых существ на земле, законы психической жизни и развитие обществ, — то это же изучение должно дать нам естественное объяснение источников нравственного чувства. И оно должно указать нам, где лежат силы, способные поднимать нравственное чувство до все большей и большей высоты и чистоты
> Этика, говорит Конт, создается на почве истории. Существует естественная эволюция, и эта эволюция есть прогресс, торжество человеческих особенностей над животными особенностями, торжество человека над животными. Высший нравственный закон заключается в том, что личность должна поставить на второе место свои эгоистические интересы, высшие обязанности — социальные обязанности. Таким образом, основой этики должен служить интерес человеческого рода, человечества — этого великого существа, которого каждый из нас составляет лишь атом, живущий одно мгновение и тотчас же погибающий, чтобы передать жизнь другим индивидуумам»

Очень интересно, как в «Энциклопедии права» Е. Трубецкой, излагая свою теорию естественного права, излагает общие с Толстым и Чеховым положения об «отказе от блага животной личности» как в «О жизни» Толстого, или о бессмысленности «жизни ради жизни» без духовных целей научного познания истины, как у Чехова в «Скучной истории».

Е. Трубецкой, «Энциклопедия права»:

> «Вера в объективный, незыблемый закон добра, существующий независимо от наших несовершенных понятий о добре, составляет необходимое предположение нравственности. Если сущность добра сводится к субъективным понятиям о нем, меняющими сообразно

уровню развития, то нет вообще ничего нравственного и безнравственного, постыдного и недозволенного. О нравственности вообще можно говорить только в том предположении, что существует закон добра объективный и всеобщий, не зависящий от тех или иных человеческих суждений о добре. Эта объективность и всеобщность закона добра всегда составляла и составляет необходимое предположение нравственного сознания.

В чем же заключается содержание этого закона, каковы те требования, которые он к нам предъявляет?

Итак солидарность людей с его ближними, единство людей в обществе есть благо, раздор и разъединение есть зло.

Таким образом, в нравственном мировоззрении всех народов выражается сознание одного основного нравственного начала: благо человека — не в эгоистическом обособлении, а в солидарности с другими людьми, причем этот принцип выражается во всей своей полноте и широте в христианской заповеди всеобщей любви, то есть такой солидарности, которая охватывает и внутреннюю сферу душевного настроения.

Когда мы говорим, что путь замкнутого в себе эгоизма есть ложь, а путь солидарности есть истина, то в этом выражается не только наше субъективное представление о добре, а объективный закон добра. Человек органической связью связан со своими ближними, и внеобщественный человек немыслим: что эгоизм замкнутой в себе личности не в состоянии обосновать в себе своего блага, доказывается повседневным, будничным опытом. Точно также как эгоизм индивидуальный несостоятелен и эгоизм коллективный — эгоизм замкнутого в себе рода и племени.

Невозможность внеобщественного существования для личности слишком очевидно, потому эгоизм личности обычно выражается не в грубой форме отрицания общества, а в том, что низводит общество на степень средства для эгоистических целей. Нетрудно убедиться в том, что и такая точка зрения самоубийственна, ибо она обрекает жизнь личности на полную пустоту и бессодержательность в погоне за призраком счастья. Если я не задаюсь роковым вопросом о конечной цели и смысле моего существования, я могу пожалуй наполнить мою жизнь заботами о моем личном комфорте и чувственными наслаждениями; но во первых, такое наполнение достигается ценой самоусыпления, самоубийства сознания, то есть ценою умерщвления во мне самого дорого и ценного, что отличает меня как человека от животного; если мне чужды те великие непреходящие цели человеческого рода, которые существовали до меня и переживут меня как физическое существо, если вся моя жизнь напол-

няется мелкими личными интересами, которые умрут вместе с моим телом, то я тем самым превращаюсь в ходячего мертвеца. Над этим счастьем тяготеет грозный кошмар смерти, оно разлетается как призрак, при первой болезни. Другой эгоизм, не животный, такой как слава, почет, наслаждения власти, или же наконец наслаждения эстетические или умственные — над ними тоже тяготеет ужас смерти. В конце концов и этот эгоизм основан на иллюзии нашей воли и на добровольном усыплении нашего разума, и пробуждение сознания должно быть ужасным. Первый проблеск философской мысли должен обнаружить полную бесцельность и бессмысленность замкнутого в себе эгоистического существования; а что лишено смысла то лишено и всякой цены.. Не стоит жить жизнью иллюзий и самообмана, не стоит жить ради мнимого эгоистического счастья, которого не существует, ради того, что беспрерывно гниет и умирает. А так как ясно, что я не могу найти смысла жизни во мне самом, в удовлетворении моего личного эгоизма, то значит не стоит жить для самого себя; это значит, что смысл моей жизни в чем то другом, что больше и выше меня.

И тут великий закон солидарности обнаруживается как объективная истина, как объективный закон добра, который торжествует над заблуждениями отдельных личностей и целых народов.

В эгоистическом самоутверждении, в отъединении от прочих людей моя жизнь бессодержательна и бессмысленна, потому что объективное благо — в единении всех; путь эгоизма обнаруживается как ложь, при сколько нибудь внимательном и глубоком философском анализе, а путь солидарности обнаруживается как истина. Смысл жизни раскрывается в любви и только в ней одной, ибо одна любовь может приподнять меня над моим индивидуальным ничтожеством и приобщить меня к тем великим мировым целям, которые существовали раньше меня и будут существовать после меня.

Теперь мы можем убедиться, что предположение объективного закона добра составляет единственно возможное логическое оправдание нашей жизни. Если мы сколько нибудь углубимся в наше сознание то увидим что не только наши нравственные суждения, но и вся наша жизнь покоиться на предположении какого то объективного безусловного добра: более того в этом предположении заключается весь смысл нашей жизни. Если мы признаем что добро есть только субъективное понятие, а не живая реальная сила, которая может пересоздать нашу действительность, то единственно логичным выводом отсюда будет самоубийство: продолжать жизнь от которой не ждешь никакого добра и которой совсем не ценишь, очевидно представляется верхом бессмыслицы. Жизнь наша может получить

> логическое оправдание при том только условии, если мы верим в такое объективное добро которое составляет ее цель и смысл.
> Те высшие конечные цели, к которым стремится человек, имеют независимое от него существование и значение. Человеку незачем было бы искать истины если бы он не был убежден что где то вне его и независимо от него существует та истина, которой он не обладает».

Закончив излагать законы природы духовной энергии человека, борющейся с материальной энергией поля Эгосистемы («мертвеца»), Трубецкой формулирует свое определение естественного права, как выражение психических законов сознания:

Е. Трубецкой, «Энциклопедия права»:

> «Право прежде всего явление психическое. Первоначальным источником права всегда и везде является наше сознание. Поэтому сила и действительность всякого позитивного права теми неписанными правовыми нормами, которые обитают в глубине нашего сознания, его внутренними велениями. Наглядным доказательством такого психического характера права служат революции. Во всех революциях сказывается один и тот же факт: положительное право теряет значение права, когда оно перестает быть предметом убеждения той или иной общественной среды.
> Этим неопровержимо доказывается существование норм нравственного или — что то же — естественного права, которое составляет идеальную основу и идеальный критерий всего правового порядка. Естественное право есть синоним нравственно должного в праве. Прогресс, то есть движение права к добру, возможен лишь постольку, поскольку над правом положительным есть высшее нравственное или естественное право, которое служит ему основою и критерием. И в самом деле в истории права идея естественного права играет и играла роль мощного двигателя. Естественное право решительно должно быть признано, как нравственная основа всякого человеческого авторитета и законодательства и как тот нравственный идеал, который должен определять собой развитие права.
> Отвергнув естественное право мы лишим себя всякого критерия для оценки действующего права; если над правом действующим нет никакого другого высшего права, то в таком случае оно есть правда: чистый историзм должен привести нас к совершенному консерватизму, вот почему зародившаяся в начале прошлого столетия историческая школа действительно послужила оплотом техх реакционных тенденций, которые явились на смену идеям Французской революции»

А. Герцен дает ту же оценку полю Эгосистемы как болезни, разлагающей истинную живую и разумную энергию духа человека в повести «Доктор Крупов». Вслед за всей истинной наукой, берущей начало в осевом времени зарождения этических религий, вслед за Градом Божьим Августина, он видит существо всемирного исторического процесса в постепенном избавлении человека от безумия поля Эгосистемы. Но именно поэтому всемирная история — это грустное зрелище человеческого безумия, которое все еще не излечено. На этом он основывает свою теорию естественного права, как Трубецкой и Кропоткин: «Он берет подход врача», право должно быть основано на «вечном всеобщем законе нравственности», как говорит Трубецкой.

А. Герцен, «Доктор Крупов»:

> «Что бы историческое я ни начинал читать, везде, во все времена открывал я разные безумия, которые соединялись в одно всемирное хроническое сумасшествие. Тита Ливия я брал или Муратори, Тацита или Гиббона — никакой разницы: все они, равно как и наш отечественный историк Карамзин, все доказывают одно: ***что история, не что иное, как связный рассказ родового хронического безумия и его медленного излечения (этот рассказ даст по наведению полное право надеяться, что через тысячу лет двумя-тремя безумиями будет меньше)***. Истинно, не считаю нужным приводить примеры; их миллионы. Разверните какую хотите историю, везде вас поразит, что вместо действительных интересов всем заправляют мнимые фантастические интересы; вглядитесь, из-за чего льется кровь, из-за чего несут крайность, что восхваляют, что порицают, — и вы ясно убедитесь в печальной на первый взгляд истине — и истине, полной утешения на второй взгляд, что все это следствие расстройства умственных способностей. Куда ни взглянешь в древнем мире, везде безумие почти также очевидно, как в новом.
> История доселе остается непонятною от ошибочной точки зрения. Историки, будучи большею частию не врачами, не знают, на что обращать внимание; они стремятся везде выставить после придуманную разумность и необходимость всех народов и событий; совсем напротив, надобно на историю взглянуть с точки зрения патологии, надобно взглянуть на исторические лица с точки зрения безумия, на события — с точки зрения нелепости и ненужности»

А. Герцен, «С того берега»:

> *«Люди только справедливы к безумным и к совершенным дуракам, их по крайней мере мы не обвиняем за дурное устройство мозга, им прощаем природные недостатки; с остальными страшная моральная требовательность. Почему мы ждем от всех встречных на улице примерных доблестей, необыкновенного понимания — я не знаю; вероятно, по привычке все идеализировать. Я иначе смотрю, я привык к взгляду врача, к взгляду совершенно противоположному судьи. Недаром Фемиду изображают с завязанными глазами, она тем справедливее, чем меньше видит жизнь; наш брат напротив, хотел бы, чтоб пальцы и уши имели глаза....».*

Таким образом мы можем убедиться, что русская классическая литература и цвет российской философской мысли этого времени совершенно однозначно развивали теорию естественного права как Града Божьего противопоставленного деспотизму, произволу и насилию физического контроля Града Дьявола. Иначе говоря, противопоставляют Церковь — Государству в истинном смысле каждого из этих терминов: естественное право законов природы, то есть божий закон в обществе — есть Церковь, тогда как власть насилия самодержавия — есть Левиафан государства. Республики и выборные демократии, которые со времен античности стоят между этими двумя крайностями, между Градом божьим научного контроля и Градом Дьявола иерархии насилия физического контроля, и Рассел, и Герцен одинаково именуют как «негативную ценность»: их заслуга в том, что они разрушили Левиафаны голого насилия, но они ничего не построили, ничего не создали. «Воля большинства» путем всеобщего голосования — это химера, иллюзия, которая на деле приводит к больше или меньше скрытому старому насилию физического контроля за лозунгами демократии. Так, Рассел говорит в книге «Власть»: «Достоинства демократии негативны: она не устанавливает хорошего правительства, она предназначена для предупреждения определенных злоупотреблений» (Russell, «Power»: The merits of democracy are negative: it does not insure good government, but it prevents certain evils). В другой книге, «борьба за счастье», Рассел утверждает, что эволюция человека далека от конечной стадии, и что мы должны расши-

рить свой ум и свое сердце (развитие духовной энергии разума), чтобы достичь последней стадии.

В точности эту мысль задолго до Рассела сформулировал Герцен в эссе «С того берега»:

> «Демократия не может ничего создать, это не ее дело, она будет нелепостию после смерти последнего врага; демократы только *знают* (говоря словами Кромвеля), *чего не хотят; чего они хотят, они не знают*. Но действительного творчества в демократии нет — и потому-то она не будущее. Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саван прошедшему и пеленки новорожденному. Социализм соответствует назарейскому учению в Римской империи
> …
> Я не умею выбирать между рабствами так, как между религиями; у меня вкус притупился, я не в состоянии различать тонкостей, которое рабство хуже, которое лучше, которая религия ближе к спасению, которая дальше, что притеснительнее: *честная* республика или *честная* монархия, революционный консерватизм Радецкого или консервативная революционность Каваньяка, что пошлее: квекеры или иезуиты, что хуже: розги или краподина. С обеих сторон рабство, с одной — хитрое, прикрытое именем свободы и, следственно, опасное; с другой — дикое, животное и, следственно, бросающееся в глаза. По счастию, они друг в друге не узнают родственных черт и готовы ежеминутно вступить в бой; пусть борются, пусть составляют коалиции, пусть грызут друг друга и тащат в могилу. Кто бы из них ни восторжествовал, ложь или насилие, на первый случай это победа не для нас, а впрочем, и не для них; все, что победители успеют, — это ловко попировать денек, другой».

Мы видим, что и Герцен, будучи позитивистом, дает определение Церкви Христа как созидающего блага человечества, противостоящего Граду Дьявола левиафанов, победившему в Риме времен упадка (Рим времен золотого века пяти хороших императоров, воспетый Плинием был Градом Божьим). Герцен, будучи защитником естественного права, противопоставляет не республики-выборные демократии против Левиафанов самодержавия, а Церковь Христову, то есть Град Божий естественного права, подобно Е. Трубецкому и П. Новгородцеву, Д. Мережковскому и П.

Кропоткину, Толстому и Достоевскому, или Гоголю и Чехову. Он говорит, что «будущее вне политики, и что «Пеленки новорожденному выйдут из назарейского учения». Интересно, что Рассел сходится с Герценым и в другом определении научного контроля естественного права: в подходе врача противопоставленного подходу системы наказаний в юридизме, об этом Рассел говорит в книге «Предложенные дороги к свободе», где он анализирует творчество Кропоткина. Я напомню, что Рассел отстаивал теорию «демократического социализма» или «международного социализма» (всемирного, как сказали бы Мережковский и Достоевский), и что как все позитивисты, начиная с Конта (Милль и Спенсер) Рассел противопоставил себя марксизму, который утверждал законами общества — законы экономики, и видел в основе общества законы психики; считал движущей энергией общества именно духовную энергию разума. Подобно Платону, он считал, что только научный контроль должен руководить обществом, и потому элитой принимающей решения должна быть не родовая аристократия, а самые глубокие мыслители (в книге «Образование и здоровое общество»).

Герцен, утверждая Церковь естественного права научного контроля в то же время, подобно Л. Толстому, отвергает коррумпированные церкви, разложившиеся в магическое сознание идолопоклонства и вступившие в «преступный сговор с государством», как говорит Томас Пейн в «Веке разума». Церковь научного контроля только та церковь, которая ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с Градом Дьявола левиафанов, ибо научный и физический контроль, поле интеллекта и поле Эгосистемы, бог и дьявол не могут ни примириться, ни ужиться, а только вести борьбу до поражения одной из сторон. Герцен противопоставляет в этой связи социализм Прудона — абсолютизму самодержавия. И здесь утверждает научный контроль! Ибо никто так четко не сформулировал идею научного контроля как Прудон в «Что такое собственность». Пожалуй, Прудон первым говорит, что демократии и воля большинства — это смена воли одного короля на волю многих королей». Не воля человека, а наука

должны править! Подобно Толстому и Трубецкому, Достоевскому и Кропоткину, Чехову и Соловьеву, Герцен — социалист –христианин, то есть такой социалист, который видит в общности людей не единство собственности, а единство духовной энергии. Ренан прав, когда говорит, что все попытки утвердить социализм на материализме обречены на катастрофу. Марксизм пал, а церковь христова стоит и всегда будет стоять, хотя может быть уже на Третьем завете научного метода.

Герцен, «С того берега»:

> «враждебные партии не могут ни объясниться, ни понять друг друга, у них разные логики, два разума. Когда вопросы становятся так, нет выхода — кроме борьбы, один из двух должен остаться на месте — монархия или социализм.
> Подумайте, у кого больше шансов? Я предлагаю пари за социализм. «Мудрено себе представить!» — Мудрено было и христианству восторжествовать над Римом. Я часто воображаю, как Тацит или Плиний умно рассуждали с своими приятелями об этой нелепой секте назареев, об этих Пьер Ле-Ру, пришедших из Иудеи с энергической и полубезумной речью, о тогдашнем Прудоне, явившемся в самый Рим проповедовать конец Рима. Гордо и мощно стояла империя в противуположность этим бедным пропагандистам — а не устояла однако. Или вы не видите новых христиан, идущих строить, новых варваров, идущих разрушать?»

3. ДОСТОЕВСКИЙ КАК ВРАЧ ПСИХИАТР. ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР ГРАДА ДЬЯВОЛА

Мережковский прав в том, что Достоевский в своем научном анализе психики соединяет науку и религию и, таким образом, возвращает науку Возрождения от эмпиризма назад к метафизике интеллекта. И здесь они с Толстым соединяются как соединяются все люди духовной энергии разума в Пространстве Интеллекта: Достоевский выводит своих Сверхчеловеков только чтобы показать что это Зло и Болезнь психики, и что истинное Я человека есть общее Я духовной энергии разума всего человечества. К единению в Христе, к торжеству истинной церкви призывает Достоевский также как и Толстой в конечном итоге.

Д. С. Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «Меня зовут психологом, — говорит он сам, — неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой». Естествоиспытатель, тоже иногда «в высшем смысле реалист» Не делает ли чего-то подобного и Достоевский — «реалист в высшем смысле» — в своих опытах с душами человеческими? В этих опытах иногда получает он состояния души человеческой столь же новые, кажущиеся невозможными, «неестественными», сверхъественными, как жидкость воздуха. Так называемая «психология^ Достоевского напоминает огромную лабораторию с тончайшими и точнейшими приборами, машинами для измерения, исследования, испытывания душ человеческих.
> В самом деле, что за странный писатель, с неутолимым любопытством «копающийся» только в болезнях, только в самых страшных и позорных язвах души человеческой, вечно бередящий эти язвы, как будто не может или не хочет он говорить о другом. И что за странные герои — эти «блаженненькие», кликуши, сладострастники, юродивые, бесноватые, идиоты, помешанные. Может быть, это не столько художник, сколько врач душевных болезней, и при том такой врач, которому должно сказать: врач, исцелился сам? Может быть, это не столко герои, сколько собрание более или менее любопытных «клинических случев»? “ Не в отвлеченных умозрениях, а в точных достойных современной науки опытах над человеческими душами показал Достоевский, что всемирно-историческая работа, начавшаяся с Возрождения и Реформации, работа исключительно научной, критической, разлагающей мысли, если не завершилась, то уже завершается, что эта «дорога вся до конца пройдена, так что дальше идти некуда», что не только Россия, но и вся Европа «дошла до какой-то окончательной точки и колеблется над бездною». Вместе с тем показал он, с уже почти совершенною, почти нашею ясностью сознания, неизбежный поворот к работе новой мысли — созидающей, религиозной»

Понятно, что Достоевский хотел только показать, что люди — только пешки в руках настоящего Сатаны, который ими играет. Сатану этого постоянно видит Иван, то в образе Великого Инквизитора, а то в образе мелкого черта, и именно этот Сатана и объясняет ему «Кто виноват?». Виноват тот мелкий черт, который обратился Великим Инквизитором в глазах людей, и занял место Христа, место Главы Церкви, место — правителя людьми.

Другими словами, Достоевский отвечает также, как Толстой и Мережковский, как Герцен и Кропоткин, как Трубецкой и Новгородцев, как Гоголь и Чехов: Виноват Черт, который засел в Правительстве Града Дьявола, Антихрист, который уничтожил Град божий естественного права. Ведь Великий Инквизитор из повести Ивана — это тот, кто укоряет Христа за то, что тот отверг соблазн Сатаны властью кесаря, и объявляет ему что «Мы с ним, мы не с Тобой».

Мережковский раскрывает смысл образа Великого Инквизитора в «Братьях Карамазовых» Достоевского, показывая, что Царство Сатаны есть царство того миража, той иллюзии «чертова марева» поклонению количественной абстракции силы, которая так здорово описана у Гоголя в «Ревизоре» и «Мертвых душах» в виде удушливой пошлости, разлагающей живые души, их разум и сердце. Это кривое зеркало материальной энергии поля Эгосистемы, которое создает этот мираж «чертова марева» чинопочитания, и обожествления социальной лестницы. Это безумие, которое кладет на алтарь «мыльного пузыря» кривого зеркала разум, совесть и реальную жизнь человека. Так, один из пациентов «Палаты 6» Чехова имеет свою большую тайну: ему дали орден, и стесняется его показывать. А рядовой чиновник из «Записок сумасшедшего» у Гоголя, который чинит «Перья» для своего большого начальника показан жертвой этого черта, «толстяка со звездой», «генерала и камер-юнкера» — то есть большого начальника, кесаря, самодержца Града Дьявола. Великий Инквизитор Достоевского, рассказывая о пошлости общества, лишенного свободы и держащегося на сознательном обмане простых людей, не говорит ли словами Толстого из «Царствия Божьего внутри вас»? Что кесари и самодержцы «гипнотизируют» и «одуряют» народ для того чтобы ввергнуть его и в телесное и в духовное рабство?

Д. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Мы солжем во имя Твое, — говорит у Достоевского Великий Инквизитор своему Посетителю. — Нам дороги и слабые. Они порочны, и бунтовщики, но, под конец, они то и станут послушными».

«Они будут дивиться на нас и считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу, которой они испугались, и над ними господствовать, — так ужасно им станет, под конец, быть свободными». «Мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы... Мы устроим им жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками»...

« — И все будут счастливы, — продолжает Великий Инквизитор, — все миллионы существ, кроме сотни тысяч, управляющих ими. Ибо лишь мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя Твое, и за гробом обрящут лишь смерть...»

« — ...Говорят и пророчествуют, что Ты придешь и вновь победишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими; но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а

мы спасли всех. Говорят, что опозорена будет Блудница, сидящая на Звере и держащая в руках своих тайну, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее гадкое тело. Но я тогда встану и укажу Тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их, для счастья их, на себя, мы станем пред Тобой и скажем: «Суди нас, если можешь и смеешь!» Знай, что я не боюсь Тебя!»

«То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется».

«Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна!»

С ним, то есть с «умным и страшным Духом Небытия».

Но последней тайны своей Великий Инквизитор, так же как старец Лука, не открывает. Последняя тайна обоих в том, что они, подобно отцу своему, отцу лжи, который «человекоубийца был искони», хотят не спасти, а погубить мир. Оба они знают, что человек никогда ни для какого блаженства не откажется окончательно от свободы, никогда, ни для какой утешительной лжи не отвергнет истину окончательно, никогда, ни для каких золотых снов земли не забудет снов небесных окончательно. Оба они знают, что рано или поздно человек проснется от сна,

затоскует и в рабстве, проклянет ложь и увидит за ложью бездонную пустоту, в которую влечет его «отец лжи».

Тогда-то наступит та последняя скорбь, о которой сказано: «будет скорбь, какой не было от начала мира»; тогда люди «будут издыхать от страха», потому что страшнее всякого страха — небытие; будут «проклинать имя Бога живого и звать смерть, но смерть убежит от них». И захотят уничтожить себя, уничтожить мир, только бы

> не видеть этого грозящего ничтожества, этой бездонной пустоты небытия.
> Великий Инквизитор и старец Лука — не реальные лица, а фантастические призраки. Но тот, для кого христианство реально, увидит и за этими призраками нечто реальное, как бы математически точную проекцию в неизмеримые дали будущего.
> «Я пришел во имя Отца Моего, и вы Меня не принимаете; другой придет во имя свое, его примите».
> Эти вещие призраки — первые вехи пути, на который уже вступило так называемое «христианское» человечество, — пути, ведущего от религии истины к религии лжи, от Богочеловечества к Человекобожеству, от Христа к Антихристу».

В «Записках сумасшедшего» Гоголь показывает, как Достоевский и Толстой, которые делят Град Божий на «активны сумасшедших», так сказать, и «пассивных сумасшедших», то есть как говорил Герцен на «людоедов и их блюда». Толстой утверждает что Самодержавие и его руководящие чиновники сознательно вводят людей в обман, «гипнотизируют их», сводят народ с ума, чтобы сделать из них добровольные жертвы своей власти, чтобы «блюдо» само просилось на стол людоеда. Достоевский в повести Ивана о Великом Инквизиторе утверждает то же самое: нас сто тысяч, но мы обманываем миллионы. Гоголь, описывая медленный процесс схождения с ума мелкого чиновника, влюбленного в дочь своего большого начальника, показывает, что Град Дьявола есть психическая сущность, которая держится на мираже социальной лестницы, идолопоклонстве чинопочитания, «Самолюбие-Влюбленности» поля Эгосистемы: Большие начальники — Самолюбие, мелкие чиновники — Влюблены в них. И вот, этот мелкий чиновник, который пытается постичь разумные основания мира, управляемого сумасшедшими и негодяями (сумасшествие есть извращение нравственного закона, говорит Чехов), влюбленный как все мелкие чиновники в своего господина, вдруг понимает, что эта Влюбленность есть Влюбленность в Черта! То есть поле Эгосистемы материальной энергии. Гоголь верен своей цели «насмеяться вволю над чертом в своих произведениях». Он сравнивает своего «великого инквизитора», своих само-

держцев и генералов с собаками, которые важничают и большие политики, и главное «не человек! Я требую человека!». Гоголь со всей очевидностью проводит мысль о том, что в безумии чинопочитания (идолопоклонства социальной лестнице) именно Самолюбие Власти есть черт (честолюбцы толстые со звездой, черти), тогда как Влюбленность подчиненных — есть только жертва. Вот почему Град Божий и Град Дьявола ведут борьбу за простой народ: сделать ли их влюбленными в черта идиотов, которые в конечном итоге окончательно сходят с ума, или же дать им образование: «Познай истину, приводит Толстой слова Евангелия в эпиграфе к Царствию Божьему, — и истина освободит тебя».

Гоголь, «Записки сумасшедшего»:

> «Я несколько раз уже хотел добраться, отчего происходят все эти разности. Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник? Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником?
> Теперь-то, наконец, я узнаю все дела, помышления, все эти пружины и доберусь, наконец, до всего. Эти письма мне всё откроют. Собаки народ умный, они знают все политические отношения, и потому, верно, там будет всё: портрет и все дела этого мужа.
> Чрезвычайно неровный слог. Тотчас видно, что не человек писал. Начнет так, как следует, а кончит собачиною. Тьфу, к черту!.. Экая дрянь!.. И как можно наполнять письма эдакими глупостями. Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека; я требую пищи — той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вместо того эдакие пустяки...
> Я тебе открою, что у меня много куртизанов. Я часто, сидя на окне, рассматриваю их. Ах, если б ты знала, какие между ними есть уроды. Иной прееляповатый, дворняга, глуп страшно, на лице написана глупость, преважно идет по улице и воображает, что он презнатная особа, думает, что так на него и заглядятся все. Ничуть. Я даже и внимания не обратила, так как бы и не видала его. А какой страшный дога останавливается перед моим окном! Если бы он стал на задние лапы, чего, грубиян, он, верно, не умеет, — то он бы был целою головою выше пап*а* моей Софи, который тоже довольно высокого роста и толст собою. Этот болван, должно быть, наглец преужасный.
> Черт возьми! я не могу более читать... Всё или камер-юнкер, или генерал. Всё, что есть лучшего на свете, всё достается или камер-юнкерам, или генералам. Найдешь себе бедное богатство, думаешь до-

> стать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал. Черт побери! Желал бы я сам сделаться генералом: не для того, чтобы получить руку и прочее, нет, хотел бы быть генералом для того только, чтобы увидеть, как они будут увиваться и делать все эти разные придворные штуки и экивоки, и потом сказать им, что я плюю на вас обоих. Черт побери. Досадно! Я изорвал в клочки письма глупой собачонки.
> Я глядел на всю канцелярскую сволочь и думал: «Что, если бы вы знали, кто между вами сидит... Господи Боже! какую бы вы ералашь подняли, да и сам начальник отделения начал бы мне так же кланяться в пояс, как он теперь кланяется перед директором». Что за директор! чтобы я встал перед ним — никогда! Какой он директор? Он пробка, а не директор. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего. Вот которою закупоривают бутылки. Мне больше всего было забавно, когда подсунули мне бумагу, чтобы я подписал. Как бы не так! а я на самом главном месте, где подписывается директор департамента, черкнул: «Фердинанд VIII».
> я первый открыл это. Женщина влюблена в черта. Да, не шутя. Физики пишут глупости, что она то и то, — она любит только одного черта. Вон видите, из ложи первого яруса она наводит лорнет. Вы думаете, что она глядит на этого толстяка со звездою? Совсем нет, она глядит на черта, что у него стоит за спиною. Вон он спрятался к нему в звезду. Вон он кивает оттуда к ней пальцем! И она выйдет за него. Выйдет. А вот эти все, чиновные отцы их, вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и сё: аренды, аренды хотят эти патриоты! Мать, отца, Бога продадут за деньги, честолюбцы, христопродавцы! Всё это честолюбие, и честолюбие оттого, что под язычком находится маленький пузырек и в нем небольшой червячок величиною с булавочную головку»

В этой связи Мережковский отмечает, что «великий инквизитор» Достоевского, тот же мелкий черт безумия, что и черт толстых генералов со звездой у Гоголя.

> .«Он не сатана, это он лжет, — говорит Иван, вспоминая свой бред или свое видение. — Он самозванец. Он просто черт, дрянной, мелкий черт». Признать в таком «лакее» единственного и настоящего Диавола своего, того самого, о котором Великий Инквизитор говорит: «***мы с ниму*** — Ивану не позволяет гордость, и он утешает себя тем, что есть будто бы, кроме этого, «дрянного, мелкого черта», другой, настоящий, «великий и страшный дух небытия», херувим «с опаленными крыльями», «гремящий и блистающий», противоположный

> и, может быть, равный Богу. Понимает ли, по крайней мере, сам Достоевский, что другого черта вовсе нет, что это подлинный, единственный Сатана и что в нем постигнута последняя сущность нуменального «зла», поскольку видимо оно с нашей планеты,

Герцен в «Докторе Крупове», как мы видели развивает ту же теорию: о безумии и пошлости идолопоклонства чинам и деньгам. Там же он пишет, что «Начальство — всего корень», и что чего бы не писали о чинопочитании он больше не будет над ними смеяться когда убедился, что это безумие, ведь смеяться над душевно больными нехорошо. Мы видим, что на вопрос «Кто виноват?» Герцен отвечает также как Толстой и Достоевский: виноваты начальники, это активное зло, которое сводит с ума народ, превращая их в пассивных пособников, в циклический гомеостаз садомазохизма Самолюбия-Влюбленности, господства и подчинения, или как говорит Герцен в антропофагию, в поедание людей друг другом.

А. Герцен, «Доктор Крупов»:

> «Добросовестно изучая субъекты в обоих заведениях, я был поражен сходством чиновников канцелярии с больными. Признаюсь, когда я вполне убедился, что чиновничество (я, разумеется, далее XIII класса восходить не смею) есть особое специфическое поражение мозга, мне опротивели все эти журнальные побасенки, наполненные насмешками над чиновниками. Смеяться над больными показывает жестокость сердца.
> От чиновников я перешел к прочим жителям города, и в скором времени не осталось ни малейшего сомнения, что все они поврежденные. Предоставляю тем, которые долго трудились над каким-нибудь открытием, оценить то чувство радости, которым исполнилось сердце мое, когда я убедился в этом драгоценном факте.
> Начальство составило сущность, цвет, корень и плод города. Остальные жители — как купцы, мещане — больше находились для порядка, ибо нельзя же быть городу без купцов и мещан. Все получали смысл только в отношении к начальству»

Герцен, «С того берега»:

> «Аристократия — вообще более или менее образованная антропофагия; каннибал, который ест своего невольника, помещик, который

> берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет на счет своего работника, составляют только видоизменения одного и того же людоедства. Я, впрочем, готов защищать и самую грубую антропофагию; если один человек себя рассматривает как блюдо, а другой хочет его съесть — пусть ест; они стоят того — один, чтоб быть людоедом, другой, чтоб быть кушанием».

Герцен, «С того берега»:

> «Непреодолимое отвращение, сильный, непобедимый внутренний голос не позволяют мне переступить границу России в то время, когда самодержавие, озлобленное и испуганное всем, что делается в Европе, задавило всякое умственное движение, отрезало от освобождающегося человечества 60 миллионов человек и загородило свет, скудно падавший на малое число из них, своей черной железной рукой, на которой запеклась польская кровь. — Нет, друзья мои, я не могу переступить рубеж этого царства мглы, произвола, молчаливого замиранья, гибели без вести, мучений с платком во рту — до тех пор, пока усталая власть, ослабленная безуспешными усилиями и возбужденным противудействием, не при знает *чего-нибудь* достойным уважения в русском человеке
> Власть у нас, уверенная в себе, свободнее, нежели в Турции; ее ничто не останавливает: никакое прошедшее — от своего она отказалась, до европейского ей дела нет; народность она не уважает, гуманности не знает, с настоящим она борется. Прежде правительство стыдилось соседей — при Екатерине, при Александре; теперь оно считает себя призванным служить примером для всех притеснительных правительств — оно поучает.
> Но вы слишком хорошо знаете все это. Мы с вами видели самое грубое, самое страшное развитие императорства; мы видели его первую борьбу со свободой, оно показалось тут во всей красе. Мы выросли под террором, под черными крыльями тайной полиции, в ее когтях; мы сломились под неслыханным гнетом; мы видели своими глазами, как эта власть, не зная более никаких пределов, дошла до того, что написала на своем знамени: «Самодержавие» — как будто самодержавие — вся цель русского народа»

Герцен, «Письмо к Мишле»:

> «Мы видели монархию, окруженную республиканскими учреждениями, но наше воображение отказывается представить себе русского императора, окруженного учреждениями коммунистическими.

Прежде чем осуществится это отдаленное будущее, произойдет немало событий, и влияние императорской России на реакционную Европу будет не менее пагубным, чем влияние этой последней на Россию. Это она, это солдафонская Россия хочет штыками положить конец вопросам, волнующим мир. Это она шумит и грохочет, как море, у дверей цивилизованного мира, всегда готовая выступить из берегов, всегда трепещущая от жажды завоеваний, словно ей нечего делать у себя, словно угрызения совести и приступы безумия помрачают рассудок ее государей.

....И вот эти первые пришли, явив такое величие души, такую силу характера, что правительство не посмело в своем официальном донесении ни унизить их, ни заклеймить позором; Николай ограничился жестоким наказанием. Безмолвию, немому бездействию был положен конец; с высоты своей виселицы эти люди пробудили душу у нового поколения; повязка спала с глаз.

Не менее решительным было действие заговора 14 декабря на самое правительство; от Петра до Николая правительство высоко держало знамя прогресса и цивилизации; с 1825 года — ничего похожего: власть только о том и думает, как бы замедлить умственное движение; уже не слово «прогресс» пишется на императорском штандарте, а слова «самодержавие, православие и народность» — это mane, fares, takel деспотизма, причем последние два слова стояли там только для профомы. Религия, патриотизм были всего лишь средством укрепить самодержавие, народ никогда не обманывался насчет национализма Николая; ярчайшее выражение его царствования — девиз деспотизма: «Пусть погибнет Россия, лишь бы власть осталась неограниченной и нерушимой». Этот дикарский девиз устраняет все недоразумения, именно 14 декабря принудило правительство отбросить лицемерие и открыто провозгласить деспотизм.

С тех пор единственной целью царизма остался царизм. Он властвует, чтоб властвовать. Громадные силы употребляются на взаимное уничтожение, на сохранение искусственного покоя. Но самодержавие для самодержавия напоследок становится невозможным; это слишком нелепо, слишком бесплодно.

Что же это, наконец, за чудовище, называемое Россией, которому нужно столько жертв и которое предоставляет детям своим лишь печальный выбор погибнуть нравственно в среде, враждебной всему человечеству, или умереть на заре своей жизни? Это бездонная пучина, где тонут лучшие пловцы, где величайшие усилия, величайшие таланты, величайшие способности исчезают прежде, чем успевают чего-либо достигнуть. Но можно ли сомневаться в существовании

> находящихся в зародыше сил, когда из самых глубин нации зазвучал такой голос, как голос Кольцова?
> Между крестьянином и литературою подымается чудовище официальной России — «Россия-ложь, Россия-холера», как вы ее назвали. Эта Россия начинается с императора и идет от жандарма-до жандарма, от чиновника до чиновника, до последнего полицейского в самом отдаленном закоулке империи. Каждая ступень этой лестницы приобретает, как в дантовских bolgi, новую силу зла, новую степень разврата и жестокости. Это живая пирамида из преступлений, злоупотреблений, подкупов, полицейских, негодяев, немецких бездушных администраторов, вечно голодных; невеж-судей, вечно пьяных; аристократов, вечно подлых: все это связано сообществом грабительства и добычи и опирается на шестьсот тысяч органических машин с штыками. Крестьянин никогда не марается об этот мир правительственного цинизма; он терпит его существование — в этом его единственная вина»

Знаменитые слова Толстого о Москве, как нельзя лучше отражают его известную позицию о том, что в разврате народа виновата правительство Града Дьявола, которому он противопоставляет Царство Божие в своих философских и религиозных сочинениях.

> «Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманивать у них назад награбленное. Мужики на это ловчее. Бабы дома, мужики трут полы и тела в банях, возят извозчиками».

Л. Толстой, «Царство Божье внутри вас»:

> «Справедливо, что нигде в Европе нет столь деспотического правительства и до такой степени согласного с царствующей церковью. И потому участие власти в развращении народа в России самое сильное; но несправедливо, чтобы церковь русская в своем влиянии на народ отличалась чем-нибудь от какой-либо другой церкви.
> Этого рода утверждения исходят большею частью от людей, находящихся на высоких ступенях правительственной или духовной иерархии и вследствие этого совершенно уверенных, что на их утверждения возражать никто не посмеет, а если кто и будет возражать, то они не услышат этих возражений. Люди эти большею

> частью до такой степени, вследствие одурманения властью, потеряли представление о том, что есть то христианство, во имя которого они занимают свое положение, что все то, что есть в христианстве христианского, представляется им сектантством; все же то, что в писании как Ветхого, так и Нового Завета может быть перетолковано в смысле антихристианском и языческом, они считают основанием христианства».

Книга Бертрана Рассела «Влияние науки на общество» показывает, как книга Оруэлла «1984», что Град Дьявола будет использовать достижения науки и техники, чтобы усилить давление физического контроля на людей, чтобы усилить насилие уже не только ложью и прямым давлением, но и достижениями техники, сосредоточенными в руках Секретных Служб Подполья — Служб Безопасности Града Дьявола. Однако, «Царство Божье» Л. Толстого намного опередило и Рассела и Оруэлла, ведь он там уже высказал все эти мысли с такой резкостью и негодованием, какой только заслуживает Власть Тьмы. Сказал Толстой задолго до Рассела и том, что деньги будут отнимать у народа, чтобы отдавать чиновникам, соблазняя их тем самым на сторону «ста тысяч служащих Великого Инквизитора». Сказал он задолго до Оруэлла и о том, что Град Дьявола — есть общество сумасшедших, которые будут помещать здоровых людей в психиатрические клиники, чтобы разложить их психику. Карательная психиатрия советов вполне оправдала пророчества Толстого.

Л. Толстой, «Царство Божье внутри вас»:

> «Правительства и правящие классы опираются теперь не на право, даже не на подобие справедливости, а на такую, с помощью усовершенствований науки, искусную организацию, при которой все люди захвачены в круг насилия, из которого нет никакой возможности вырваться. Круг этот составляется теперь из четырех средств воздействия на людей. Средства эти все связаны между собою и поддерживаются одно другим, как звенья кольцом соединенной цепи.
> Первое, самое старое средство есть средство устрашения. Средство это состоит в том, чтобы выставлять существующее государственное устройство (какое бы оно ни было — свободное республиканское или самое дикое деспотическое) чем-то священным и неизменным и потому казнить самыми жестокими казнями все попытки измене-

ния его. Средство это как употреблялось прежде, так употребляется и теперь неизменно везде, где есть правительства: в России против так называемых нигилистов, в Америке против анархистов, во Франции против империалистов, монархистов, коммунаров и анархистов. Железные дороги, телеграфы, телефоны, фотографии и усовершенствованный способ без убийства удаления людей навеки в одиночные заключения, где они, скрытые от людей, гибнут и забываются, и многие другие новейшие изобретения, которыми преимущественно перед другими пользуются правительства, дают им такую силу, что, если только раз власть попала в известные руки и полиция, явная и тайная, и администрация, и всякого рода прокуроры, тюремщики и палачи усердно работают, нет никакой возможности свергнуть правительство, как бы оно ни было безумно и жестоко.

Второе средство есть средство подкупа. Оно состоит в том, чтобы, отобрав от трудового рабочего народа посредством денежных податей его богатства, распределять эти богатства между чиновниками, обязанными за это вознаграждение поддерживать и усиливать порабощение народа.

Подкупленные чиновники эти от высших министров до низших писцов, составляя одну неразрывную сеть людей, связанных одним и тем же интересом кормления себя трудами народа, тем более обогащаемые, чем покорнее они исполняют волю правительств, всегда и везде, не останавливаясь ни перед какими средствами, во всех отраслях деятельностей отстаивают словом и делом правительственное насилие, на котором и основано их благосостояние.

Третье средство есть то, что я не умею назвать иначе, как гипнотизация народа. Средство это состоит в том, чтобы задерживать духовное развитие людей и различными внушениями поддерживать их в отжитом уже человечеством понимании жизни, на котором зиждется власть правительств. Гипнотизация эта в настоящее время организована самым сложным образом и, начиная свое воздействие с детского возраста, продолжается над людьми до их смерти. Начинается эта гипнотизация с первого возраста в нарочно для того устроенных и обязательных школах, в которых внушают детям воззрения на мир, свойственные их предкам и прямо противоречащие современному сознанию человечества. В странах, где есть государственная религия, детей обучают бессмысленным кощунствам церковных катехизисов, с указанием необходимости повиновения властям; в республиканских государствах их обучают дикому суеверию патриотизма и той же мнимой обязательности повиновения правительствам. В более взрослых годах гипнотизация эта продолжается над людьми поощрением и религиозного суеверия и патриотического. Патриотиче-

ское суеверие поощряется устройством правительствами и правящими классами на собранные с народа средства общественных торжеств, зрелищ, памятников, празднеств, располагающих людей к признанию исключительной значительности одного своего народа и величия одного своего государства и правителей его и к недоброжелательству и даже ненависти к другим народам. При этом деспотическими правительствами прямо воспрещается печатание и распространение книг и произнесение речей, просвещающих народ, и ссылаются или запираются все люди, могущие пробудить народ от его усыпления; кроме того, всеми правительствами без исключения скрывается от народа всё, могущее освободить его, и поощряется всё, развращающее его, как-то: писательство, поддерживающее народ в его дикости религиозных и патриотических суеверий, всякого рода чувственные увеселения, зрелища, цирки, театры и всякие даже физические средства одурения: как-то: табак, водка, составляющие главный доход государства; поощряется даже проституция, которая не только признается, но организуется большинством правительств. Таково третье средство.

Четвертое средство состоит в том, чтобы посредством трех предшествующих средств выделять из всех таким образом закованных и одуренных людей еще некоторую часть людей для того, чтобы, подвергнув этих людей особенным, усиленным способам одурения и озверения, сделать из них безвольные орудия всех тех жестокостей и зверств, которые понадобятся правительству. Достигается это одурение и озверение тем, что людей этих берут в том юношеском возрасте, когда в людях не успели еще твердо сложиться какие-либо ясные понятия о нравственности, и, удалив их от всех естественных человеческих условий жизни: дома, семьи, родины, разумного труда, запирают вместе в казармы, наряжают в особенное платье и заставляют их при воздействии криков, барабанов, музыки, блестящих предметов ежедневно делать известные, придуманные для этого движения и этими способами приводят их в такое состояние гипноза, при котором они уже перестают быть людьми, а становятся бессмысленными, покорными гипнотизатору машинами. Эти-то загипнотизированные, физически сильные, молодые люди (теперь при общей воинской повинности все молодые люди), снабженные орудиями убийства, всегда покорные власти правительств и готовые по его приказанию на всякое насилие, и составляют четвертое и главное средство порабощения людей.

Этим средством замыкается круг насилия. Устрашение, подкуп, гипнотизация приводят людей к тому, что они идут в солдаты; солдаты же дают власть и возможность и казнить людей, и обирать их

> (подкупая на эти деньги чиновников), и гипнотизировать, и вербовать их в те самые солдаты, которые дают власть делать всё это. Круг замкнут, и вырваться из него силой нет никакой возможности»

Таким образом, Толстой в своем непротивлении злу насилием и вся русская классическая литература уже дали ответ и на вопрос: Что делать?

Начертить дьявольский круг Черта, показать облик Черта народу, дать ему четкое определение, показать его народу, чтобы он стал узнаваем, чтобы он стал уловим, чтобы очередной переворот не заканчивался «Ванькой — Встанькой» возвращения к садомазохизму Града Дьявола. И вот русская классическая литература очертила этого черта, показала его людям. Но очертила и показала художественно. Опять не смогли идентифицировать и поймать материальную энергию поля Эгосистемы психики. Опять очередная революция подняла массы людей против Власти Тьмы, против Града Дьявола, пожирающего людей. Старых толстых генералов и камер-юнкеров -чертей со звездой наказали, но новые такие же страшные залезли на их спины, и уже явились к нам в новой классической русской литературе: в Архипелаге- ГУЛАГе Солженицына.

И все таки не зря работала русская классическая литература, не зря чертила черта со всех возможных ракурсов и точек зрения, чтобы сделать его узнаваемым и уловимым для народа, для человечества.

Открытие Психической энергии, Научная Революция Энергетика наконец дают полное и окончательное определение черта, которое тут же, автоматически упразднит все Грады Дьявола, как только будет признано официальной наукой. А не может не быть признано, потому что отвечает всем требованиям науки и опыта, и дает полное объяснение всем историческим фактом, снимает все противоречия в трактовках этих фактов.

И здесь как сильно пригодился художественный портрет, который уже был дан русской классической литературой». Ведь по понятным причинам, все правительства Градов Дьявола, все толстые Черти-генералы со звездой объединились, чтобы вос-

препятствовать публикации Открытия Психической Энергии! Воспрепятствовать публикации Научного Портрета Дьявола! Ведь их узнают, и наконец неуловимый черт будет навсегда заточен в тюрьму научного контроля!

И как в таких обстоятельствах колоссальная помощь Научному Портрету, который забивают со всех стороны Толстые Черти-Генералы со звездой, от Портрета Художественного, данному черту русской литературой! Ведь Художественный Портрет широко в мире признан всеми, и если соединить художественный портрет с научным, они наконец помогут людям избавиться от черта. Научный добавит точности художественному, а художественный не позволит спрятать научный! Как бы Антихрист Путин и его западные враги-партнеры не старались спрятать от народа Открытие и Научную Революцию, русская классическая революция уже все это предвидела! И она этого не позволит, чего бы этот Клуб Сатаны не сделал с автором Научной Революции Энергетика.

П. Новгородцев, как и Е. Трубецкой (оба известные русские юристы и философы начала 20-го века) указывает на противостояние Града Божьего естественного права и Града Дьявола физического контроля (грубой силы); и хотя ему еще Град Божий естественного права представляется утопией, он уже отмечает, что успех теории естественного права в народе заставил считаться с ним действующую силу левиафанов физического контроля. Макиавелли против Гроция, Гоббс против Локка, марксизм-ленинизм против русской классической литературы, самодержавие антихриста- человекобога против Града Божьего естественного права Богочеловечества.

П. Новгородцев, «Лекции по истории философии права»:

> *Гроций и Макиавелли олицетворяют в области политики те две силы, которые борются между собой в человеческой истории: Макиавелли представляет в своих сочинениях теорию грубой силы, которая прокладывает себе путь, не разбирая средств и приемов для достижения поставленных целей; Гроций — теорию нравственной силы, которая покоряет людей своими внутренними свойствами. Соответственно с этим, и его система естественного права основана прежде всего*

> *на признании известных нравственных начал для сознания людей, помимо каких бы то ни было внешних опор и авторитетов. В отыскании внутренних основ естественного права состоит главная философская задача его книги. Его учение не могло служить лозунгом для какой бы то ни было партии, но оно все, от начала до конца, было проникнуто духом гуманности, справедливости и миролюбия, который благотворно действовал на общественное сознание. Говоря об этой стороне книги Гроция, я не могу характеризовать ее лучше и яснее, как при помощи противопоставления его воззрений взглядам Макиавелли. Преклонение перед силой, проповедь политического успеха, достигаемого какими бы то ни было средствами, отрицание нравственных начал в политической области и неверие в силу добра — таковы характерные черты макиавеллизма. Гроций в этом отношении прямая противоположность Макиавелли. Человечность, миролюбие и справедливость, прежде всего — таковы симпатичные верования, которые он исповедует и которые силой своего авторитета он успел, поскольку это было невозможно, и более чем кто-либо другой из его современников, привить европейскому сознанию. Он твердо верил, что непреклонная честность и нравственные стремления составляют неизменные условия политики» П. Новгородцев Происхождение суверенитета*

4. ДЕГРАДАЦИЯ ХРИСТИАНСТВА В ЯЗЫЧЕСТВО. ВИЗАНТИЯ КАК ЛЕВИАФАН САДОМАЗОХИЗМА. Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ, Л. ТОЛСТОЙ, А. ГЕРЦЕН, П. ЧААДАЕВ

Мы уже видели, что линия, разграничивающая два поля сознания, проходит между языческим, как варварством первобытного физического контроля, и этическим, то есть поле интеллекта и совести развитых, здоровых людей. Язычество древнего варварского сознания — это Садомазохизм поля Эгосистемы, чью порочность и безумие вполне представляет мифология «небесного двора греческого Олимпа», которую так остроумно высмеял Лукиан еще в далекой древности. Таким образом, мы видели, что не все что было до Христианства было языческим в этом смысле. Например, Римская интеллигенция двух первых веков нашей эры показала высокую культуру этического сознания, разумного и добродетельного.

В то же время, не все сознания христианских цивилизаций после возникновения христианской церкви было — этическим. История знает чудовищные примеры того, как христианство деградировало в магическое сознание язычества, то есть в порочность и безумие, в садомазохизм физического контроля. Уже Гиббон в «Истории упадка и падения Римской Империи» дает первые примеры такой деградации христианства в язычество. Затем движение Реформации обнажило чудовищные язвы папства, которые прямо указывали на тот факт, что на тот период католичество разложилось окончательно как этическое и разумное сознание и превратилось в садомазохизм физического контроля, в насилие, безумие и порочность.

По поводу восточной христианской церкви — византийского православия — исследователи еще более согласны во мнении, что то ценное, что есть в христианстве, его этическое сознание и рационалистическая философия, разложилось в византийской церкви под воздействием государственного гнета, который был неведом католичеству на протяжении веков. Об этом со всей жесткостью пишут Л. Толстой, Д. Мережковский, А. Герцен, Чаадаев, наконец, А. Тойнби в «Испытание цивилизации».

Евангелия Христа были большим катализатором на пути к становлению Поля Интеллекта и Совести Духовной энергии человечества, потому и принято было разделить эпохи христианства и до-христианского сознания, как этическое и порочное. Однако, несмотря на тот факт, что воздействие христианство было действительно очень мощным, оно не дало окончательной победы над злом, над магическим сознанием Поля Эгосистемы физического контроля. И именно об этом все религиозные исследования Мережковского в поисках Третьего Завета, который решит эту проблему окончательно. И конечно, он не одинок в этих поисках. Эрнест Ренан, Л. Толстой, А. Швейцер, К. Ясперс, А. Тойнби, Ф. Шеллинг, С. Кьеркегор, Ж. Санд и Пьер Леру, Р. Роллан, Г. Лессинг, Т. Пейн, Ж-Ж Руссо, В. Дильтей, Штраус — вот только некоторые имена людей ставивших вопрос о том, что Откровение Евангелия не есть истина в последней инстанции.

И прежде всего сам Иисус, которого в этой связи много цитирует Мережковский, доказывая, что сам Иисус предсказал, что будет новое знание. «Человечество выросло из христианства, как младенец из пеленок», — говорит в этой связи Мережковский.

Чтобы Знания о Духовной энергии дали окончательное решение в борьбе с магическим сознанием физического контроля, они должны быть выражены на научном языке. Поскольку Бог есть Интеллект, то понятны слова Иисуса, когда он говорит, что Утешитель, которого он пришлет, будет уже говорить не притчами, «но прямо от Отца», то есть на научном языке. До тех же пор, пока наши знания ограничиваются смесью рационалистической философии и мифологии, процесс деградации, назад, в язычество, ничем не застрахован.

Исследователи христианства сходятся в этом пункте на том, что католичество и православие одинаково деградировали в язычество, с той разницей, что католичество внесло огромный вклад в дело борьбы за свободу и цивилизацию в свое время, разделив духовную и светскую власть, и в то же время православие не имеет таких заслуг, и самого начала использовалось против своей сущности этического сознания как «гайка» словами Мережковского для укрепления садомазохизма Левиафана — сначала Византийского, потом Московского.

Д. С. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Всю тяжесть обвинения за отсутствие религиозного сознания сваливать на русскую интеллигенцию было бы несправедливо. История европейской государственности вообще, и русской, в частности, установила слишком тесную, почти неразрывную связь между религиозными, в особенности «христианскими» идеями» с одной стороны, и самыми грубыми формами общественной неправды и политического гнета, — с другой. Религия и реакции сделались почти неразличимыми синонимами. Кажется, довольно произнести слово Бог, чтобы многоголосное эхо в веках и народах ответило: гнет. Это кощунственное превращение имени Божьего в главную гайку, которою привинчиваются к духу и плоти так называемого «христианского» человечества всевозможные колодки, кандалы и другие, более или менее усовершенствовавнные орудия порабощения, есть одно из величайших всемирно-исторических преступлений.

Но ежели нельзя обвинять русскую интеллигенцию, то не следует и потворствовать ей в этом невольном заблуждении. Давно пора обличить эту людьми освященную, Богом проклятую связь христианства с политическим произволом, учения истины и свободы — с учением лжи и насилия».

Д. С. Мережковский, «Революция и Религия»:

«Так осуществилась в России, накануне политической революции, первая точка революции религиозной: конец православия предшествовал концу самодержавия.

Я здесь разумею под концом православия не нарушение, а исполнение исторического христианства, ибо вся полнота заключенной в нем истины — свидетельство о Христе, пришедшем во плоти, — не отвергнута, а воспринята новым религиозным сознанием; отвергнута только ложь православия и всего исторического христианства — самодержавие, все равно, русского царства или римского папства, кесаря, который становится первосвященником, или первосвященника, который становится кесарем, ибо в обоих случаях совершается равная подмена Царства Божиего царством человеческим, происходит то отступление Петра, о котором сказано: отойди от Меня, сатана, ибо ты думаешь не о том, что Божие, но о том, что человеческое.

Что конец православия — конец самодержавия и наоборот, это несомненно для тех, кто видит такую же неразрывную, не только историческую, но и мистическую связь между самодержавием и православием, как между папством и католичеством. Нет православия без римского кесаря, как нет католичества без римского первосвященника.

Кесарь и папа — два неизбежные, хотя и вечно бесплодные, устремления всего исторического христианства, разделенного на восточное и западное, к тому вселенскому единству, от которого отказавшись, церковь изменила бы главному призванию своему: да будет едино стадо, един Пастырь. Ежели не царь всемирного царства, империи — глава восточной церкви или церквей, то вселенский патриарх; но предел патриаршества, как единства вселенского, и есть опять-таки папство. В этих двух односторонних, потому и неудачных, попытках теократии, священного царства и царственного священства, в этих двух человеческих личинах, которыми подменяется единый Божественный лик Христа, царя и священника, до такой степени истина смешана с ложью, богочеловечество с человеко-божеством, что распутать их или рассечь христианство, оставаясь только христианством, оказывается бессильным. Во всяком случае, не случайное

> совпадение, повторяю, то, что русской революцией последние судьбы самодержавия и отделением церкви от государства во Франции последние судьбы папства решаются одновременно: это две половины одного всемирного переворота, два начала одного великого конца»

Д. С. Мережковский, «Чаадаев»:

> «Всемирность — вот главная и, в сущности, единственная мысль Чаадаева.
>
> Смысл его таков.
>
> Церковь римско-католическая наиболее из всех церквей обладает религиозным сознанием всемирности, религиозною волею ко всемирности: недаром «католичество» и значит «всемирность». В течение пятнадцати веков народы Запада под сенью римской церкви жили одною жизнью, как члены одной семьи. Помогали друг другу, друг друга поддерживали и влекли на одном пути к одной цели. Благодаря этим общим усилиям опередили они все остальные народы. Руководимые церковью, в поисках «Царства Божьего», нашли *попутно* все блага земные — науку, искусство, гражданственность. И так был силен этот первый толчок, что он и доныне двигает народы, как всемирное тяготение двигает планеты вокруг солнца.
>
> Россия одна не участвует в общем движении. Христианство, «воспринятое из зараженного источника, из растленной, падшей Византии, отказавшейся от единства церковного», уединило Россию, исторгло ее из тяготения всемирного, бросило в пустое пространство, как метеор блуждающий.
>
> Римская церковь в тысячелетней борьбе с римскою империей утвердила свободу свою от власти мирской, от государства, — и свобода церкви сделалась источником всех гражданских свобод: «все политические революции Запада в сущности — революции духовные». Русская церковь поработилась государству, — и рабство церкви сделалось источником всех наших рабств. Русское социальное развитие — единственное во всемирной истории, в котором все с самого начала стремится к порабощению личности и общества.
>
> Вот почему у нас нет истории в подлинном смысле этого слова. Стоя как бы вне времени, мы лишены чувства всемирно-исторической *непрерывности*. «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошлого и будущего, среди мертвого застоя... Мы так странно движемся во времени, что с каждым следующим мигом миг предыдущий исчезает для нас безвозвратно».
>
> Россия прежде всех других народов призвана осуществить обетования христианства. Мы еще не начинали жить. Но «настанет день,

когда мы займем в духовной жизни Европы такое же место, какое занимаем сейчас в ее жизни политической, и здесь наше влияние будет еще несравненно могущественнее, чем там. Таков естественный плод нашего долгого уединения, ибо все великое зреет в одиночестве и в молчании».

Мысли его легко передать, но непередаваем их тон — *звук всемирности*. До него никто в России не говорил таким всемирным голосом. Тут впервые загорается всемирно-историческое сознание России; впервые дается всемирно-исторический разрез национального русского духа. Тут русская река впадает в океан всечеловеческий.

«Прекрасная вещь любовь к родине, но есть еще нечто более прекрасное — любовь к истине. *Не через родину, а через истину ведет путь на небо»*. Что истина христианства не национальна, а всемирна — это — общее место — в отвлеченности; но в действии новизна необычайная, острота невыносима. Страшные силы национализма топчут всемирность христианства, как степную траву топчет конь Атиллы: где прошел этот конь, там трава не растет. Вот против этой-то страшной силы и восстает Чаадаев.

Это величайшее из всех восстаний человеческих. И не понимающий религиозной глубины Чаадаева Герцен все-таки прав, когда вписывает имя его в русский революционный синодик.

«Моя Европа» — этого никто из русских и, может быть, даже никто из европейцев не говорил так, как Чаадаев. «У нас две родины — наша Русь и Европа» (Достоевский). Нет, не две, а одна. Одна земля — «земля ничья — земля Божья», — это чувство всемирности — русское народное чувство по преимуществу.

И Герцен, и Бакунин, и Вл. Печерин[9], и Л. Толстой, и Вл. Соловьев — все они, подобно Чаадаеву, — «русские бегуны», «странники», «здешнего града не имеющие, Вышнего Града взыскующие».

И в этом он — самый русский из русских людей. На вопрос, что такое русский народ в религиозном смысле, — можно бы ответить: народ, наиболее предчувствующий «конец всемирной истории», наиболее ищущий «всемирного соединения людей» — Града Божьего, Царства Божьего».

Л. Толстой «Исследование догматического богословия»:

«И, достигнув этого, я понял, и весь смысл учения и ужаснулся. Я понял, что всё это вероучение есть искусственный (посредством самых внешних неточных признаков) свод выражений верований самых различных людей, несообразных между собой и взаимно друг другу противоречащих. Я понял, что соединение это никому не может быть нужно, никто никогда не мог верить и не верил во всё это вероуче-

> ние, и что потому для невозможного соединения этих различных вероучений в одно и проповедывания их как истину должна быть какая-нибудь внешняя цель. Я понял и эту цель. Я понял и отчего это учение там, где оно преподается, — в семинариях — производит наверно безбожников, понял и то странное чувство, которое я испытывал, читая эту книгу... Так что уже давно попы служат для себя, для слабоумных и плутов и для женщин. Надо думать, что скоро они будут поучать и пасти только друг друга. Это так, но все-таки что же значит, что есть люди умные, которые разделяют это заблуждение? Что значит эта церковь, заведшая их в такие непроходимые леса глупости? — Церковь — это, по их определениям, собрание верующих, попов, непогрешимое и святое... Из глубоких, искренних речей апостолов и отцов церкви, доказывающих непостижимость божию, выводится самым внешним образом словесная задача богословия — доказать, что бога нельзя постигать всего, но можно только отчасти. Но мало того, что рассуждение умышленно извращено, в этих страницах я в первый раз встретил прямое искажение не только смысла, но и слов священного писания»
> «Теперь же они, эти слова, — пишет он, — мне слишком ужасно ясны. Вот она, та хула на святого духа, которая не простится ни в этом веке, ни в будущем. Хула эта — это ужасное учение церкви, основа которого есть учение о церкви».

Лев Толстой Царство божие внутри вас»:

> «Единственный выход из него для них — надежда на то, что, пользуясь авторитетом церкви, древности, святости, можно запугать читателя, своим умом обдумать вопрос. И это удается. Кому в самом деле придет в голову то, что все то, что с такой уверенностью и торжественностью повторяется из века в век всеми этими архидиаконами, епископами, архиепископами, святейшими синодами и папами, что все это есть гнусная ложь и клевета, взводимая ими на Христа для обеспечения денег, которые им нужны для сладкой жизни на шеях других людей, — ложь и клевета до такой степени очевидная, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту ложь состоит в том, чтобы запугивать людей своей уверенностью, своей бессовестностью»

Лев Толстой Царство божие внутри вас»:

> «Справедливо, что нигде в Европе нет столь деспотического правительства и до такой степени согласного с царствующей церковью.
> И потому участие власти в развращении народа в России самое

> сильное; но несправедливо, чтобы церковь русская в своем влиянии на народ отличалась чем-нибудь от какой-либо другой церкви. Как ни странно это кажется, церкви, как церкви, всегда были и не могут не быть учреждениями не только чуждыми, но прямо враждебными учению Христа. Недаром Вольтер называл ее бесчестная; недаром все или почти все христианские так называемые секты признавали и признают церковь той блудницей, о которой пророчествует апокалипсис; недаром история церкви есть история величайших жестокостей и ужасов.
> Церкви, как церкви, не суть некоторые учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившиеся от прямого пути, как это думают многие; церкви, как церкви, как собрания, утверждающие свою непогрешимость, суть учреждения противохристианские. Между церквами, как церквами, и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно — гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое — смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь.
> Нельзя служить вместе этим двум господам, надо выбрать того или другого».

А. Герцен, «Развитие революционных идей в России»:

> «Византийская церковь питала отвращение ко всякой светской культуре. Она знала лишь одну науку — ведение богословских споров; она изобрела условную живопись (иконопись) в осуждение плотской красоте античности. Презирая всякую независимую живую мысль, она хотела только смиреной веры. В России не было проповедников. Греческое православие увлекало их к византинизму, и они в самом деле стремительно приближались к этому бездонному стоячему болоту, в котором исчезли следы древнего мира. И, наконец, что иное представляет собой эта Византия, как не Рим, — Рим, времен упадка, Рим без славных воспоминаний, без угрызений совести? Какие новые принципы внесла Византия в историю? Быть может, общественный строй? Но в Восточной империи он основывался на неограниченной власти, на безропотном послушании, на полном поглощении личности государством, а государства — императором. Восточная церковь проникла в Россию в цветущую, светлую киевскую эпоху, при великом князе Владимире. Она привела Россию к печальным и гнусным временам, описанным Кошихиным, она благословила и утвердила все меры, принятые против свободы народа. Она обучила царей византийскому деспотизму, она предписала народу слепое

повиновение, даже когда его прикрепляли к земле и сгибали под ярмо рабства. Петр I парализовал влияние духовенства, это было одним из самых важных его деяний; и что же, это влияние хотели бы теперь воскресить? Не нужно ли было бы постараться всеми средствами призвать русский народ к сознанию его гибельного положения, — пусть даже в виде опыта, — чтобы убедиться в невозможности этого? И кто же иной должен был это сделать, как не е те, кто представляли собою разум страны, мозг народа, — те, с чьей помощью он старался понять собственное положение? Велико их число или мало — это ничего не меняет. Петр I был один, декабристы — горстка людей. Что вместо этого делали славянофилы? Они проповедовали покорность эту первую из добродетелей в глазах греческой церкви, эту основу московского царизма. Они проповедовали презрение к Западу, который один еще мог осветить омут русской жизни; наконец, они превозносили прошлое, а от него, напротив, нужно было избавиться ради будущего, отныне ставшего общим для Востока и Запада. Таким образом, русская история была историей развития самодержавия и власти, как история Запада является историей развития свободы и прав.

Пусть поразмыслят славянофилы о падении Гоголя. Они найдут в этом падении, быть может, больше логики, нежели слабости.

От православного смиренномудрия, от самоотречения, растворившего личность человека в личности князя, до обожания самодержца — только шаг».

А. Герцен, «Развитие революционных идей в России»:

«Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена; она стала сильной, великой — но какой ценою? Это самая несчастная, самая порабощенная из, стран земного шара; Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни. Любой помещик играл роль великого князя московского в миниатюре; и точно так же, как потеряли города свои вольности, державшиеся лишь за лишенные устойчивости обычаи, община в ее борьбе с помещиком была побеждена принципом власти и личного начала, более деятельных и эгоистичных, нежели она. Царизм, сам опиравшийся на неограниченную власть, по необходимости должен был покровительствовать покушению помещиков на права крестьян. Как ни странно, но ни один из государей дома Романовых ничего не сделал для народа.

Народ помнит их лишь по количеству своих несчастий, по росту крепостного права, рекрутчины и всякого рода повинностей, по воен-

> ным поселениям, по всем ужасам полицейского управления, по войне, настолько же кровопролитной, насколько и бессмысленной, которая длится двадцать пять лет в неприступных горах. Между дворянством и народом стоял чиновный сброд из личных дворян — продажный и лишенный всякого человеческого достоинства класс. Воры, мучители, доносчики, пьяницы и картежники, они были и являются еще и теперь самым ярким воплощением раболепства в империи. Класс этот был вызван к жизни крутой реформой суда при Петре I. Изустный процесс был тогда упразднен и заменен инквизиторским. Введенные по примеру немецких канцелярий мелочные формальности усложнили судопроизводство и дали крючкотворам страшное оружие. Совершенно свободные от предрассудков, чиновники извращали законы, каждый по-своему. Казарма и канцелярия стали главной опорой николаевской политической науки. Слепая и лишенная здравого смысла дисциплина в сочетании с бездушным формализмом австрийских налоговых чиновников — таковы пружины знаменитого механизма сильной власти в России. Какая скудость правительственной мысли, какая проза самодержавия, какая жалкая пошлость! Это самая простая и самая грубая форма деспотизма. Словом, картина официальной России внушала только отчаянье: здесь — Польша, рассеянная во все стороны и терзаемая с чудовищным упорством; там — безумие войны, длящейся все время царствования, поглощающей целые армии, не подвигая ни на шаг завоевание Кавказа; а в центре — всеобщее опошление и бездарность правительства. И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм — это русское самодержавие наоборот».

A. Toynbee, «Civilization on trial»:

> «В этой долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли погибель средневековой Византии. Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жестокой концентрации политической власти, они разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Великое княжество Московское стало лабораторией для этого политического эксперимента, а вознаграждением за это стало объединение под эгидой Москвы целой группы слабых княжеств, собранных в единую сильную державу. Этому величественному русскому политическому зданию дважды обновляли фасад — сначала Петр Великий, затем Ленин, — но суть оставалась прежней, и Советский Союз сегодня, как и Великое княжество Московское в XIV веке, воспроиз-

водит характерные черты средневековой Восточной Римской империи. В таком тоталитарном государстве византийского типа церковь может быть хоть христианской, хоть марксистской, лишь бы она служила интересам светского государственного управления. И вот с тех давних пор, с начала XIV века, доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм. Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями. Такое смиренное отношение к самовластному режиму, ставшее традиционным в России, является, с нашей, западной, точки зрения, одной из главных трудностей в сегодняшних отношениях между Россией и Западом. Огромное большинство людей на Западе считают, что тирания — это невыносимое социальное зло. Ценой страшных усилий мы задавили тиранию, когда она подняла голову среди нас в виде фашизма и национал- социализма. Мы чувствуем такое же отвращение к ней в ее российской форме, будь она названа царизмом или коммунизмом. Мы уже отметили, что христианство пришло в Россию
не с Запада, а из Византии, где оно имело отчетливый антизападный дух и форму»

ЧАСТЬ II. РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ПАПСТВА. ГРАД БОЖИЙ КАК ВТОРАЯ ТЕОКРАТИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

ГЛАВА 9. МОГУЩЕСТВО КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ КАК ДУХОВНОГО СОЮЗА ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА И СОВЕСТИ

1. ОТЦЫ ЦЕРКВИ: РАЗДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

Мы уже много раз говорили о том, что концепцию Августина о противостоянии Града Божьего (Церкви) и Града земного (Государства) можно было проследить уже в истории античности. Уже в Древней Греции созревает концепция Града Божьего в широко известной «Республике» Платона. Прекрасный очерк об этом произведении с интересующей нас точки зрения дает русский философ 20-го века Е. Трубецкой в книге «Социальная утопия Платона». Трубецкой же подчеркивает заимствования Августина у Платона и Цицерона в другой своей книге, «Учение Августина о Граде Божьем». Другой известный мыслитель, Э. Ренан, настаивает на том, что Империя Антонинов дает первый пример реализации «Республики» Платона с философами-правителями во главе. В книге «Марк Аврелий и упадок Римской Империи» Ренан доказывает, что именно в эпоху Марка Аврелия римское право сложились в единую систему Естественного Права, и дальше уже ему оставалось только развиваться, а в чем то де-

градировать. Мы приняли результаты исследований этих и других учений, и определили Рим Антонинов — Первой Великой Теократией Естественного Права. Если говорить словами Августина, то Рим Антонинов — первая реальная попытка утверждения Града Божьего вместо Левиафанов садомазохизма, которыми славился деспотический Восток.

Мы также подчеркивали, что христианская теология родилась из синтеза иудаизма и греческого рационализма. Тойнби говорит, что этот синтез виден уже в имени Иисуса Христа, где имя иудейское, а фамилия — греческая. Этот синтез — абсолютно установленный факт науки; ни для кого не секрет, что становление христианства шло еще триста лет после гибели его Основателя Христа. И все это время шла напряженная умственная работа в синагогах Александрии, известных своей греческой ученостью, где Филон и Климент развивали свое представление о синтезе иудаизма и греческой философии, а греческий ученый Ориген выступил против противника христианства Цельса в книге «Против Цельса». Далее, синтез этот продолжался в трудах таких образованных римлян своего времени какими были Отцы Церкви: Августин, Иероним, Григорий Великий, Амвросий Миланский. Ересь гностиков, которые далеко уходили от оригинальных текстов евангелий, тем не менее, по свидетельству Ренана также оказала свое воздействие на становление христианской теологии. А на греческую философию и на иудаизм в свое время оказывал влияние зороастризм, как пишут Тойнби, Штраус, Швейцер, Ренан.

Таким образом, Откровение Осевого времени, данное народам Индии, Персии, Израиля, Греции, и позже Риму в его знаменитом римском праве — не кристаллизировалось в обособленное учение у каждого народа, но в наднациональной вселенской Римской Империи оформилось в единый синтез. Институт Католической Церкви как Града Божьего Августина, как Второй Великой Теократии Естественного Права и представляет становление этого синтеза в раннем средневековье.

В чем отличие Католической Церкви как второй попытки теократии естественного права от Империи Антонинов? Прежде всего в том, что то, что было в Риме соединено в один институт — церковь и государство — Католическая церковь строго разделила. В этом ее прогресс и в этом ее великое достижение. Римская Империя соединяла в себе и Град Божий естественного права (демократии, научного контроля) и Град Дьявола садомазохизма (насилия и рабства, физического контроля). Когда приходили Императоры Добродетели (Цезарь, Август, Веспасиан, Тит, Клавдий, Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий, Юлиан, Александр Север, Диоклетиан, Пертинакс и др) — Римская Империя превращалась в Теократию естественного Права, в Град Божий Платона. Когда приходили Императоры Порока (Тиберий, Калигула, Нерон, Домициан, Каракалла, Гелиогабал, Коммод, Септимий Север, и др) — Римская Империя превращалась в жуткий Левиафан садомазохизма, в идолопоклонство чудовищу, в безумие Града Дьявола. Католическая церковь это жуткое положение вещей отменила, наследуя только Империи Добродетели, и строго разделив Град Божий в виде своей церкви и Град земной в виде феодальных государств варваров с одной стороны, и византийской империи с другой стороны. Были ли государства эти только Градом земным или Градом Дьявола зависело от того насколько они соглашались корректировать свои законодательства и свое поведение в соответствии с идеалом Града Божьего. Перемирие, как говорил Августин, между Градом Божьим и Градом Дьявола в этом и заключается: если государство стремится перенять естественное право законов божьих и жить в соответствии с этим правом. В противном случае государство остается Градом Дьявола — Левиафаном физического контроля, с Правом Сильного, с отношениями господ и рабов, с идолопоклонством насилию чудовищ во главе государств.

С другой стороны, и вторая попытка теократии естественного права была обречена на неудачу, как мы увидим позже, хотя бы потому что ни в Риме Антонинов, ни у Пап Католической Церкви еще не было полного реального знания этого Естествен-

ного Права — то есть закономерностей психической энергии человечества. Хотя с каждым шагом новой попытки такой теократии человечество приближалось к этому знанию. Каноническое право Папства в свое время сделало очень много для прогресса человечества уже тем, что служило их орудием в поддержке демократических тенденций, в становлении университетов и сохранении знаний античной цивилизации с одной стороны, а с другой стороны оружием в их борьбе против Императоров Зла Града Дьявола, то есть с теми государствами, которые стремились возродить Левиафаны садомазохизма, идолопоклонства насилию, — и победили в этой борьбе. Но в остальном каноническое право папства кануло в Лету истории будучи сильно оторвано от научного мышления и науки законов природы, а значит и от естественного права, которое единственно может и должна представлять Теократия законов божьих. Б. Рассел пишет в этой связи:

Б. Рассел, «История западной философии»:

«Иннокентий III был первым *великим* папой, в котором не было ни грана святости. Реформа церкви дала возможность иерархам чувствовать себя спокойно относительно ее нравственного престижа, и поэтому они решили, что им нечего больше утруждать себя святым образом жизни. Стремление к власти, начиная с Иннокентия III, все более и более подчиняло себе политику папства и даже в годы его понтификата вызвало оппозицию со стороны некоторых религиозных людей. С целью усиления власти курии Иннокентий III провел кодификацию канонического права; Вальтер фон дер Фогельвейде назвал этот кодекс „самой мерзкой книгой, которую когда-либо произвел на свет ад“. И хотя самые ошеломляющие победы папства были еще впереди, но уже в этот момент можно было предугадать характер его последующего упадка».

Исследователи сходятся во мнении, что падение Восточного Рима как очага цивилизации, и противоположная судьба Западного Рима, не только сохранившего цивилизацию, но ушедшего далеко вперед — что такая различная судьба Восточной и За-

падной империй тесно связаны с ролью церкви в них. Если Империя Константина Великого на востоке подчинила себе церковь и этим полностью упразднила ее влияние как идеала Града Божьего, как образца Теократии естественного права, то Западная Империя Католической церкви напротив четко отделила духовную власть церкви от светской власти государства, и смогла одержать решающую победу в этом бою. Именно в этом критическом различии между ролью церкви на востоке и на западе исследователи видят причины упадка Византии как культурного центра, и напротив большого прогресса запада, выросшего в мирового гегемона.

В этом смысле Византия остается Левиафаном, то есть государством физического контроля насилия и подчинения, государством магического сознания поклонения Идолам Силы, и Католическая церковь объявляет Византии войну, успешно обороняясь и отделяясь от нее. Позже, Папская церковь точно такую же войну объявит германским императорам: Генриху Четвертому, Фридриху Барбароссе, Фридриху Второму — и в каждом из этих страшных поединков выйдет победителем.

В то же самое время, будучи продолжателем традиций Рима Антонинов, Рима Добродетели, церковь найдет себе союзника в лице Пипина и его сына Карла Великого, большого поклонника «Града Божьего» Августина. Так возникнет великий союз, который будет означать «Перемирие» между градом земным Империи Каролингов и Градом Божьим Католической церкви. Карл Великий возродит Империю Антонинов, укрепляя католическую церковь, защищая ее от варваров и жадных византийских императоров; а Католическая церковь наделит его поддержкой своей глубокой и заслуженной духовной власти на народы средневековья, передавая наследие великой античной цивилизации в виде статуса Римского Императора тем, кто своим благочестием заслужил его.

А. Тойнби, «Постижение истории»:

> «Классическим случаем несчастий, порожденных идолизацией института, является увлечение православного христианства призраком

Римской империи — древнего института, уже исполнившего свою историческую роль к тому моменту, когда православное общество совершило свою ставшую роковой попытку возродить его.

Признаки надлома православной цивилизации обнаружились к концу X в. Наиболее явным признаком надвигающейся катастрофы явилась серия войн 976—1018 гг. Неудачи преследовали православие в течение трех столетий, сея хаос, какого не знали со времен постэллинистического междуцарствия. Однако этот период ничтожен по сравнению с историей западного христианства — сестринской по отношению к православию цивилизации, не знающей надлома даже сейчас, спустя тысячу лет, после того как православие вступило в полосу своего смутного времени.

Чем же объясняется это поразительное различие в судьбах двух обществ, начавших свое существование одновременно и при одинаковых обстоятельствах? ....Именно корпус хорошо обученных офицеров и иерархия образованных чиновников позволили призраку Римской империи в православном христианстве одержать самую замечательную и самую горькую победу над церковью, полностью подчинив ее государству. История отношений между церковью и государством указывает на самое большое и самое серьезное расхождение между католическим Западом и православным Востоком. И именно здесь кроется причина успешного продвижения Запада по пути роста и неуклонного сползания православного общества к краху.

Лев Исавриец и его преемники на престоле достигли цели, так и оставшейся недоступной ни Карлу Великому, ни Оттону I, ни Генриху III. Византийские императоры превратили церковь в государственное ведомство, а вселенского патриарха — в министра по церковным делам. Поставив церковь в такое положение, византийские императоры просто выполнили часть намеченной программы по восстановлению Римской империи. В западном христианстве эта дилемма была решена с помощью воссоздания в виде папской *Respublica Christiana* — системы подчинения множества местных государств единой вселенской церкви. В соответствующей главе православно-христианской истории не было аналогичного творческого акта, потому что в более ранней главе православное общество, успешно реставрировав Римскую империю, отказалось от самой возможности творчества в пользу более легкого пути идолизации института, извлеченного из прошлого. Эта естественная, хотя и сулившая катастрофу аберрация стала причиной преждевременного упадка православия.

В православном поклонении призраку Римской империи подчинение церкви государству было решающим актом. Это был акт созна-

> тельный и искренний. Однако подчинение церкви государству явилось только первым звеном в роковой цепи событий, приведших в итоге через два с половиной столетия к надлому православно-христианской цивилизации.
> Общий аспект — жесткий контроль и пресечение тенденций к разнообразию, гибкости, экспериментированию и творчеству. Ущерб, нанесенный православному обществу в этом отношении, можно оценить, лишь приблизительно сравнивая успехи Востока с достижениями Запада за соответствующий период исторического развития. В православии в период его роста мы не только не обнаруживаем гильдебрандова папства; нет здесь и самоуправляемых университетов, подобных университетам Болоньи и Парижа Не видим мы здесь и самоуправляемых городов-государств. как в Центральной и Северной Италии или во Фландрии. К тому же западный институт феодализма, независимый и находившийся в конфликте со средневековой западной церковью и средневековыми городами-государствами, если не полностью отсутствовал на Востоке, то наравне с церковью нещадно подавлялся. следствием чего стало его запоздалое самоутверждение силой, когда императорская власть ослабла. ....Эта трагическая история проливает свет не просто на кару Немезиды за поклонение эфемерному институту, а на нечто большее; она показывает извращенную и греховную природу самого идолопоклонства, которое есть замена целого частью и обожествление твари вместо Творца»

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «На Востоке через все отдельные царствования христианских императоров красной нитью проходит один неизменный принцип церковной политики, увековеченный императором Констанцием в классическом изречении: „Что я хочу, да будет вам канон“, — говорил он собору епископов в Милане. Отсюда стремление императора определять самое содержание христианского догмата. Он берет на себя обязанности духовной власти, диктуя своим подданным догматические формулы. На Востоке, где светская власть сравнительно сильна, это смешение ведет к преобладанию светской власти, которая узурпирует функции церкви. Совсем другое происходит на Западе. Здесь в течение всего IV и V-го веков вплоть до падения Западной империи мы видим, с одной стороны, постепенное умаление светской власти, а с другой — быстрый рост и усиление независимого епископата. Быстро развиваясь, духовная власть здесь господствует над мирской областью, подчиняя себе в конце концов и саму императорскую власть. В значитель-

> ной мере благодаря этому, здесь развивается самостоятельная, независимая духовная власть, какой нет на Востоке, где кесарь выступает как представитель христианского единства, господствуя над большинством епископата. Уходя из сферы влияния императоров, христианский Рим становится Римом папским. Он перестает быть светской столицей, чтобы утвердиться в своем значении города св. Петра и апостольского престола. Уже в конце четвертого века даже не папа, а миланский епископ Амвросий помыкает императорами. По мере того, как светская власть слабеет, впадая в старческое бессилие, духовная власть епископа становится на ее место, отправляя ее функции, и Августин жалуется на то, что, в качестве епископа, он до того завален светскими, гражданскими делами, что это мешает отправлению его пастырских обязанностей. Смешение церкви и государства, выразившееся на Востоке в мирском деспотизме, в господстве мирской власти над церковью, на Западе, напротив, ведет к тому, что государство постепенно уходит в церковь, а церковь постепенно облекается в государство. Возвышению епископов над государством способствует и та благородная роль, которую они играют во время варварских нашествий. В минуту, когда сил у государства не хватает, чтобы спасти своих подданных от ярости завоевателей, епископы выступают в роли защитников мирного населения; они берут на себя обязанности посредников между победителями и побежденными и делают то, что не под силу государству — спасают свою беззащитную паству, укрощая дикие разрушительные инстинкты варваров. Понятно, что христиане больше надеются на своих епископов, ждут от них своего спасения, а не от светской власти. Привыкшая к разносторонней практической деятельности, не только духовной, но и мирской, церковь мало-помалу проникается элементами античной культуры, насыщается государственными идеями древнего Рима; ее епископы являются представителями не только духовной власти, но и светских преданий, юридических и административных. Ее духовенство в управлении и господстве над людьми, и пастыри ее могли быть для варваров не только наставниками в вере, но и учителями права. На этой-то почве возрос и развился тот теократический идеал, который уже в начале V-го века нашел себе классическое выражение в творениях Бл. Августина»

В то же время как папы католической церкви боролись с варварами, и своей мудростью и своей искренней верой часто находили общий язык с ними, защищая население и цивилизацию Рима, обретая союзников в лице Каролингов и других варварских

королей, — в это же время их отношения с представителями власти византийский императоров (экзархов Равены) были абсолютно враждебными. Экзархи византийский императоров претендовали на Равену и на административную власть в Западном Риме, но ничего не умели сделать, и завидуя успеху у населения и варваров католической церкви откровенно ненавидели римских пап. Папы вынуждены были бороться не только с лангобардами и вандалами, но прежде всего с экзархами, от которых поначалу ожидали помощи. В этой войне против Града Дьявола, Византия подчинившая церковь власти государству, оказалась на стороне Града Дьявола.

Великие победы Града Божьего католической церкви, не склонившей голову ни перед каким государством и упорно продолжавшей настаивать на духовной власти Града Божьего состоят в том, что она одержала победу над всеми своими многочисленными врагами: варварами, византийским императором и его экзархами, и позже над германскими императорами, в чьем лице возродились Императоры Зла старой римской империи.

В то же время, заключив союз с Каролингами в 9 веке, католическая церковь успешно передала наследие римской империи Антонинов в руки благочестивого Града земного, искренне следовавшего за идеалом Града Божьего католической церкви. Гибель империи Каролингов в 10 веке еще на сто с лишним лет продлило испытательный срок смутных времен папству. Но и здесь жизнеспособность Христианской церкви, черпая силу в мощном монашеском народном движении, в клюнийской реформе, в аскетическом движении Италии, в энтузиазме свободных Ломбардских городов (порожденных в свое время церковными иммунитетами Каролингов) — папство, опираясь на христианскую демократию народных масс сумело вновь встать на ноги в 11 веке и во весь голос своей мощи духовного авторитета заявить о себе всему миру.

Е. Тарле, «История Италии в Средние века»:

> «Папа Григорий Великий желал заключить мир с лангобардами для блага Рима, и всего итальянского населения, а экзарх равенский,

представитель Византии был против этого. Кончилось оскорблениями и выговорами Григорию за то, что он мешается не в свое дело, — и помимо воли византийского правительства мирный договор Агилульфа и Григория был заключен, хотя по форме император и явился главным представителем Рима. Устроивши кое-как дела с лангобардами, Григорий принялся за организацию церковных земель, оставшихся в Италии и Сицилии за римской церковью. ...Мало того, не имея возможности прямо запретить экзарху равенскому и его чиновникамъ угнетать и грабить население въ техъ местахъ, который не попали въ руки лангобардовъ, Григоры съ ожесточетемъ нападаетъ на лицъ, виновныхъ въ этомъ...«Ваша злоба», говорить онъ, обращаясь къ византшскимъ чиновникамъ, «больше вреда приносить, чемъ мечи лангобардовъ». Вопиющия злоупотреблешя властей въ Сицилии, Сардинии и Корсике, а также на самомъ полуострове находили себе изобличителей въ епйскопахъ, рассеянныхъ по стране, а нравственнаго карателя — въ римскомъ первосвященнике.
...экзархи и папы въ течении всего VII века то глухо, то открыто не переставали враждовать между собою, такъ что дело доходило даже до вооруженныхъ столкновений между приверженцами обеих партий; папы арестовывались и отвозились иногда въ ссылку, а случалось, что экзархъ получалъ отпоръ со стороны римскаго населения. ...Экзархъ равеннский Павелъ, наемник императора, составили отряди и выслали его противъ папы. Тутъ-то и сказалась искусная политика папы Григория II по отношение къ Лиутпранду: лангобарды по собственной инициативе преградили путь войску экзарха и заставили его возвратиться въ Равенну. Были ли они враждебно настроены противъ императора, какъ еще недавние, но уже искрение католики, или, проще, они видели въ союзе съ папою и итальянцами средство захватить, наконецъ, въ свои руки Равенну, — неизвестно. Результата былъ вполне ясенъ: победа осталась на стороне папы. Левъ Третий Исавр, император Византии, рассвирепевъ подъ влиянемъ неудачи въ Италии, удесятерили преследоваше иконопочитания въ Византаи. Тогда папа объявили императора еретикомъ. Вся византийская Йталия единодушно стала на его сторону. Всюду низвергались поставленные экзархомъ местные правители- — дуки и избирались папские приверженцы. Въ Равенне иконопочитатели убили экзарха Павла, и на всеми полуострове власть Византаи рухнула. Лиутпрандъ двинулся къ Равенне и заняли ее, почти не встретивши сопротивления. Новый экзархъ неожиданно заключилъ союзъ съ Лиутирандомъ на такихъ основанияхъ: они вместе покорятъ герцоговъ Веневента и Сполето, которые перестали оказывать должное почтете своему королю, а за- темъ подступятъ подъ стены Рима. Пер-

> вая часть предприяпя была исполнена, и союзники обложили Римъ. Папа Григорий II решился на последнее средство: онъ явился, въ лагерь Лиутпранда съ просьбою не обижать престола св. Петра. Лиутпрандъ бросился на колени предъ папою и тутъ же примирился съ нимъ. Экзархъ и король въехали въ Римъ въ качестве почетныхъ гостей и вскоре оттуда удалились».

2. ПРОБУЖДЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ В МОНАСТЫРЯХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОТ АСКЕЗА ПЛАТОНА К ЭМПИРИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ АРИСТОТЕЛЯ

Мы видели, что все исследователи, — А. Тойнби, А. Герцен, Д. Мережковский, Чаадаев и др — сходятся на том, что Византия Константина, как восточный Рим, подчинивший себе церковь, тем самым обрубила в себе на корню жизненные силы, которые способствовали великому прогрессу Западного Рима Католической церкви. Исследователи по разному формулируют свое понимание упадка и гибели Византии — идолизация Левиафана (Тойнби), стоячее болото, в котором исчез античный мир (Герцен), Град Дьявола, поглотивший церковь (Мережковский) — но сущность понимания у всех одна. И сущность эту они видят в том, что без жизненной силы церкви как обособленного института духовной энергии разума, Восточный Рим превратился в обыкновенную восточную деспотию, в Левиафан садомазохизма, физического контроля насилия и подчинения. Церковь в таком Граде Божьем соответственно деградировала в жречество восточных деспотий, то есть в магическое сознание идолопоклонства. Действительно, мы не находим ничего общего между западным Римом и Восточным Римом, от которого папство себя всеми возможными силами сразу стало отделять, как мы видели.

Константин Великий христианином не был, и не строил христианской церкви. Его целью было воссоздание Римской империи, для чего он использовал христианство как средство и орудие, никогда не предполагая давать ему какой-то самостоятельной силы. И он воссоздал Рим, или то, что было худше-

го в Риме — Абсолютизм и Самообожествление Злых Римских Императоров. Христианство в таких условиях стало тем, чем его много позже нашел в Российской Империи Самодержавия и Православия Л. Толстой в «Исследовании догматического богословия». Он ужаснулся тому, что понял, что то истинное и святой что было в учении Христа было низведено императорской Византией, а потом и императорской Россией в магию первобытного поклонения Силе — в данном случае Человекобогам Императорам. Те же откровения относительно Православия Имперской России как наследницы Восточного Рима — Византии, сделают как известно Чаадаев, Герцен, Мережковский

Л. Толстой «Исследование догматического богословия»:

> «И, достигнув этого, я понял, и весь смысл учения и ужаснулся. Я понял, что всё это вероучение есть искусственный (посредством самых внешних неточных признаков) свод выражений верований самых различных людей, несообразных между собой и взаимно друг другу противоречащих. Я понял, что соединение это никому не может быть нужно, никто никогда не мог верить и не верил во всё это вероучение, и что потому для невозможного соединения этих различных вероучений в одно и проповедывания их как истину должна быть какая-нибудь внешняя цель. Я понял и эту цель. Я понял и отчего это учение там, где оно преподается, — в семинариях — производит наверно безбожников, понял и то странное чувство, которое я испытывал, читая эту книгу... Так что уже давно попы служат для себя, для слабоумных и плутов и для женщин. Надо думать, что скоро они будут поучать и пасти только друг друга. Это так, но все-таки что же значит, что есть люди умные, которые разделяют это заблуждение? Что значит эта церковь, заведшая их в такие непроходимые леса глупости? — Церковь — это, по их определениям, собрание верующих, попов, непогрешимое и святое... Из глубоких, искренних речей апостолов и отцов церкви, доказывающих непостижимость божию, выводится самым внешним образом словесная задача богословия — доказать, что бога нельзя постигать всего, но можно только отчасти. Но мало того, что рассуждение умышленно извращено, в этих страницах я в первый раз встретил прямое искажение не только смысла, но и слов священного писания». «Теперь же они, эти слова, — пишет он, — мне слишком, ужасно ясны. Вот она, та хула на святого духа, которая не простится ни в этом веке, ни в будущем. Хула эта — это ужасное учение церкви, основа которого есть учение о церкви».

Византия же была обречена на гибель, также впрочем как и Российская империя, ее наследница. Правительство Путина снимает научно-популярные фильмы, утверждая себя наследниками Византии и уверяя планету, что Российская империя возродится, поскольку Византия была величайшим государством. Что сказать о людях, которые не читают то великое, что действительно есть в России: Откровение Русской Классической Литературы? Герцена, Толстого, Кропоткина, Гоголя, Мережковского, Чехова, Достоевского, Чернышевского, Чаадаева? Глядишь, и поняли бы чем на самом деле были Византийская Империя и Российская Империя, и чем было православие, как культ идолопоклонства самодержавию? Букхард в «Веке Константина» пишет о позитивной роли, которую сыграла церковь Византи: сплочение византийского народа, что способствовало сдерживанию натиска варваров на западную империю.

А. Тойнби, «Цивилизация перед судом истории»:

> «Средневековое византийское тоталитарное государство, вызванное к жизни успешным воскрешением Римской империи в Константинополе, оказало разрушительное действие на византийскую цивилизацию. Оно было злым духом, который затмил, сокрушил и остановил развитие общества, вызвавшего этого демона. Богатейший потенциал византийской цивилизации, попавший в оковы тоталитарного государства, прорывается вспышками самобытности в регионах, лежащих за пределами действенной власти Восточной Римской империи. ...В этой долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли погибель средневековой Византии. Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жестокой концентрации политической власти, они разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. И вот с тех давних пор, с начала XIV века, доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм. Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями. Такое смиренное отношениек самовластному режиму, ставшее традиционным в Рос-

> сии, является, с нашей, западной, точки зрения, одной из главных трудностей в сегодняшних отношениях между Россией и Западом. Огромное большинство людей на Западе считают, что тирания — это невыносимое социальное зло. Ценой страшных усилий мы задавили тиранию, когда она подняла голову среди нас в виде фашизма и национал- социализма. Мы чувствуем такое же отвращение к ней в ее российской форме, будь она названа царизмом или коммунизмом».

Я. Букхард, «Век КОнтантина Великого»:

> «Зрелище того, как Церковь, едва спасшуюся от гонений, особенно на востоке империи, раздирает жесточайшая борьба, вызванная спорами о взаимосвязях трех лиц Троицы, — пожалуй, самое неприятное во всей мировой истории. Восточная косность и греческая софистика, равно представленные на епископских престолах, истерзали сами себя и букву Писания, пытаясь измыслить символы, которые сделали бы непостижимое постижимым и помогли бы обосновать высказанные идеи. Начавшись с homoousios и homoiousios (что означает „единосущный“ и „подобный“), борьба эта продолжалась несколько сот лет, пройдя через разные ступени развития, и Восточная Церковь распалась на множество ответвлений, одно из которых приняло форму Греческой Православной Церкви и стало поддержкой и опорой Византийской империи. В скрытом виде в данном конфликте столкнулось множество сугубо мирских интересов разных людей, для которых сама суть вопроса была всего лишь лицемерным предлогом. Церковь в этом споре утратила свое внутреннее содержание; находясь в нравственном упадке, она совершенно утратила влияние на верующих; ортодоксальные догмы иссушили духовного человека. Однако все эти события, хотя сами по себе они вызывают крайне неприятные чувства, сыграли огромную роль в мировой истории. Церковь со своими ответвлениями, костенеющая, отрицающая любое развитие, полторы тысячи лет объединяла народы, противостоявшие натиску чужеземных варваров, она даже вытесняла понятие нации, ибо была могущественнее, чем государство или культура, и потому позволила выжить им обоим. В ней одной сохранился византийский дух, не вовсе лишенный будущего, ибо душа Византии — это ортодоксия».

Совсем иначе дело обстояло в Западном Риме, где Католическая Церковь не только сохранила Учение Христа как Откровение истины о духовной энергии, но и сумело воплотить это

учение в жизнь, создав жизнеспособный, настоящий духовной союз поля интеллекта. Католическая церковь как духовный союз поля интеллекта, как единство совести, сочувствия и справедливости, как искренность и честность в отношениях собратьев утвердила себя как сообщество твердо и упорно противопоставленное отношениям насилия и подчинения Государства — будь то деспотия Византийской империи или феодализм западного варварства. И именно этот источник активной энергии духа, как мы увидим, и стал тем двигателем прогресса, который в конечном итоге привел запад в мир Научно-технической Революции и правовых государств.

Да, нам известно, что несмотря даже на синтез иудаизма с греческой метафизикой интеллекта, непосредственно о науке и интеллекте в первые века христианства говорилось немного. Однако, уже Филон, современник Христа, Ориген, Климент Александрийский, а за ним Павел и Августин — первые «святые интеллигенты», как называет их Д. Мережковский. Тем не менее, первая высокая активность Духа, возбужденного или пробужденного (как говорил Будда) христианством, проявилась не в положительных признаках духовной энергии (то есть в научном контроле), а в негативных признаках — то есть в отказе от материальной энергии, чтобы сосредоточится на духовной энергии. Всем известно, что раннее христианство — это христианство аскезы и монашеского движения, из за чего было выдвинуто много претензий к христианству. Христиан обвиняли в ненависти к миру и ненависти к самой жизни, их обвиняли в ненависти к своему телу и в отказе от каких либо контактов с окружающим миром. Ницше особенно прославился этими обвинениями против движения монашества. А Мережковский в своих поисках синтеза культуры античности и христианской теологии задается вопросом: как соединить тело и душу, разлученные христианством.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Так как совершенство считалось возможным лишь вне обычных условий общества, а истинная евангельская жизнь мыслима лишь

вне мира, то возникает принцип аскезы и монашества. У христианских обществ два нравственных устава: один, посредственно героический, — для обыкновенных людей, другой, экзальтированный до крайности, — для совершенного человека; и совершенным человеком станет монах, подчиненный правилам, имеющим притязание осуществить евангельский идеал.»

Э. Гиббон, «Падение Римской Империи»:

«Среди благоденствия и внутреннего спокойствия возникло различие между обыкновенными христианами и христианами-отшельниками. Неточное и неполное исполнение требований религии удовлетворяло совесть большинства. Монарх и чиновник, воин и купец согласовали свое религиозное рвение и свою слепую веру с требованиями своей профессии, с погоней за своими личными выгодами и с удовлетворением своих страстей; но аскеты, руководствовавшиеся и злоупотреблявшие суровыми евангельскими правилами, вдохновлялись тем диким энтузиазмом, который выдает людей за преступников, а Бога за тирана. Они совершенно отказывались от деловых занятий и светских удовольствий, не употребляли ни вина, ни мяса, не вступали в браки, мучили свое тело, заглушали всякое чувство привязанности к другим людям и обрекали себя на нищенское существование в надежде, что купят этой ценой вечное блаженство. В царствование Константина аскеты, чтобы не иметь никакого дела с этим миром, полным нечестия и разврата, или жили в постоянном одиночестве, или вступали в религиозные общества. Подобно первым иерусалимским христианам, они отказывались от пользования или от обладания своими мирскими богатствами, основывали правильно организованные общины из лиц одного пола и одинаковых наклонностей и принимали названия пустынников, монахов и отшельников, обозначавшие их удаление в естественную или искусственно созданную пустыню. Они скоро снискали уважение того мира, который презирали, и самые горячие похвалы стали сыпаться на эту божественную философию, превзошедшую без помощи учености и разума все добытые с таким трудом правила нравственности, которым поучали в греческих школах. Действительно, монахи могли бы состязаться со стоиками в презрении к богатствам, к физическим страданиям и смерти; молчаливая покорность пифагорейцев снова ожила в правилах их рабской дисциплины, и они так же решительно, как циники, пренебрегали общественными обычаями и приличиями. Но приверженцы этой божественной философии старались подражать более чистому и более совершенному образцу. Они шли по стопам пророков, удалявшихся в пустыню, и стали жить такой же

> благочестивой и созерцательной жизнью, какой жили эссениане в Палестине и в Египте».

Честертон в «Вечном человеке» убедительно доказал, что обвинения эти в ненависти к миру и телу с точки зрения христианской теологии необоснованны, так как напротив и мир и тело как творения божьи под защитой христианского бога. Однако, он же в Фоме Аквинате вынужден признать, что первый ранний период платонизма в христианстве был немного слишком «духовным», из за платоновской доктрины о четком разделении мира идей и материального мира вещей, между которыми нет ничего общего. Обращение Аквината к Аристотелю, доказывает Честертон, исправило этот перегиб в сторону разделения духа и тела.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «На протяжении XIII столетия Запад приобрел довольно полное знание Аристотеля, который под влиянием Альберта Великого и Фомы Аквинского был утвержден в умах ученых в качестве высшего авторитета после Священного писания и церкви. Это положение среди христианских философов Аристотель сохранил вплоть до сегодняшнего дня. Но я не могу не думать, что замена Платона и св. Августина Аристотелем была ошибкой с христианской точки зрения. Платон являлся по темпераменту более религиозным человеком, чем Аристотель, а христианская теология почти с момента своего возникновения была приспособлена к платонизму. Платон учил, что знание есть не ощущение, а своего рода вспоминающее видение; Аристотель был в гораздо большей мере эмпириком. Св. Фома, хотя это совершенно не входило в его намерения, расчистил дорогу для возвращения от платоновской фантастики к научному наблюдению».

Нам остается только подтвердить правоту слов Г.К, Честертона и в «Вечном человеке» и в «Фоме Аквинском». Христианство в свою младенческую пору начинало с максимально полного отказа от мира в аскезе и в монашеской келье просто потому, что не сразу обнаружило позитивные свойства духовной энергии, которое есть научный контроль, мышление, открытие законов природы. К научному контролю в самом деле большой шаг делает черное духовенство, монастыри —

Клюни, Монтекассино, Клерво и др знаменитые своими знаниями и библиотеками монастыри средневековья, а также нищенствующие ордена францисканцев и доминиканцев. Из черного духовенства вышли и Фома Аквинский и Роджер Бэкон и схоластика, как первые попытки того, что сегодня называется «христианской наукой» и «историческим Иисусом» — изложение христианской теологии научным языком, доступным для своего времени. Бертран Рассел отмечает, что хотя научные занятия часто не входили в планы учредителей орденов, в конечном итоге, истинное христианское сообщество медитации и аскезы всегда показывало выдающиеся результаты именно в научной активности. Почему так? Потому что духовная энергия происходит из поля интеллекта, и даже если она начинает себя осознавать и отличать от материальных энергий сначала только в аскезе и отказе от мира, в конечном итоге концентрация духа всегда сказывается в интеллектуальном голоде и в научной активности.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Доминиканцы сослужили, однако, полезную службу человечеству своею преданностью знаниям. Это нисколько не входило в намерения самого св. Доминика; он предписал, что братья его ордена „не должны изучать светские науки или свободные искусства, кроме как с особого освобождения от обета". В 1259 году это уставное предписание было отменено, и начиная с этого времени было сделано все, чтобы облегчить доминиканцам ученый образ жизни. Ручной труд совершенно не входил в их обязанности, а часы религиозных служб были сокращены, чтобы увеличить время на занятия. Доминиканцы посвятили себя тому, чтобы примирить Аристотеля с Христом; Альберт Великий и Фома Аквинский (оба они принадлежали к доминиканскому ордену) выполнили эту задачу столь успешно, как это только было возможно сделать. Авторитет Фомы Аквинского настолько подавил всех, что достижения последующих доминиканцев в области философии оказались весьма скромными; несмотря на то что Франциск питал к знанию еще большую антипатию, чем даже Доминик, величайшие имена следующего периода принадлежат францисканцам: Роджер Бэкон, Дунс Скот и Уильям Оккам, св. Бонавентура, Матвей Акваспарта — все были францисканцами»

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «То немногое, что уцелело от культуры древнего Рима в обстановке всеобщего упадка цивилизации, наступившего во время нескончаемых войн VI и последующих столетий, было сохранено в первую очередь церковью. Но роль эту церковь выполняла весьма несовершенно, ибо даже крупнейшие церковники того времени находились во власти фанатизма и суеверия, и светское знание пользовалось дурной славой. Тем не менее церковные учреждения образовали прочный остов, в рамках которого в более поздний период стало возможным возрождение знания и цивилизованных искусств. Для того периода, который мы рассматриваем в настоящей главе, особого внимания заслуживают три направления деятельности церкви: во-первых, монашеское движение; во-вторых, рост влияния папства, особенно в правление Григория Великого; и, в-третьих, обращение варваров из язычества в христианство при помощи миссий».

Д. Норвич, «История Папства»:

> «Существовал лишь один выдающийся кандидат — аббат Монтекассино Дезидерий, руководивший этим большим монастырем последние двадцать семь лет, которые стали золотым веком обители. Он значительно расширил ее владения и увеличил библиотеку, превратив аббатство в центр образования, литературы и искусства».
> Я, Букхард, «Век Константина Великого»:
> «какие силы вели этих выдающихся личностей в пустыню. Не говоря о том, что приобретал или терял аскет в Фиваиде или в холмах у города Газы, все это имело огромное значение для истории, о котором не должен забывать исследователь. Именно такие отшельники сообщили монашеству последующих столетий благородно-целомудренное отношение к жизни или по крайней мере стремление к этому идеалу; без него Церковь, средоточие всех духовных интересов, постигло бы полное обмирщение, и она оказалась бы во власти грубой материальной силы. Наша эпоха, упиваясь свободной работой мысли, обмениваясь плодами интеллектуальных усилий, слишком быстро забыла, что всем этим она обязана тому ореолу сверхъестественного, которым средневековая Церковь наделила науку».

Э. Гиббон, «Падение Римской Империи»:

> «Христианство, растворив перед варварами врата небесные, вместе с тем произвело важную перемену в нравственных и политических

условиях их существования. Они приобрели вместе с христианством знакомство с письменностью, столь необходимой для изучения религии, догматы которой содержатся в священных книгах, а в то время как они знакомились с божественными истинами, их ум незаметным образом расширялся, знакомясь с историей, с природой, с искусствами и с обществом. Способствовавший их обращению в христианство перевод Св. Писания на их родной язык должен был возбуждать в их духовенстве желание прочесть оригинальный текст, понять содержание литургии и проследить в писаниях отцов церкви связь церковных традиций. Эти духовные сокровища хранились в греческом и латинском изложении, то есть на тех самых языках, знание которых могло познакомить с неоцененными памятниками древней учености. Бессмертные произведения Вергилия, Цицерона и Ливия, сделавшись доступными для перешедших в христианство варваров, установили умственную связь между поколениями, жившими в промежуток времени от царствования Августа до времен Хлодвига и Карла Великого. Воспоминания о более совершенном состоянии общества поощряли к соревнованию, и священный огонь знания незаметным образом поддерживался для того, чтобы согреть и осветить западный мир в его зрелом возрасте. Как бы ни был извращен настоящий дух христианства, варвары могли научиться справедливости из законов и человеколюбию из Евангелия»

Э. Гиббон, «Падение Римской Империи»:

«Люди, желавшие жить по евангельскому образцу нищеты, отвергали при самом вступлении в общину понятие и даже название всякой отдельной или исключительной собственности. Монахи жили трудом своих рук; на них возлагали обязанность работать, потому что считали труд за исполнение епитимьи, за полезное физическое упражнение и вместе с тем за самый похвальный способ добывать свое ежедневное пропитание. Их руками тщательно возделывались сады и поля, расчищенные ими из-под лесов и болот. Они без отвращения исполняли низкие обязанности рабов и слуг, а в больших монастырях занимались различными ремеслами, необходимыми для снабжения их одеждой и домашней утварью и для устройства их жилищ. Ученые занятия монахов большей частью клонились к тому, чтобы сгущать мрак суеверия, а не к тому, чтобы его разгонять. Тем не менее некоторые из образованных жителей пустыни изучали из любознательности не только церковные науки, но даже светские, и потомство должно с признательностью сознаться, что благодаря их неутомимому трудолюбию многие из памятников гре-

> ческой и римской литературы дошли до нас в многочисленных копиях».

Мы видим, что все исследователи согласны с тем фактом, что в начале своего пути христианство, особенно черное духовенство монастырей и нищенствующих орденов, ставило только негативную задачу отречения от мира и материальных энергий (плоти и поля Эгосистемы) с тем, чтобы добиться максимальной концентрации духовной энергии в молитве (это роднит христианство с буддизмом). Те же исследователи подтверждают, что с течением времени эта концентрация духа принесла свои плоды и духовная энергия монашества была направлена на усиленные интеллектуальные занятия, из которых родились сначала Клюнийская Реформа церкви и Папская Революция; потом схоластика, и в частности схоластика Фомы Аквината, томизм, который стал выходом на настоящее научное эмпирическое мышление; Реформация Виклифа, Гуса и Лютера, и наконец привели к Научно-технической Революции, к открытию множества природных энергий, — к истинному знанию и истинному научному контролю.

Правда, что и здесь перегнули в другую сторону от Платона и ушли в материализм и эмпиризм, что ознаменовало Крушение Рационализма 19 века и потерю научного контроля в лженауке дарвинизма, в шизоидной мысли оторванных от действительности, отрицающих одна другую абстракций. Тем не менее, и настоящая наука сделал гигантские шаги в направлении прогресса: так мы видим открытие множества природных энергий (гравитация, биохимия, электромагнетизм, радиоактивность). Без этого шага не было и следующего шага на пути к научному контролю: Открытия психической энергии и Научной Революции Энергетика.

3. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО (ЭТИКА, СОВЕСТЬ) ЦЕРКВИ ПРОТИВ ПРАВА СИЛЫ И НОРМАТИВНОГО ПРАВА ГОСУДАРСТВА

Прежде чем начать рассуждать о противостоянии церкви как духовного союза — государству как системе физического контроля, приведем свидетельства историков о том, что раннее христианство в самом деле поразило людей самой искренней чистотой своих нравов, явив добродетель совести и сочувствия посреди вопиющего варварства бесконечных войн и разврата распадавшегося языческого мира.

Э. Гиббон, «Падение Римской Империи»:

> «Беспристрастное, но вместе с тем и рациональное исследование успехов и утверждения христианства можно считать весьма существенной частью истории Римской империи. В то время как явное насилие раздирало это громадное политическое тело, а тайные причины упадка подтачивали его силы, чистая и смиренная религия тихо закралась в человеческую душу, выросла в тишине и неизвестности, почерпнула свежие силы из встреченного ею сопротивления и наконец водрузила победоносное знамение креста на развалинах Капитолия. Ее влияние не ограничилось ни продолжительностью существования, ни пределами Римской империи. После стольких переворотов, совершавшихся в течение тринадцати или четырнадцати столетий, эту религию все еще исповедуют те европейские нации, которые как в искусствах и науках, так и в военном деле опередили все другие народы земного шара.
> первобытный христианин доказывал истину своей веры своими добродетелями, и многие не без основания полагали, что божественное учение, просвещавшее или подчинявшее себе разум, вместе с тем очищало сердца верующих и руководило их действиями. И первые поборники христианства, свидетельствовавшие о душевной чистоте своих собратьев, и позднейшие писатели, прославлявшие святость своих предков, описывают самыми яркими красками улучшение нравов, происшедшее в мире благодаря проповедованию Евангелия. Приверженцы христианства могут не краснея сознаться, что многие из самых знаменитых святых были до своего крещения самыми отъявленными грешниками. Кто ведет жизнь сколько-нибудь согласную с правилами милосердия и честности, тот извлекает из убеждения в своей правоте такое чувство спокойного самодовольства, что становится нелегко доступным для тех внезапных эмоций стыда, скор-

би и ужаса, которые были причиной стольких удивительных обращений в христианство.

Нравственность отцов церкви.

Нравственности первых христиан делает большую честь тот факт, что даже их ошибки или, правильнее сказать, их заблуждения происходили от излишка добродетели. Епископы и ученые-богословы, которые свидетельствуют нам о том, каковы были верования, принципы и даже житейские правила их современников, и которые могли влиять на них своим авторитетом, изучали Св. Писание не столько со знанием дела, сколько с благочестием и нередко принимали в самом буквальном смысле те суровые правила Христа и апостолов, к которым благоразумие позднейших комментаторов применяло более свободный и более иносказательный способ объяснений. Стараясь превознести совершенства Евангелия над мудростью философии, ревностные отцы церкви довели обязанности умерщвления своей плоти, нравственной чистоты и терпения до такой высокой степени, которой едва ли можно достигнуть и которую еще труднее сохранить при нашей теперешней слабости и развращенности. Такая необыкновенная и возвышенная доктрина неизбежно должна была внушать народу уважение

Целомудренная строгость отцов церкви в том, что касалось взаимных отношений между лицами обоего пола, истекала из того же принципа — из их отвращения ко всем наслаждениям, которые, удовлетворяя чувственные влечения людей, унижают их духовную природу. Так как чувственные влечения считались преступными, а брак допускался лишь ради человеческой немощи, то отцы церкви поступали согласно с этими принципами, считая безбрачное состояние за самое близкое к божескому совершенству. Древний Рим с трудом поддерживал учреждение шести весталок, а первобытная церковь была наполнена множеством лиц обоего пола, обрекших себя на вечное целомудрие. Немногие из числа этих последних, и между прочими ученый Ориген, нашли более благоразумным обезоружить искусителя. Утрата чувственных наслаждений возмещалась и вознаграждалась сознанием своего духовного превосходства. Даже язычники были склонны оценить достоинства самопожертвования сообразно с его бросающимися в глаза трудностями, а отцы церкви изливали бурные потоки своего красноречия для прославления этих целомудренных невест Христовых. Таковы были первые зачатки тех монашеских принципов и учреждений, которые в следующие века перевесили все мирские достоинства христианства.

Но пока денежные взносы христиан были добровольными, злоупотребление их доверием не могло часто повторяться, и вообще, то

> употребление, которое делалось из их щедрых пожертвований, делало честь обществу. Приличная часть откладывалась на содержание епископа и его духовенства; значительная сумма назначалась на расходы публичного богослужения, очень приятную часть которого составляли братские трапезы, называвшиеся азорас. Все остальное было священной собственностью бедных. По благоусмотрению епископа она расходовалась на содержание вдов и сирот, увечных, больных и престарелых членов общества, на помощь чужестранцам и странникам и на облегчение страданий заключенных и пленников особенно в тех случаях, когда причиной их страданий была их твердая преданность делу религии. Великодушный обмен подаяний соединял самые отдаленные одну от другой провинции, а с самыми мелкими конгрегациями охотно делились собранными пожертвованиями их более богатые собратья. Это учреждение, обращавшее внимание не столько на достоинства нуждающихся, сколько на их бедственное положение, весьма существенно содействовало распространению христианства. Те из язычников, которые были доступны чувствам человеколюбия, хотя и осмеивали учение новой секты, не могли не признавать ее благотворительности. Перспектива немедленной материальной помощи и покровительства в будущем привлекала в ее гостеприимное лоно многих из тех несчастных существ, которые вследствие общего к ним равнодушия сделались бы жертвами нужды, болезни и старости».

Духовный союз поля интеллекта как союз Совести, Сочувствия, Справедливости (законов природы духовной энергии) в лице Католической церкви с самого начала ее существования противополагал себя Государству как «политике» Нормативного права и физическому контролю насилия. Единство в братстве Совести и Сочувствия — вот тот общественный базис, на котором возникает сообщество христиан, и который это сообщество жестко противопоставляет политическим государственным союзам людей. Нравственность, мораль, этика, выраженные в Совести, Сочувствии, Справедливости становятся тем Естественным Правом (законами природы=законами божьими в основе духовной энергии), на котором возрастает Теократия Католической церкви раннего христианства. И именно как духовный союз поля интеллекта, единого в совести и истине эта христианская республика противополагает

себя политическим союзам основанным на физическим контроле насилия.

Б. Рассел, История западной философии»:

> «Католическая философия по своей сущности является философией института католической церкви; философия же нового времени, даже в тех своих разветвлениях, которые далеки от ортодоксальности, имеет дело в основном (особенно в этике и политической теории) с проблемами, ведущими свое происхождение от христианских взглядов на нравственные законы и от католических доктрин по вопросу о взаимоотношениях церкви и государства. Греко-римское язычество не знало того двойного долга, которым христиане с самого начала были обязаны Богу и Кесарю, или, выражая ту же мысль языком политики, церкви и государству.
> Деятельность многих поколений епископов, высшей точкой которой была деятельность св. Амвросия, заложила основу для политической философии св. Августина. Моральная реформа церкви, осуществленная в XI веке и явившаяся непосредственным прологом схоластической философии, была реакцией против растущего поглощения церкви феодальной системой. ...1000 год удобно принять как веху, знаменующую завершение процесса упадка цивилизации Западной Европы, которая достигла к этому времени самой низшей точки. С этого момента началось движение по восходящей линии, которое продолжалось вплоть до 1914 года. На первых порах прогресс был обязан главным образом реформаторскому движению, исходившему от монастырей. Что же касается духовенства, стоявшего вне монашеских орденов, то оно в большинстве своем одичало, обмирщилось и вело безнравственный образ жизни; оно было развращено богатством и властью, которыми было обязано пожертвованиям верной паствы. Тому же процессу непрестанно подвергались даже и монашеские ордена; но реформаторы с новым рвением возрождали их моральную силу, как только она приходила в упадок.
> ...В XI столетии прогресс был непрерывным и многогранным. Он начался с монастырской реформы, затем захватил папство и аппарат церковного управления, а к концу столетия привел к появлению первых схоластических философов.... Движение за реформу на своих ранних стадиях было вызвано к жизни в умах его вдохновителей исключительно нравственными побуждениями. Все духовенство — как белое, так и черное — погрязло в грехах, и ревнители благочестия задались целью привести его образ жизни в большее соответствие с принципами церкви. Однако за этим чисто нравственным побуждением скрывалось и другое, на первых порах, возможно,

> неосознанное, но постепенно становившееся все более и более явным. Побуждение это заключалось в стремлении довести до конца отделение духовенства от мирян и этим умножить власть духовенства. Поэтому было вполне естественно, что непосредственным результатом победы движения за реформу в церкви должен был явиться ожесточенный конфликт между императором и папой».

Четыре Отца Церкви — епископ Амвросий Миланский, епископ Августин Гиппонский, папа Григорий Великий и монах св. Иероним — заложили основы католической церкви в теории и напрактике, сразу поразив мир силой благодати христианского епископата Амвросия, Августина и Григория. В дальнейшем эта сила и мощь духовной энергии христианской церкви проявит себя в Папской Революции 11 века, когда папы сломят материальную энергию физического контроля немецких императоров и окончательно утвердят независимость Града Божьего как Теократии Естественного Права во всем западном мире. Гиббон и др исследователи склонны сразу относить эту мощь духовной власти папства католической церкви к скрытому проявлению таких нехристианских качеств характера как тщеславие и амбиции самоутверждения, страсть к политическим интригам. Ничего не может быть дальше от истины. Правда, что постепенно христианская теология будет выхолощена на западе в магическое сознание также как она была выхолощена на востоке, в православии Византии. Правда, что к тому времени и папство потеряет свою духовную власть и превратится в заурядный Левиафан физического контроля насилия, а понтифики — в языческих Человекобогов. И тогда действительно, их мотивацией станет мотивация заурядного тщеславия, заурядная эгозащита, утверждение своего личного превосходства и права сильного физического контроля. Потому папство и потеряет и моральный престиж и вместе с ним и духовную власть, превратившись в итальянских государей.

Неправда что так было с самого начала. Изумительными успехами своими папство обязано истинному, заслуженному моральному престижу, поскольку церковь ранних христиан

на самом деле сумела показать миру уникальный феномен соединения духовной энергии людей в единое поле интеллекта и совести. Такой феномен уникален для тех времен, и все еще недостижим для наших времен, несмотря на успехи науки и научного мышления, потому что в основе него очищение поля интеллекта от энергии-паразита поля Эгосистемы. Сегодня уже много природных энергий открыто, но люди все еще мало готовы принять информацию о своей психике как о природной энергии. Тогда именно откровение Христа, его проповедь содействовала тому чуду, что без знаний о закономерностях психики, в поэтической форме рассказав людям о том что «дух животворит, а плоть не пользует нимало», и наказав тем самым беречь энергию духа если надо и за счет полного отказа от материальных энергий, -эта проповедь так пробудила дух человечества, что стал возможен этот уникальный феномен — единства людей с разных уголков планеты, разных наций и государств в единое поле Совести и Сочувствия духовной энергии. Этого не могли понять «Идолопоклонники» поля Эгосистемы, для которых физических контроль насилия и подчинения, голод тщеславия в погоне за вершинами социальной лестницы означал весь смысл жизни.

Э. Гиббон, «Падение Римской империи»:

> «Идолопоклонники, ценившие лишь мирские блага, отвергали неоценимый дар жизни и бессмертия, который был предложен человеческому роду Иисусом из Назарета. Его кроткая твердость среди жестоких и добровольных страданий, его всеобъемлющее милосердие и возвышенная простота его действий и характера были в глазах этих чувственных людей неудовлетворительным вознаграждением за недостаток славы, могущества и успеха; а поскольку они не хотели признавать его изумительного торжества над силами мрака и могилы, они вместе с тем выставляли в ложном свете или с насмешкой двусмысленное рождение, странническую жизнь и позорную смерть основателя христианства».

Однако, это вовсе не значит, что духовная энергия — это энергия слабаков, как любил говорить Ницше, и как с тех пор весь мир повторяет его глупости за ним. Совершенно напротив,

если есть какая-нибудь сила на земле — то это сила духовной энергии, хотя проявляется она совершенно иначе нежели сила материальной энергии. Закон сохранения силы психики — главный закон психической энергии. Для материальной энергии поля Эгосистемы он имеет вид физического контроля, то есть отношений насилия и подчинения. Для духовной энергии поля интеллекта он имеет вид научного контроля, то есть открытия законов природы и получения доступа к силе природных энергий. Понятно, что вся сила НТР, которая преобразила облик планеты есть сила научного контроля духовной энергии человечества. И что эту силу нельзя сравнить с животной силой насильников материальной энергии. Тот факт, что сегодня эта огромная энергия оказалась в руках поля Эгосистемы материальной энергии (правительства вместе с их техникой представляют в основном порочные и недалекие люди) — это случайности переходного периода. Сегодня люди науки подчиняются невеждам в правительствах, поэтому в итоге техника служит тем, кто командует, а не тем кто умеет управлять техникой (людям с научным мышлением). Это положение вещей изменится с Открытие Психической энергии, когда честные люди поля интеллекта и совести научатся защищать себя от порочных людей тщеславия. О том же пишут исследователи, А. Тойнюи и Б. Рассел в «Влияние науки на общество»: что техника сегодня в руках порочных вещей, «динозавров силы», и что такое положение вещей обязательно изменится.

Не только научный контроль составляет основу силы духовной энергии, но прежде всего уникальность этой энергии, которая происходит из Активного Интеллекта, Мышления, наличного только у человечества. Устойчивое равновесие и способность к росту, что проявляется в особом качестве эмоций, не имеющих ничего общего с эмоциями поля Эгосистемы материальной энергии, где смешаны негативные и позитивные эмоции, где позитивных эмоций мало до нищеты, где царит неистребимая мотивация страха (психический голод). Все это делает носителей материальной энергии трусами и слабаками, в то время как ду-

ховная энергия проявляется в Храбрости, Отваге, Свободе, Красоте, Благородстве, Великодушии, Щедрости, Силе Воли, Работоспособности, Юморе, Восхищении, Уважении, искренности и Честности, Творчестве, мотивации удовольствия работы вместо мотивации дефицита и боли в отношении друг к другу. Вот почему Маслоу подчеркивает что его здоровые люди (самоактуалы) — это прежде всего настоящие Личности с сильной Волей, независимостью мнения, научным (философским мышлением) и философским чувством юмора. Мы видим, что уже у одной личности мощный поток позитивных эмоций, незамутненных страхом и не смешанных с негативными как у притяжений Самолюбия и Влюбленности поля Эгосистемы, которые замешаны на страхе (Фрейд называл их амбивалетными эмоциями). Но есть и другое свойство духовной энергии, которого напрочь лишена материальная энергия, что делает духовную энергию в самом деле всесильной. Это способность духовной энергии соединятся в единый нерасторжимый духовный союз — церкви дружбы. В чем энергетическое существо этих союзов? ФРомм описал их как «братскую любовь» и противопоставил «садомазохизму» и «идолопоклоннической любви». На языке энергетики это единение силового поля энергии людей в общее Я, то есть в общий объект контроля закона сохранения силы психики. Именно в результате этого единения возникает поле Совести, Сочувствия и Справедливости, которое означает, что человеку также трудна боль любого члена союза как его собственная боль: возлюби ближнего своего как самого себя. В отличии от этого единства поля совести духовной энергии, поле Эгосистемы в его циклических союзах Насилия и Подчинения (Самолюбия и Влюбленности) — есть картина разделения духовной энергии притяжениями материальной энергии: между настоящим Я людей, которое остается разобщенным возникают автоматизмы Самолюбия-Влюбленности (циклического гомеостаза) чужой материальной энергии. И человек ощущает это как расстройство воли, как навязчивые желания, как маску лицемерия и задавленность бессознательными автоматизмами. До сих пор

именно это последнее есть к сожалению отношения и самовосприятие людей, а единство духовного союза совести и справедливости остается недостижимой мечтой. Ранняя христианская церковь сумела реализовать этот уникальный феномен и явить миру Мощь Духовного Союза человечества. В этом его историческая роль и его слава. И вот почему Папы, которые опирались не на разрозненных индивидов, а на единое сообщество духовного союза Совести, Сочувствия и Справедливости явили миру и настоящую демократию, плоды которой мы пожинаем до сих пор, и настоящую силу воли и духовную мощь. И эта сила духа, которую еще позволительно назвать честолюбием в лучшем смысле, не имеет ничего общего с «силой» насильников у власти вроде «Государей» Макиавелли, а прямо противоположна им: это сила воли направленная на благо всей общины и готовая всегда к самопожертвованию у каждого члена общины. В этом ее и сила, в единстве. В то же время то что называют силой у «политиков» на самом деле есть их слабость как мы это видим в образе государей Макиавелли: обманщиков, подлецов и предателей, что и говорит о том, что люди остаются глубоко разобщенными и не только «с силой» не утверждают своей жизни, но мертвы под автоматизмами чужой мертвой энергии.

О пробуждении Духовной энергии свидетельствует движение монашества первых веков христианства. И хотя первые монахи — отшельники и одиночки, также как они часто невежды (хотя далеко не всегда), это пробуждение духовной энергии, выразившееся в чувстве личного счастья несмотря на все физические страдания, вскоре приведет и к активной мыслительной деятельности, и к рождению самых чистых нравственных «братств» наподобие «братцев» францисканцев.

Д. Норвич, «История Папства»:

> «Поначалу Григорий предпочитал светскую карьеру церковному поприщу — к 573 году, когда ему было всего немногим более тридцати, он уже вырос до префекта города Рима, но в тот год умер его отец, и жизнь Григория приняла новое направление. Сложив с себя все гражданские обязанности, он превратил фамильный дворец на хол-

ме Целий в бенедиктинский монастырь (а также основал еще шесть в своих фамильных поместьях на Сицилии) и сам поступил в него в качестве простого монаха.

Монашество было чем-то новым для Италии. На Востоке оно являлось частью религиозной жизни, но на Западе оно возникло лишь недавно благодаря святому Бенедикту, который основал большой монастырь в Монтекассино менее чем за полстолетия перед тем и составил монастырский устав, который действует и поныне. Как только появилась

эта обитель, последовала немедленная реакция. В это время на Западе царил глубокий пессимизм. Римская империя пала, варвары распространились по всей Европе. Как выражался сам Григорий, «мир стал старым и седым, спеша навстречу близкой гибели». В таком мире призыв жить плодами рук своих в созерцании и молитве звучал и впрямь привлекательно. Бенедикт умер, когда Григорий был еще ребенком, но его влияние на будущего папу оказалось глубоким и продолжительным. Много позже, когда Григорий уже оставил монашескую жизнь, он вспоминал три года, проведенные в монастыре, как счастливейшее для него время».

Я. Букхард, «Век Константина Великого»:

«Оставим же теперь облаченного в пурпур себялюбца, который выверял и рассчитывал все, что делал или вынужден был делать, повинуясь собственной возросшей мощи. Противоположность его пустому, в сущности, государственному авторитету составляет великая жертвенность тех, кто отдавал все, что имел, дабы «посвятить себя Богу»; здесь милосердие и аскетизм соединились гармонично и совершенно. Мужчины и женщины, частью из высших кругов общества, привыкшие наслаждаться всеми радостями жизни, буквально понимали наказ Христа молодому богачу: они продавали свое имение и шли служить бедным, и в центре мира, окруженные шумом больших городов, они жили в добровольной нищете, предаваясь созерцанию горних высот. Даже этого было мало некоторым из них; они бежали от мира и цивилизации, становясь «спасающими душу» отшельниками.

Истории свойственно скрывать истоки великих явлений, но о развитии феномена пустынничества и его превращении в монашеский институт она предоставляет нам полный и законченный отчет. Никакое другое направление или событие не охарактеризует для нас III и IV века лучше.

...В природе человека заложено стремление, когда он почувствует себя потерянным в огромном и чужом внешнем мире, пытаться най-

ти свое «я» в одиночестве. И чем острее он ощущает внутренний раскол, разрыв, тем более совершенное одиночество ему нужно. Если религия добавляет к этому чувство греха и жажду вечного ненарушимого единения с Богом, то все земные связи исчезают, и затворник становится аскетом, отчасти из раскаяния, отчасти — чтобы не быть обязанным миру ничем, кроме самого факта бытия, отчасти — чтобы душа постоянно могла сообщаться с высшим началом. Под властью таких настроений отшельник, дабы запретить себе вернуться к предыдущему состоянию, дает обеты. Если несколько человек, чьи души пылают одним огнем, встретятся в пустыне, на основе их обетов и схожего образа жизни возникнет община со строгим уставом.

...Первыми христианскими отшельниками были египтяне и жители Палестины, которые вели более или менее уединенную жизнь вблизи своих жилищ и иногда брали учеников. Но такое половинчатое существование не удовлетворяло Павла (235—341), Антония (252—357), Илариона (292—373). Чтобы полностью отгородиться от земных соблазнов и окончательно посвятить себя Богу, они удалялись от мира и по шестьдесят — восемьдесят лет жили в настоящей пустыне. Некоторые бежали от гонителей — римлян; но многие искали одиночества ради него самого, и никогда не возвращались из пустыни, потому что она становилась для них домом и потому что они не могли без ужаса подумать о жизни в насквозь прогнившем обществе. Более того, «когда мир принял христианскую окраску, отнюдь не ничтожнейшие из христиан уходили в пустыню, на время или навсегда, дабы там обрести свободу, которая, казалось, покинула победоносную Церковь. Монашество первых времен неопровержимо свидетельствует о том, что создание Константина было фальшивым» *(Цан.* Константин Великий и Церковь).

Конечно, не следует искать идеал христианской жизни среди монашеских поселений. Вместе с ними существовали и настоящие пустынники, и к ним, учитывая обстановку в тогдашнем мире, мы должны отнестись с пониманием. Большинство знаменитых отшельников IV века проводило часть жизни в монастырях, однако или до того, или после, но они избирали путь полного одиночества, и монастырь разве что посылал им хлеб и соль. Но и так они не могли избежать гордости, жестоких искушений, безумных видений. Епитимьи, которые они на себя накладывали, носили иногда поистине убийственный характер; однако эти люди не просто считали себя счастливыми, а жизнь свою — достойно прожитой; от них остались глубокие и прекрасные высказывания, доказывающие, что это счастье было не самообманом, но проистекало из постоянной сосредо-

> точенности на высоком. Имена Аммония, Арсения, Еллия, двух Макариев и многих других всегда останутся высеченными на скрижалях Церкви».

Теперь когда мы имеем представление о том, что есть христианское сообщество как Теократия Естественного права, как единое поле совести и интеллекта, мы можем понимать, почему противостояние церкви и государство было абсолютно неизбежно, и почему оно составило суть истории средних веков.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «И в самом деле, что отличает Иисуса от агитаторов его времени и всех веков, — это его полнейший идеализм. В некоторых отношениях он анархист, ибо у него нет никакого представления о гражданском государстве. Это государство представлялось ему в полной мере злоупотреблением; он говорит о нем общими места ми, как говорил бы человек из народа, не имеющий никакого понятия о политике. Всякий правитель казался ему естественным врагом людей Божьих. Он пророчит своим ученикам их столкновения с блюстителями закона, ни минуты не задумываясь над тем, что в этом постыдного. Но нигде он не обнаруживает желания стать на место людей властных и богатых. Он хочет уничтожить богатство и власть, не обладать ими, вещает своим ученикам преследования и мучения, но ни разу не видно мысли о вооруженном сопротивлении. Идея, что страдание и самоотречение делают всемогущим, что можно победить силу чистотой сердца, — вот идея, свойственная Иисусу. Он не спиритуалист, потому что все кончается для него ощутимым осуществлением; он полнейший идеалист, материя для
> него — лишь знамение идеи, реальность — живое выражение того, что невидимо».

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «По мнению Оригена, христиане не должны принимать участия в управлении государством, ограничивая себя участием в управлении «божественным народом», то есть церковью. Конечно, после Константина эта доктрина была несколько видоизменена, но отдельные элементы ее уцелели. Она подразумевается в сочинении св. Августина «О граде Божьем». В период, когда рушилась Западная империя, эта доктрина побуждала представителей церкви равнодушно взирать на мирские несчастья; свои весьма недюжинные таланты

> церковники посвящали укреплению церковной дисциплины, теологическим спорам и распространению монашества. В какой-то мере следы этой доктрины уцелели до наших дней: большинство людей смотрит на политику как на «мирское дело», недостойное действительно святого человека.
> ….Немногие деятели оказали большее влияние на ход истории, чем Амвросий, Иероним и Августин. Концепция независимости церкви по отношению к государству, утвержденная св. Амвросием, была новой и революционной доктриной, господствовавшей вплоть до Реформации; когда Гоббс ополчился против нее в XVII столетии, мишенью своих нападок он избрал в основном именно св. Амвросия. Св. Августин находился на передней линии в богословских спорах XVI и XVII столетий, причем протестанты и янсенисты выступали в его защиту, а ортодоксальные католики — против него. Столицей Западной империи в конце IV столетия был Милан, епископом которого был Амвросий. Церковные обязанности приводили его в постоянное соприкосновение с императорами, с которыми он обычно разговаривал как равный, а порой и в тоне превосходства. Взаимоотношения Амвросия с императорским двором раскрывают общий контраст, характерный для эпохи: в то время как государство было немощным, неспособным, управлялось беспринципными эгоистами и в своей близорукой политике руководствовалось лишь выгодами момента, церковь была сильной, способной, возглавлялась людьми, готовыми ради ее интересов пожертвовать всем личным, и проводила политику столь дальновидную, что плоды ее победы пожинались в течение целого тысячелетия».

Э. Гиббон, «Падение Римской Империи»:

> «Принимая веру в Евангелие, христиане навлекали на себя обвинение в противоестественном и непростительном преступном деянии. Они разрывали священные узы обычая и воспитания, нарушали религиозные постановления своего отечества и самонадеянно презирали то, что их отцы считали за истину и чтили как святыню. И это вероотступничество (если нам будет дозволено так выразиться) не имело частного или местного характера, так как благочестивый дезертир, покинувший храмы, египетские или сирийские, одинаково отказался бы с презрением от убежища в храмах, афинских или карфагенских. Каждый христианин с презрением отвергал суеверия своего семейства, своего города и своей провинции. Все христиане без исключения отказывались от всякого общения с богами Рима, империи и человеческого рода. Угнетаемый верующий тщетно заявлял о своем неотъемлемом праве располагать своей совестью и своими личными мнениями.

Удивление язычников скоро уступило место негодованию, и самые благочестивые люди подверглись несправедливому, но вместе с тем опасному обвинению в нечестии. Злоба и предрассудок стали выдавать христиан за общество атеистов, которые за свои дерзкие нападки на религиозные учреждения империи должны быть подвергнуты всей строгости законов. Они отстранялись (в чем с гордостью сами сознавались) от всякого вида суеверий, введенного в каком бы то ни было уголке земного шара изобретательным гением политеизма, но никому не было ясно, каким божеством или какой формой богослужения заменили они богов и храмы древности. Их чистое и возвышенное понятие о Высшем Существе было недоступно грубым умам языческих народов, не способных усвоить себе понятие о таком духовном и едином Божестве, которое не изображалось ни в какой телесной форме или видимом символе и которому не поклонялись с обычной помпой возлияний и пиршеств, алтарей и жертвоприношений.

Ставя свои личные мнения выше национальной религии, каждый христианин совершал преступление, которое увеличивалось в очень значительной мере благодаря многочисленности и единодушию виновных.

Вследствие благочестивого неповиновения христиан их поступки или, может быть, даже их намерения представлялись еще в более серьезном и преступном свете, а римские монархи, которые, может быть, смягчили бы свой гнев ввиду готовности повиноваться, считали, что их честь задета неисполнением их предписаний, и потому нередко старались путем строгих наказаний укротить дух независимости, смело заявлявший, что над светской властью есть иная высшая власть. Размеры и продолжительность этого духовного заговора, по-видимому, с каждым днем делали его все более и более достойным монаршего негодования. Мы уже ранее заметили, что благодаря деятельному и успешному рвению, христиане постепенно распространились по всем провинциям и почти по всем городам империи. Новообращенные, по-видимому, отказывались от своей семьи и от своего отечества для того, чтобы связать себя неразрывными узами со странным обществом, повсюду принимавшим такой характер, который отличал его от всего остального человеческого рода. Их мрачная и суровая внешность, их отвращение от обычных занятий и удовольствий и их частые предсказания предстоящих бедствий заставляли язычников опасаться какой-нибудь беды от новой секты, которая казалась тем более страшной, чем более была непонятной. Каковы бы ни были правила их поведения, говорит Плиний, их непреклонное упорство, как кажется, заслуживает наказания».

Я, Букхард, «Век Константина Великого»:

> «Действительно огромное преимущество религии, чье царство не от мира сего, состояло в том, что она не ставила своей задачей обеспечение и сохранность какого-то определенного общественного строя и определенной культуры, как поступало язычество, что она могла и служить соединительным звеном между разными народами и эпохами, государствами и культурными этапами, и примирять их между собой. Потому христианство не подарило вторую молодость дряхлеющей Римской империи, но зато воспитало германских захватчиков, и они не окончательно растоптали ее культуру. Спустя полтора века, когда на Каталаунских полях решалось, накинут ли гунны саван на Запад, как позднее на Азию его накинули монголы, это воспитание принесло свои плоды: римляне и вестготы объединились, чтобы отразить нападение.
> На вопрос, в чем же, наконец, состояла подлинная сила христианской общины к началу последних гонений, нужно заметить, что сила эта заключалась не в ее численности, не в нравственном превосходстве ее членов над прочими и не в совершенстве ее внутренней структуры, но в твердой вере в бессмертие души, которая поддерживала каждого христианина. Христианство предлагало новое государство, новую демократию, даже новое гражданское общество, постольку, поскольку его можно было сохранить в чистоте, и таким образом вполне можно было удовлетворить тоску античности по политической деятельности, обессмысленную римским принципом власти сильнейшего. Теперь много подспудных честолюбивых стремлений, не находивших себе выражения в римском государстве, удовлетворялись званием епископа общины — так обнаруживался новый простор для самоутверждения. С другой стороны, лучшие и смиреннейшие вступали в общину, ища спасения от римского разврата, продолжавшего цвести буйным цветом».

ГЛАВА 10. ВЛАСТЬ ДУХА ПРОТИВ ВЛАСТИ НАСИЛЬНИКОВ. ВОИНСТВУЮЩАЯ ЦЕРКОВЬ

1. «Говорил, как власть имеющий»
2. Власть Духа против Власти Насильников.

1. «ГОВОРИЛ, КАК ВЛАСТЬ ИМЕЮЩИЙ»

Толстой и Мережковский в разном значении подчеркивают эти слова Евангелия о Христе: «И восхищались учению его, потому что он говорил как власть имеющий, а не как книжники».

Толстой настаивает, что перевод не верный, что греческое слово это имеет первым своим значение «свобода», а значит, восхищались его ученики тому, что учил он свободно, а не тому что как власть имеющий, ибо книжники как раз, говорит Толстой имели власть.

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «(Лк. IV, 20, 21; Лк. IV, 22 /Мф. XIII, 54; Мр. VI, 2/; Мр. VI, 3; Мф. XIII, 55; Лк. IV, 23; Мф. XIII, 57; Мф. IV,13;Мр. I,21 /Лк. IV,31/;Мр. I,22 /Лк. IV,32/)
> И сказал им: Разумеется, вы говорите: Врач, исцелись сам!
> Потому что никакого пророка не понимают на его родине.
> И Иисус из Назарета пошел жить в Капернаум.
> И тотчас же в субботу вошел в собрание и стал учить.
> И восхищались учению его, потому что он учил их свободно, а не как книжники.
> .....значит первым значением своим *свобода*. Здесь же уже неизбежно значит свобода, а не власть, потому что противополагается учению книжников. Книжники имели власть, и потому не могло быть сказано: имея власть, а не как книжники (имеющие власть). Противоположение тут в том, что книжники именно потому, что имели власть, учили несвободно, а Иисус учил свободно: т.е. что учение

> книжников (как оно и было) считало людей рабами Бога, несвободными, а по учению Иисуса люди были свободны. При таком объяснении понятно и то, чему мог восхищаться народ. Если бы Иисус учил как власть имеющий, т.е. с дерзостью и нахальством, то народу бы нечем было восхищаться. Это фарисеи и книжники умели гораздо лучше. Но, очевидно, что-то другое было в его учении. И это другое было то, что он учил свободно, как свободный от всех уз».

Мережковский, напротив, в своих многочисленных книгах о христианской вере настаивает именно на «власти» Иисуса как единственном истинном царе народном, как единственной легитимной власти, которую не может узурпировать ни один человек. И в этом смысле, он отличается от всех узурпаторов вроде книжников, царей и императоров, у которых власти над людьми нет и быть не может потому что только Господу могут подчиняться люди.

По всей вероятности правы оба исследователя, хотя они часто критиковали друг друга: Мережковский Толстого, а Толстой Ренана, а ведь говорят одно и то же. Толстой критикует Ренана и Штрауса как неверующих, и сам же утверждает что Иисус — был великим человеком, но не был богом, как Ренан и Штраус. Тем не менее, мы можем отчетливо видеть, что все они делали одно дело: очищали философию Евангелия от магических наслоений двухтысячелетней давности, которые разрушили католическую и православную церкви как духовные союзы поля интеллекта и совести.

И Толстой и Мережковский правы в том, что истинно великий человек, каким был Иисус и все другие люди великого духа — это человек, сила которого проявляется по другому. Прав Мережковский когда говорит, что Власть Духа есть единственная истинная власть, и прав Толстой, когда говорит, что власть эта есть на самом деле свобода. Действительно, мы уже много раз возвращались к этой теме и в связи с философией Спинозы, и в связи с философией Града Божьего Августина — к теме о свободе, как осознанной необходимости. Научный контроль закона сохранения силы психики и есть такая Власть Свободы как осознанной необходимости.

Животные тоже обладают властью в меру своего насилия над соплеменниками; но участь даже самых сильных альфа-самцов — это победа над несколькими своими соперниками и самками, а по старости бесславная смерть от клыков молодых насильников. Такого же рода — бессильная в итоге и бесславная власть у физического контроля поля Эгосистемы (то что Толстой называет дерзостной и нахальной властью).

Власть Научного Контроля, Власть Свободы как осознанной необходимости совсем другая власть, которой нет не может быть ни у животных, ни у человеческих насильников. Во-первых, это власть научного освоения мира, недоступная материальной энергии. Очень скоро закончатся те времена, когда люди невежественные во власти могли командовать настоящими учеными Академий и НИИ, потому что знания об Открытии ПЭ дадут людям научного контроля силу и в социальной своей жизни. Но сегодня, да, как подчеркивают исследователи, наука направлена на дело зла, потому что техника служит власти насильников и негодяев, разжигающих войны ради самих войн, и превративших науку в поставки смертоносного оружия, в преследование честных интеллигентов, прежде всего (Оруэлл, 1984»).

Но есть и другая сторона Власти Научного Контроля, которая недоступна насильникам физического контроля поля Эгосистемы и сейчас и всегда была недоступна и всегда будет им недоступна. Это власть, которая происходит из качественно иных отношений в сообществе духовного союза поля интеллекта: власть, основанная на дружбе, на взаимном уважении, на понимании и искренности, на восхищении друг другом, на готовности служить и помогать друг другу. Пока что история дает немного примеров этой власти сообществ поля интеллекта и совести, потому что самих таких сообществ было совсем немного, и мы обо всех о них говорили как о Теократиях Естественного Права. Достаточно вспомнить об обожании народом Марка Аврелия, или его приемного отца Антонина Благочестивого. То же обожание лежало в основе власти Христа, а позже и власти самых выдающихся клириков католической церкви. Вспомнить хотя бы

отцов церкви — епископов Августина и Амвросия, и папу Григория Великого.

Чтобы понимать качественное отличие Власти Духа от Власти Насильников, достаточно вспомнить, что составляет так сказать «синдром власти насильников», как он всем очень хорошо исторически известен. В основе власти насильников всегда и обязательно Страх (мотивация поля Эгосистемы вообще). Вот почему все эмоции поля Эгосистемы всегда замешаны на страхе и ненависти: страх обязательно порождает и ненависть. Насилие и подчинение, Самолюбие и Влюбленность — эти механизмы физического контроля, характеризуют власть насильников как мертвый, болезненный механизм, разрушающий все живое и прекрасное в душах людей и результатом своим имеющий постоянное смертоубийство людьми друг друга: или из страха и самозащиты, или тех кто не послушался насильников и восстал, или просто из капризов насильников, или войны соперников за место насильников вместо места рабов. Так или иначе — это система страха, ненависти и смерти, которая ничего кроме разложения духовного и смерти биологической не производит. Известно также, что эта система физического контроля Влсти Насильников — «по ту сторону добра и зла», то есть полностью игнорирует духовную энергию совести и сочувствия и ценит только количество силового давления. Об этом лучше всех сказал не апологет Власти Насильников — Ницше, а Герберт Спенсер в «Социальной статике», где он подчеркивает, что власть насильников всегда имеет оборотной стороной абсолютную безнравственность, так что жестокость садистов всегда идет рядом с грабежами, развратом, лживостью и лицемерием. Вспомним, наконец, «Государя» Макиавелли, утвердившего на века образ лживого и циничного Государя Насильника. Спенсер показывает почему эта власть насильников ничего не стоит: потому что она держится на ненависти, страхе и безнравственности, которые делают общество рыхлым изнутри, так что оно сыплется в междоусобные войны при всяком случае. Гоббс в своей Левиафане (который он противопоставля-

ет власти церкви Амвросия), определяет Левиафан как подчинение воли всех — воле одного тирана. Так он представляет «единство» и силу физического контроля Насильника, отобравшего (поглотившего) в рабство все общество. Однако, физический контроль поля Эгосистемы есть циклическое движение между равновесиями устоявшейся иерархии и взрывов, бунтов к созданию новых иерархий, именно в силу того что страх и ненависть в основе этих союзов: а страх и ненависть не могут привести к «единству» вечного Тирана и вечных рабов.

Совсем другого рода власть представляет Власть Духа великих личностей, как «хорошие императоры Рима», как Христос, или как Амвросий, Августин и Григорий. Источником своим такая власть необходимо имеет духовный союз поля совести, то есть истинную дружбу людей, их искренность в понимании и сочувствии. Духовная энергия людей, в отличии от Эгозащиты садомазохизма (самолюбия-влюбленности), имеет в своей основе уважение и восхищение друг другом вместо зависти и ревности. Это связано с тем, что энергия эта существует не за счет друг друга (как поле Эгосистемы), а помощью, служением и пониманием друг друга — слиянием в одно единое поле совести и сочувствия. Это уважение и восхищение друг другом, это потребность справедливости, эта честность совести дают Власть самым способным послужить обществу. И власть эта зиждется всецело на честности и совестливости всего коллектива, и не могла бы существовать без этого духовного союза. Такая власть будет служением обществу, основанном на чувстве долга, ответственности и на желании послужить тем, кого любишь и уважаешь. В такой власти нет ничего личного, потому что любой духовный союз, даже самый примитивный, какими были христианские сообщества, имеет в своей основе Интеллект и будет стремится управляться общим для всех правом. А со временем Естественным Правом законов природы во всем. Свобода осознанной необходимости — научный контроль, где правят знания и истина, а Власть Духа есть только служение наиболее способных личностей всему обществу.

Сегодня, при всем несовершенстве психологической и социальной науки в целом, мы уже можем привести ряд очень важных экспериментальных данных как о физическом контроле поля Эгосистемы, так и касательно научного контроля поля интеллекта и совести. Я регулярно цитирую этих исследоватлей в своих книгах: это конечно же эксперименты на Подчинение Авторитету Милграма, проведенные Йельским университетом, а также исследование о самоактуалах Маслоу во всем, что касается поля интеллекта и совести духовной энергии здоровых людей. Насколько мне известно я первой сравнила результаты исследований Маслоу с результатами исследований ученых Стенфордского университета — Джерри Порасом и Джимом Коллинзом: «Построенные навеки» за авторством обоих, и «От хорошего к великому» за авторством Д. Коллинза. Маслоу, Порас и Коллинз согласны в том числе и в специфике Лидеров Пятого Уровня, как Власть Духа называется у исследователей Стендфордского университета. Подобно Христу, они настаивают на том, что их миссия только в том, чтобы послужить своему сообществу, которое избрало их в директоры; и подобно самоактулам Маслоу они «не эгоцентричны», ответственны, и ставят себе целью сослужить службу всему человечеству или некоторому сообществу. Подобно самоактуалам Маслоу, которые все философы и интеллектуалы, Визинарные и великие компании, исследованные Стенфордскими учеными не только вкладывают много больше деньги научно-исследовательские работы, но и ставят себе совершенно отличные от заурядных компаний цели: вовсе не прибыль, вовсе не деньги, что второстепенно; но Философия и Идеология компании, Этика и Гуманизм ставятся целью существования этих бизнес-проектов. В итоге, мы можем говорить о явных характеристиках научного контроля и у тех, и у других, в особенности в сравнении с другими обычными компаниями. И вот в изучении этих то необычных и самых успешных в мире компаний, Порас и Коллинз открыли феномен Власти Духа, который они назвали Лидеры Пятого Уровня, которые ни в чем не похожи на обычных

лидеров обычных компаний (средних и по преуспеванию и по погоней за прибылью). Если обычные лидеры — это мачо, «гении с тысячью помощниками», тираны в своем царстве рабов, то Лидеры Пятого Уровня — это Марки Аврелии, Антонины Пии, Амвросии и Августины: они пришли послужить своему сообществу, у них есть амбиции, у них есть сила и власть, настоящий успех, но цель их вовсе не личное самоутверждение, а успех своего сообщества, успех своей компании. И именно эти лидеры пятого уровня понимают, что они могут править не в любом сообществе, как самоактуалы Маслоу дружат не со всеми, а только с такими же людьми духовной энергии; так и лидеры пятого уровня говорят: секрет успеха во-первых в людях, во-вторых в людях, в третьих, тоже в людях, в четвертых и в пятых тоже в людях. Не только особый терпеливый и долгий подбор правильных людей отличает этих лидеров Власти Духа, но и создание атмосферы дружбы, равенства и братства в компаниях — то есть духовного союза поля совести и интеллекта. Значит, можно считать доказанным, что во-первых, Власть Духа четко отличается от Власти насильников, как хорошие римские императоры отличались от плохих римских императоров. А во-вторых именно Власть Духа есть настоящая сила, в то время как Власть насильников только «мыльные пузыри», как говорит Ренан обо всем, что не связано с истиной. Увы, как мы увидим позже, не только императоры Рима делились на плохих и хороших; не только лидеры компаний делятся на тиранов с тысячью помощниками и команды-дружбы с лидерами пятого уровня; но и Папы средневековья в конечном итоге, из хороших пап духовного союза вырождались во Власть Насильников заурядного Левиафана магического сознания.

Итак, мы видим, что нет Власти Духа конкретных лидеров без духовного союза поля интеллекта и совести, который является источником силы и объектом служения Власти Духа. Никогда такой лидер не ставит себе целей отдельных от целей духовного союза, или противоречащим естественному праву совести, со-

чувствия и справедливости, или же отличными от научного контроля законов природы. Однако, если научному контролю и естественному праву еще предстоит становление прежде чем это станут конкретные и осязаемые вещи в социальной жизни (в технике давно являются), то исторические примеры первых духовных союзов поля совести, сочувствия и справедливости мы уже имеем как в раннем христианстве, так и в совершенно свежих исследованиях визинарных компаний. Вот почему мы определили Америку Линкольна, Рузвельта и Кеннеди как Третью Теократию Естественного Права; к сожалению, по тем же причинам лженауки мешающей становлению истинного научного контроля, и Теократия Америки прекратила свое существование, уступив место «злым президентам» консерваторам. История Америки, как история Рима и Папства — наглядный пример противоборства Власти Духа и Власти Насильников.

Иисус явил нам удивительнейший феномен великой мощи Власти Духа, которая в условиях еще только зачатков поля интеллекта сумела одной силой своего духа сначала создать духовный союз, пробудив глубокую любовь у чистых сердцем («простодушных»), а потом направить его на борьбу со злом в разделении церкви и государства. Здесь важно подчеркнуть, что мы имеем в своем роде чудесный факт истории, где грандиозность личности, как громадной силы духа, сумела одним своим поэтическим и эмоциональным влиянием пробудить дух и создать духовный союз. И уже много позже, как мы знаем, из этого движения монахов и отшельников выросли монастыри-университеты, и монастыри- философские школы и библиотеки. Ренан подчеркивает тот факт, что «чувство» стало плодом усилий Иисуса в то время, когда еще не было ни теологии, ни догматов, ни тем более зрелого научного контроля, то есть знаний о законах природы психики. Ренан, как и Толстой подчеркивает, что «никакой ангел Божий не подкреплял его, кроме его собственной чистой совести; никакой Сатана не искушал его, кроме того, которого каждый носит в своем сердце». Это значит, что смысл евангельской поэмы об искушениях Иисуса в пустыне

не в сверхъестественном противоборстве белой и черной магии, «как учат церковники», как говорит Толстой; а в том, что он был Врач научного контроля, который начал лечение с себя, с очищения собственного поля интеллекта и совести от болезни поля Эгосистемы. И впоследствии этот импульс борьбы с полем Эгосистемы в разделении церкви как сообщества духовной энергии и государства, как сообщества физического контроля материальной энергии. Августин уже сформулирует его теорию Царствия Небесного в Граде Божьем, и напишет об условиях перемирия между Градом Божьим и Градом Земным. Если переводить на научный язык то это ориентация государства на идеал церкви будет означать регулирование нормативного права национальных государств единой истиной естественного права для всего человечества. Папы истинной Власти Духа наследовали Христу в его презрении к государству физического контроля, к Граду земному. Падение Папства начнется тогда, когда они перестанут презирать этот Град земной, и вместо насмешки над «злыми императорами», с которыми боролись их предшественниками, сами станут вполне серьезно добиваться мирской Власти Насильников.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Иисус, сын Сираха, и Гиллель высказывали почти столь же возвышенные истины, как и Иисус Христос. Однако Гиллель никогда не прослывет за истинного основателя христианства. В области нравственности, как и в искусстве, то, что говорится, не имеет никакого значения; важно только то, что делается; в этом все. Идея, скрытая в картинах Рафаэля, стоит не много, все дело в самой картине. Так же и в морали, истина получает некоторую ценность только когда она выходит из области чувства, а всю свою цену она приобретает только когда осуществляется в мире как факт. Люди посредственной нравственности иногда писали довольно хорошие поучения. С другой стороны, люди весьма добродетельные иной раз ничего не сделали, чтобы распространить в мире традицию истины. Пальма же первенства принадлежит тому, кто был силен и на словах и на деле, кто не только прочувствовал добро, но своей кровью дал ему восторжествовать. С этой точки зрения Иисусу нет равного; слава его вполне ему принадлежит и будет вечно обновляться

...Главное дело Иисуса в том, что он создал около себя кружок учеников, которым он внушил безграничную привязанность, в сердца которых он вложил семена своего учения. Заставить полюбить себя «до такой степени, что и после его смерти не переставали любить его» — вот чудесное дел о Иисуса, что всего более поразило его современников. Его учение было так малодогматично, что он и не подумал написать его сам или заставить за писать других. Становились его учениками не потом у, что вер ил и в то или другое, а привязываясь к нему

и любя его. Несколько изречений, собранных по воспоминаниям его слушателей, и, главное, его нравственный облик и произведенное им впечатление — вот все, что осталось от него. Иисус — не основатель догматов, не составитель символов; это начинатель мира, исполненного

нового духа. Самыми далекими от христианства были, с одной стороны, отцы греческой церкви, которые начиная с IV века вовлекли христианство на путь ребяческих метафизических споров, а с д ругой стороны — схоластики латинских средних веков, желавшие извлечь из Е в а н гелия тысячи статей для колоссального «С вода». Прилепиться к Иисусу в виду Царствия Божия — вот что

вначале называлось быть христианином.

Но чувство, введенное в мир Иисусом, это чувство наше. Его совершеннейший. идеализм — высшее правило самоотреченной и добродетельной жизни. Он создал небеса чистых душ,

где есть все, чего напрасно ищут на земле: чистое благородство детей Божьих, полная святость, совершенная отрешенность о т мирской скверны, наконец, свобода, которую существующее общество исключает как невозможную и которая существует во всей своей полноте только

в области мысли. Иисус — великий учитель всех, кто находит убежище в этом идеал ьном рае. Он первый провозгасил царство духа, первый сказал, по крайней мере своими делами: « Царство мое не от мира сего».

Так и до Иисуса религиозная мысль пережил а множество переворотов; после него она сделал а великие завоевания, но никто не вышел и не выйдет за пределы существенных понятий, которые создал Иисус: он навсегда установил понятие чистого культа. Религия Иисуса не знает ограничений. У церкви был и свои этапы и фазы развития. Она заключила себя в круг символов, которые были и будут временными; Иисус же основал абсолютную религию, не исключающую, не определяющую ничего, кроме чувства. Сим волы его — не установленные догматы; это — образы, поддающиеся бесконечным тол-

кованиям. Напрасно искать в Евангелии какое- нибудь теологическое положение.

Во всех великих орденах вечная слава принадлежит тем, кто положил первый камень. Возможно, что в «Физике» и «Метеорологии» нашего времени не найдется ни одного слова из трактатов Аристотеля, озаглавленных этими словами; и тем не менее Аристотель остается основателем естествоведения. Каковы бы ни были преобразования догмата, Иисус останется в религии создателем чистого чувства; Нагорную проповедь ничто не превзойдет. Никакой переворот не уничтожит нашей связи с той великой интеллектуальной и моральной семьей, во главе которой сияет имя Иисуса. В этом смысле мы остаемся христианами, даже когда расходимся почти во всех пунктах с христианским преданием, которое нам завещано прошлым.

И это великое дело было личным делом Иисуса. Для того, чтобы заставить до такой степени обожать себя, нужно заслуживать обожание. Любовь не может существовать без объекта, способного ее зажечь, и если бы даже мы не знали об Иисусе ничего, кроме той страстной любви, которую он внушал к себе окружающим, то этого было бы достаточно для нас, чтобы утверждать, что он был велик и чист. Вера, энтузиазм, стойкость первого христианского поколения объясняются только предположением, что все движение было обязано своим происхождением личности колоссальных размеров

Поэтому поставим личность Иисуса на высшую точку человеческого величия. Не дадим преувеличенному недоверию к легенде, которая постоянно вводит нас в мир сверхъестественного, поселить в нас заблуждение. Жизнь Франциска Ассизского тоже вся соткана из чудес. Сомневался ли кто-либо на этом основании в существовании и роли Франциска Ассизского? Не будем доказывать, что слава основания христианства должна принадлежать толпе первых христиан, а не тому, кого обоготворила легенда.

Мы, разумеется, признаем, что христианство — явление слишком сложное, чтобы оно могло быть делом одного человека. В известном смысле все человечество поработало над ним.

Обращение идей в человеческом роде происходит не только при посредстве книг или непосредственного обучения. Иисус не знал даже по имени ни Будды, ни Зороастра, ни Платона; он никогда не прочел ни одной греческой книги, ни одной буддийской сутры, а между тем без его ведома у него находятся элементы, взятые у буддизма, парсизма, у греческой мудрости. Все это передавалось по тайным каналам и по той некоторого рода симпатии, которая существует между различными отделами человечества. Великий человек, с одной сто-

роны, все получает от своей эпохи, а, с другой стороны, господствует над нею, Показать, что религия, основанная Иисусом, была естественным следствием всего предшествовавшего, не значит умалить ее значение; это значит лишь доказать, что она имела свои разумные основания, была законной, то есть соответствовала инстинктам и потребностям сердца данного века.
Эту великую личность, ежедневно до сих пор главенствующую над судьбами мира, позволительно назвать божественной, не в том, однако, смысле, что Иисус вмещал все божественное или может быть отождествлен с божеством, а в том смысле, что он научил род человеческий сделать один из самых крупных его шагов к идеалу, к божественному. Взятое в массе, человечество представляет собой скопище существ низких, эгоистов, стоящих выше животного только в том одном отношении, что их эгоизм более обдуман, чем у животного. Тем не менее среди этого однообразия обыденщины к небесам возвышаются столпы, свидетельствующие о более благородном призвании людей. Из всех этих колонн, показывающих человеку, откуда он происходит и куда должен стремиться, Иисус — самая высокая. В нем сосредоточилось все, что есть прекрасного и возвышенного в нашей природе. Он не был безгрешен; он побеждал в себе те же страсти, с какими мы боремся; никакой ангел Божий не подкреплял его, кроме его собственной чистой совести; никакой Сатана не искушал его, кроме того, которого каждый носит в своем сердце. Как многие из его великих черт потеряны для нас благодаря непониманию его учеников, точно так же, вероятно, и многие из его недостатков были скрыты. Но никогда ни у кого интересы человечества не преобладали до такой степени, как у него, над светской суетой. Беззаветно преданный своей идее, он сумел все подчинить ей до такой степени, что вселенная не существовала для него. Этими усилиями героической воли он и завоевал небо. Не было человека, быть может, за исключением Сакья-Муни, который до такой степени попрал все радости бытия, все мирские заботы. Он жил только своим Отцом и божественной миссией, относительно которой он был убежден, что выполнит ее».

2. ВЛАСТЬ ДУХА ПРОТИВ ВЛАСТИ НАСИЛЬНИКОВ

Мережковский и Тойнби в своей философии истории развили философию Августина о Граде Божьем, как борьбу церкви и Государства. Мы можем видеть из ниже приведенных цитат,

что оба историка понимают исторический процесс как противостояние Града Божьего — Граду земному. Оба подчеркивают, что Иисус пришел с Мечом, и что мечом его стала Воинствующая против государства церковь.

Д. Мережковский, «Не мир, но меч»:

> «Истинная Церковь войдет в мир, врежется в исторически-реальное человечество, как в живое тело врезается меч.
> Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч.
> Церковь грядущего Господа и есть этот меч».

А. Тойнби, «Постижение истории»:

> «Эта начальная глава истории христианства явилась зловещим предзнаменованием для будущего вестернизированного мира XX столетия, поскольку культ Левиафана, которому раннехристианская Церковь нанесла поражение, казавшееся уже окончательным, вновь заявил о себе с грозным появлением тоталитарного типа государства, с дьявольской изобретательностью завербовавшего на свою службу современный западный гений организации и механизации в целях порабощения как душ, так и тел до такой степени, какая была недоступна для злонамеренных тиранов прошлого. Похоже, что в современном вестернизированном мире вновь должна начаться война между Богом и кесарем. И, похоже, что и в этом случае нравственно благородная, хотя и опасная в духовном плане роль воинствующей церкви вновь выпадет на долю христианства».

Между тем знаменитые слова Христа: «А я говорю вам не противьтесь злому; но если кто ударит вас в правую щеку, подставьте левую» принято толковать как христианской смирение со злом, как отказ наподобие буддизма вообще от всякой моральной борьбы, как одинаковое дружелюбие и к добру и ко злу. Ничего не может быть дальше от истины, и это подтверждается всеми текстами Евангелий, где проповедь Иисуса четко обнажает в чем состоит путь в Царствие Небесное: в борьбе Власти Духа с Властью Насильников, в борьбе церкви с государством. И для этого Иисус отделяет церковь как духовный союз от государства как политического союза, и учит апостолов бороться Проповедью, то есть посильным для своего времени

образованием заблудших душ. В этом состоит идея Непротивления Злу Насилием, развитая впоследствии Толстым: в противопоставлении Власти Духа — Власти Насильников, но ни в коем случае не в отмене борьбы между научным контролем и физическим контролем материальной энергии.

Р. Роллан «Жизнь Толстого»:

> «В письме к другу в 1890 г. Толстой жалуется на ложное толкование его принципа непротивления. Он говорит, что путают принцип «не противиться злу злом или насилием», с «не противься злу», то есть «будь к нему равнодушен», «тогда как противиться злу, бороться с ним есть единственная внешняя задача христианства, и что правило о непротивлении злу сказано как правило, каким образом бороться со злом самым успешным образом».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Его подчинение предержащим властям, в глубине полное насмешки, было безупречно по внешности. Он платил дань Кесарю, чтобы не возбуждать скандала. Свобода и право не от мира сего, — зачем же смущать жизнь щекотливыми пустяками? Презирая землю, убежденный в том, что окружающий мир не заслуживает внимания, он спасался в свое идеальное царство и полагал основание великому учению трансцендентного презрения, истинной доктрине душевной свободы, которая одна дает мир»
> Вскоре он должен был пойти еще дальше в этом смелом отрицании природы, и мы увидим, что он отвергнул все человеческое, кровь, любовь, родину и открыл свою душу и сердце исключительно идее, представлявшейся ему в виде абсолютной правды.
> Истинный христианин гораздо менее связан какими бы то ни было цепями; здесь на земле он не более, как изгнанник: что ему за дело до временного господина земли, которая для него не родина? Свобода для него заключается в истине.
> При всем строгом республиканстве и патриотическом рвении он не остановил бы великого течения событий своего века, между тем как объявив, что политика не имеет значения, он пробудил в мире сознание той истины, что родина это еще не все и что человек стоит и выше, и впереди гражданина».

Швейцер и Честертон, сравнивая христианство с восточными религиями, настаивают на том, что разница именно в Воин-

ствующем характере христианской церкви, объявившей войну материальной энергии, пожирающей жизнь и разум энергии духовной, то есть борьбе Добра со Злом. Швейцер называет эту борьбу Воинствующей церкви «бескомпромиссной моральностью», тогда как «этический элемент в индийском мышлении поглощается интеллектуализмом», то есть квиетизмом, медитацией ради самой медитации. Честертон настаивает на том, что Круг как символ Востока противостоит Кресту как символу Запада, выражающему борьбу добра со злом, «уходящую в бесконечность». Честертон больше художник, чем мыслитель в своих книгах, но как художник он по настоящему велик: как верна его поэтическая метафора о кресте как символе борьбы, уходящим в бесконечность! Действительно, в общем и целом восточное сознание все еще мало оторвалось от магического сознания материальной энергии — вот почему циклическое движение в противоположность линейному движению запада все еще характеризует восток. Ведь материальная энергия магического сознания есть циклический гомеостаз, то есть круговое движение от неравновесия к равновесию, которое лежит в основе абсолютно всех материальных энергий вселенной (не только материальной энергии психики). Интересно, что именно этот закон циклического равновесия-неравновесия, лежащего в основе всех природных энергий доказывает в Граде Божьем Августин! (Позже о нем будут говорить Мах, Гельм, Оствальд и др). Борьба со злом начинается там, где переход с поля Эгосистемы на поле интеллекта достаточно серьезен для того, чтобы человек почувствовал свою противоположность материальным циклическим энергиям, и перестал видеть символ своего движения круг. Противостояние Духовной энергии — материальной энергии психики, которая есть паразит, разлагающий энергию разума, воли, совести, — вот в чем смысл борьбы добра со злом, который берет начало на западе с его линейным движением научного контроля поля интеллекта. Действительно Крест и как символ беконечности Царствия Небесного (Пространства Интеллекта), и как символ двух пере-

секающихся пространств — физического пространства-времени циклического движения и интеллектуального пространства-времени линейного движения духа — идеальный символ борьбы добра со злом. В то же время, надо помнить, что человеку враждебна только материальная энергия его психики, поскольку она функционирует как паразит на теле его духовной энергии. Все остальные материальные энергии вселенной, включая и плоть человека (биологию) прекрасно уживаются с духом человека. Достаточно «подчинить плоть сознанию», как говорили еще Сократ и Платон, и человек может жить в мире со своей биологией, ни в чем не ущемляющей развитие и жизнь его духа. В этом ответ тем, кто обвиняет христианство в отказе от мира и от тела.

А. Швейцер, Упадок и возрождение культуры, Москва, Прометей, 1993) :

> «Снова и снова в спорах с нами индийцы будут говорить: Духовность не есть моральность. Стать духовным через слияние с Божественным — это дело выше всякой этики». Мы же христиане говорим: Духовность и моральность это одно и то же. Только через самую бескомпромиссную моральность достигается самая бескомпромиссная духовность, именно в такой моральности она постоянно выражается. В индийском мышлении этический элемент поглощается интеллектуализмом как обещавшее дождь туча испаряется в горячем воздухе. В Евангелии Иисуса напротив не только нет места холодному обдуманному покою как реакции на окружающий мир, Евангелие Иисуса говорит человеку: Ты должен стать свободен от мира и от самого себя, чтобы работать в этом мире в качестве орудия Божьего».

Г. Честертон, «Вечный человек»:

> «Покажется шуткой, если я скажу, что вся история верований — это узор из ноликов и крестиков. Под ноликами я подразумеваю не пустоту — я просто хочу сказать, что форма их отрицательна по сравнению с положительной формой креста. Конечно, этот образ случаен, но очень верен. Дух Азии действительно можно выразить знаком „О“, даже если это не ноль, а окружность. Великий восточный образ змеи, закусившей свой хвост, прекрасно передает атмосферу восточной веры и мудрости. Эта замкнутая кривая включает все и ни-

> куда не ведет. О том же говорит и другой восточный знак, колесо Будды, которое обычно зовут свастикой. Крест смело указывает в противоположные стороны, эти же линии стремятся к кругу, словно кривой крест вот-вот обратится в колесо. Раньше, чем вы отмахнетесь от этих произвольных символов, вспомните, каким острым и тонким было чутье народов, выбравших этот символ из символов Запада и Востока. Крест — не только воспоминание; точно, как математический чертеж, он выражает идею борьбы, уходящей в бесконечность».

Однако возвращаясь к нашей теме о борьбе Власти Духа с Властью Насильников, мы видим, что великие епископы и папы Средневековья одержали свои первые победы в борьбе с варварскими короля именно могуществом своего духа. Ведь в условиях, когда они были отрезаны от восточной империи, и последняя часто оказывалась им также и более враждебна, чем варвары, им приходилось в одиночку, одними силами церкви стоять против вооруженных орд варварских королевств. Теодорих Великий был единственным варварским королем, который на тот момент показал себя вполне цивилизованным человеком и христианином. Но уже после его смерти дикие орды лангобардов угрожали разрушить и разорить Рим, разрушив все вокруг него. Тогда Рим спас папа Григорий Великий, единственно Властью Духа, благодатью церкви, которая давала такую силу каждому истинному ее участнику. Он как и все предыдущие и последующие папы, вел активные переговоры с варварами, которые ко времени падения Рима уже большей частью были христианами. Именно благодать церкви, именно христианское воспитание варваров давало папам такую Власть Духа над ними, что варварские короли не только уступали их уговорам и не трогали Рим, но бывало и падали перед папами на колени, а однажды даже такой король постригся в монахи со всей своей семьей после разговора с папой. Так, Власть Духа показала свое абсолютное превосходство над Властью Насильников уже в первые столетия независимости католической церкви от государственной власти, — вот почему пап этого периода называют «защитниками

города». Защитили они однако далеко не только город и даже не только западную империю: главное дело католической церкви того времени — спасение цивилизации. Ведь вместе с Римом и его библиотеками, вместе с наследием римского права и христианством Католическая церковь спасла все будущее человечества, которое вновь начало свое прогрессивное развитие на поле интеллекта с той точки, на которой его остановили варвары.

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «В то самое время, когда мистический идеал обращается для него в практический императив, когда он ищет божественного единства в земном, конкретном воплощении, он сталкивается с могучей личностью Амвросия. Мне нет надобности входить здесь в подробную характеристику этого великого иерарха. Достаточно отметить в его характере те черты, которые так или иначе повлияли на миросозерцание его гениального ученика. Амвросий есть, можно сказать, конкретное олицетворение могучей церковной организации.
> Христианская идея в его лице является как сила всесокрушающая, неодолимая: это как нельзя более яркий образ той всесильной благодати, которая торжествует над человеческим злом в сильнейших его проявлениях, выносит борьбу с высшей человеческой властью. В лице Амвросия представитель религиозной идеи торжествует над человеческим могуществом на его высшей ступени. Он выходит победителем из столкновений с арианской императрицей и повергает в прах такую колоссальную личность, как Феодосий Великий. Вместе с тем это олицетворенный контраст между бессилием и ничтожеством мирской власти в лице слабых императоров, вроде Грициана и Валентиниана II-го, и величием духовной власти представителя церкви. Этот святитель, утверждавший, что государство в церкви, а не церковь в государстве, что церковь первее и больше государства, — действительно господствует и торжествует над мирскою властью, являясь то в роли сурового судьи и наставника, то в образе опекуна и дядьки слабоумных императоров. По своему характеру и тенденциям он во многих отношениях является предшественником великих средневековых пап, предтечей Григориев и Иннокентиев. Он ищет объективного спасающего начала, божественного единства, как объективной нормы человеческой жизни и деятельности, и сталкивается с могучей вселенской организацией церкви, представляемой колоссальной личностью великого епископа. Но Амвросий импонирует ему не только внешним авторитетом своего

величия и могущества. Он мирит в себе церковный авторитет с научным образованием, слово его звучит не только как внешнее предписание, но обладает внутренней убедительной силой. Он олицетворяет собою церковь не только как единство внешнее, но как разумный порядок, как единство органическое, внутреннее. Слушая Амвросия, Августин впервые убеждается в возможности разумного истолкования христианского учения, удостоверяется в отсутствии коренного противоречия между разумным знанием и объективным откровением.

В лице Амвросия христианский идеал является Августину как всестороннее господство божественного порядка над жизнью, как всемогущая церковь, властвующая над индивидом и обществом, как теократия, в которой мирское начало поглощено духовным. Впечатление от личности Амвросия, как было уже сказано, наложило неизгладимую печать на миросозерцание Августина. Его христианский идеал связался навсегда с этим впечатлением, остался навсегда идеалом теократическим. Такому влиянию способствовало глубокое сродство характеров обоих святителей».

Б. Рассел, «История западной философии»:

«Первый общественный вопрос, с которым пришлось столкнуться Амвросию, был вопрос об алтаре и статуе Победы в Риме. Язычество дольше всего держалось среди сенаторских родов столицы; официальная религия находилась в руках аристократического жречества и была тесно связана с имперской гордыней завоевателей мира. Статуя Победы в здании сената была убрана Констанцием, сыном Константина, и восстановлена Юлианом Отступником. Император Грациан вновь убрал статую, после чего делегация сената, возглавляемая Симмахом, префектом города Рима, возбудила ходатайство о ее новом восстановлении.

Теперь настала очередь протестовать христианским сенаторам, и с помощью Амвросия и папы (папой был тогда Дама-сий) они добились того, что их точка зрения была поддержана императором. Но когда Грациан умер, Симмах и языческие сенаторы в 384 году н.э. обратились с петицией к новому императору Валентиниану II. Чтобы отбить эту новую попытку, Амвросий направил послание императору, в котором выдвинул тезис, что как все римляне обязаны воинской службой своему государю, так и он (император) обязан службой Всемогущему Богу

«Да не будет никому дозволено, — заявляет Амвросий, — воспользоваться твоею юностью; коли этого требует язычник, то какое право он имеет опутывать тебя узами своего собственного суеверия;

и только одному должен учить и наставлять тебя пример его рвения — как быть ревностным во имя истинной веры, ибо он отстаивает со всею страстью истины ложное дело». Клясться на алтаре идола против своей воли, заявляет Амвросий, для христианина — нестерпимая мука. «Коли это было бы дело гражданское, право ответа следовало бы оставить противной партии; но это дело религиозное, и я, епископ, возвышаю свой голос в знак протеста... Да будет тебе ведомо, что коли ты предписываешь что-либо противное истинной вере, то мы, епископы, не можем терпеть сие без конца и оставлять без своего внимания; конечно, ты можешь явиться в церковь, но либо не найдешь здесь ни единого священника, либо найдешь такого, который не позволит тебе приблизиться к себе»

На первых порах епископ находился в весьма дружественных отношениях с императорским двором и даже был послан с дипломатической миссией к узурпатору Максиму, со стороны которого опасались вторжения в Италию. Но уже вскоре возник серьезный повод для столкновения. Так как императрица Юстина была арианкой, она потребовала уступить арианам одну церковь в Милане, что Амвросий решительно отказался исполнить. Население приняло его сторону, и огромные толпы заполнили базилику. Готские солдаты, которые являлись арианами, были посланы занять церковь силой, но стали брататься с населением.

«Графы и трибуны, — рассказывает Амвросий в пылком письме, адресованном своей сестре, — явились ко мне и стали понуждать, дабы я повелел незамедлительно сдать базилику, заявляя, что император осуществлял свои права, поелику нет ничего, что не было бы покорно его власти. Но я ответил, что востребуй он от меня то, что было моим, сиречь мою землю, мои деньги или что иное в этом роде, принадлежавшее мне самому, я не отказал бы ему в том, хотя все, что принадлежало мне, было достоянием бедных; но что то, что принадлежит Богу, не покорно императорской власти. Я сказал: „Нужно вам мое имущество — берите его; мое тело — я тут же пойду за вами. Вы желаете заковать меня в цепи либо предать смерти? Это будет для меня радостью. Я не стану звать в защиту толпы людей, не буду цепляться за алтари и молить о спасении жизни, а радостно приму смерть ради алтарей“. Я воистину остолбенел от ужаса, когда мне стало ведомо, что вооруженные люди посланы занять базилику силой, из страха, как бы, пока народ защищал базилику, не возникло какое кровопролитие, которое нанесло бы урон всему городу. И я стал молить Бога, дабы он не дал мне дожить до гибели столь достославного города, а может статься, и всей Италии»

Сила Амвросия заключалась в поддержке его со стороны населения. Его обвиняли, что он подстрекает жителей, но он возразил, что «в моей власти было не подстрекать людей, но успокоить их было только в руках Божиих». Амвросий получил официальное повеление сдать базилику, а солдатам было приказано применить в случае необходимости силу. Но в последний момент они отказались применять силу, и императору пришлось пойти на попятную. Это означало выигрыш великой битвы в борьбе за независимость церкви; Амвросий продемонстрировал, что есть вопросы, в которых государство должно склоняться перед волей церкви, и этим утвердил новый принцип, сохраняющий свое значение вплоть до сегодняшнего дня. Следующее столкновение между императором и святым оказалось более почетным для последнего. В 390 году, во время пребывания Феодосия в Милане, толпа в Фессалонике убила начальника гарнизона. Когда Феодосий получил известие об этом, им овладела безудержная ярость, и он приказал отомстить самым гнусным способом. Когда жители собрались в цирке, солдаты напали на людей и, не разбирая ни старого, ни малого, перебили по крайней мере 7000 человек. Тогда Амвросий, который еще прежде пытался сдержать императора, но тщетно, направил ему письмо, полное достойного мужества; оно касалось чисто моральных вопросов и в виде исключения совершенно не затрагивало ни вопросов теологии, ни власти церкви:

«То, что было содеяно в городе фессалоникийцев, и предупредить что у меня не достало сил, не имеет себе подобного в летописях истории; а ведь я сказал наперед, что это будет нечто необычайно ужасное, когда столь часто умолял не допускать сего».

Давид многократно грешил, но всякий раз каялся в своих грехах, неся должное покаяние. Последует ли Феодосий его примеру? Амвросий решает: «Я вовсе не предлагаю жертву, коли ты намерен явиться с повинной. Неужели то, что не позволительно после пролития крови одного невинного человека, позволительно после пролития крови многих невинных людей? Не думаю».

Император выразил раскаяние и, сняв с себя пурпуровые одеяния, принес публичное покаяние в Миланском соборе. С этого момента и до самой его смерти, последовавшей в 395 году, между ним и Амвросием не возникало никаких трений».

Е. Тарле, «История Италии в Средние века»:

«Мы говорили уже въ первой главе настоящей работы о крупной политической роли, которую сыгралъ папа Григорш Велишй въ первыя времена лангобардскаго владычества. Трудно въ достаточной мере

оценить все значение его личности въ истории папства. Благодаря его искуснейшей политике, благодаря его одновременнымъ сноше-шямъ съ императоромъ, и съ экзархомъ, и съ лангобард- скими королями римскому епископу удалось спасти свой городъ. Когда экзархъ не желалъ заключить мира съ Агилульфомъ, Григорий потребовал все-таки и добился заключения мира, безъ котораго Римъ былъ бы затопленъ лангобардскийи войсками. Все романцы Италии видели въ папе своего защитника, государя и спасителя и съ большими трудомъ могли мириться съ мыслью, что ихъ епископъ долженъ повиноваться, хотя-бы даже въ теории, какакимъ (то далекимъ греками, которые въ свое кратковременное владычество, втеченк тринадцати лети, истекшихъ отъ падешя остготовъ да прихода Альбоина, умели только ихъ грабить, безпощадно выжимая налоги, а отъ лангобардовъ защитить не умели.

....Какъ разъ, когда на лангобардский престолъ взошелъ Лиутпрандъ, на престолЬ св. Петра сидЬлъ папа, котораго если не по всЬмъ нравственнымъ качествамъ, то по энсргш можно назвать достойнымъ преемникомъ сана Григория Великаго. Григорий II имел дело уже съ королемъ католикомъ: равнодушные къ оттЬн- камъ хрисианскаго вЬроучешя, варвары поелЬ Ротариса вновь поддались католической проповЬди. Лиутпраидъ не только на словахъ, но и на дЬлЬ являлся покровителемъ и защитникомъ католиковъ въ своемъ королевствЬ; къ папЬ Григорию онъ отнесся въ началЬ своего царствоватя съ такими почтешемъ, что приказывалъ по первой его просьбЬ своимъ горцогамъ прекращать тЬ дикие, неожиданные набЬги на владения, оставшиеся подъ властью Вязании, къ которымъ лангобардская владЬтельная знать чувствовала всегда большую склонность. Бывали также случаи, когда Лдутпрандъ возвращали римской церкви земли, давно уже захваченныя лангобардами, только потому, что ри. мскш первосвященники настаивали на принадлежности зтихъ земель къ патримон! ямъ церкви. Эти благоприятные отношения имЬли громадную важность въ исторш папскаго престола и Италик

....Экзархъ равеннскш Павелъ, намктнпкъ императора, составили отряди и выслали его противъ папы. Тутъ-то и сказалась искусная политика Григория II по отношение къ Лиутпранду: лангобарды по собственной инивдативй преградили путь войску экзарха и заставили его возвратиться въ Равенну. Были ли они враждебно настроены противъ императора, какъ еще недавше, но уже искрение католики, или, проще, они видели въ союзе съ папою и итальянцами средство захватить, наконецъ, въ свои руки Равенну, — неизвестно. Результата былъ вполне ясенъ: победа осталась на стороне папы. Левъ Третий Исавр, император Византии, разевирепевъ подъ

влияиемъ неудачи въ Италии, удесятерили преследоваше иконопочиташя въ Византаи. Тогда папа объявили императора еретикомъ. Вся византийская Йталия единодушно стала на его сторону. Всюду низвергались поставленные экзархомъ местные правители- — дуки и избирались папские приверженцы. Въ Равенне иконопочитатели убили экзарха Павла, и на всеми полуострове власть Византаи рухнула. Лиутпрандъ двинулся къ Равенне и заняли ее, почти не встретивши сопротивления. Новый экзархъ неожиданно заключилъ союзъ съ Лиутирандомъ на такихъ основанияхъ: они вместе покорятъ герцоговъ Веневента и Сполето, которые перестали оказывать должное почтете своему королю, а за- темъ подступятъ подъ стены Рима. Первая часть предприяпя была исполнена, и союзники обложили Римъ. Григорий решился на последнее средство: онъ явился, въ лагерь Лиутпранда съ просьбою не обижать престола св. Петра. Лиутпрандъ бросился на колени предъ папою и тутъ же примирился съ нимъ. Экзархъ и король въехали въ Римъ въ качестве почетныхъ гостей и вскоре оттуда удалились.

....Григорий Третий въ 732 году заявилъ торжественно отделении Италии отъ Византии въ церковномъ отношении; чрезъ нисколько времени имъ же было заявлено и объ отделены политическомъ. Нужно было поискать какъ можно скорее новаго покровителя и защитника Рима отъ напиравншхъ съ севера

лангобардовъ и, следуя по стопамъ своего предшественника, Григорий III обратился къ Карлу Мартелу. Но и онъ ничего этпмъ не достигъ; вскор! папа умеръ.

Оъ новымъ королемъ Рачисомъ пап! было легче вести дела; Рачисъ отличался мечтательнымъ настроеиемъ и, невидимому, большой впечатлительностью: онъ сначала, узнавши, что папа заключивъ съ Византпею тайный противъ него союзъ, подступить къ Перуджш, ключу Рима,, и готовился уже взять ее, когда внезапно отменил свое решение приема папы Захария, аналогичнаго тому, который былъ пущенъ въ ходъ въ эпоху Лиутпранда папою Григориемъ II. Захарий явился въ лагерь Рачиса и убедил его снять осаду. Мало того, папа такъ повлиялъ на умъ короля, что Рачисъ отрекся отъ престола и вместе со всею семьею постригся въ монахи. После этой удачи папа и вся римская Йтал1я могли на время успокоиться.

Въ 751 году случилось событие, составляющее эру въ исторш римской церкви: отъ франковъ, къ которымъ папы обращались пока несколько разъ и совершенно тщетно съ мольбами о помощи, явилось посольство къ Захарию».

Д. Норвич, «история Папства»:

«Городские власти оказались беспомощными, в то время как Гонорий скрывался в равеннских болотах. Именно папе Иннокентию I выпало вести переговоры с завоевателем и выяснить, какие условия того устроят. Аларих потребовал огромную контрибуцию — золото, серебро и другие драгоценные материалы, включая 3000 фунтов перца. Однако благодаря исключительно папе он проявил уважение к церковному имуществу и не стал устраивать
кровавой бани….Папа Иннокентий делал все, что было в его силах, но он не мог спасти свою паству от третьей и последней осады. Возможно, это был первый по- настоящему великий папа. Человек выдающихся способностей, огромной решимости и безупречной нравственности, он подобно маяку возвышался над двумя десятками посредственностей — своих предшественников.
…Аттилу боялись больше, чем какого-либо другого человека — возможно, за исключением Наполеона — до и после. Однако в 452 году Аттила, начав марш на Рим, внезапно остановился. Почему он так сделал, мы не знаем. Традиционно считается, что папа Лев, который отправился, чтобы встретиться с ним на берегах реки Минчо
(вероятно, в районе Пескьеры, где река вытекает из озера Гарда), каким-то образом сумел уговорить Аттилу не продвигаться дальше. Папа Лев спас Рим вновь; однако когда три года спустя под стенами города появился вандальский король Гейзерих, понтифик оказался менее удачлив. Он сумел убедить Гейзериха не предавать Рим огню, но не смог предотвратить страшного четырнадцатидневного погрома. «Книга понтификов» (Liber Pontificalis) повествует нам о том, что когда весь этот кошмар прекратился и Лев обнаружил, что из всех римских церквей
исчезли серебряные потиры и дискосы, то повелел, чтобы обеспечить замену, расплавить шесть больших урн из собора Святого Петра, относящихся к временам Константин. Теперь, после готского и вандальского опустошений, немногое осталось от старого Рима, что можно было бы еще разграбить. Имперский Рим умер и канул в Лету. Более чем за столетие перед этим его дух переселился в Константинополь. Что сохранило значение, так это христианский, папский Рим — и он, к счастью, сумел устоять перед любыми зверствами варваров.
…То, что сам Рим не стал жертвой лангобардского завоевания, удивляет едва ли меньше, чем
спасение города от Аттилы в предшествующем столетии. Вновь это оказалось заслугой папы — одного из наиболее выдающихся из тех, кто когда-либо занимал престол святого Петра. Стоявшие перед папой трудности возрастали из-за позиции равеннского экзарха Рома-

на. Этот человек, которому надлежало быть его союзником, болезненно завидовал папе из-за его власти и престижа. Он не собирался и пальцем пошевелить, чтобы помочь Григорию в его стараниях. «Твое злобствование против нас, — восклицал папа, — хуже, чем мечи лангобардов». В результате Григорию приходилось действовать и как гражданскому, и как военному губернатору практически по всей Центральной Италии: организовывать снабжение войск и указывать им направления действий, а также платить им жалованье (зачастую из средств церкви) и взваливать на себя заботы по обороне Рима и Неаполя, находившихся теперь под одновременной угрозой нападений со стороны лангобардских герцогов Сполето и Беневенто, равно как и преемника Альбоина, короля Агилульфа. Иногда приходилось подкупать их всех, что весьма недешево обходилось папской казне. Но сохранявшаяся бездеятельность и глухая вражда со стороны Равеннского экзархата, должностные лица которого также время от времени требовали, чтобы их подкупали, оставляли мало выбора, и выкачивание средств из казны
продолжалось до тех пор, пока наконец в 598 году не удалось с трудом заключить мир.

Откуда брались все эти деньги? В состав патримония святого Петра, как его называли, входило огромное число поместий по всей Западной Европе и даже какой-то части Северной Африки. С течением столетий их количество постепенно росло, во многом благодаря пожертвованиям и дарениям благочестивых верующих, но также, особенно в более поздние времена, в силу желания бывших владельцев имений спасти их от захвата варварами. Церковь стала к этому времени крупнейшим землевладельцем на Западе. Едва ли кто-то пытался грамотно управлять разнородными и разбросанными на обширной территории доставшимися по наследству владениями. Григорий по крайней мере взялся за это серьезное дело, разделив патримоний на пятнадцать отдельных округов (два из них только на Сицилии), каждым из которых управлял ректор, назначавшийся лично папой. В пределах своего округа ректор обладал всей полнотой власти. Григорий был административным гением, организатором и миссионером; он не был (и не мог быть) абстрактным мыслителем, или богословом, или даже политиком. Благочестивый, но практичный, Григорий намеревался превратить патримоний Святого Петра в огромный благотворительный фонд, который находился бы в
непосредственном распоряжении церкви для оказания помощи бедным — каждый день двенадцать нищих разделяли с ним трапезу. В сущности, его объединительными усилиями незаметно закладыва-

лись основания того, что позднее станет папским государством, обретала гарантии светская власть его преемников, которой предстояло выдерживать испытания в течение четырнадцати последующих веков. Если бы Григорий осознал это, то пришел бы в ужас. Исполненный решимости прежде всего обеспечить главенство папского престола над церковью, он не стремился к мирской славе — ему, как он постоянно говорил, довольно того, чтобы быть «рабом рабов божьих», *serousservorum Dei.*

Наиболее важным достижением Григория, одного из самых выдающихся пап эпохи Средневековья, несомненно, являлось безусловное внушение людям мысли о том, что римская католическая церковь является важнейшим институтом в мире и что папство обладает в рамках последней верховной властью. Среди всеобщего *dégringolade* фигура Григория источает свет подобно маяку. Он стоял за правду, за порядок, за христианскую веру, которая одна только и давала надежду на лучший и более счастливый мир. В глубине души он, несмотря ни на что, оставался скромным монахом, продолжавшим по мере сил традиции своего героя, святого Бенедикта. По-видимому, именно из-за своей скромности Григорий был искренне любим, и поэтому сразу же после кончины папы народ потребовал, чтобы его причислили к лику святых. Титул «Великого» пришел позднее; и то и другое он в полной мере заслужил».

ГЛАВА 11. ДУХОВНЫЙ СОЮЗ ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА КАК ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ ДЕМОКРАТИИ. КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ГРАД БОЖИЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

1. Роль Греции и Израиля в становлении Демократии

2. Духовный союз поля интеллекта как центр тяжести Демократии. Всеобщая воля народа Руссо.

3. Демократии-Тирании как отсутствие духовного союза поля интеллекта.

4. Зачатки духовного союза поля интеллекта и совести в Империи Антонинов.

1. РОЛЬ ГРЕЦИИ И ИЗРАИЛЯ В СТАНОВЛЕНИИ ДЕМОКРАТИИ

Нас учат со школьной скамьи, что Демократия родом из полисов Древней Греции, которые разрушили свою царскую власть и основали гражданское общество, основанное на самоуправлении общины и на принципе верховенства закона. Солон и Ликург как великие законодатели демократических полисов и как предшественники двенадцати таблиц римлян также у всех на слуху. Потому считается, что современная демократия всецело родом из древнегреческих полисов.

Однако, это только половина правды. Правда, что после Откровения Осевого времени два народа отличились от всего прочего населения земли в том, что принялись ожесточенно уничтожать свои Левиафаны — то есть Государства, основанные на на-

силии физического контроля. Это были Греция и Израиль. Греция в итоге стала известна своими демократическими полисами, а Израиль стал также известен всему миру своим Институтом Профетизма, разрушившим царскую власть и заменившим ее тоже верховенством закона. Однако, была существенная разница между этими двумя народами, уничтожившими свои Левиафаны. И там и там верховенство закона заменило власть тирана, однако, закон в Греции был результатом свободного мышления, а закон в Израиле был результатом откровения. В итоге, в Греции свободно развивалась мысль, зато в Израиле интенсивно развивался духовный союз поля интеллекта и совести — братство, милосердие, дружба. Одним словом то, что сегодня так непопулярно в мире атомного индивидуализма и носит название коллективизма и социализма.

Мы помним, что Откровение Осевого времени в разной форме было даровано Греции и Израилю: Греции в виде научного мышления, и там зародилась наука в виде философии метафизики интеллекта; а Израилю, как говорит Спиноза, «через воображение», мистически, и там зародился духовный союз поля интеллекта пока еще спонтанно, в виде интуиции, в первых синагогах, в первых попытках основания братского общества. Так или иначе, оба откровения, как показывает история, имели главным результатом: слом Левиафанов физического контроля.

Это то, что было положительным следствием пробуждения интеллекта и духовной активности в первое осевое время. В Греции — рождение науки и гражданского общества; в Израиле — теократии как духовного союза поля интеллекта и совести. Однажды, этим двум откровениям предстояло слиться в одну настоящую демократию для всего человечества, и процесс синтеза начался во всемирном государстве римской империи. Ведь не может быть народного самоуправления без «единой воли народа» (Руссо), и неполноценные демократии-тирании Эллады это вполне продемонстрировали. С другой стороны, коллективизм братских синагог Израиля и его единая воля народа заменял научное мышление, основанное на контроле законов при-

роды — «кодексом религиозного террора», утверждая зачатки знаний через силовые институты. Настоящая демократия, которая соединит с одной стороны — научный контроль законов природы, а с другой стороны — духовный союз поля интеллекта и совести еще только должна была родиться. И начало этому синтезу было положено в Католической церкви христианской философией.

Были и негативные последствия, как мы помним, первичного пробуждения поля интеллекта, связанные с незрелостью юного разума человечества. Шизоидная Эгозащита, как интеллект, заблудившийся на поле Эгосистемы, и потому переставший быть частью божественной духовной энергии. То есть это теперь формальная логика, оторванная от действительности (то что там осталось от интеллекта), и ставшая частью обычной материальной энергии психики, — то есть частью физического контроля, не имеющей ничего общего с познанием, наукой и истиной. Как Греция, так и Израиль в равной степени пострадали от побочных следствием пробудившейся активности Разума выраженным развитием Гибрис-Эго, то есть сломанного шизоидной Эгозащитой циклического гомеостаза поля Эгосистемы.

Последствия Гибрис-Эго для Греции проявились в атомном индивидуализме их сообщества, разрушившим духовные союзы поля интеллекта и совести, и остановившие становление здорового общества на стадии всеобщей войны всех против всех в Демократиях-Тираниях древних полисов. Последствия Гибрис-Эго для Израиля состояли в том, что в каком-то смысле синагога национального бога Яхве стала первым национал-социализмом в истории. Впоследствии становление Гибрис-Эго в немецком идеализме Канта Гегеля, Фихте, Ницше даст второй образец национал-социализма. Здесь разница лишь в том, что при индивидуальном атомизме друг другу противостоят отдельные люди, а при национальном атомизме друг другу противостоят группы людей. И хотя последние могут дольше сохранятся, чем первые, и то и другое как проявление больной энергии поля Эгосистемы в конечном итоге губительно и для этой груп-

пы и для ее окружения. Вот почему о Греция, больная Гибрис-Эго убила своего великого пророка Сократа, давшего им Откровение Града Божьего в «Республике» Платона, где духовный союз поля интеллекта и совести противопоставлен атомизму индивидов Демократий-Тираний языческой Греции; и Гибрис-Эго Израиля в равной степени убило своего великого пророка Иисуса, который продолжая Революцию Профетизма своего народа (и множества великих пророков) старался искоренить национального бога и установить единого общечеловеческого бога-интеллекта.

Синтез еврейского откровения как духовного союза поля интеллекта и совести с одной стороны, и греческого откровения о науке как законах природы, установленных Творцом и постигаемых научным мышлением человека — вот чем обязано человечество христианству. Истинная демократия могла родиться только из соединения двух ущербных ее прародительниц — демократии-тирании Греции и национал-социализма синагог — и только после выздоровления последних от Гибрис-Эго шизоидного интеллекта.

Вот об этих поисках истинной демократии в «либерализме Греции и социализме Израиля» и пишет Э. Ренан в «Истории израильского народа». Мы же со своей стороны хотим только подчеркнуть, что ни в коем случае Греция не была единственным родителем современных правовых государств. Родителей было два — и Израиль принимал такое же участие в рождении демократии, как и Греция. Никакой демократии без духовного союза поля интеллекта и совести, то есть «всеобщей воли народа», что хорошо выразил Руссо в свое время, нет и быть не может. В свою очередь первым духовным союзом человечество обязано пророкам Израиля, вдохновившим проповеди Иисуса Христа (чье имя, как известно родилось от брака греческой и израильской культур).

Начало этому феномену Западного Коллективизма (духовному союзу поля интеллекта и совести) положила Католическая церковь средневековья. Византия же деградировала назад в Во-

сточный коллективизм Левиафана садомазохизма. Зарождение Западного коллективизма могло стать только реакцией на болезнь западного индивидуализма — побочного продукта юного, незрелого интеллекта.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «В этом, однако, не было ничего нового. Самое экзальтированное демократическое движение, о котором только сохранилось у человечества воспоминание (и также единственное, имевшее успех, ибо только одно оно оставалось в области чистой идеи), уже давно волновало еврейскую расу. Мысль, что Бог есть мститель за бедного и слабого против богатого и сильного, повторяется чуть не на каждой странице книг Ветхого Завета. Из всех историй в истории Израиля народный дух господствовал с наибольшим постоянством. Пророки, эти истинные трибуны и, можно сказать, самые смелые из трибунов, непрерывно гремели против великих мира и установили тесную связь между понятиями: „богатый, нечестивый, жестокосердый, злой", с одной стороны, и словами: „бедный, кроткий, смиренный, благочестивый", с другой стороны. При Селевкидах, когда почти все аристократы сделались отступниками и перешли в эллинизм, эти ассоциации идей только еще более укрепились. В книге Еноха находятся еще более энергичные проклятия, нежели в Евангелиях, по адресу мира богатых, сильных»

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Начиная с 850 года до н.э. становится ясным, что Израиль не будет таким народом как другие. Царская власть побеждена. Этот народ будет посредственностью в сфере светской жизни; но в сфере религиозной он не имеет себе равного. Будущее принадлежит здесь не умным царям, не тонким политикам: оно принадлежит ясновидцам, утопистам, вдохновенным поборникам демократии, которые управляют революциями, создают и низлагают династии... Эта идея о том, что национальный бог постоянно являет волю свою через какого-то бедного пустынника, одетого во вретище, одна из поразительнейших идей, возникавших в человечестве. В этом единственном учреждении — весь секрет необычайного роста израильского народа. Профетизм имеет реальное сходство с современной прессой, которая также является особой силой рядом с правительством, патрициями, духовенством. Пророки израильские были публицистами, выступавшими от имени бога. Профетизм то спасал, то низвергал династии. Пророки в одно и то же время — патриоты и злейшие

враги своего отечества. Они препятствуют установлению гражданского строя, заключению внешних договоров, устройству армии. Они создают противоправительственную оппозицию, против которой не устояло бы никакое государство. И все же, в конце концов, именно пророки создали историческое значение Израиля. Они нанесли смертельный удар политической жизни маленького народа, вверившего им свою судьбу, но они основали религию для всего человечества.

....Профетизм окончательно восторжествует при Иосии. История иудейского народа отныне является историей религии, которая благодаря победе христианства входит в поток общечеловеческого движения. Призыв к справедливости, исторгнутый из уст древних пророков, отныне не заглохнет. Греция создаст формы светского общежития, свободные в том смысле, как понимают это экономисты, не отступая перед зрелищем страданий слабого, порожденных сложным социальным творчеством. Пророки будут отстаивать справедливые требования бедняка; они будут подрывать в израильском народе основы военного и государственного могущества; но они создадут синагогу, церковь, ассоциации бедняков, которые со времени Феодосия станут всемогущими и завоюют мир. В средние века, громовые речи пророков, истолкованные святым Иеронимом, будут наводить страх на богатых и сильных, препятствуя во имя блага бедняков, развитию индустрии, науки, светской культуры. Дело пророков осталось таким образом одним из основных элементов всемирной истории. Движение человечества направляется по равнодействующей параллелограмма двух сил: либерализма, с одной стороны, и социализма с другой, причем либерализм — греческого происхождения, а социализм — еврейского; либерализм толкает человечество к высшей точке развития, а социализм заботится прежде всего об осуществлении справедливости и о благе большинства, которое часто приносится в жертву потребностям цивилизации и государственной жизни. Чтобы определить какое из двух направлений является истинным надо было бы знать какова цель жизни человечества. Заключается ли эта цель в благе личностей? Или же цель заключается в абстрактных ценностях, которые требуют жертв гекатомб индивидов?

......Нравственный дух левитического кодекса мало чем отличался от нравственного духа Второзакония. И тут и там тот же фанатизм и формализм. Милосердие, человечность доведены до последних пределов возможности, но, разумеется, лишь в недрах семьи Израиля. Бедный окружен столькими гарантиями, что задаешь себе вопрос, в чем могло состоять преимущество богатого. Этот закон как

видим годился для какого-нибудь братства, но не народа. Он сильно приближается к идеям господствующим в некоторых социалистических кругах. Излишне прибавить, что никакая культура духа, никакое искусство, никакая наука, ни один из тех ароматных цветков, который распустился в Греции, не мог произрасти на почве такого режима. Все одинаково тут культурны, потому что эта культура очень посредственна. Счастье индивидуума, гарантированное социальной средой, к которой он принадлежит — вот цель закона. Как верно, что законы Израиля не суть действительные законы, которые могут приняты государством! Это мечты, часто прекрасные мечты, которые не были безопасны, когда превращались в положительное законодательство. В конечном счете, милосердие, доброта к слабому многим обязаны Израилю, Право ему ничем не обязано

......У Исайи в особенности мы находим в смысле универсализма слова, возвышеннее которых нельзя себе и представить. В 6 веке Второй Исайя провозглашает Ягве всевышним богом мира и человечества. Аноним 536 года является последним результатом той усиленной трехвековой религиозной работы, которая была величайшей из всех (за исключением христианства), оставивших видимый след в истории. С ним мы достигаем вершины той горы, откуда виден Иисус, стоящий на вершине другой горы, а в промежутке между ними — очень большая долина. Это — первый по времени гуманитарный мыслитель. Греция, создавшая столь прекрасные вещи, искусство, науку, философию, свободу, не создала гуманитаризма. Набросанное этим пророком изображение человека скорее принималось в течении восемнадцати веков за изображение Иисуса. Из всех библейских книг Второй Исайа гораздо больше других дал христианству. Он почти целиком вошел в церковную проповедь и церковное богослужение.

......Творения евреев будут иметь свой конец, иудаизм и христианство исчезнут. Напротив, творение греков, то есть наука рациональная, экспериментальная цивилизация, без шарлатанства, без откровения, основанная на разуме и на свободе, будет продолжать существовать до конца, и если бы этот земной шар перестал исполнять свои обязанности, то найдутся другие миры, которые доведут до конца программу всякой жизни: просвещение, разум, истину. След оставленный после себя Израилем будет однако вечен. Израиль первым давший форму крику народа, жалобе бедного, упорным требованиям тех, кто жаждут справедливости. Израиль так любит справедливость, что не находя мир справедливым, осуждает его на гибель Израиль таким образом заполняет пробел оставленный греческой цивилизацией, в которой раб так страшно покинут богом. Греция не имеет книги Ено-

> ха, этого яростного протеста против мира, каков он есть и каков он необходимо должен быть. Иудаизм и христианство представляют собой в античном мире то, чем социализм является в новейшее время. Социализм не одержит полной победы. Свобода, с вытекающими из нее следствиями, останется законом мира; но свобода каждого будет куплена ценой значительных уступок, сделанных за счет всех. Социальные вопросы уже не сойдут со сцены; они все больше и больше будут преобладать над политическими и национальными вопросами. Еврейская программа будет выполнена: истина будет реально существовать на земле без награждающего неба».

2. ДУХОВНЫЙ СОЮЗ ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА КАК ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ ДЕМОКРАТИИ. ВСЕОБЩАЯ ВОЛЯ НАРОДА РУССО

Нас убеждают в том, что современные правовые государства — результат Возрождения, как возврата к языческим античным демократиям и отказа от тирании средневековой церкви. По крайней мере, такова претензия современных либералов. Однако, это абсолютная неправда. Правовые государства родились из борьбы Церкви с Государством, из Власти Духа, направленной против Власти Насильников. И именно церковь сохранила знания и культуру цивилизацию, которую варварские королевства не потрудились бы сохранять для потомства. Именно церковь способствовала становлению университетов на базе монастырей, именно церковь способствовала сохранению идеи Естественного Права как духовной природы совести и справедливости человека. Именно церковь заставила принять христианские ценности как Конституции правовых государств, как то нормативное право, которое значило примирение между Градом Божьим и Градом земным на пути к торжеству Естественного права Града Божьего.

П. Новгородцев Лекции по истории философии права:

> «В 1892 г. проф. Ковалевский, а три года спустя гейдельбергский ученый Иеллинек вновь вспомнили полузабытых протестантских политиков XVI и XVII столетий, чтобы подчеркнуть их значение в развитии политической мысли нового времени. Ковалевский признал в них родоначальников английского радикализма и отметил

> вместе с тем их значение для образования принципов французской революции. В том же духе высказался Иеллинек. «Что до сих пор считали делом революции, — замечает он — то на самом деле есть плод Реформации и ее борений. Первым апостолом принципов революции был не Лафайет, а Роджер Вильямс». Но что же нового внести индепенденты в оборот политической мысли? Они впервые провозглашают известные права личности неотчуждаемыми и прирожденными, независимыми даже от народного представительства. Ковалевский и Иеллинек, вслед за Вейнгартеном, неопровержимо доказали, что французская декларация прав есть не более как список с соответствующих американских деклараций и что эти последние представляют собой выражение тех взглядов и требований, которые привозили с собой в Америку английские индепенденты, как плод политических опытов, вынесенных ими с родины. В новых Американских Штатах положения, высказанные левеллерами, являлись исходными моментами для всего последующего развития американской нации. Декларация Джефферсона, как и самая американская конституция, служат выражением тех же начал, из-за признания которых боролись левеллеры»

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Невзирая на феодальную церковь, секты, духовные ордена, святые люди продолжали восставать во имя Евангелия на неправду света. Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более истинных последователей, кроме тех, которые, по-видимому, его отрицают, мечты об идеальном устройстве общества, представляющие столько сходства со стремлениями первых христианских сект, — эти мечты являются в известном смысле развитием той же идеи, одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в зародыше всякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно будет Царствие Божие. Все общественные перевороты привьются к этому слову, а социалистические попытки нашего времени, запятнанные грубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то есть к созданию общего благоденствия политическими и экономическими мерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство истинный дух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм не усвоит того начала, что, дабы обладать землею, надо от нее отречься»

Мы можем видеть из приведенных выше цитат, что историки согласны в том, что революции в борьбе за верховенство зако-

на, за права человека произросли на почве христианской церкви, на почве войны Града Божьего против Государства физического контроля, против насилия и подчинения Левиафанов. То же самое Мережковский говорит и о русской революции, называя величайших столпов религиозной мысли России — Толстого, Достоевского, — великими революционерами. Автор предисловия к книге Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий» возмущен мнением «марксиста Бердяева», что Толстой был в основании революции, как несправедливым:

> «Бывший марксист Бердяев, впавший в православие, винит учителя непротивления злу насилием, убеждавшего приходивших к нем урабочих не совершать революции: «Хуже будет. Придет к власти какой-нибудь адвокатишка» (предугадал Ульянова-Ленина), — в том, что он «оказался источником всей философии русской революции», и что «необходимо освободиться от Толстого, как от нравственного учителя».

Однако, в данном случае Бердяев прав том, что Толстой как Достоевский, как Мережковский и Гоголь, как Чехов и Герцен, как вся великая русская литература были в основании российского бунта против византийского Левиафана самодержавия-православия, обожествившего русского царя. Другое дело, что правы также Мережковский, Достоевский, Толстой в своем недоверии к революции «материалистов». Марксизм-ленинизм, как лженаука дарвинизма мог иметь своим результатом только «ваньку-встаньку истории», как говорит Мережковский — только смену элит в результате переворота, который полностью консервировал насилие Левиафана, суть системы как «государства-машины для насилия», выражаясь словами Ленина. И только ленивый не говорил уже о тождественности русского царизма и русского коммунизма, начиная от Тойнби и Рассела, которые осуждают их как тоталитаризм, и заканчивая последним интервью Путина Оливеру Стоуна, где Путин конечно же хвалит и царизм и коммунизм именно потому что это один и тот же Левиафан насилия.

Мы видели, что опасения Толстого, Достоевского, Мережковского о том, что можно создать социал-демократию на основе

марксизма-ленинизма полностью себя оправдали. Достоевский называл коммунистов — бесами, Мережковский — «маленькими дьяволами», противопоставляя «большому Антихристу», который будет говорить от имени Христа. Так или иначе, все они предвидели, — даже Герцен, который считал себя позитивистом-эмпириком, — что настоящая революция придет с «Христианами», что она будет «вне политики», то есть будет основана на социальном движении как церковь христианская. «Будущее вне политики, — скажет Герцен, — будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений». Его слова эхом отдаются в книге Трубецкого о «Республике» Платона:

Е. Трубецкой, «Социальная утопия Платона»:

> «Но еще ценнее и значительней для нас положительный вывод философа: он понял, что в этой языческой жизни от начала до конца все — ложь, что правда не справа, не слева и не в центре, а сверху, НАД борьбой классов и партий, НАД существующими формами общежития, что жизнь личности и общества только тогда обретет свой смысл, когда она воссоздается согласно ее божественному первообразу. Гигантским усилием мысли он вознесся над землею и вспомнил небесную родину. В порыве вдохновения он увидел то, чего раньше в его вреде никому не было дано видеть — тот мир, тот мир где Бог есть все во всем, где нет ни борьбы, ни раздвоения, ни ненависти, ни страсти, ту всеобщую гармонию где хаосу навеки положен предел. Он понял, что истинное общежитие есть то, где люди едины в Боге, где все живут единой мыслью и единым чувством — в том совершенном дружестве, которое упраздняет различие моего и твоего».

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Все перевороты внешние, политические и социальные, все наши «революции», — поверхностны: буйны и кратки, дерзки и робки, грубы и слабы; все останавливаются на полпути или кончаются своей противоположностью: освобождая, порабощают. В новом порядке возникает старый: Ванька-Встанька, только что сваленный, но с неперемещенным центром тяжести, опять встает и крепче утверждается. Новый порядок хуже старого: вместо веревочных уз — железные, стальные, адамантовые; внешнее рабство становится

> внутренним: люди сами в цепи идут, жаждут рабства все неутолимее, и этот «прогресс» бесконечен. Тщетны все революции внешние; в мнимом движении, неподвижны все. Только один, — Его, Первого Двигателя, — внутренний переворот действителен, потому что только он перемещает в мире и в человеке внутренний центр тяжести; только он — глубочайший и сильнейший, потому что тишайший.
> Прямо стоявший мир будет опрокинут Иисусом, или опрокинутый, — поставлен прямо. Сколько бы ни уничтожали мы дело Его, — нарушенное Им, равновесие уже не восстановится. Зиждется ли Им или разрушается все; восстает или падает; к добру идет или к худу, — но дойдет до конца — не остановится».

Герцен в эссе «С того берега»:

> «Демократия не может ничего создать, это не ее дело, она будет нелепостию после смерти последнего врага; демократы только *знают* (говоря словами Кромвеля), *чего не хотят; чего они хотят, они не знают*. Но действительного творчества в демократии нет — и потому-то она не будущее. Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саван прошедшему и пеленки новорожденному. Социализм соответствует назарейскому учению в Римской империи
> ….. «враждебные партии не могут ни объясниться, ни понять друг друга,
> у них разные логики, два разума. Когда вопросы становятся так, нет выхода — кроме борьбы, один из двух должен остаться на месте — монархия или социализм.
> Подумайте, у кого больше шансов? Я предлагаю пари за социализм. «Мудрено себе представить!» — Мудрено было и христианству восторжествовать над Римом. Я часто воображаю, как Тацит или Плиний умно рассуждали с своими приятелями об этой нелепой секте назареев, об этих Пьер Ле-Ру, пришедших из Иудеи с энергической и полубезумной речью, о тогдашнем Прудоне, явившемся в самый Рим проповедовать конец Рима. Гордо и мощно стояла империя в противоположность этим бедным пропагандистам — а не устояла однако. Или вы не видите новых христиан, идущих строить, новых варваров, идущих разрушать?»

Итак, мы вместе с великим русскими классиками должны признать, что лженаука, которая не учитывает знания о законах психической энергии человека, управляющими индивидом и обще-

ством, не может привести к построению здорового общества. Так что, каждый раз бунт и революция против насилия физического контроля Левиафанов будут заканчиваться «ванькой-встанькой» истории: то есть как в случае с кругом от царизма к коммунизму будут возвращаться к Левиафанам садомазохизма (физического контроля насилия и подчинения). Чтобы изменить такое положение вещей необходимо иметь истинное знание о законах человеческой энергии, а значит знание об антагонизме духовной и материальной энергии психики. Тогда нам станет понятно, что для того чтобы победило здоровое общество, необходимо бороться с патологией материальной энергии, очистить от него духовную энергию и создать духовный союз поля интеллекта и совести. И именно этот феномен мы наблюдаем в становлении Католической церкви средневековья. Вот почему эта важнейшая эра именно в истории демократии и правового государства. Ведь Первая Теократия Естественного Права, Империя Антонинов, только говорила о духовном союзе поля интеллекта и совести в трудах своих самых выдающихся мыслителей и императоров, но не имела этого единства духа в церкви. Громадная роль христианства как Второй Теократии Естественного Права состоит в том, что католическая церковь создала этот духовный союз, и отделив его от государства — противопоставила его государству. То что еще было едино в Римской Империи — государства Порочных и Добродетельных Императоров — католическая церковь разъединила и тем открыла поле для борьбы Добра со Злом. Плиний Младший, который в «Панегирике Траяну» задолго до Августина разделил и противопоставил Град Божий — Граду Дьявола, анализируя правления Злых и Добрых Императоров, не имел оружия против Зла Человекобогов языческих Левиафанов. Католическая церковь, которая отделилась от Государства, и противопоставила церковь единого человеческого братства — сообществу Насилия, уже имела мощное оружие в борьбе со Злом Левиафанов.

И именно из этой борьбы как мы увидим ниже, вышли современные правовые государства как большой шаг вперед на пути к демократии свободных, здоровых обществ по сравне-

нию с греческими и еврейскими ячейками демократии в полисах и синагогах античности.

Русская революция, которая отринула основу питавшую ее, откровение христианства, сразу же задохнулась на почве марксизма-ленинизма. То, что нам поведал Солженицын, продолжатель пророческой русской литературы, в полной мере отражает этот процесс разложения революции в разложении духовной энергии русского общества. Однако, правовые государства Запада, родившиеся из своих социал-демократических революций, захлебнулись далеко не сразу, и дали миру большой прогресс в том числе в социальной и гуманитарной науке благодаря сохранившейся свободе мысли. Пусть лженаука в конечном итоге привела повсюду к крушению рационализма и победе консерваторов. Все равно сохранялась свобода мысли, верховенство закона, борьба за права человека, что содействовало большому прогрессу в развитии мысли. Конечно, не обошлось без таких эксцессов как тоталитаризм национал-социализма Гитлера, как первая и вторая мировая война. Это показывает, что движение западной цивилизации пока не линейное, пока это не движение научного контроля духовной энергии. А скорее это движение шизоидной Эгозащиты, движение Гибрис-Эго, а шизоиды в отличии от циклического движения циклоидов, учил Эрнст Кречмер, двигаются не линейно, а «скачками», которые приводят к необратимым «сдвигам». Ну вот примерно как скачки и сдвиги двух мировых войн.

Тойнби пишет в «Цивилизации на суде истории», что наши современные правовые государства по сути своей возврат к языческим античным государствам, и что в этом смысле это явный регресс по сравнению с периодом средневековья, где Католическая церковь направляла государства как общества физического контроля к ценностям совести, к верховенству божьего закона этики. В каком то смысле так оно и есть. Ведь несмотря на тот факт, что Третья Теократия Естественного Права в лице Америки, заявила себя в самый момент рождения как христианское государство с Божьим законом и идеа-

лом Града Божьего Августина, в конечном итоге пришла к индивидуальному атомизму. Лженаука дарвинизма не только возродила поле Эгосистемы язычества, но придало ему большую силу, оправдав его «научными» догмами о единстве биологического и психического, о праве сильного, и о абсурдности совести и этики в мире, где правит закон выживания сильнейшего. В итоге то великое приобретение католической церкви, которое мы имели в духовном союзе поля интеллекта и совести, в рождении западного коллективизма платоновской республики было потеряно для западного общества в целом. И тем не менее, мы видим, что ростки в виде «визинарных компаний», обнаруженных Порасом и Коллинзом, учеными Стенфордского университета, сохранились. Конечно, работа средневековья не прошла даром, из правовых государств, гарантировавших свободу мысли вышла не только лженаука дарвинизма, но и великие труды Ренана, Тойнби, Швейцера, «христианская наука» и исторический Иисус, гуманистическая психология Фромма, Маслоу, Хорни, Адлера, Роджерса, Милграма, Юнга, Франкла, Фрейда, исследования визинарных компаний Пораса и Коллинза, социальные книги Рассела, Уэллса, Оруэлла. Все это вместе взятое в конечном итоге привело к Открытию Психической Энергии, то есть к торжеству истинной науки вместо лженауки. И значит, католическая церковь успела передать факел знаний правовым государствам, и гарантировала тем победу Града Божьего в конечном итоге.

Мы видим, некоторую аналогию борьбы Католической церкви с Государством в современных попытках Америки совместно с ООН и принятым на базе этой организации Всеобщей декларации прав человека 1948 года под руководством Э. Рузвельт не то чтобы бороться с государствами на правах церкви Прав Человека, но руководить ими. Претензии Америки, как великой демократии, осуществлять контроль за правами человека в мире, тем не менее не могут реализоваться. Понятно, что регресс по сравнению с противостояние церкви и государства в средневековье уже в том, что церковь и государство вновь сливаются

в одно учреждение, как было в двуликом Риме Добрых и Злых Императоров. Во-первых, рушится духовный союз единой совести людей, возможный только на основе церкви как социальной организации;, и мы видим возрождение атомного индивидуализма и национализма на западе. Во-вторых, когда и добродетель духовной энергии и порок материальной энергии заперты в одном и том же государстве и в одних и тех же институтах, то плодотворная борьба добра со злом, как борьба двух различных институтов, становится невозможной. Мы видим, что Добродетельные президенты Америки погибают в этой борьбе, начиная уже с Линкольна, а сама Америка движется на пути к победе языческого государства физического контроля. Например, какая организация сегодня, какая католическая церковь, может пристыдить президента Америки за прекращение работы Голоса Америки и Радио Свобода? Или за содействие травле и репрессиям не только автора Научной Революции Энергетика, но и самой Науки, Открытия Психической Энергии, что самое страшное?

М. Игнатьев в книге «Права человека как идолопоклонство и как политика», ставит Институту прав человека альтернативу выбирать между определением себя как политической организации, или как магического сознания, поклоняющейся идолу человека. Того простого решения, что Институт прав человека должен быть Духовным Союзом Поля Интеллекта и Совести, основанным сегодня уже не на откровении чувства, что недостаточно, а на полноценной науке о духовной энергии человека, автор книги не видит. Конечно, без Научной Революции Энергетика, без Открытия Психической Энергии и не может увидеть.

Однако, само русло дискуссии о правах человека и о беспомощности правозащитных институтов исполнять роль католической церкви в борьбе с государством, обнажает проблему как нельзя лучше. Проблема состоит в том, что борьба Града Божьего с Градом земным возможна только на основе Божьего Закона. А Божий Закон — это Естественное право законов природы, в данном случае законов психической энергии.

Таким образом, задачей ближайшего будущего станет вновь разделить церковь и государство, Град Божий и Град Земной, утвердив Международный Институт Естественного Права. Только как выразитель и носитель Естественного права (о чем сам М. Игнатьев многократно упоминает, но не знает что такое естественное право при дарвиновской парадигме), Институт Прав Человека станет эффективным борцом со злоупотреблениями государства в отношении своих граждан. И таким образом, Воинствующая церковь Града Божьего вновь явит свою Благодать на земле.

Напоследок хотелось бы сказать, что конечно не только Платон, Трубецкой и Герцен понимали, что решение проблемы находится «Над схваткой», как говорил Ромен Роллан и делал Бертранд Рассел во время Первой мировой войны. Давно уже мир расколот между Восточным и Западным Римом, и линия фронта сохраняется по границам железного занавеса холодной войны с тех самых пор. Решение вопроса не в партиях как мы убедились, не в тех кто за «индивидуализм», и тех кто за «коллективизм», как говорит Уэллс. Рассел подтверждает, когда утверждает что ни капитализм, ни социализм не дают удовлетворительных ответов. Ведь все противостояние происходит как всегда из материальной энергии психики, из патологии мертвой энергии поля Эгосистемы. Гибрис-Эго западной формы болезни называется «индивидуализмом», а Циклическое Эго восточной формы болезни называется «коллективизмом». На самом деле, это только формы скрытого и явного аутизма, то есть функционирования мертвой энергии между единой духовной энергией человечества. Ведь дух в основе всякого человека. Таким образом, решение как говорили умные люди, будет не справа и не слева, а Над всеми политическими группировками: в едином духовном союзе поля интеллекта и совести. И доставит это решение Международный Институт Естественного Права на основе Открытия Психической Энергии в качестве западного коллективизма противопоставленного восточному коллективизму, как платоновская республика противостоит гоббсовскому левиа-

фану. Без единого поля духовной энергии человечества нам не видать Града Божьего и его благодати. Б. Рассел утверждает, что как во всех спорах, которые ведутся веками, спор между коллективизмом и индивидуализмом при его разрешении будет включать аргументы обеих сторон. Действительно, западный коллективизм — это не поглощение духовной энергии мертвым чудовищем поля Эгосистемы. Западный коллективизм -это духовная энергия максимально развитой личности, и единый духовный союз совести в истинной дружбе.

А. Маслоу «Мотивация и личность»:

> «Тот факт, что самоактуализирующиеся люди даже в любви способны оставаться отстраненными, сохраняют свою индивидуальность и личностную самостоятельность, может показаться парадоксальным, так как индивидуализм и отстраненность, на первый взгляд, абсолютно несовместимы с той особого рода любовным отождествлением, которое мы обнаружили у самоактуализирующихся индивидуумов. Но это — лишь кажущийся парадокс. Я уже говорил о том, что отстраненность здорового человека может гармонично сочетаться с его абсолютным, полным отождествлением с предметом своей любви. Удивительно, но о самоактуализирующихся людях можно сказать, что они одновременно и самые большие индивидуалисты, и самые последовательные альтруисты, существа, крайне социальные и до восхищения способные любить. В рамках нашей культуры индивидуализм принято противопоставлять альтруизму, эти два свойства принято рассматривать в качестве крайних пределов единого континуума, но мы уже говорили о том, что Подобная точка зрения ошибочна и требует тщательной корректировки»

Герберт Спенсер «Социальная статика»:

> «Прогресс ведет людей одновременно и к большей взаимной зависимости, и к большей индивидуализации, — каким образом благосостояние каждого с каждым днем все теснее и теснее соединяется с благосостоянием всех и почему, следовательно, интерес каждого заключается в том, чтобы уважать интересы всех. Многим факт этот к несчастью совершенно неизвестен... Человек неизбежно должен убедиться, что его собственное благосостояние и благосостояние всех вообще людей — нераздельны»

3. ДЕМОКРАТИИ-ТИРАНИИ КАК ОТСУТСТВИЕ ДУХОВНОГО СОЮЗА ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА И СОВЕСТИ

Почему материализм не может установить социал-демократию? Потому что центр тяжести, который сдвинула церковь Христа, есть равновесие духовной энергии. И потому весь вопрос о демократическом обществе, есть вопрос о системах равновесия двух энергий психики.

Левиафан Гоббса — это система циклического равновесия физического контроля материальной энергии поля Эгосистемы. Притяжения Самолюбия и Влюбленности, Верхняя и Нижняя Эгозащита, рабство и насилие складывают общество в иерархию насилия, где верхние господствуют над нижними и сами в свою очередь подчиняются верхним. При этом важно понимать, что такой «восточный коллективизм», или иначе тоталитаризм, где все чувствуют себя рабами, и все чувствуют себя мертвыми, где нет ни совести, ни сочувствия, ни искренности, ни честности, ни дружбы, а только власть как насилие и деньги в почете — это не совсем человеческое сообщество. Точнее говоря, это вовсе не человеческое сообщество, потому что энергетическая его суть в том, что духовная энергия людей (то есть сами люди) становится донором для функционирования бессознательных автоматизмов притяжений Самолюбия Влюбленности мертвой энергии, которая соединятся в союзы насилия между людьми, оставляя людей одинокими, запуганными и враждебными друг другу. Вот что такое восточный коллективизм Левиафанов, и нас заставляют верить, что нет другого, настоящего, человеческого коллективизма, где соединяется не мертвая энергия между людьми, а сами люди в дружбу совести, сочувствия и справедливости!

Как вы уже поняли, другое равновесие, то есть устойчивое равновесие научного контроля духовной энергии поля интеллекта и составляет общество дружбы и совести, или иначе общество западного коллективизма. И не различать между Республикой Платона и Левиафаном Гоббса, называя и то и дру-

гое — коллективизмом тоталитаризма, значит быть абсолютно слепым.

Понятно, что настолько насколько в Левиафане Гоббса нет ни грамма Духа и ни грамма Свободы и Демократии, настолько же Республика Платона управляемая истиной и философами-правителями (со всеми поправками на научный контроль законов природы) будет обществом Духа, Свободы и Демократии.

Вот почему, церковь Христа как первый духовный союз в мировом значении сдвинула тот центр тяжести, который как уверяет Мережковский уже не остановится, и дойдет таки во всем мире до устойчивого равновесия духовной энергии в научном контроле поля совести и интеллекта.

И вот почему без знаний о двух энергиях психики, будучи дарвинистом материалистом и марксистом, никак нельзя «сделать революцию» и ожидать результатом свободное и здоровое общество. Единственным результатом станет смена «элит», то есть смена конкретных людей в качестве господ и рабов, но господа и рабы и вся иерархия Левиафана останется в целости и сохранности. Вот почему за истинный прогресс мы повсюду обязаны истинной философии метафизики интеллекта, истинному откровению, как в платонизме, иудаизме и христианстве.

Д. С. Мережковский «Еще о Великой России»:

> «Некую тоже «соборную личность», или, вернее, личину, «искусственного человека», homo artificialis, предсказывал еще Гоббс в «Левиафане». Как бы не оказалась «Великая Россия» этим страшным «искусственным человеком», автоматом, который задушит в мертвых объятиях живую Россию?
> Царь Навуходоносор поставил золотой истукан и объявил: «Народы, племена и языки! Когда услышите звуки трубы, свирели, цитры, цевницы и симфонии, падите и поклонитесь золотому истукану, а кто не падет и не поклонится, брошен будет в печь, раскаленную огнем».
> Национальная симфония «Великой России» напоминает эту вавилонскую музыку, а религиозно-революционные «отщепенцы» — как в русском народе, так и в русской интеллигенции — трех отроков, которые ответили царю: «Бог наш силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавить. Золотому истукану

> не поклонимся».
> Навуходоносор за то, что велел поклоняться себе, как Богу, стал зверем. На этом смешении лица Божиего с ликом звериным, на старом порядке религиозном зиждется и старый государственный порядок. Нельзя перейти от старого порядка к новому, не преодолев этого религиозного смешения. Но Струве не преодолевает, а утверждает его, когда усматривает «сквозь хищничество Бисмарка его религию»:
> «Величие Бисмарка остается фактом, хотя бы мы к его имени приписали слово «Зверь» с большой буквы», — не значит ли это, что религиозное величие государственности может являться и «в зверином образе»?
> Мы на это ответим: будем гореть в печи огненной, но Великой России в образе звериным не поклонимся».

Д. С. Мережковский «Красная шапочка»:

> «Я могу представить себе Герцена, умирающего на парижских баррикадах 48-го года за идею всемирного братства с верой, что и Россия когда-нибудь скажет миру свое новое слово об этом братстве.
> Но какую существенную разницу нашел бы Герцен между государственными идеалами Струве и Николая I — не могу себе представить.
> О Л. Толстом, непримиримейшем враге не только русской, но и всякой вообще государственности, и говорить нечего. Величие Толстого есть воплощенное отрицание великой России, о которой мечтает Струве.
> Я нарочно взял три столь крайние и противоположные точки — Лермонтов, Герцен, Толстой — для того, чтобы показать всю площадь противогосударственной заразы, с которой борется Струве: эта площадь так велика, что истребить заразу значит истребить едва ли не всю русскую интеллигенцию. Во всяком случае, чтобы сделать с ней то, что хочет Струве, нужно вывернуть ее наизнанку, да и то Бог весть, поможет ли — горбатого разве могила исправит.
> Ежели сейчас в России есть фантастичнейшая сказка, отвлеченнейшая утопия, так это мечта о государственной мощи России как «путеводной звезде» для заблудившейся русской интеллигенции. Кажется, лучше пойдет она к черту в лапы, чем в такую Россию, — не примет, подобно Красной Шапочке, волка за бабушку».

Д. С. Мережковский «Пророк русской революции»:

> «но отсутствие религиозной идеи в русской революции свидетельствует именно только о том, что ее настоящий фазис очень ранний.

Как ни огромен поднявшийся вал, он все еще не возмутил последних глубин стихии народной. Как ни страшна буря над землею, она лишь слабый отзвук того, что происходит под землею: это одна из тех бурь которые предшествуют землетрясениям.
Впрочем и теперь уже русская революция бессознательная религия, как и всякий великий переворот общественный, потому что во всякой религиозной общественности скрыто начало соборности, и притом соборности вселенской — «мечта всемирного объединения человечества» в какой-нибудь последней всечеловеческой истине, то есть начало бессознательно-религиозное. В этом смысле душа русской революции — социал-демократия, уже и теперь соборно-вселенская и следовательно, бессознательно религиозная. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — этот призывный клич, напоминающий крик журавлей, нигде еще не раздавался с такой недосягаемо-далекой и торжественно-грозною, словно апокалипсическою, надеждою или угрозою, как именно в русской революции».

Д. С. Мережковский, «Предисловие к одной книге»:

«В России более, чем где-либо в мире, дела дьявола, ложь и человекоубийство, покрываются именем Божиим. Дьявол украл у нас имя Божие. Ежели смотреть не на то, что русские революционеры говорят, а на то, что они делают, нельзя не увидеть, что эти безбожники иногда святые. Со времени первых мучеников христианских не было людей, которые бы так умирали: по слову Тертуллиана, «они летят на смерть, как пчелы на мед».
Русская революция — не только политика, но и религия — вот. что всего труднее понять Европе, для которой и сама религия давно уже политика. Вы судите по себе: вам кажется, что мы переживаем естественную болезнь политического роста, которую переживали в свое время все европейские народы; пусть же перебесимся — все равно, выше головы не прыгнем, кончим тем же, чем вы, остепенимся, протянем ножки по одежке, взнуздаемся парламентским намордником, откажемся от социалистических и анархических крайностей и удовольствуемся вместо града Божиего, старенькой конституционной лавочкой, буржуазно-демократической серединкой на половинке; — так было везде, так будет и у нас.
Пожалуй, и действительно было бы так, если бы мы были не на изнанку, если бы не наша трансцендентность, заставляющая нас разбивать голову об стену, лететь «пятами вверх». Во всяком случае, на конституционной монархии мы не остановимся. Да и не могла бы, если бы даже хотела, русская монархия дать конституцию. Для царя православного отречься от самодержавия значит отречься от право-

> славия.
> Но когда все исторические формы нашей государственности и церковности будут низвергнуты, тогда в политическом и религиозном сознании народа зазияет такая пустота, которую не наполнят никакие существующие формы европейской государственности —
> не только конституционная монархия, но и буржуазно-демократическая республика. Для того чтобы тысячелетние громады окончательно рухнули, нужно такое землетрясение, что все старые парламентские лавочки попадают, как карточные домики. Ни на одной из них русская революция не остановится. Но тогда на чем? и что же далее? Далее — прыжок в неизвестное, в трансцендентное, полет «пятами вверх». Русская революция так же абсолютна, как отрицаемое ею самодержавие. Ее сознательный эмпирический предел — социализм; бессознательный, мистический — безгосударственная религиозная
> общественность. Еще Бакунин предчувствовал, что окончательная
> революция будет не народной, а всемирной. Русская революция — всемирная.
> Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожар.
> Но берегитесь: не вы нас потушите, а мы зажжем вас.
> Истинное безвластие есть боговластие. Слова эти загадочны.
> Но пусть пока так и останутся они загадкою.
> Мы обращаемся не к буржуазному европейскому обществу, а лишь к отдельным личностям высшей всемирной культуры, к тем, для кого уже и теперь, по слову Ницше, «государство самое холодное из чудовищ». Такие одинокие, слишком ранние анархисты, как Бакунин, Толстой, Штирнер, Ницше, — горные вершины, озаряемые первыми лучами дня; а внизу, где еще темная ночь, — бесчисленные неведомые братья наши, всемирный рабочий народ, великое воинство грядущей всемирной революции. Мы верим, что рано или поздно дойдет и до них громовой голос русской революции, в котором зазвучит над старым европейским кладбищем труба архангела, возвещающая
> страшный суд и воскресение мертвых».

Нам остается сказать о том, что представляет собой в таком случае «индивидуализм» с точки зрения Энергетики? Мы уже видели, что больное общество — это коллективизм поля Эгосистемы. Мы также могли убедиться, что здоровое общество — это коллективизм поля интеллекта и совести. Что же такое в таком случае «индивидуализм», если энергий психики только две, и у каждое свое равновесие?

Остается только вариант сломанного равновесия поля Эгосистемы (поскольку наличие поля Эгосистемы в любом случае есть сломанное равновесие поля интеллекта). Действительно, то что со времен Древней Греции называется индивидуализмом как системой общества, есть не более как культура Гибрис-Эго, которая именно в тот период и получила свой расцвет, и по сей день остается болезнью запада.

Э. Фромм, «Иметь или быть»:

> *«Используя психиатрический термин, человека с рыночным характером можно было бы назвать шизоидным, однако такой термин может ввести в заблуждение, так как шизоидная личность, живя среди других шизоидных личностей и успешно функционируя, не испытывает чувства беспокойства, которое свойственно ей в более „нормальном“ окружении»*

Если чувство поля Эгосистемы есть страх и замешанные на нем притяжения самолюбия и влюбленности; если чувство поля интеллекта есть жажда знаний и дружба совести и сочувствия; то чувством Гибрис-Эго является зависть, как выражение гиперэстезии самолюбия. Сломанный циклический гомеостаз означает, что логически доказано всесилие Эго над СуперЭго, и следовательно остается только Верхняя Эгозащита, Самолюбие, а нижняя эгозащита в качестве притяжения влюбленности сломана. Человек может командовать, быть господином и насильником, но уже не может быть рабом и подчиненным. Тут важно помнить что Эго и СуперЭго — это кривое зеркало чувственной информации физического контроля закона сохранения силы психики. То есть все это абсурд с точки зрения объективной информации и реальности, но это важно в смысле внутренних механизмов материальной энергии. Чтобы избавиться от этого бреда надо вообще уходить с поля Эгосистемы, где нет места интеллекту, «логически» работать с миражами магического сознания. Гиперэстезия самолюбия — это так сказывается закон сохранения силы после того, как нижняя эгозащита сломана. «Удары по Эго», то есть по объекту контроля закона сохранения силы приобретают чрезвычайную болезненность, потому что за-

крыт ход к отступлению — к позиции рабства на притяжении влюбленности. И значит, «удары по Эго» становятся «смертельными». Кьеркегор говорит об этом типе «Отчаяния» как о «комическом отчаянии», потому как действительно «эго» является только миражом чувственной информации энергии-паразита, и у здорового человека отсутствует. Нездоровый же (как большинство все еще) ассоциируют свою духовную энергию (истинное Я) с отражением чувственной информации в качестве «Эго», что запускает поле Эгосистемы. Вот почему эта болезненность, эта гиперэстезия самолюбия — в принципе на самом деле «комическое отчаяние». Но пока человек об этом не знает, он переживает, и каждый такой удар по Эго приводит к возрастанию ненависти к окружающему миру. В конечном итоге, ненависть поля Эгосистемы перевешивает положительные эмоции поля интеллекта, что приводит к взрыву поля интеллекта, то есть к шизофрении. И заканчивает мысль Кьеркегор, это комическое отчаяние стоит спиной к отчаянию настоящему. Действительно, теперь у человека потеря настоящего Я, его духовной энергии — его отчаяние из комической потери Эго становится настоящим отчаянием потери Я. Чтобы этого избежать надо как учат евангелия бороться с полем Эгосистемы до того, как оно разрушит дух, и когда еще можно увидеть, что все что связано с Эго — это комическое отчаяние.

Зависть и конкуренция, таким образом, становятся чувством и смыслом, культуры индивидуализма «Гибрис-Эго». Вместо церкви дружбы и сотрудничества — мы имеем всеобщую зависть и ненависть, борьбу не на жизнь, а на смерть. В таком обществе социальный дарвинизм всеобщей борьбы за выживание сильнейшего вполне могло сойти за правду. Я приводила множество цитат современных ученых, высказавшихся против конкуренции как тормоза и болезни общества. В самом деле, только игра в соревнование может иметь смысл и удовольствие. Но конкуренция как борьба за жизнь –это не конкуренция, это война. И да, это общество всеобщей войны всех против всех, еще со времен Древней Греции.

Б. Рассел, «Борьба за счастье»:

> «Мы сейчас находимся на эволюционной стадии, которая ни в коем случае не является последней стадией прогресса. Мы должны миновать ее стремительно, в противном случае большинство из нас погибнут в пути, а остальные затеряются в лесах сомнений и страха. Зависть с этой точки зрения, при всем зле, которое она в себе несет, не есть только выражение темной стороны человека. Частично через нее проявляется героическая боль, боль тех, кто вслепую продирается ночью в лесу, не зная, ждут ли его свет в конце пути или только смерть и разрушение. Чтобы найти выход из этого отчаянного положения цивилизованный человек должен расширить свое Я, свое великодушие также, как он расширил свой разум. Он должен научиться выходить за границы Эго, и таким образом обрести свободный мир.
>
> Зависть лежит в основе демократии. Гераклит говорит, что все жители Эфеса должны быть повешены, потому что они утверждают, что «не будет среди нас первых». Демократическое движение греческих полисов наверняка всецело вдохновлялось завистью. И то же самое можно сказать о современном обществе. Правда, что теоретически демократия есть лучшая форма правления. Я сам считаю, что теория эта верная. Однако, мы должны признать, что нет такого рода практической политики, на которую бы оказало сколько-нибудь существенное влияние теоретический идеализм; когда перемены действительно случаются, теории которые их оправдывают всегда только камуфляж для чувства. И чувство которое сообщило движущую силу демократическим теориям есть вне всяких сомнений чувство зависти.
>
> Зависть, конечно же, тесно связанна с конкуренцией. Мы не завидуем благополучию, которое мы считаем абсолютно недостижимым. Во времена общественной иерархии, низшие классы не завидуют высшим классам, потому что они уверенны, что разделение людей на господ и слуг установлено Богом. Нищие не завидуют миллионерам, хотя они несомненно будут завидовать другим более удачливым нищим. Нестабильность социального статуса в современном мире, а также демократическая и социалистическая доктрина всеобщего равенства, сильно увеличили площадь зависти.
>
> Верно что зависть основная мотивационная сила, которая ведет к справедливости между различными классами, различными нациями, и различными полами, но также верно и то, что сорт справедливости к которой может привести зависть будет скорее всего самого низкого пошиба, а именно такая справедливость которая больше

> представлена разрушением благополучия удачливых, нежели созиданием благополучия неудачливых.

Чувства, которые ведут к разрушению в личной жизни, способствуют разрушению и в общественной жизни. Невозможно предположить, что из такого зла как зависть может родиться какое бы то ни было здоровое начало. Таким образом, те, кто по своим идеалистическим соображениям желают глубоких перемен в нашей социальной системе в сторону значительно возросшей социальной справедливости, должны уповать на то, что другие силы, далекие от зависти, станут созидательной платформой нового общества».

Вот почему, греческие полисы оказались также бессильны сдвинуть центр тяжести своих обществ в сторону социал-демократии, как и русская революция марксизма-ленинизма. Потому что общество, основанное на зависти — это общество атомного индивидуализма, общество всеобщего противостояния, в котором есть только негативная цель: не стать рабом, не стать подчиненным, но нет позитивной цели — создать духовный союз совести и дружбы. Мы знаем, что полисы Греции были Демократиями-Тираниями, то есть чередованием, переходом от тирании к демократии, настолько часто совершались общественные перевороты. Где же Гибрис-Эго до линейного движения и устойчивого равновесия поля интеллекта и совести. С другой стороны, Пифагор создает первые сообщества духовной энергии, а Сократ и Платон создают в теории первый Град Божий. На тот момент победа осталась за « тираническим человеком» и магическим сознанием, а Пифагор и Сократ погибли.

Современные демократии, начиная с французской революции, апеллируют не только к греческим полисам, но также и к «общественному договору» Руссо. Если первые суть Нормативное право (языческие античные государства), то Руссо пытался предложить Естественное Право, основанное на всеобщем законе природы, на метафизике интеллекта как он ее понимал:

> Так мы читаем в «Эмиле» Руссо:

> *«справедливость и доброта не суть только отвлеченные названия, не суть чисто нравственные понятия, созданные разумением, но являются истинными влечениями просвещенной разумом души и суть не что иное, как упорядоченное дальнейшее развитие наших первоначальных влечений, что на одном разуме, независимо от совести, нельзя основать никакого естественного закона и что все естественное право есть не что иное, как химера, если оно не основано на естественной для человеческого сердца потребности....»*

Руссо, «Общественном договоре»:

> *«Но если Законодатель, ошибаясь в определении своей цели, следует принципу, отличному от того, что вытекает из природы вещей; если один из принципов ведет к порабощению, а другой — к свободе; один — к накоплению богатств, другой — к увеличению населения; один — к миру, другой — к завоеваниям, — тогда законы незаметно потеряют свою силу, внутреннее устройство испортится, и волнения в Государстве не утихнут до тех пор, пока оно не подвергнется разрушению или изменениям и пока неодолимая природа не вступит вновь в свои права.*
> *К этим трем родам законов добавляется четвертый, наиболее важный из всех; эти законы запечатлены не в мраморе, не в бронзе, но в сердцах граждан; они-то и составляют подлинную сущность Государства; они изо дня в день приобретают новые силы; когда другие законы стареют или слабеют, они возвращают их к жизни или восполняют их, сохраняют народу дух его первых установлении и незаметно заменяют силою привычки силу власти. Я разумею нравы, обычаи и, особенно, мнение общественное. Это область неведома нашим политикам, но от нее зависит успех всего остального»*

Здесь видно, что Руссо говорит о законах природы человеческой психики, в точности в тех же терминах, в которых Спиноза говорит о естественном праве, «написанном в сердцах людей». Принято его хвалить за разделение понятий «всеобщая воля народа» и «воля всех, как воля большинства». Воля всех — это то что мы сегодня называем демократией большинства голосов, и что не есть конечно же воля духовного союза поля интеллекта и совести (церкви дружбы). Теория большинства Бентама в самом деле ущербная теория общества зависти и демократий-тираний, но не общества дружбы и социал-демократии. Руссо велик тем, что отделил всеобщую волю народа от воли всех, как

простого суммирования голосов, и предсказал тем самым, что свободное общество может возникнуть только на основе духовного союза поля интеллекта и совести.

Однако, современные правовые государства запада остаются государствами культуры Гибрис-Эго, и здесь Тойнби опять прав, когда говорит о регрессе к языческим государствам античности. Вот почему из атомарного индивидуализма, из зависти всеобщего противостояния нельзя извлечь общности интересов, нельзя извлечь всеобщей воли народа, нельзя извлечь церкви дружбы, и цели демократии остаются негативными, а сама демократия продолжает балансировать между свободой и тиранией. Об этом также много написано в социальных трудах Б. Рассела. Так, Рассел говорит в книге «Власть»: «Достоинства демократии негативны: она не устанавливает хорошего правительства, она предназначена для предупреждения определенных злоупотреблений» (Russell, «Power»: The merits of democracy are negative: it does not insure good government, but it prevents certain evils).

В итоге, уже в начале двадцатого века русский философ и юрист П. Новгородцев резюмирует выводы исследователей как фиаско демократии «большинства голосов», поскольку «всеобщая воля» Руссо оказывается недостижимой. Нет больше Католической церкви, чтобы направлять нормативное право национальных государств на путь всеобщего Естественного права Града Божьего.

П. Новгородцев, «Кризис современного правосознания»:

> *«Итак, после продолжительного анализа мы приходим к заключению, что в странах с наиболее развитыми демократическими формами народная воля в сущности определяется волей немногих, стоящих наверху. Теория народного суверенитета приходит здесь, с другой стороны, к точке исхода, описав своего рода круг постепенных превращений. Она отправляется от того, чтобы властвующей воле немногих противопоставить верховную волю народа, волю всех граждан без исключения. Но силою вещей воля всего народа заменяется волей большинства, воля большинства — волей тех активных граждан, которые умеют заставить признать себя за большинство,*

и наконец, воля этих активных элементов — волей нескольких политических деятелей, стоящих во главе власти и направляющих ход политической жизни

Таковы условия, при которых лучшие умы уходят из политической области и предоставляют это поприще профессиональным политикам, делающим из политики ремесло и средство к жизни. По мере того, как важнейшие политические вопросы получают свое разрешение и уступают место текущим делам, между партиями, несущими на себе бремя государственного управления, черты различия постепенно стираются. На первый план выступает не программа, а состав партии, группирующийся около известного способа выражения программы. Верность партии становится выше верности программе, и политика в конце концов превращается в ту область профессиональных и частных интересов, о которой один из практиков этого дела откровенно отозвался Рузвельту американским лаконизмом: «There are no politics in politics», т.е. «в политике нет политики»

В этом отношении пафос «Общественного договора» пережил его теоретические основания и сохранился у его последователей после того как они совершенно видоизменили его доктрину. Мысль о том, что общая воля раскрывается в решениях представительных собраний, составляет опору этой видоизмененной теории народного суверенитета. Пока остается в силе предположение, что народ выражает свою волю в решениях, исходящих от него непосредственно и с ясностью несомненно присущих ему убеждений, утверждение, что общая воля, как в зеркале, отражает народную правду, понятно и естественно. Но как только это предположение заменяется другим, что за народ говорят его представители, тотчас же возникает вопрос, возможно ли для представителей выражать волю народа с такой же точностью, с какой он сам мог бы выразить ее. Процесс избрания, порядок голосования, принятие решений обеспечивают ли для представительных собраний неизменную верность их народной воле? И как судить об этой верности, если сама народная воля есть загадочная и неясная величина, которую нужно постоянно узнавать и искать? На этот ряд сомнений теория представительного государства не только не может ответить, но при дальнейшем анализе лишь подтверждает их силу. Если бы кто захотел исходить из той мысли, что представительство верно и совершенно отражает волю народа, ему пришлось бы в конце концов сказать, что эта задача ни для какого представительства в мире не осуществима и по существу невозможна. С этой точки зрения представительную систему можно было бы подвергнуть самой жестокой критике и отвергнуть ее правомерность

> *Задача правового государства заключается в том, чтобы создать солидарность власти с народом; но так как народная воля не является единой, определенной и ясной и состоит из совокупности разнородных и часто противоречивых желаний, то для того, чтобы руководствоваться ею, надо ее организовать с целью свести к единству. Понятно, что эта организованная воля не может отражать с точностью всех желаний, которые слышатся в народе: в лучшем случае она дает только равнодействующую этих желаний. И потому отношение к ней народа во всей совокупности его элементов не есть отношение всеобщего согласия и удовлетворения, а только отношение признания и примирения, нередко более пассивного, чем деятельного. С более высокой точки зрения, такой порядок отношений слишком далек от идеала всеобщей гармонии душ, которая должна отличать совершенное общение, и с этой точки зрения представительное государство есть лишь этап на пути дальнейшего развития. Оно и может быть понято и принято, как этап и ступень, как путь к высшему и более совершенному порядку отношений. Таков взгляд, вытекающий из данных современной практики и науки»*

4. ЗАЧАТКИ ДУХОВНОГО СОЮЗА ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА И СОВЕСТИ В ИМПЕРИИ АНТОНИНОВ

Платон, «Государство»:

> *«Итак, ты не знаешь, что у различных людей непременно бывает столько же видов духовного склада, сколько существует видов государственного устройства. Или ты думаешь, что государственные устройства рождаются невесть откуда — от дуба либо от скалы, а не от тех нравов, что наблюдаются в государствах и влекут за собой все остальное, так как на их стороне перевес?»*

Вот та наука, с которой начинается действительная революция, та наука, которая в конечном итоге в христианской церкви сдвинула центр тяжести от циклического равновесия Левиафанов к устойчивому равновесию науки и поля совести Республики Платона. Той же наукой занят Ренан в своем исследовании христианства с научной точки зрения, о той же науке говорит Честертон, когда пишет, что историю надо переписать с точки зре-

ния психологической; наконец, той же наукой занят Б. Рассел, когда во «Власти» утверждает, что будет рассматривать вопросы политического устройства с точки зрения психической энергии людей. Тем же занят и А. Тойнби, пишущий о психической энергии и естественном праве законов божьих. И только Карл Поппер не признает этой науки как «психологизма Милля», и уповает на дарвинизм-экономизм Маркса.

Здесь я хочу только дать пространные выдержки из работ Трубецкого и К. Марта о «Республике» Платона как первом Граде Божьем; и о этической религии стоиков Рима «Философы и поэты-моралисты во времена Римской Империи». Я опускаю выдержки из Тацита и Плиния, из «Марка Аврелия» Э. Ренана, поскольку я приводила их в других книгах. Но важно иметь ввиду и эти работы, чтобы представление о зачатках создания духовного союза поля интеллекта и совести было полным.

Е. Трубецкой, «Политические взгляды Платона и Аристотеля»:

> «Платоново идеальное государство, как мы сказали, глядит с надеждой в будущее, являясь на почве языческой древности первой попыткой подчинить всю жизнь человеческого общества трансцендентной, загробной цели; и, так как никто не может быть пророком в своем отечестве, то и Платонов идеал не мог, на почве языческой Греции, найти условий для своего осуществления. Платоново идеальное государство действительно было явлением пророческим, предвестником христианского теократического идеала. Как идеализм метафизики Платона вошел целиком в христианскую философию отцов Церкви, также точно и теократический принцип его государства, неразрывною логической связью связанный с его метафизическим учением, вошел в состав христианского теократического идеала. Мы уже говорили о том, что Платоново государство, как союз людей ради вечного их спасения, преследует в сущности ту же цель, которою задается христианская Церковь в современном обществе; оно предъявляет человеческому обществу то же основное требование всецелого подчинения всей жизни, как частной, так общественной, вечному божественному порядку, подчинения всех земных интересов загробной цели спасения, оно также стремится объединить своих членов неразрывными узами взаимной любви.
> Полития Платона является предвестником идеала христианского, теократического вообще, но в особенности, как это удалось доказать со-

> временному исследователю церковной истории, Бауру, теократии средневековой. Если, Платоново государство смешивает в безразличном единстве функции церкви и. государства, или, лучше сказать, не различает между ними, то в средние века мы видим церковь с функциями государства (да и в наше время мы нигде не находим точного разграничения этих двух противоположных сфер). Всемогущему классу философов Платоновой республики соответствует *всевластное духовенство* католической церкви, также соединяющее в себе обе власти, духовную и мирскую. Второму классу Платоновой республики соответствует *светское, рыцарское сословие*, которое, подобно воинам Платона, сражается за *«мир Божий»,* считая себя призванным с оружием в руках отстаивать божественный порядок против враждебных ему стихий, еретиков и неверных, этих «варваров» средних веков. Наконец, третьему сословию Платона соответствуют средневековые крепостные, своим трудом обеспечивающие материальное пропитание общества свободных. Общественный идеал Платона требует искоренения в человеке его земной, чувственной природы и для этого, — уничтожения семьи и собственности, — той сферы, где прежде всего проявляются естественные земные влечения человека. Не то ли же самое видим и в средневековом католическом миросозерцании? И здесь чувственная природа человека отрицается во имя трансцендентного, аскетического идеала; средневековая поэзия воспевает девственность, как идеал высшего человеческого совершенства, церковные писатели проповедуют отречение от чувственной любви «во имя Небесного Жениха», а высший класс средневекового общества, — духовенство, — в самом себе осуществляет идеал отреченья от семьи в совершенном безбрачии. Собственность, как и семья, с точки зрения средневекового, аскетического миросозерцания, есть продукт ненормального, греховного состояния человеческого рода, подлежащий упразднению. И здесь великий мыслитель древности является предтечей средневекового, да и вообще христианского монастырского идеала. Платон таким образом не без основания может быть назван предвестником христианской теократии, в особенности же в западной средневековой ее форме».

К. Марта, «Философы и поэты-моралисты во времена Римской Империи: Сенека, Персий, Марк Аврелий, Эпиктет, Дион Хризостом, Ювенал, Лукиан».

> «Отцы церкви гораздо справедливее относились к светской философии, нежели к ней относились впоследствии, не боявшиеся воздавать похвалу человеческой мудрости и не считавшие ее врагом

божественного закона, признавали, что древняя философия была действительным приготовлением к христианской вере. Они называли христианами таких мудрецов как Сократ, который как бы шел навстречу вечному разуму и божественному Слову. Эти великодушные противники осмеливались говорить что Бог воздвигал философов между язычниками подобно тому как Он даровал евреям пророков для их спасения. В настоящее время уже не следуют больше в этом за отцами церкви, и самые честные защитники веры, неизвестно почему, воображают, будто унижать древнюю мудрость, выбирая самых благородных мудрецов, значит закалывать их на алтаре своей религии, как бы воображая, что чем прекраснее жертва, тем богу угоднее приношение

Отбросив в сторону эти нормы языческого языка, скажите, где мы найдем более возвышенный и ясный взгляд на религиозную и моральную миссию? В этих столь рассудительных восторгах Эпиктет не позабыл ничего: ни полного послушания Богу, ни страдания, ни любви к людям. Несколько восхитительных слов покажут нам на каком условии может быть уважаем философ-проповедник: «Семью нашего философа составляет все человечество: все мужчины — его сыновья, все женщины — его дочери. Как к таковым он и обращается к ним, наблюдает за ними: ведь он их отец, брат и служитель нашего общего отца Юпитера. Прежде всего надо, чтобы душа его была чище солнца. Без этого, если сам преданный злу, вздумает разбирать действия других людей. Как же вы хотите, чтобы он заставил себя слушаться, если власть ему дает лишь одна совесть? Когда его видят в заботах и труде из любви к человечеству, когда он засыпает с чистым сердцем и пробуждается еще чище,, когда знают что все его мысли приличны другу богов, одному из их служителей, сообщнику верховной власти Юпитера, когда наконец он всегда готов сказать: «О Юпитера, ведите меня!» или «Если такова воля богов пусть будет так!» почему же не иметь ему в таком случае мужества свободно говорить с теми, кого он считает своими братьями, детьми, словом, — своим семейством? Этот холодный рассудительный человек предается лирическим восторгам, говоря о боге и его дарах и о равнодушии людей к его благодеяниям. Какая мораль и какое красноречие! Где всюду чувствуется какой-то пыл добродетели и набожности, и где из переполненного великого сердца вырывается бурный поток святых мыслей. Какое восхищение физическим и нравственным порядком природы, какое повиновение непоколебимому и вечному разуму, какое доверие к провидению! Среди поучений его настойчивые доказательства превращаются часто в гимн: «Ну

если вы слепы, вы, большинство, разве не нужно было чтобы кто-нибудь пел за всех вас гимн Божеству? Будь я соловьем, я исправлял бы соловьиную обязанность, будь лебедем — лебединую. Но я существо разумное и обязан воспевать Бога. Вот мое дело и я исполняю его. Причем я приглашаю всех вас петь вместе со мной». У нечувствительного стоицизма есть уже божественные порывы и школа его вполне готова преобразоваться в божественный храм. Эта философская набожность и это доверие к верховным законам природы и Божества составляют, по нашему мнению, главную оригинальную черту Бесед Эпиктета. Это прекрасное и гордое учение стоицизма сумеет вскоре заговорить более скромным и трогательным языком. В книге Марка Аврелия покорность Богу и законам природы еще полнее и скромнее. Кажется, что языческая философия, утратив часть своей гордости, все более и более приближается к христианству, и готова бросится в объятия неведомого бога. У Марка Аврелия совершенно нет той стоической резкости которая так поражает нас в его предшественниках. Он кроток, прост и любезен. Какая нравственная деликатность и какое благодушие в этом разборе совести философа — государя!

Беспримерное царствование этого государя, который вел себя постоянно как мудрец, который без всякого педантизма и утопии проводил в своих законах, постановлениях и управлении начала, о которых только мечтали философы, был так же кроток как и тверд, умел вести войну не любя ее, управлял громадной империей, как должностное лицо республики, сохранял от верховной власти только одни заботы и огорчения и исполнял самые высокие обязанности, какие только могут быть возложены на человека как исполняют самую скромную должность, — просто, мужественно, без всякого чванства, даже без чванства своею добродетелью.

Анализ своей совести не был новым обычаем и философия уже со времен Пифагора предлагала это умственное упражнение. Строгий философ, учитель Сенеки, Секстий, исповедовался самому себе каждый вечер, требовал от себя отчета и производил самому себе допрос как преступнику. Сенека оставил нам полную строгой прелести картину где он исповедуется сам себе и предстает своим собственным судьей. Этот обычай сделался вероятно довольно общим, так как колкий Эпиктет в одной остроумной пародии дает нам присутствовать при анализе совести одного придворного, создавшего себе идеал низости подобно тому как честный человек создает себе идеал добродетели. он допрашивает и журит себя, видя что душа его еще недостаточно подчинена законам раболепства. Император

Марк в книге Мысли простодушно открывает свою душу, чтобы самому узнать ее, подсмотреть ее слабости, возбудить себя к добру, который в безмолвии ночей являлся сам пред собой, размышлял о великих задачах жизни и смерти.
В этом анализе совести всюду чувствуется столкновение человека, желавшего всегда оставаться искренним, с императором, не имеющим права показывать себя слишком начисто. Еще в то время как он был ребенком и назывался Verus, император Адриан делал игру слов и называл его Verissimus (правдивейший). Любовь его к правде была так велика, что он часть был вынужден отказываться от заученной роли государя. Не думайте, однако, что Марк Аврелий был уснувшим на троне квиетистом. Он исследует свою совесть как государь, беспрестанно ставящий перед своим мысленным взором свою царскую обязанность: «Помни ежечасно, что ты должен действовать как римлянин, как человек... Что бесполезно для улья, то бесполезно и для пчелы». Нисколько не воображая будто благочестивые мысли приятны божеству,, он полагает, что наилучшая хвала, какую только можно воздать ему, состоит в труде: «Предложи в своем лице живущему внутри тебя богу мужественное существо, гражданина, императора, воина на воем посту, готового расстаться с жизнью, когда прозвучит труба». Он часто повторяет самому себе, что был поставлен на свое место для того, чтобы помочь благу общины. «Жизнь коротка, единственный плод земной жизни состоит в том, чтобы поддерживать в душе святое расположение и творить дела, полезные обществу... Заботься о благе людей». Можно ли назвать отвлеченным мыслителем того, кто писал для себя, что счастье в том, чтобы переходить от одного доброго дела к другому? Его стремление к внутреннему совершенству нисколько не вредило его императорским обязанностям».
«Берегись цезарствовать». Если людям нужен начальник, как миру господин, а стаду вожатый, то начальник этот не выше законов: «Отделись жизнь твоя от тела общества, она была бы мятежной жизнью». Император сам себе дает уроки о том, как важно ограничивать власть законами. Великодушие его идет еще дальше, и не смотря на свой императорский сан, он заявляет общность своих чувств с великими гражданами, считавшимися за мучеников патриотизма и свободы, с жертвами той верховной власти, которую он сам представляет, но которой употребляет лучше. В тайной глубине своей царской совести, он поздравляет себя с тем, что проник лучше в душу Тразеи, Гельвидия, Катона, Диона, Брута; в школе именно этих людей он составил себе идею «о свободном государстве, где естественное равенство всех граждан принято за правило также, как ра-

венство их прав, и о такой царской власти, которая ставит выше всех обязанностей уважение к свободе». Странное и единственное в своем роде зрелище представляет собой этот государь, который несмотря на обширность своей неограниченной власти, наблюдает за собой, ограничивает себя, и так сказать, сам для себя служит Тразеею. Если бы Марк Аврелий дал погибнуть власти в своих руках, если бы он был прекраснодушным утопистом, тогда можно было бы иметь лишь ограниченное уважение к его политическим заявлениям. Но немногие монархи боролись подобно ему со страшной действительностью власти, и никто больше него не имел возможности оценить важность своих великих мыслей. Не говоря уже о катастрофах, омрачавших его царствование, о чуме, голоде, наводнениях, землетрясениях и разных других бедствиях, он едва не лишился империи, благодаря мятежу своих военных начальников. В продолжении 19 лет он вынужден был всюду простирать свою благодетельную или вооруженную руку, рассылая точные приказания, управляя миром без волнения, отталкивая зло и даже восстание без мстительного чувства, и все более утверждаясь в философии, в которой он находил свою силу и безопасность. ...Этот твердый здравый смысл, эта неутомимая деятельность, этот справедливый разум, обнаруживающийся как в мелком, таки в важный делах, — вот что конечно может более всего удивить нас в человеке, привыкшем к моральным размышлением и философии.

Несмотря на свою обычную благосклонность в суждении о людях, он нисколько не поддается заблуждению о них, он знает их, и особенно свой двор. «Что это за люди, глядящие на других сверху вниз? За кем только они прежде не ухаживали и чего при этом хотели?... Эти люди презирающие один другого уверяют друг друга в приязни, стараются один другого уничтожить и друг другу подчиняются.» «Так вот почему они любят и чевствуют нас! Привыкни рассматривать нагими эти мелкие души». Но хотя он знает двор он сдерживает свое презрение и ставит себе в закон о нем не злословить. «Пусть никто не слышит более, как ты критикуешь придворную жизнь! Существует тысяча обстоятельств, о которых надо справляться прежде, чем произнесешь свое суждение о действиях других. Не разглагольствовать против порока, но и не льстить ему, вот его правило. «Не будь ни трагиком, ни придворным!»

Впрочем, ничего не приказывая и ничего не предпринимая против внутренней свободы людей, он считает дозволенным проповедовать тем, кто способен понять его. «Постарайся тронуть его рассудок твоим, укажи ему на ошибку, напомни ему его обязанность. Если он тебя послушается, ты его исцелишь» Он хочет открыть силой любви са-

мые сокровенные пути. «Вспомни, что доброта непобедима... Что мог бы сделать самый злейший из людей, если бы в то время, как он старается повредить тебе, ты сказал ему со спокойным сердцем: Нет, дитя мое, мы рождены совсем для другого; ты не мне сделаешь зло, дитя мое, а самому себе? Не надо ни насмешек, ни оскорблений, а нужен тон действительного расположения.. Не принимай на себя поучительного тона, не старайся восхищать присутствующих».

Государь из 19 лет своего царствования проведший 12 на границах своей империи, на Дунае и на Востоке, не был ни квиетистом, ни утопистом, ни венчанным педантом. Мысли его не были умозрениями праздного моралиста, но практическим руководством императора, желавшего остаться человеком и размышлявшего о законах божеских и человеческих, чтобы лучше подчиняться им. «Философия, писал он, делает сносным двор, она же делает тебя сносным при дворе». Следовательно, моральные рассуждения были для него только живым источником, в котором эта деятельная душа очищалась. Для Марка Аврелия философия была тем же, чем для Людовика Святого была религия.

Каковы в самом деле образцы предлагаемые философией? Катон Утический, Брут, фанатики, простершие свой героизм до безумия и тем более прославляемые, чем они казались нечувствительнее. Но уже Сенека с удовольствием рисует портрет более кроткого мудреца; Тразея осуществляет этот идеал, и таким образом наступает время Марка Аврелия, когда кротость была поставлена в число прекраснейших добродетелей. Вот изречение Марка Аврелия, так мало напоминающего древность: «Кротость и доброта имеют в себе нечто более мужское». В этой книге рассуждения о пороках, о физическом и нравственном зле, о естественных и общественных беспорядках, всюду дышат ласковым милосердием, и мы увидим как эта душа, расширенная любовью, обнимает все своим всемирным благоволением, и вселенную, и человечество. Марк Аврелий построил один храм и посвятил его божеству, не имевшему дотоле названия в Риме, Доброте. Благодаря этой основе кротости и врожденной нежности, Марк Аврелий понял лучше своих предшественников идею о братстве людей. Это братство не по крови и рождению, но потому что все мы часть божественного разума. Вот почему Марк Аврелий дает себе столько наставлений относительно любви: «Люби людей, но воистину». «Ты еще не любишь людей от всего сердца». Отсюда является наконец и прощение обид: «Недостаточно прощать... надо любить тех, кто нас обижает». Люди ошибаются, они вводятся в обман своими ложными суждениями, и вот Марк Аврелий доходит до евангельского правила: «Простите им, потому что они не ведают,

что творят» Он находит слова милосердия даже для неблагодарных, обманщиков и и изменников: «Против неблагодарности природа дала нам кротость.... Если можешь исправь их; если же нет, то помни, что доброжелательство было дано тебе для того, чтобы ты оказывал его им».

Боссюэ, начертывая правила христианской жизни, повторяет не один раз: «Начнем с того, что отрешимся от жизни чувств, удовольствий, почестей, и станем жить согласно с божественной и бессмертной частью в нас...» Боссюэ рисует с буквальной точностью портрет Марка Аврелия, который в постоянном диалоге со своей божественной частью, закрыл себя для жизни чувств, для жизни почестей. Ежеминутно хочется употреблять христианские выражения для этого чистого и высокого состояния души, так как древний язык недостаточен. Продолжая с твердым вниманием выполнять свою верховную должность, Марк Аврелий только и мечтал что о жизни, сокрытой в Боге. Он хочет жить в присутствии и на глазах своего разума, составляющего часть Божества: «Пойми же наконец, что в тебе самом есть нечто превосходное и божественное, и что надо жить в задушевной близости с тем, кто внутри нас имеет свой храм» Его бог есть всемирный разум, частицу которого составляет разум человеческий, и неизменный закон природы. Уходя в самого себя, Марк Аврелий приближается к свету, зажженному Богом во всех людях, и вдали от мира, среди безмолвия страстей, он хочет созерцать законы разума для того, чтобы больше любить их и больше им повиноваться.

Новизна и прелесть этой книги состоит в ее меланхолическом характере, напоминающем христианскую грусть. Кроме своей верховной должности, исполняемой им все таки твердо и преданно, Марк Аврелий не знает в жизни ничего, чем бы стоило занимать свои мысли. Он не нашел счастья «ни в науке размышления, ни в богатстве, ни в славе, ни в наслаждениях, словом — нигде». Ко всем отвращениям сердца присоединяется утомление жизнью и людьми. Он без гнева проходит между ними и кротко переносит их; но он нисколько не дорожит тем, чтобы подольше с ними оставаться, не разделяющими ни его чувств, ни его философии. Эта деликатная душа чувствует себя заблудившеюся среди современной испорченности, одинокою в своем величии, непонятою и покинутой. Однообразное повторение вещей надоедает ему как зрелище в амфитеатре. «Довольно уже жалкой жизни, стенаний, смешных гримас!» Он спешит урваться из этой жизни и нечистоты и наконец начинает смотреть на смерть, как на освобождение: «Что удерживает тебя здесь? ... До каких пор?»

Если он как философ не всегда был последователен, если его ум колеблется между богом стоицизма и богом Платона, то это потому что он ищет света во всех уголках неба. Он не строгий философ и самые его колебания доказывают его искренность. А между тем он восстановил древнюю мораль, не силой своего гения, но чистотой своей души. Портик проповедовал уже презрение к миру, братство, Провидение, добровольное подчинение божеским законам. Марк Аврелий своим верховным пример сделал из них закон любви, любви к людям и Божеству, и нашел для этого язык милосердия и божественных сердечных излияний. Он довел светскую философию до самых пределов христианства. Этим доброжелательным людям, уже затронутым благодатью, не доставало только религиозного догмата, которого не давал стоический пантеон. Такому презрению света нужно было возмездие, такой неопределенной любви — какой-нибудь предмет, такой грусти — утешительная надежда»

Дион отважился отомстить жестоким памфлетом за смерть одного честного человека, казненного Домицианом. Изгнанный под грозою казни он исчез в изгнании. До тех пор он был просто софистом, влюбленным в самого себя и в славу; несчастье сделало из него теперь философа. Он возил с собой только один диалог Платона и одну речь Демосфена. Толпа народа окружала этого нищего, стремясь послушать его, как вдруг как вдруг туда пришло известие о смерти Домициана и об избрании Нервы. Римские легионы готовились произвести мятеж, когда вдруг Дион бросился на алтарь, и рассказал солдатам свою историю, рассказал о жестокости Домициана, о добродетели Нервы и своим живым красноречием заставил их вернуться к своим обязанностям. Дион вернулся в Рим, где он с тех пор и жил пользуясь милостями Нервы и Траяна. Мы увидим его проповедующим мудрость грекам, варварам, в Риме и Афинах, Родосе, Египте, Азии и взявшего на себя философскую миссию.

Он предписывает уважение к самому себе и поклонение богам. Тогда вы живете как философ, а иначе вы напрасно будете называть себя честным человеком, вы останетесь надменным, безрассудным сластолюбцем. «Знаете ли вы, что такое мудрец? Это человек не заботящийся ни о богатстве, ни о славе, ни об олимпийских венках; это тот кто продолжая оставаться великодушным в бедности, заботливо сохраняет достоинство своей души и свободу речи. Конечно, очень важно оставаться верным добродетели и возделывать ее в себе; но также важно призывать людей к мудрости путем увещеваний и если надо путем жестоких упреков.. Что ново в речах Диона, так это энергическое предложением им всенародной проповеди. Если

над вами станут смеяться, видя ваше самоотречение, вашу скромную внешность и ваши смиренные чувства, если вас покроют презрением, ну и что? Будьте философами до конца и распространяйте свои невинные поучения с благодушием отца, брата, друга.

Во дворце любившего его слушать Траяна Дион произнес несколько речей о царских обязанностях. Дион спешит обнаружить тон своей речи: 2Не бойся, что я захочу льстить тебе, я давно уже доказал свою независимость. В прежнее время, я один не боялся говорить истину под угрозой смерти. И зачем мне лгать? Чтобы получить деньги, похвалы, славу? Но ведь я никогда не соглашался брать деньги, и разделил свое состояние на других».

Он берет текстом стих Гомера: «Троны раздаются Юпитером». Следовательно, он начинает говорить не от своего имени; он получил как бы божественное призвание. Если он объявляет, что царствование происходит от Юпитера, что он налагает на царей обязанность быть справедливыми и благотворительными, то держит подобную речь лишь для того, чтобы повиноваться религиозной обязанности и исполнять повеления бога. Но рассматривая характер Диона, поучавшего государей так же скромно как и свободно, слыша его важную и твердую речь, когда он много раз торжественно излагал царские обязанности в присутствии императора и его двора, невольно хочется назвать его проповедником Траяна. Мы уже находим эти христианские слова у философов. Дион намерен заниматься «священным красноречием»; он называет философа «истинным толкователем божественной природы», он «небесный посланник». Дион действительно играет роль проповедника, называемых Боссюэ «посланниками божьими».

В народных собраниях Дион — величайший оратор и бесстрашнейший философ. Греческие города Малой Азии постоянно завидовавшие друг другу, спорили между собой о первенстве, так как каждом из них хотелось сделаться метрополией провинции. Риторы и софисты старались поджигать ненависть и споры. Люди оскорбляли друг друга на улицах, дело доходило до драки. Римляне перестали обращать на них внимание: «Что тут сделаешь? Ведь это греки!» Среди этих волнений Дион являлся в качестве посредника, несущего кадуцей: он не примыкает ни к какой партии и проповедует согласие, почерпывая из философии вечные законы о человеческом обществе «Взгляните на эти громадные тела, движущиеся в величественной гармонии, а вы живя в маленьком городе, не можете оставаться покойными»

ГЛАВА 12. КРЕСТНАЯ ВОЙНА ПАП С ИМПЕРАТОРАМИ. СИЛА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ И ПОБЕДА КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

1. Крестная Война христиан и дарвиновская война Насильников.

2. Клюнийское движение как социал-демократическая база Крестной войны Католической церкви

3. Свободные города Ломбардии и движение патариев как социал-демократическая платформа Крестной войны Католической церкви.

4. Гильдебранд и Папская Революция. Единство Независимой Церкви

5. Власть Духа Католической Церкви против Власти Насильников Империи.

1. КРЕСТНАЯ ВОЙНА ХРИСТИАН И ДАРВИНОВСКАЯ ВОЙНА НАСИЛЬНИКОВ

В физическом мире войны нет. Есть только циклы противоборства разных количеств силы. Они сталкиваются, взаимно уничтожаются, потом снова сталкиваются, и снова уничтожаются. И так, по кругу, до бесконечности, циклическое движение материальной энергии в разных ее видах. Сталкиваются организмы биологической энергии, дерутся, пожирают друг друга; рождаются новые, дерутся, пожирают друг друга — это всегда вопрос количественного соотношения сил. Здесь нет и не может быть правых и виноватых. Эта физическая борьба «по ту сторону добра и зла». Именно поэтому Ницше, когда взялся оправдать насилие в человеческом обществе, свел все к дарвиновскому

закону выживания. Действительно, если смотреть на человека с биологической точки зрения, как на животное, то здесь не может быть морали, не может быть вины и греха. Право сильного, противоборство ради самого противоборства, циклическое движение без смысла и цели — вот почему физический мир не имеет войны.

Война как осмысленное противостояние злу начинается с развитием духовной энергии и сознания в человеке. И такая война не имеет ничего общего с бессмысленным круговоротом насилия ради самого насилия. Войны в человеческом обществе, которые ведутся за власть — суть войны животных, воюющих за территорию и пищу. В них нет этического и философского смысла, а только утверждение физической силы того или другого индивида, более сильного. Понятно, что это войны материальной энергии поля Эгосистемы, и потому они в самом деле мало отличаются от биологических войн животных: ведь обе энергии — материальные энергии. Чтобы отличать осмысленную войну со злом духовной энергии от бессмысленного циклического противоборства материальной энергии человека, введем новым понятия. Обозначим Духовную Войну со Злом — Крестной войной по слову Христа в Евангелиях: «и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником». Обозначим циклическое противоборство за власть и деньги — Войной насильников или Дарвиновской войной по слову Дарвина о человеках обезьянах, не имеющих совести, и воюющих за выживание сильнейшего.

Теперь попробуем еще раз четко разграничить определения этих понятий. Священная война со Злом или Крестная Война ведется Духовной энергией человечества против патологии и порока материальной энергии психики. Эту то материальную энергию и обозначает Священное Писание как врожденный грех и как порочность. Уже видны принципиальные различия. Это война не человека с человеком, а человека (ибо человек и есть его духовная энергия) с врожденной болезнью психики в виде поля Эгосистемы материальной энергии. Напротив, Войны на-

сильников — это всегда войны против людей, с целью навредить им, и применить к ним насилие вплоть до причинения смерти. Далее, оружием Крестной войны является научный контроль: открыть закономерности материальной энергии психики и нейтрализовать поле Эгосистемы. Вот истинная цель Духоборчества, то есть борьбы духа с пороком психики. Если мы обратимся опять к проповеди Христа, его апостолов и его Отцов Церкви, к известным Святым, отшельникам, и монахам-схоластам, то мы увидим, что главным оружием Священной войны, объявленной Христом Злу есть Проповедь, Учение, Образование людей о том зле, которое они носят в себе, и о тех путях, которыми бороться с этим злом. Вот почему все они, начиная с Врача Христа, как часто он сам себя называл и в какой роли видел — были Ангельскими Докторами, подобно Фоме Аквинату. Конечно, это не говорит о том, что человек не может защищать себя физически, если стоит лицом к лицу с силами зла, с Властью Насильников. Это говорит лишь о том, что прежде чем прибегать к физическо силе, честный человек или «совестливый духом» должен исходить из этических понятий о Крестной войне со злом. Никогда Насильники не думают об этической стороне дела, и никогда они не ведут борьбу со злом. Они думают только о соотношении сил, и о том как уничтожить физически людей, непокорных их воле, или же просто уничтожить на забаву в том числе и тех, кто им покорен. И конечно они не знают что такое научный контроль или духовная проповедь, хотя могут воспользоваться техникой в своих насилиях. Им как носителям магического сознания понятны магические ритуалы, но содержание проповедей проходит мимо их ушей.

Следующее принципиальное отличие — это отношение к мирной жизни. Крестная война со злом ведется с тем расчетом, чтобы раз и навсегда излечить «первородных грех» человечества, а затем сложить с себя эту тягостную обязанность вести священную войну. Война для духовной энергии поля интеллекта человека есть только необходимость и долг, — пусть священный долг, но все же тягостный и неприятный; тем более не необходи-

мая часть жизни. Напротив, дарвиновская война насильников за власть есть единственный доступный им смысл жизни, война ради самой войны, без которой они жить не умеют, даже если бы захотели. Она бессмысленна и бесконечна, ведется по кругу от неудач к победам и обратно, и в конечном счете к смерти. И поскольку физический контроль поля Эгосистемы всегда работает на страхе (основная мотивация страх сверхъестественных сил, голод тщеславия), то главным оружием такой войны всегда выступает подлость, бесчестность, коварство: чем грязнее подлость тем выше ценят насильники «воинов» за власть.

Крестная война духовной энергии — это война честных и отважных людей. И главное ее оружие в том, что преступники с которыми они борются, сами знают о своей подлости и о своей гнусности, потому что совесть духа, пусть самая маленькая, а в основе каждого человека. Потому они прячут свои грехи, потом врут и лицемерят, что знают, что поступают плохо. Это о них сказано в Евангелии, что это «Люди тьмы», которые боятся света, чтобы люди не увидели их черных дел. Да, в то время как Насильники плетут свои интриги в подземельях, люди света борются с ними при свете дня, при свете народных судов, при свете церковных проповедей и анафем, при свете научных дебатов, которых они боятся еще больше, чем света. Но и это тягостная и неприятная обязанность для Духовной Энергии — иметь дело с грязью преступников, дышать испарениями разложившегося под автоматизмами поля Эгосистемы духа. И они всегда спешат закончить с войной, водворить мир, и перейти к своей настоящей жизни: к церкви дружбы, совести и юмора, к творчеству и труду, к научным исследованиям и строительству — одним словом к созиданию и благодати жизни в сообществе людей со здоровой духовной энергией. Всему этому не бывать пока живы насильники и их патология толкает их разрушать, уничтожать, насаждать свою болезнь рабства, садизма и тупости там, где цвели райские сады дружбы, совести, творчества и созидания. И тогда Дух встает

на свою Крестную Войну и не может отдаться своей жизни пока не уничтожит это зло.

Иоанн 3:19

> 19 Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы;
> 20 ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы,
> 21 а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны

Ев. От Марка:

> «34 И, подозвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»

Лука, 14:27

> «27 и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником.
> 33 Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником.
> 34 Соль — добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить ее?
> 35 ни в землю, ни в навоз не годится; вон выбрасывают ее. Кто имеет уши слышать, да слышит!»

2. КЛЮНИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БАЗА КРЕСТНОЙ ВОЙНЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Неверно, когда говорят, что Папы сразу начали сражаться с Императорами только для того, чтобы подобно им, утвердить свою личную власть. Когда так говорят, то сводят весь космический смысл Крестной войны Власти Духа против Власти Насильников — к единой дарвиновской войне с обеих сторон. Словно бы все сражались подобно животным за Власть Насильников, и потому не было правых и виноватых в этой войне, как их никогда не бывает в дарвиновской войне, а были только победите-

ли и побежденные. И что заслуга Папства в одержанных ею победах над Империей только в том, что папы утвердили свою личную власть, а вовсе не в том, что они спасали весь мир, все население и цивилизацию от власти Насильников для научного контроля свободного общества Власти Духа.

Между тем, и мы старались это показать в данной работе, дело обстоит именно так. Величие Католической церкви и выигранных ею боев вовсе не в том, что она подняла еще одно Ватиканское Государство наряду с другими и утвердила его независимость и власть. Величие и историческое значение Католической Церкви в том, что она сумела утвердить Власть Духа там, где царила Власть Насильников, и тем самым спасла цивилизацию и выиграла полуфинальные битвы за научный контроль свободных, здоровых обществ. Церковь папства вела Крестную войну в самом истинном христианском значении; несла свой Крест за Христом, сражаясь с князьями мира сего, и победила. Тем самым явив всему миру доказательство мощи Власти Духа, объединенного в церковь.

Какими средствами велась эта Крестная война? Прежде всего самой насущной необходимостью было жесткое разделение церкви и государства, и именно этой битве посвятила себя церковь Средних веков, сражаясь за супрематию папства, за инвеституру и безбрачие священства, и против симонии. Эта «Реформа» Церкви», которая в конечном итоге закончилась Папской Революцией, то есть отделением церкви как организма Духовной энергии от государства как организма материальной энергии. И только при выполнении этого условия церковь могла надеяться победить таких врагов как императоры Фридрих Барбаросса и Фридрих Второй.

Чтобы вести войну, церковь должна быть силой. Чтобы быть силой — она должна быть единой. Чтобы быть единой, она должна подчиняться единому руководству. В теории церковь духовной энергии сама собой станет единой под единым научным контролем. Но на тот момент, еще научного контроля как такового не было. Потому папству пришлось бороться

с другими епископами за свое верховенство. И здесь опять важно понимать, что речь шла не о мелких амбициях таких пап как Лев Великий, Николай Первый, Григорий Гильдебранд, а о единстве церкви как Силе в Крестной войне с Градом Дьявола. Инвеститура и симония — это доступ к назначению духовных лиц королями и императорами; понятно что необходимостью номер один было закрыть этот доступ, чтобы отделить церковь от феодальной системы, отделить мир духа от отношений сюзеренов и вассалов. Назначать епископов, аббатов и других духовных званий могла только церковь. И эту борьбу за инвеституру и против симонии католическая церковь совместными усилиями тоже выиграла. Безбрачие священников требовалось по тем же причинам — чтобы сделать духовных лиц независимыми от светских властей. И на тот период, когда власть Града Божьего и Града Сатаны была в самом разгаре для тех кто избирал себе духовную стезю это была закономерная жертва, как у всякого монаха и отшельника. Здесь важно помнить, что целью была Крестная война с Властью Насильников, а единственным средством — Независимость церкви от этой власти Насильников. Вот почему Католическая церковь взяв этот курс на независимость и на подчинение всего христианского мира Папе, в конечном итоге смогла выиграть бой против вооруженных до зубов армий императоров.

Как удалось Папам выиграть бой с императорами с инвеститурой и симонией? То есть за право самим замещать все духовные должности в церкви? Вся сила и мощь папства уходила корнями в широкое народное христиан того времени, известное как Клюнийская Реформа по имени монастыря, который прославился своим стремлением к нравственной реформе и к поддержке Крестной войны папы. Дух христианства, воплощенный тогда в этом монастырском и аскетическом движении не мог не поддержать папу в его Крестной войне, потому как очищение себя от первородного греха поля Эгосистемы, в том числе от Власти Насильников есть первый долг христианина, есть Крест, который христианство несет за Христом. Вот почему

когда Рассел пишет (я приводила в предыдущих главах эти цитаты), что Клюнийская реформа была первоначально только нравственной, а потом стала иметь большое политическое значение в войне Пап с Императорами, то это конечно так и есть. Реформа должна была быть искренне нравственной, так как речь идет о духовном союзе поля интеллекта и совести, об искреннем христианском братстве. С другой стороны, эта искренняя социал-демократия монастырей не могла не стать силой и опорой папства, как руководства всей христианской церкви в ее Крестном ходе против Града Дьявола. Тысячи и тысячи монастырей объявили себя последователями реформы и борцами за папскую супрематию, то есть за верховенство Рима над всей католической церковью — за единство церкви под единым руководством. И мы видим что единение это не было единением Левиафанов, восточным коллективизмом насилия и подчинения: это единение совести и братства, социал-демократия западного коллективизма, явившая свое лицо самым очевидным образом в этом широком монастырском движении.

Такое же значение как Клюнийское движение и движение святых отшельников в 11 веке, имели в 13 веке широкий успех нищенствующих орденов Франциска Ассизского и Доминика

Д. Норвич, «История Папства»:

> «Однако Иннокентий не беспокоился понапрасну — его сторону принял самый могущественный из всех возможных защитников и наиболее выдающихся религиозных мыслителей XII столетия — святой Бернар Клервоский. ....Лотарь пытался ставить условия — в частности, чтобы право инвеституры епископам с вручением им кольца и посоха, утраченное империей девять лет назад, было возвращено ему и его преемникам. Он не учел позиции аббата Клерво. Когда Иннокентий прибыл с огромной свитой в Льеж, в марте 1131 года, чтобы принять оммаж короля, Бернар был с ним. В такой ситуации он чувствовал свое превосходство. Сойдя со своего места, Бернар учинил Лотарю безжалостный разнос перед всем собранием, а затем обратился к нему с призывом отказаться от своих притязаний и принести оммаж законному папе без всяких условий. Как всегда, его слова — или, что более вероятно, сила его личности произвели эффект. Это было первое столкновение Лотаря с Бернаром;

> непохоже, чтобы кто-то разговаривал с ним когда-либо подобным образом. Он не отличался слабостью духа, однако на сей раз инстинктивно почуял непрочность своих позиций. Король уступил, формально подчинившись Иннокентию и подкрепив это обещанием, которое для папы, вероятно, имело куда большую ценность: привести его в Рим и самому прийти туда во главе германской армии».

Статья «Клюнийская реформа» в Википедии:

> «Возникло как протест против падения нравственности монашества[1] и духовенства, против вмешательства светских властей в церковную жизнь. Главное требование Клюнийского движения к жизни монахов — строгое соблюдение устава Бенедикта Нурсийского[2]; особое внимание уделялось длительному и торжественному совершению литургии[3], строгому соблюдению распорядка молитв. Лидеры Клюнийского движения осуждали симонию[4], требовали строгого соблюдения целибата[5] духовенством, на практике добивались освобождения монастырей[6] от власти светских сеньоров[7] и епископов[8]. Реформу начал второй аббат Клюни — Одон Клюнийский[9].
> В ходе Клюнийского движения сложилась клюнийская конгрегация[10] монастырей. Она была строго централизованной и возглавлялась аббатом[11] Клюнийского монастыря, который напрямую подчинялся папе и не зависел от местных церковных властей. Монастыри, принявшие реформу, выводились из-под власти местного епископата и подчинялись Клюнийскому аббатству. Аббат Клюни считался аббатом всех монастырей конгрегации, а для управления повседневными делами аббат Клюни сам назначал настоятелей в монастыри,

[1] https://ridero.ru/link/hyTJ9fy2zj
[2] https://ridero.ru/link/pHsqQPrGnHFomlK1x5KJx
[3] https://ridero.ru/link/z2giq3TOZ44FUK
[4] https://ridero.ru/link/IjmznXzSpxXO52f7HjxIc
[5] https://ridero.ru/link/rlPjBFDD1gbJMAUHHOm3N
[6] https://ridero.ru/link/r2hutDaiGOWptL
[7] https://ridero.ru/link/yAQjSlCtQrSh9G
[8] https://ridero.ru/link/zzPBFLKVt6
[9] https://ridero.ru/link/7Ued_3gFbElaGhqgenv7N
[10] https://ridero.ru/link/yasSf8_DShHc3uc_M3KUu
[11] https://ridero.ru/link/5cQ7OaZAjiV593

> получавших при этом звание приора[1]. Если в начале XI века насчитывалось около тридцати клюнийских монастырей, то в первой половине XII в. — уже более тысячи. Строго централизованная, с фактически монархическим управлением клюнийская конгрегация[2], независимая от светских и местных духовных властей, была мощным орудием в руках папства[3] как в укреплении его власти в церкви, так и в борьбе за независимость от светской власти
> Результатом реформы стало образование могущественной конгрегации из сотен монастырей на территории Западной Европы под главенством Клюнийского аббатства, укрепление папской власти и католической церкви. Клюнийская реформа способствовала созданию в монастырях библиотек и скрипториев, а также повышению интеллектуального уровня монахов. Клюнийская реформа стала фундаментом для Григорианской реформы[4].»

Е. Тарле, «История Италии Средних веков»:

> «Здесь, где речь идет лишь об эволюции идеи папской власти, для насъ за вей сто восемьдесять
> летъ отъ смерти Николая I (867 г.) до того времени, какъ Гильдебрандъ сталъ принимать участае въ римской политике (т. е. до 1048 года), все время вплоть до понтификата Льва IX, начавниаго пользоваться советами будущаго Григорья VII, есть всего два явления, заслуживающая внимания: 1) клюнийсое движение й 2) возбуждение аскетическаго духа въ Италию Оба эти явления имйютъ важность потому, что они какъ бы вводятъ изучающаго историю — въ эпоху Григоргя VII и его борьбы съ Генрихомъ IV; оба они были протестомъ противъ глубокой испорченности церкви и церковныхъ служителей, наступивнией въ IX и усиливниейся въ X столетии. Подчинение духовныхъ лицъ свйтскимъ, полная феодализация ихъ взаимныхъ отнониений, крайне низкий образовательный уровень епископовъ, фактически выбиравниихся светскими владетелями, — все это привело къ такимъ явлениямъ въ церковной жизни, который глубоко смущали наиболее чуткия натуры всйхъ классовъ европейскаго общества и, въ особенности, возбуждали релийозную ревность и желание поправить положенье дйлъ — сре-

[1] https://ridero.ru/link/2Im-QdTiubxoR33d2aHsh
[2] https://ridero.ru/link/yasSf8_DShHc3uc_M3KUu
[3] https://ridero.ru/link/E38Awdn6S0m_Q7
[4] https://ridero.ru/link/JMt6lm0z6mcKjmuYHjL_Q

ди монашества, остававшагося втечение всей первой половины среднихъ вйковъ хранителемъ стародавнихъ христианскихъ завйтовъ въ, гораздо степени, чймъ в среде белого духовенству. Клюнийский монастырь во Франции с первых десятилетий 10 века деятельно принялся за проведение реформаторских идей, и в короткое время его влиянию подпали также и монастыри Италии. Клюнийцы стояли за восстановление первоначальной строгости в исполнении монаниеских абетов, за полновластие папы въ деле управления церковью, за исключительное право римскаго первосвященника назначать и сменять епископовъ. Коренное воззрение, проводимое ими, заключалось въ томъ, что папа является единственнымъ хранителемъ чиетыхъ заветовъ веры и что все духовное воинство — не болКе, какъ зависимые отъ него помощники въ этомъ веливомъ дёлё. ПозднМпйя поколёния клюннискихъ аббатовъ стояли уже за безбрачие духовенства и высказывали воззрения о взаимныхъ отношетяхъ папъ и императоровъ, близко походивппя къ идеямъ Григория Седьмого. Клюнниское, нравственно очищающее и дисциплинирующее влгято было тёмъ сильнее, что отъ аббатовъ Клюни въ X, а въ особенности въ XI вёкё зависело много другихъ монастырей, и идеи ихъ начали весьма заметно влиять на моральную атмосферу какъ Германни, такъ и Италии. Въ Италии помимо общаго поднятия нравственнаго уровня монастырей, клюнниское влияние дало себя чувствовать въ возрожденни аскетизма. Аскетизмъ возродился въ Итални — въ лице св. Ромуальда, въ средней европе въ лицё св. Адальберта въ одно и тоже время къ концу X столетия. Св. Ромуальдъ явился однимъ изъ главныхъ практическихъ проводниковъ клюнийскихъ взглядовъ, хотя крайности аскетизта въ жизни были его особенностью. Жилъ онъ отъ 950 до 1027 г. и за свой долгни вёкъ влиялъ на тысячи пилигримовъ, отовсюду, стекающихся, чтобы на него поемотреть, влиялъ и на императора Оттона III, и на папъ, своихъ современниковъ. Онъ спасался въ пещерахъ, въ подземельяхъ, въ заброшенныхъ каменоломняхъ, меняя свое место пребывание, какъ только оно становилось мало-мальски, пригодно для житья. Принципъ самоистязания былъ имъ поддерживаемъ безъ всякихъ уступокъ потребностями своего тела; мало того, основывая монастыри въ Итални одинъ за другимъ, Ромуальдъ изо всёхъ силъ старался, чтобы они были «святыми и нищими», чтобы безкорыстие, нищета и поддержка своей жизни физическими трудомъ были общими явлениями монастырской жизни.

На горе Камальдоли онъ, между прочими, также основали больниой монастырь, сдлавшийся итальянскимъ Клюни, разсадникомъ реформаторскихъ взглядовъ, воспитателемъ новаго поколйния клириковъ, подновлявших почву реформъ Григория VII. Въ первый разъ въ исто-

рии итальянский аскетизм X века выступаетъ въ роли общественной силы съ совершенно определенными взглядами на задачи практической церковной политики, и это обстоятельство даетъ ему право на самое полное внимание. Григорий VII съ первыхъ же шаговъ своего поприща имйлъ преданныхъ и понимавниихъ его помощниковъ, исполнителей и публицистовъ, т. е. такой культурный отрядъ воинствующихъ клириковъ, который, действительно, сослужилъ ему службу въ начатой имъ борьбе съ **империей.** Эти люди воспитаны были учениками Ромуальда и взросли въ клюнйскихъ воззрейяхъ. — Клюнийское движение и аскетизмъ указываютъ на общие тенденщи X и XI вв. въ области перковно-реформаторскихъ воззренни; самый беглый очеркъ отношений между Римомъ и империей отъ временъ Каролинговъ до 1048 г. (понтификата Льва IX) можетъ уяснить какъ причину появления этихъ тенденции, такъ и всю деятельность Гильдебранда».

Б. Рассел, «История западной философии»:

«Со времени Григория VII до середины XIII века центральное событие, вокруг которого вращалась европейская история, представляло собой борьбу между церковью и светскими монархами, в первую очередь с императором, но при случае и с королями Франции и Англии. Понтификат Григория закончился явной катастрофой, но его политика (хотя и проводимая с большей умеренностью) была возобновлена Урбаном II (1088–1099), который повторно издал декреты против светской инвеституры и домогался того, чтобы епископы свободно выбирались духовенством и населением. (Участие населения, понятно, должно было быть голой проформой.) Однако на практике он не оспаривал светских назначений, если выбор падал на достойных лиц. Следующий папа, Паскаль II, как и Урбан II, был выходцем из Клюни. Он продолжил борьбу за инвеституру и добился успеха во Франции и Англии.
Таким образом, конечным результатом борьбы явилось то, что папа, находившийся в зависимости от Генриха III, стал на равную ногу с императором. В то же время он стал еще более безраздельным властелином церкви, которой управлял с помощью легатов. Усиление папской власти соответственно уменьшило роль епископов. Выборы пап были освобождены от светского контроля, а церковники в общем и целом стали вести более добродетельный образ жизни, чем до движения за реформу.
....В начале XIII столетия церковь стояла перед угрозой восстания, едва ли менее грозного, чем то, которое вспыхнуло против нее в XVI столетии. От этого восстания церковь была спасена в значительной

мере благодаря появлению нищенствующих орденов; св. Франциск и св. Доминик сделали для ортодоксии гораздо больше, чем даже самые энергичные папы.

.....Как святой, Франциск не имел себе равных; что делает его единственным в своем роде среди святых, так это непосредственность его счастья, бесконечная широта любви и поэтический дар. Добро он творил, казалось бы, всегда без всяких усилий, как будто на пути его не стояла никакая человеческая грязь. Всякое живое существо вызывало во Франциске чувство любви — не только как христианина и человека с отзывчивым сердцем, но и как поэта. Его гимн солнцу, написанный Франциском незадолго до смерти, *почти* мог бы быть написан солнцепоклонником Эхнатоном, но все же почти: гимн проникнут христианским духом, хотя и не очень явственно. Франциск ощущал в себе долг по отношению к прокаженным ради них, а не ради себя; в отличие от большинства христианских святых он больше пекся о счастье других, чем о своем собственном спасении. Франциск никогда не обнаруживал чувства превосходства, даже по отношению к самым униженным и дурным людям. Фома из Челано говорил о Франциске, что он был больше, чем святым среди святых; среди грешников он также был одним из своих.

....Нам остается сказать несколько слов об интеллектуальном возрождении в XI столетии. X столетие не дало ни одного философа, кроме Герберта (папы Сильвестра II, 999–1003), да и он был не столько философом, сколько математиком. Но с течением времени в XI столетии начали появляться мыслители, которые заслуженно могут претендовать на философскую славу. .....Наиболее значительными из них были Ансельм и Росцелин, но заслуживают упоминания и некоторые другие. Все они были монахами, связанными с реформаторским движением. Самый старший из них — Петр Дамиани (о нем уже говорилось). Интересной фигурой является Беренгар Турский (ум. в 1088 году); он был до некоторой степени рационалистом»

Понитификат Григория Гильдебранда славен победой над императором Генрихом Четвертым, которая под названием «Каноссы» стала притчей во языцех. «Явная катастрофа», о которой упоминает Рассел — это страшный пожар и разграбление Рима, которые случились по вине этого самого Генриха Четвертого, осаждавшего Гильдебранда в Риме позже, чтобы взять реванш. Эта Явная катастрофа императора Генриха, а не папы, поверившего в раскаяние императора.

Д. Норвич, «История Папства»:

> «В течение предшествующих пятидесяти лет благодаря значительным успехам клюнийской реформы и под влиянием Гильдебранда она превратилась в сильный и сплоченный институт. Как грибы росли религиозные ордена, что придавало ей эффективность и динамичность. Клюни при аббате Пьере
> Достопочтенном, Премонтре при Норберте Магдебургском — том самом, который убедил Лотаря оставить письма Анаклета без ответа, — и Сито при Бернаре Клервоском представляли жизнеспособную, позитивную силу. Все три монастыря выступили в защиту Иннокентия, и их поддержка была равносильна поддержке всей церкви».

3. СВОБОДНЫЕ ГОРОДА ЛОМБАРДИИ И ДВИЖЕНИЕ ПАТАРИЕВ КАК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА КРЕСТНОЙ ВОЙНЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Далеко не все императоры были готовы, подобно Пипину и его сыну Карлу Великому, уважать Католическую церковь как Власть Духа. Святой Дух христианства, который распространился в среде варваров благодаря активному подвижничеству учеников Христа, выполнявших его заветы нести проповедь людям, к этому времени явил уже таких великих христиан варварского мира как Карл Великий. Надо быть великим, чтобы в условиях полной беспомощности престола св. Петра, обложенного бандами лангобардов, которые бы смели его с лица земли, не только оказать посильную военную помощь, спасая жизни, но и проявить заслуженное уважение и почтение к Церкви Христовой. Карл и его отец заслужили свое место в истории, не просто как просвещенные варвары, но уже как христиане, ставшие столпами церкви раннего средневековья. Ведь они не только проявили уважение к беспомощному духовенству, укрепляя его авторитет среди населения, но и одарили его щедро землями, и гарантировали ему защиту империи в дальнейшем. Правда, что на тот момент распространение христианства было уже значительно, и авторитет церкви также был выгоден и дому Каролингов для

поддержки его власти и его обширных завоеваний. Однако, ничего не мешало им повести себя так, как когда то вел себя Константин, подчинивший своему диктату церковь, или же как позже начнут вести себя германские императоры Фридрихи, назначая антипап и забрасывая престол св. Петра трупами, подобно Барароссе.

Карл потому Великий, что не только зачитывался книгой св. Августина о Граде Божьем, но будучи главой Града Земного охотно признал руководящую роль церкви как Града Божьего и на практике. И не только защитил церковь, но и не стал грабить подобно например Византии, и одарил щедро землями. Поведение Каролингов в данном случае настолько нестандартно с точки зрения обычного короля и императора, даже не варварского, а и среднего римского, что делает его выдающимся человеком в духовном плане, ставит в один ряд с выдающимися христианами, в каком-то смысле с отцами церкви. Где была бы католическая церковь без Пипина и Карла, кто знает? Какой была бы ее судьба в руках свирепых лангобардов? Вспомним уже не такого дикаря как варвары тех времен — Наполеона Бонапарта и его позорное поведение в отношении римских пап, начиная с того как он вырвал корону из рук папы и водрузил себе на голову и заканчивая заточением пап под свой арест. Вот поведение варвара и конец его был соответствующим.

Каролинги же позволили претворить теорию Града Божьего Августина в жизнь, добровольно став в положение послушного духовной власти Града земного. Империя Каролингов как наследственная монархия через какое-то время распалась, но их имена и имя их империи останется жить в истории вечно. И как первого Града земного, ставшего опорой церкви, и как империи, церковные иммунитеты которой дали жизнь свободным городам Ломбардии. А вместе с ними еще раз определили исход битвы в пользу папства в решающую его битву с Барбароссой и Фридрихом Вторым. Ведь это Ломбардская Лига выиграла битву против Барбароссы, и она же поддерживала Григория Девятого

и Иннокентия Четвертого в борьбе «со страшным врагом папства» Фридрихом Вторым. Тогда же в борьбу вступили и нищенствующие ордена францисканцев и доминиканцев. И папство опять выиграло решающую битву, опираясь на социал-демократию духовного союза совести.

Е. Тарле, «История Италии Средних веков»:

> «Теперь нужно заметить, какое значение имело франкское вмешательство для эволюции папской идеи. Насъ здесь не занимаетъ цена, которую папа заплатилъ Пипину за его услугу (т. е. санкции захвата королевской власти у законнаго Меровинга); цена эта для папы была слишкомъ невесома и ничтожна, при всей своей важность для Пипина. Но то, что папство прибрело въ этомъ достопамятномъ 752 году, имело колоссальную важность для всей дальнейшей истории Италии: папа получилъ въ подарокъ отъ Пипина отвоеванеыя у лангобардовъ местности, который и образовали знаменитое *насмьЬІе св. Петра,* церковную область, точку опоры и источникъ чисто светскаго могущества римскихъ первосвященниковъ. Если папы и папство сыграли крупнейшую роль въ истории Европы, если ихъ влияние и реакция противъ этого влияния наполняютъ и составляютъ содержаще целыхъ столетш культурной истории Европы, то никогда не следуетъ упускать изъ виду, что материальная независимость, экономическая самостоятельность римскаго престола, были той существенно важной почвою, которая дала тагае пышные плоды, а эта независимость и самостоятельность были дарованы папе вместе еъ церковною областью, съ римскою Кампанией.
> ...Нужно заметить, что коронация Карла сыграла свою роль не столько при его жизни и при жизни его ближайшихъ преемниковъ, сколько черезъ несколько столетий, въ эпоху борьбы папъ съ императорами. Приверженцы папъ говорили, что Левъ Третий даровалъ корону Карлу за его услуги передъ папствомъ и христианскою церковью, даровалъ по принадлежащему ему праву раздавать короны земнымъ владыкамъ; что империя, въ лице Карла, признала это право за папою, преклонившись продъ римскимъ первосвященникомъ; ' наконецъ, что право давать короны, естественно, предполагаетъ и право дающаго отнимать ихъ у провинившихся. Напротивъ, императорская пария видела въ участии папы въ коронации лишь довольно неважную случайность. Карлъ Великий, говорили они, не потому короновался, что Льву III этого захотелось, но по той причине, что христианский мир долженъ иметь одного светскаго главу и защитника, что со временъ Ромула Августула такого защитника не было даже и но-

минально, а на самомъ деле еще при Феодосии императоры уже не могли подать помощь своимъ подданнымъ, что Карлъ, принимая корону, делалъ то, къ чему онъ былъ предназначенъ самимъ небомъ, т. е. возстановлялъ и воскрешалъ времена Константина Великаго. Но эта полемика возникла и развилась лишь двести летъ спустя».

Е. Тарле, «История Италии Средних веков»:

«Пока происходили эти социальныя изменения, рядомъ съ ними возникало своеобразное политическое установлено, сыгравшее большую роль въ подготовке городскихъ коммунъ въ Ломбарды: и известное подъ именемъ церковныхъ иммунитетовъ.
При завоевании Ломбардии Карлъ Великий не переставал заботиться, чтобы въ этой страна (какъ и въ другихъ его владенияхъ) власти светская и духовная шли рука объ руку, помогая одна другой въ сохранении мира и порядка- Церковь стала при немъ одною изъ наиболее благоприятствуемыхъ государственныхъ силъ; не довольствуясь теми, что епископамъ было предоставлено Карломъ Великимъ вмешиваться въ управление и въ административныя дела графовъ, Каролинги щедрою рукою раздавали церкви иммунитеты. Право иммунитета, даваемое особыми патентомъ, заключалось въ следующем: все церковныя земли, пользующиеяся правомъ «иммунитета», совершенно были изъяты отъ какой бы то ни было светской власти, ихъ население управлялось и судилось исключительно властями духовными — аббатомъ монастыря, епископомъ.
Число вассаловъ въ церковныхъ и монастырскихъ иммунитетахъ росло такимъ образомъ весьма быстро. Къ средине IX столетия можно считать приблизительно третью часть ломбардской территории, пользовавшуюся правомъ иммунитета и составлявшую такимъ образомъ государство въ государств. Мало того, при послйднихъ итальянскихъ Каролингахъ и ихъ преемникахъ, во время постоянныхъ смутъ и отсутствия прочной власти, т. е. въ концй IX и первой половинй X вйковъ, епископы успйли получить въ иммунитетное владение цйлые города. Въ 892 году Модена, въ 903 году Бергамо, въ 842 году (и вторично, въ видй подтвержден въ 883) Кремона были отданы въ иммунитетное владение епископамъ этихъ городовъ. При Оттонахъ этотъ процессъ развиты иммуни-тотовъ и умаления территориальной власти несколько замедлился, но не остановился: далекая Ломбардия была такимъ мйстомъ, гдй императорамъ германскимъ неудобно было возбуждать противъ себя все духовенство. Въ 962 году (въ самый годъ своего императорскаго короноватя) Оттонъ I даровалъ иммунитета епископу города Асти; въ 973 году Оттонъ II расширилъ (территорёально) иммунитеты права епископа Бергамо, въ 1037 году

иммунитетнымъ владйшемъ стала Бреппя, въ 997— (при Оттонй Ш) Пьянченца, еще раньше (въ 924) Парма и Реджи.

По мйрй того, какъ распространялись церковные иммунитеты, имъ сопутствовало падение государственной власти. Это установлеше иммунитетовъ и повлияло весьма значительно на выработку коммунальнаго строя ломбардскихъ городовъ. Епископъ и окружающее его духовенство были центромъ всехъ административныхъ, политическихъ и судебныхъ отправленний городской жизни; мало того, епископъ выбирался городскими населением, и клирики, попадавши на епископское место, выходили изъ рядовъ горожанъ, знали ихъ потребности, тесно были съ ними связанъ. Такими путемъ позволительно утверждать, что уже въ X — XI вв. въ ломбардскихъ тородахъ текла общинная жизнь, подготовлявшая почву къ возпикновению самоуправляющихся коммунъ. Эта общинная жизнь уже стала получать свое юридическое признаке: Мантуя получила въ 1014г. отъ императора Генриха II хартию, данную *всему свободному ея населению,* съ торжественными обещаниемъ покровительства, защиты отъ обидъ, изъятая отъ некоторыхъ общегосударственными повинностей и податей. Въ 1055 г. такую же хартию получила Феррара, въ 1081 г. — Пиза, въ 1114 г. — Кремона, въ 1116 г. — Болонья. Эти хартаи, между прочими, избавляли города отъ обязанности содержать на постов имперские войска; пожалуй, только эта привилегия и была важною и крупною новостью, въ остальномъ же хартии лишь подтверждали ту степень самостоятельности, которой горожане со своими выборомъ епископомъ достигли, благодаря иммунитетамъ. Но все же моральное значето хартйй было велико: подобно новгородцамъ, постоянно ссылавшимся на свои старинныя права, ломбардские горожане, въ течете всйхъ неспокойныхъ временъ своей истории, всегда ссылались именно на эти привилегии.

Очевидно, города уже чувствовали въ себй и потребность, и силу попытаться низвергнуть послйдше слйды имперской зависимости. Это имъ, конечно, не сразу удалось. XI вйкъ, вйкъ борьбы папства съ имперней, долженъ былъ поставить ребромъ вопросъ: на чью сторону передадутся географические посредники между двумя врагами, т. е. ломбардские города? Вопросъ этотъ решился еще, когда Гильдебрандъ не былъ папою. Въ прошлой главй мы говорили о секте патаровъ, возникшей въ Ломбарды и сильно помогавшей Гильдебранду проводить идеи церковной реформы, отмены симоны и брака духовныхъ лицъ; мы сказали, что простой классъ сталъ на сторону реформы и поддался внушению патаровъ, а класеъ могущественныхъ феодаловъ оказался противникомъ реформы. Такимъ образомъ, государственная власть, власть имперскихъ наместниковъ, графовъ

> была въ IX — -X вв. эскамотирована, расхищена епископами, а власть еписконовъ въ свою очередь въ XII сто лет перешла къ городскими избранниками — консулами. Целый рядъ историческихъ условш, которым мы пытались очертить въ этой главе, привели къ политической эманципации ломбардскихъ городовъ»

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «В годы пребывания Николая II на папском престоле в Милане началась интересная борьба. Архиепископ, следуя традиции Амвросия, стал притязать на известную независимость от папы. Архиепископ и подчиненное ему духовенство выступали в союзе с аристократией и были ярыми противниками реформы. Напротив, торговый и низший классы требовали, чтобы духовенство держалось стези благочестия; на этой почве возникали бунты в поддержку требования целибата духовенства и мощное реформаторское движение, получившее название движения „патариев", которое направлялось против архиепископа и его приверженцев. В 1059 году папа, чтобы оказать поддержку реформе, послал в Милан в качестве своего легата знаменитого св. Петра Дамиани. Дамиани был автором трактата „О божественном всемогуществе", в котором утверждалось, что Бог может вершить деяния, противные закону противоречия, и может уничтожить прошлое. (Это воззрение было отвергнуто св. Фомой и с той поры почиталось неортодоксальным.) Дамиани отвергал диалектику, а философию называл служанкой теологии. Он был, как мы уже видели, последователем отшельника Ромуальда и с большой неохотой участвовал в ведении практических дел. Слава его святости, однако, была таким козырем в руках папства, что в ход были пущены все средства убеждения, лишь бы уговорить его помочь реформаторской кампании, и он уступил представлениям папы. В 1059 году Дамиани выступил в Милане перед собравшимися церковниками с речью против симонии. Сначала *это* привело их в такую ярость, что жизнь Дамиани была в опасности, но в конце концов он завоевал их своим красноречием, и со слезами все они как один покаялись в своей вине. Больше того, они обещали во всем подчиняться Риму. При следующем папе возник конфликт с императором из-за Миланской епархии, в котором в конце концов с помощью патариев папа одержал победу»

4. ГИЛЬДЕБРАНД И ПАПСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ЕДИНСТВО НЕЗАВИСИМОЙ ЦЕРКВИ

История показывает нам, что было бы в с папством без Каролингов: стоило только империи Карла Великого прекратить свое существование, как папство становится в руках римской аристократии «не более чем игрушкой». Действительно, папский трон занимают поочередно любовники, дети и внуки Мароции, решившие перещеголять друг друга в порочности и тупости. Вот какой конец ожидал бы Католическую церковь, не явись вовремя Рыцари Святого Духа — Пипин и его сын Карл Великий. Из этой смерти папство выйдет потому, что тогда укрепилось достаточно, чтобы воскреснуть. Случись такое тогда, и история пошла бы совсем другим путем без благодати Церкви Христовой.

Д. Норвич, «История Папства»:

> «Империя Карла Великого прекратила свое существование, разорванная на части вечно враждовавшими членами его семейства; без их помощи папы оказывались беззащитными перед лицом римской аристократии — главным образом Кресценциев, Тускулумов и Теофилактов, которые полностью контролировали церковь и в чьих руках папство было не более чем игрушкой»

Е. Тарле, «история Италии Средних веков»:

> «В 9 веке достаточно сказать, что в течении сорока лет с слишком Апеннинский полуостровъ былъ ареною одной нескончаемой войны, когда боровшееся не всегда могли бы даже въ точности сказать, что имъ нужно, кроме грабежа деревень и городовъ. Папство играло въ это время самую плачевную. роль: папъ низвергали, сажали въ тюрьму, мучили, опять возводили на престолъ, изгоняли изъ Рима, все это смотря потому, какая пария возьметъ верхъ въ города, какое войско (врага или союзника) скорее подойдутъ къ Риму».

Возрождение церкви в 11 веке связано с Клюнийской реформой монастырей, и с именем Григория Гильдебранда, который раз и навсегда изменил положение вещей, где папство зависело от капризов римской аристократии и императоров. Двадцать пять лет руководил Гильдебранд реформой, поскольку все понтифика-

ты, начиная с его друга Льва Девятого приписывают его влиянию. Однако, правильнее сказать, что будучи великим человеком с сильным духом Гильдебранд собрал вокруг себя «правильную команду» таких же сильных духом людей. Подобно тому, как самоактуалы Маслоу славятся своим умением дружить, но дружат только с такими же здоровыми людьми с духовной энергией; и подобно тому как визинарные компании Пораса и Коллинза славятся своей успешностью потому, что делают акцент на правильном подборе команды людей — и это люди с развитой духовной энергией, которые всегда работают как одна команда, и «любят друг друга», говорит Коллинз, неожиданно для бизнес-учебника.

Историки отмечают, что пять пап начиная от Льва Девятого и до понтификата Григория находились под его личным влиянием. Однако, правильнее сказать, что тот феномен которым выдвинулась христианская церковь в первые ряды мировой политики — духовный союз поля интеллекта и совести — тут сработал как команда выдающихся людей духа.

Д. Норвич, «История Папства»:

> «До сей поры папство оставалось по преимуществу римским институтом; Лев IX сделал его поистине интернациональным. Он все время был в разъездах, путешествуя то по Южной Италии, то по Франции и Германии, председательствуя на синодах, яростно обличая симонию и браки священников, проводя роскошные церемонии и проповедуя перед огромными толпами. Благодаря ему папство заняло в Европе положение, какого не имело прежде ни при одном понтифике. Он также сделал интернациональной и саму курию. Папу более не окружали своекорыстные, постоянно интригующие церковники, происходившие по большей части из римской знати. Лев собрал вокруг себя самых различных
> людей, таких как пылкий аскет Петр Дамиан (Дамиани) — учитель церкви и предшественник Франциска Ассизского в качестве апостола добровольной бедности, как блистательный аббат Гуго Клюнийский, под
> чьим влиянием средневековое монашество достигло своего апогея, как Фридрих Лотарингский, аббат Монтекассино, позднее папа Стефан IX (1057—1058), и кардинал Гильдебранд, который под именем Григория VII (1073—1085) стал одним из крупнейших церковных деятелей Средневековья.

Таким образом, после всех усилий, предпринятых за последнее десятилетие, папство вновь оказалось в том состоянии, в котором его застал Лев: оно колебалось между аристократией и империей, иногда у него
получалось стравить их друг с другом, однако ему никогда не удавалось по- настоящему утвердить свою независимость от той или другой стороны. Главная задача реформы в таких условиях выполнена быть не могла. Так или иначе, церкви предстояло самой становиться на ноги.
И тут церковь предприняла неожиданный, роковой шаг. Она обратилась за помощью к норманнам.
Окончательное решение об этом могло быть принято только Гильдебрандом. Однако Гильдебранд знал что делал. Папа и кардиналы, как то почти всегда и случалось, склонились перед его волей. И в феврале 1059 года он отправился для участия в переговорах с одним из вождей норманнов, князем Ричардом Капуанским. Ричард не колебался. Он немедленно предоставил в распоряжение Гильдебранда 300 человек, и кардинал поспешил в Рим со своим новым эскортом. Эра дружбы пап с норманнами началась.
Независимые выборы папы — по сей день Судьба антипапы Бенедикта X вызвала сильнейший шок у реакционной группировки в Риме. Она не ожидала ни такой энергии, ни такого единства целей, с которым кардиналы выступили против его избрания, но не ожидала она и той решимости, с которой потом его устранили. И теперь, прежде чем они успели прийти в себя, Гильдебранд нанес им второй удар, надолго их парализовавший. Процедура избрания пап всегда носила достаточно расплывчатый характер. Теоретически она основывалась на порядке, установленном императором Лотарем в 824 году и
возобновленном Оттоном Великим в следующем столетии, согласно которому избрание должно было осуществляться всем клиром и знатью Рима. Однако новый понтифик не мог проходить инаугурацию, пока не приносил присягу императору. Такое решение, достаточно расплывчатое уже в первоначальном варианте и ставшее еще более расплывчатым из-за двух с лишним веков различных трактовок, не могло не привести к злоупотреблениям. Не говоря о той власти над папством, которую оно давало римской аристократии, это подразумевало определенную зависимость от империи, которая, несмотря на противовес в виде необходимости для каждого императора получать корону из рук папы в Риме, ни в коей мере не совпадала с представлениями Гильдебранда о главенстве папы. Теперь, когда в Риме царила анархия, на германском троне

сидел ребенок, а вооруженная помощь со стороны норманнов в случае
необходимости гарантировалась, эти правила можно было наконец отменить.
13 апреля 1059 года папа Николай собрал синод в Латеранском дворце. И здесь, в присутствии 113 епископов, в том числе Гильдебранда, он обнародовал решение, которое (с одной-двумя позднейшими поправками) продолжает регулировать выборы пап и по сей день. Впервые избрание нового понтифика возлагалось теперь непосредственно на кардиналов — по сути, высшее духовенство Рима. Это было смелое решение. И даже Гильдебранд не осмелился бы принять его иначе как из-за норманнов. И для империи, и для римской знати случившееся означало пощечину, хотя и дипломатично оформленную.
Григорий, его достижения оказались больше, чем он мог себе представить. Он внес огромный вклад в установление верховенства папства в церковной иерархии, и хотя он не добился такой же победы над империей, он так заявил о правах церкви, что это нельзя было больше игнорировать. Церковь показала зубы, и последующим императорам приходилось бороться с угрозой, исходившей от нее. Тем не менее Григорий умирал если не сломленным, то по крайней мере испытав разочарование и утратив иллюзии. Горько прозвучали и прощальные слова: «Я любил праведность и ненавидел несправедливость, а потому умираю в изгнании».

Е. Тарле, «История Италии Средних веков»:

«Отъ 1048 до 1054 года на папскомъ престоле находился Левъ IX, отъ 1054 до 1057 Викторъ II, отъ 1057 до 1058 Стефанъ IX, отъ 58 до 59 Венедиктъ X, отъ 59 до 61 Николаи II, отъ 61 до 73 Александръ II, — и только съ 1073 года ’ понтификатъ достался Гильдебранду, и однако, мы можемъ, игнорируя всехъ этихъ папъ — даже Николая II — говорить только и исключительно о политике, тенденцияхъ и воле одного Гильдебранда. Онъ былъ сначала тайною, потомъ явною могущественною пружиною, двигавшею всю политику Рима за двадцать-пять летъ, предшествующия его понтификату, эпохе высшаго напряженья исторической драмы, въ которой онъ былъ главными действующпмъ лицомъ. *У* Гильдебранда мы видимъ две основныя цели, одну — первичную, другую играющую более или менее вспомогательную роль. Первая цель была необъятно широка, и хотя не въ мозгу Гильдебранда возникла, но имъ была выражена, облечена въ конкретныя формы. Мысль о царстве Божьемъ на земле, о единомъ стаде единомъ пастыре, о соединении всего христианства въ

одно стадо пасомыхъ и упра-вляемыхъ рукою царя-первосвященника, идея теократической всемирной монархии принадлежитъ къ числу т! хъ политическихъ химеръ, которыми нельзя отказать ни въ широте размаха фантазии, ни въ своеобразной поэзии. Этотъ идеалъ для среднихъ вековъ былъ подчеркнуть и развить въ книге блаженнаго Августина, которой, какъ известно, зачитывался Карлъ Великий. Действительно, была уже давно непримиримая логическая двойственность въ отношениях папства и империи.

Становилось уже ясно, къ какому ближайшему этапу направляется политика Гильдебранда: за двадцать пять летъ своей деятельности въ качестве перваго папскаго советника Гильдебрандъ успелъ совершенно изолировать римский престолъ отъ империи, тогда какъ, въ сущности, еще при императоре Генрихе **III** церковно-реформаторсюя тенденции (особенно относительно симонии) всецело разделялись главою империи».

Б. Рассел, «История западной философии»:

«Григорий VII (1073–1085) является одним из наиболее выдающихся пап. Он задолго до этого уже играл видную роль и оказывал большое влияние на политику папства. Именно благодаря Гильдебранду папа Александр II благословил английское предприятие Вильгельма Завоевателя; как в Италии, так и на Севере он покровительствовал норманнам. Гильдебранд не мог похвастаться особым образованием, но главной духовной пищей его был св. Августин, с доктринами которого он познакомился из вторых рук — по сочинениям своего кумира Григория Великого. Став папой, Гильдебранд уверовал, что устами его глаголет сам св. Петр. Это преисполнило его такой самоуверенностью, которая в глазах мирян не имела никакого оправдания. Гильдебранд соглашался с тем, что власть императора также божественного происхождения: сначала он уподоблял папу и императора двум глазам; позднее, уже во время конфликта с императором, — солнцу и луне; роль солнца, понятно, отводилась папе. Папа должен быть верховным судьей в вопросах нравственности, и потому ему должно принадлежать право низлагать императора, если император вел себя безнравственно. И ничего не могло быть более безнравственного, чем перечить папе. Во всем этом Гильдебранд был искренне и глубоко убежден. Григорий призывал мирян не посещать те мессы, которые служили непокорные священники. Он предписал, что таинства, совершаемые женатым духовенством, недействительны и что таким клирикам запрещено вступать в пределы церкви. Все это вызывало оппозицию духовенства и поддержку мирян; даже в Риме, где папы

обычно жили, дрожа за свою шкуру, Григорий был популярен среди городского населения.

При Григории начался великий конфликт из-за «инвеституры». При посвящении в сан епископа последнему вручались кольцо и посох как символы его должности. Вручались они императором или королем (в зависимости от того, в какой стране происходило дело) в качестве феодального сюзерена епископа. Григорий настаивал на том, что кольцо и посох должны вручаться папой. Конфликт был составной частью движения, направленного на то, чтобы вырвать духовенство из феодальной иерархии. Длился он долго, но в конце концов завершился полной победой папства.

Распря, приведшая к Каноссе, началась из-за миланского архиепископства. В 1075 году император, заручившись согласием викарных епископов, назначил нового архиепископа; папа усмотрел в этом посягательство на свою прерогативу и пригрозил императору отлучением от церкви и низложением с престола. Император ответил тем, что созвал собор епископов в Вормсе, где епископы заявили, что не признают больше власти папы. Они послали папе письмо, в котором обвиняли его в блуде, клятвопреступлении и (тягчайшее прегрешение) дурном обращении с епископами. Послал письмо и император, заявивший, что он стоит выше всякого земного суда. Император и его епископы провозгласили Григория низложенным; Григорий же отлучил от церкви императора и его епископов и объявил их низложенными. Словом, спектакль начался.

В первом действии победа склонилась на сторону папы. Саксонцы, которые перед тем восстали против Генриха IV, но потом заключили с ним мир, снова восстали; напротив, немецкие епископы примирились с Григорием. Весь мир был возмущен поведением императора по отношению к папе. В итоге в следующем году (1077) Генрих решил просить у папы отпущения грехов. В самый разгар зимы в сопровождении жены, малютки-сына и немногих слуг он пересек Мон-Сениский перевал и предстал с повинной перед Каносским дворцом, где находился папа. Три дня папа заставлял его ждать разутым и в одежде кающегося грешника. Наконец императора впустили. Принеся покаяние и поклявшись впредь следовать указаниям папы в отношениях со своими противниками в Германии, император получил прощение и был возвращен в лоно церкви.

Победа папы, однако, была призрачной. Сгубили папу правила его же собственной теологии, одно из которых предписывало отпускать грехи кающимся грешникам. Как ни странно, Генрих его обманывал, а папа считал покаяние императора искренним. Он скоро понял, какую допустил ошибку. Он лишил себя возможности

> поддерживать врагов Генриха, которые чувствовали, что он их предал. С этого момента события начали развиваться против папы. По указанию Генриха поддерживавшие его церковники избрали антипапу, и в 1084 году Генрих вступил с ним в Рим. Антипапа короновал Генриха по всей форме, но вскоре им обоим пришлось уносить ноги от норманнов, которые двинулись на помощь Григорию. Норманны жестоко разграбили Рим и увезли Григория с собой. Фактически он оставался их пленником до самой своей смерти, последовавшей в следующем году.
> Таким образом, внешне политика Григория закончилась катастрофой. В действительности же она была продолжена, хотя и с большей умеренностью, его преемниками. На время конфликт был улажен при помощи компромисса, благоприятного для папства, но по существу конфликт был непримиримым»

Уже слишком понятно, что правда всецело на стороне Гильдебранда против римской аристократии, которая как мы видели была оскорблена тем, что Папа сумел избавить Католическую церковь от позорной зависимости от развращенной языческой знати, и потому предала город Рим в руки врага папы Генриха Четвертого. Если бы не эти интриги и не эти претензии на власть над Католической церковью, то норманнам никогда не пришло бы в голову вторгаться в город Папства, которому они дали клятву верности, и которого теперь пришли защищать от Генриха, злейшего врага Гильдебранда, ненавидевшего его за то, что папа сделал церковь независимой в том числе и от таких бесчестных императоров как он. Ярость с которой Генрих Четвертый, Фридрих Барбаросса и Фридрих Второй сражались за власть над папством со всей очевидностью показывает, что Карл Великий сотался в истории Великим неслучайно, и что его следует относить не только к великим светским правителям, но и к выдающимся христианам, потому что так понять свой долг мог только человек выдающейся духовной энергии.

Гильдебранд и Лев Девятый, собрав вокруг себя выдающихся деятелей христианского мира и действуя вместе с ними как одна команда, как одно лицо, разбив своим единым напором сопротивление римской аристократии и немецких императоров, показали не только силу духовного союза поля интеллекта и со-

вести; они показали, что Власть Духа много превосходит Власть Насильников, и что всегда найдутся люди, готовые встать на защиту Власти Духа, что и подтвердили норманны. В последующей борьбе папы будут драться за свою независимость в союзе с Лигой свободных городов Ломбардии — тех самых городов, которые стали свободными, благодаря церковным иммунитетам, «щедро раздаваемым Каролингами». Здесь важно отметить, что во всех этих случаях Папы пользовались заслуженно своей Властью Духа; и во всех случаях правда была на их стороне. Так, Генрих Четвертый поступал как насильник, «назначив по собственному выбору кандидата из числа аристократов и противников реформ, хотя прекрасно

знал, что папа Александр уже одобрил избрание патарена, осуществленное по каноническим правилам», пишет Норвич. А патарены, ясное дело — демократическое движение свободных городов Италии на стороне папской реформы. И если бы Генрих искренне пришел каяться перед Гильдебрандом за свое хамское поведение, за свои претензии подчинить Власти Насилия Церковь Христа — он сделал бы достойный шаг, равный тому, какой сделал Карл Великий, принимая корону из рук папы на коленях. А он вместо этого в отместку спровоцировал варварское разграбление Рима. Также обстояло дело и с войной против двух Фридрихов — правда всегда была на стороне пап, и честно несли знамя своей Крестной войны против Града Дьявола.

Что касается союза папства с норманнами, то хотя второй империи Каролингов не получилось, все же и из этого союза родилось нечто совершенно эксклюзивное. Рассел отмечает, что именно по совету Гильдебранда папа Александр Второй дал свое благословление походу в Англию Вильгельму Завоевателю, то есть тому знаменитому норманнскому завоеванию Англии, которое закончилось Великой хартией свободы и установлением конституции при Симоне де Монфоре. В этом прогрессивном развитии Англии историки большую роль отводят норманнскому завоеванию, а Великая Хартия Свободы не родилась бы без по-

мощи папы Иннокентия Третьего, отлучившего самого гнусного английского короля, Иоанна Безземельного, от церкви. Может быть Иннокентий Третий уже не был святым папой, как утверждает Рассел, который в целом признает моральный авторитет папства «заслуженным», и может быть его личная война с Иоанном уже не была Крестной войной, однако, на Иоанна подействовал тот великий авторитет Католической церкви, та сила Власти Духа, которую последняя приобрела в Крестной войне с империей.

Известно, что Генрих Второй продолжил те реформы Вильгельма Завоевателя, которые «вместо анархии феодальных отношений утвердили широкую государственность в Англии», и в результате чего согласованное противостояние народа тирану стало возможно. Однако, как мы можем видеть, без помощи церкви Иоанн Безземельный продолжал бы безнаказанно издеваться над целой страной. И только Власть Духа Католической церкви помогла английскому народу добыть в борьбе с королем Великую Хартию Вольностей. Имнем Христова Воинства и святой церкви идут на войну с тираном-королем, не уважающим божий закон бароны; архиепископ Кентерберийский благословляет их поход и сам участвует в борьбе. Пусть в следующем веке Симону де Монфору уже придется сражаться в том числе и против папства, чтобы добыть Конституцию стране. Все же эта победа досталась им только с помощью Католической церкви и той Власти Духа, которую отвоевали у Града Насилия Римские папы. И симон де Монфор будет продолжать воевать за свободу именем Христа и святой церкви, как рассказывает поэма его времен «Битва при Льюисе».

Д. Петрушевский, «Великая Хартия Вольностей»:

> «Реформы Генриха II-го показали, что можетъ сдѣлать для народа королевская власть, руководясь, если и не без-корыстнымъ желаніемъ служить народу, то ужъ во всякцмъ случаѣ широко и правильно понимаемыми собственными инте-ресами и истинно государственнымъ смысломъ ея носителей и вдохновителей. Монархія Генриха II, это — своего рода иросвѣщенный абсолютизмъ двѣнадцатаго вѣка. Но ничто не гарантировало англійское общество отъ того,

что этотъ про-свѣщенный абсолютизмъ не превратится въ самый необуз-данный деспотпзмъ монархій востока, лишь только во главѣ государства станетъ человѣкъ, совершенно чуждый какихъ бы то ни было государственныхъ идей, живущій исключительно грубо эгоистическими инстинктами, не признающій для себя никакихъ политическихъ, моральныхъ или религіозныхъ сдер-жекъ, или даже просто заурядный человѣкъ, лишенный по-литическаго смысла и вседѣло руководимый преслѣдѵющей собетвенныя выгоды правительственной кликой.

И Англіи не долго пришлось ждать такого превращепія. Въ лицѣ Іоанна Безземельнаго англіиское общество полу-чило короля, который даже марокксскаго эмира поразилъ сво-ими дѣяніями и заставилъ этого восточнаго деспота въ ве-личайшемъ негодованіи воскликнуть: «Какъ же эти несчастные англичане позволяютъ такому человѣку царствовать и властво-вать надъ ними? Да они настоящія бабы и холопы».

...Весьма возможно, что баронамъ не удалось бы поднять цротивъ становившагося невыносимымъ политическаго ре-жима организованное возстаніе, если бы имъ не помогло одно чрезвычайно важное по тогдашнему времени обстоя-тельство, окончательно развязавшее руки тѣмъ, кто еще не рѣшился. поднять ихъ противъ носителя окруженной мисти-ческимъ, религіознымъ ореоломъ королевской власти. Столк-новеніе -короля съ церковью, и перчатка, которую онъ не побоялся бросить величайшему главѣ католическаго міра, рѣшила его участь, разсѣявъ и послѣдніе остатки того мо-ральнаго престижа, котораго не могли еще сокрушить всѣ его беззаконія.

Поводомъ къ столкновенію послужилъ вопросъ о замѣще-ніи кентерберійской каѳедры, ставшей вакантной въ 1205 году. Лапа не утвердилъ кандидатовъ, выставленныхъ и кентербе-рійскимъ духовенствомъ, и королемъ, и назначилъ архіепис-копомъ кентерберійскимъ (въ 1207 г.) одного изъ своихъ кар-динал овъ, англичанина Стефана Лэпгтона. Въ отвѣтъ на это король отказался признать новаго примаса, а когда Инно-кентій III подвергъ въ слѣдующемъ году Англію интердикту, а еще черезъ годъ отлучилъ короля отъ церкви, Іоанпъ повелѣлъ конфисковать всѣ церковный владѣнія въ королев-ствѣ и фактически поставилъ англійскую церковь внѣ закона. По всей странѣ прекратилось богослуженіе, не слышно было колокольнаго звона, мертвыхъ перестали хоронить по хри-ѵстіанскому обряду, а служители церкви стали подвергаться всевозможнымъ насиліямъ и оскорбленіямъ со стороны ко-ролевскихъ людей. Нужно вспомнить, какимъ страшнымъ ору-жіемъ былъ въ рукахъ католической церкви интердиктъ, чтобы представить себѣ, какія чувства долженъ

былъ вы-звать къ себѣ во всѣхъ слояхъ англійскаго общества король, навлекшій на страну такое ужасное въ глазахъ тогдашнихъ людей бѣдствіе. Въ то же время отлученіе короля отъ церкви прямо освобождало его подданныхъ отъ всѣхъ обязанностей въ отношеніи къ нему. Папа даже формально освободилъ. (въ 1211 году) всѣхъ англичанъ огьвѣрности и подданств? королю и подъ страхомъ наказанія запретилъ имъ имѣть съ нимъ какое бы то ни было обіценіе. Ilе довольствуясь этимът Иннокентій, «по совѣту кардиналовъ, епископовъ и другихъ разумныхъ людей», постановилъ (въ 1213 г.) и вовсе низло-жить Іоанна

Въ лицѣ архіепископа Стефана Лэнгтона начавшееся уже общественное движеніе пріобрѣло руководителя и идейнаго вдохновителя, укрѣплявшаго его своимъ авторитетомъ. Едва прошелъ мѣсяцъ со дня прибытія его въ Англію, какъ мы уже видимъ его въ самомъ центрѣ движенія. 25 августа (1213 г.) онъ уетраиваетъ въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ очень знаменательное собраніе изъ епиекоповъ, пріоровъ, аббатовъ, декановъ и бароновъ королевства. На этомъ собраніи архіепископъ подозвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ ба-роновъ и секретно сообщилъ имъ слѣдующее: «Вы слышали, какъ въ Уинчестерѣ я снялъ съ короля отлученіе и заста-вить его дать клятву, что онъ уничтожить несправедливые законы и возстановитъ добрые, т.-е. законы Эдуарда, и за-ставить всѣхъ въ королевствѣ соблюдать ихъ. Теперь вотъ найдена нѣкая хартія Генриха I, короля Англіи, съ помощью которой вы можете, если захотите, возстановить въ преж-немъ видѣ давпо утраченный вольности».

Посланные вернулись съ этимъ къ королю, и одинъ изъ нихъ, архіепископъ кентерберійекій, прочелъ ему по ста-ть ямъ полученный отъ бароновъ документа. Король пришелъ въ крайнее негодованіе. «Почему же вмѣстѣ съ этими не-справедливыми требованіями бароны не потребуюта и моего королевства?» съ злобной ироніей заявилъ онъ и назвалъ пустыми и безсмысденными требованія бароновъ («Vana sunt», inquit, «et superstitiosa quae petunt, neque aliquo ràtionis titulo fuleiuntur») и въ страшной ярости поклялся, что никогда но дастъ имъ такихъ вольностей, которыя его самого дѣлаюта рабомъ. Никакими доводами не могли архіеписвонъ и графъ IIемброкъ убѣдить короля перемѣиить свое рѣшеніе и по-везли баронамъ его рѣшительный отказъ.

Тогда бароны избрали Роберта Фицъ-Уолтера свбимъ предводителемъ, назвали его «маршаломъ Воинства Христова **и** святой церкви» и, отвергнувъ попытки короля къ мирному соглашенію, въ боевомъ порядкѣ двинулись къ Нортгэмптону»

5. ВЛАСТЬ ДУХА КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ПРОТИВ ВЛАСТИ НАСИЛЬНИКОВ ИМПЕРИИ

И Фридрих Барбаросса и Фридрих Второй были «страшными врагами папства», ставившими себе цель превратить Католическую церковь в департамент государства, то есть лишить ее всякой Власти Духа и упразднить в магическое сознание ритуалов, как сделал Константин с христианской церковью Византии.

В борьбе великих пап с возродившимися в лице Фридрихов языческими римскими императорами-Человекобогами, обожествлявшими свое самодержавие и презиравшими Власть Духа Церкви Христа мы можем наблюдать как проходила бы борьба Добродетельных и Порочных Императоров Рима, будь они разделены в отделении институты Власти Духа и Власти Насильников, духовного союза поля интеллекта и совести церкви и физического контроля Левиафанов садомазохизма.

Победа папства в этой борьбе не только веха Католической церкви с честью исполнившей свой долг Крестной войны со злом, но и века всей истории человечества, зафиксировавшей впервые в истории факт победы Власти Духа над варварской Властью Насильников.

Историки все, независимо от степени своей предубежденности против религии вообще и христианства в частности признают, что в борьбе против Барбароссы и Фридриха Второго истина была на стороне пап. Рассел, критиковавший христианство, отмечает не только тот факт, что к этому времени моральный авторитет папства был заслуженным, но и тот факт, что императоры были обречены в этой войне на поражение потому что ставили себе реакционные цели возрождения абсолютизма власти римских цезарей. О том же пишет Тарле, когда подчеркивает, что Барбаросса на созванном им знаменитом сейме против Лиги Ломбардских городов, настаивал на абсолютизме власти императора и подчинении ему как городов, так и Католической церкви. Тойнби пишет о Фридрихе Втором как о том, кто начал процесс регресса назад к языческим античным государствам,

и утверждает, что хотя на тот момент победа осталась за Католической церковью, в конечном итоге политика Фридриха увенчалась успехом в современной истории.

Норвич превозносит папу Александра Третьего как великого папу, победившего в страшной борьбе с Барбароссой. Очевидно, что и Фридрих Второй и Барбаросса были не только сторонниками Власти Насильников Левиафанов, но и как и полагается сторонникам физического контроля и во всем остальном стояли «по ту сторону добра и зла», по ту сторону совести. По крайней мере, Барбаросса позволил себе запятнать алтарь св. Петра кровью, и забросать трупами мраморный пол. А Фридрих был развратником в стародавних традициях языческого Рима, и содержал огромный гарем с евнухами. Надо сказать, что в случае со святотатством Барбароссы случилось событие в духе Ветхозаветных преданий: армия Барбароссы была уничтожена чумой на пути домой, так что ему пришлось возвращаться одному, переодетому слугой тогда, когда он считал себя на вершине своего политического триумфа. Так или иначе, а это поражение армии тирана оказалось решающим для дальнейшего хода событий.

Мне бы хотелось напоследок сравнить Власть Духа Католической церкви с Властью Духа другого духовного союза поля интеллекта и совести — с сатьяграхами Ганди. Пусть его церковь существовала значительно меньший период времени, тем не менее, она показала, что Власть Духа всюду у человечества одна и та же, и что мощь этой Власти способна решать грандиозные политические задачи одной только силой единой совести людей. Сатьяграхи — это «упорны в истине». И Ганди пишет о верховенстве Естественного Права как Права Совести над Нормативными законами государства. В этом смысле его борьба была такой же борьбой церкви естественного права с Государствами физического контроля, борьбой Власти Духа с Властью Насильников, Крестной войной Добра и Зла.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «В Милане продолжалось движение патариев, связанное с более или менее демократической тенденцией; североитальянские города

в своем большинстве (но отнюдь не все) солидаризировались с Миланом и заключили с ним боевой союз против императора. После проволочки, вызванной отказом Фридриха держать уздечку и стремя папы, пока тот спешивался с лошади, папа короновал императора в 1155 году в обстановке сопротивления народных масс, которое было подавлено в потоках крови. Папа, которому удалось заключить мир с норманнами, в 1157 году осмелился разорвать с императором. Война между императором, с одной стороны, и папой и ломбардскими городами — с другой, длилась почти без перерыва двадцать лет. Норманны обычно поддерживали папу. Главное бремя борьбы против императора легло на плечи Ломбардской лиги, лозунгом которой была „свобода" и которая вдохновлялась могучим народным чувством. Император осаждал разные города, а в 1162 году даже взял Милан; город он приказал стереть с лица земли, а жителям убираться на все четыре стороны. Однако уже через пять лет Лига отстроила Милан заново и прежние жители возвратились. В том же году император, предусмотрительно запасшись антипапой, во главе огромной армии двинулся на Рим. Папа бежал, и дело его казалось проигранным, но чума уничтожила армию Фридриха, и он возвратился в Германию одиноким беглецом. Хотя теперь союзником Ломбардской лиги выступала не только Сицилия, но и греческий император, Барбаросса предпринял еще одну попытку, закончившуюся в 1176 году его поражением в битве при Леньяно. После этого ему пришлось заключить мир, предоставивший городам все реальные гарантии свободы. Что же касается конфликта между Империей и папством, то условия мирного договора не дали полной победы ни одной из сторон. Подъем свободных городов оказался наиболее значительным результатом этой длительной борьбы».

Б. Рассел, «История западной философии»:

«Смерть пап вносила мало перемен в ход борьбы; каждый новый папа фактически без всяких изменений продолжал политику своего предшественника. Григорий IX умер в 1241 году; в 1243 году папой был избран Иннокентий IV, ярый враг Фридриха. Людовик IX, несмотря на свою безупречную ортодоксальность, пытался умерить ярость Григория IX и Иннокентия IV, но тщетно. Особенно нетерпимым был Иннокентий IV, который отверг все предложения о переговорах со стороны императора и не разбирался в средствах борьбы против него. Он объявил Фридриха низложенным с престола, провозгласил против него крестовый поход и отлучил от церкви всех тех, кто его поддерживал. Монахи агитировали против Фридриха, мусульмане поднимали восстания, заговоры возникали даже среди

виднейших номинальных его приверженцев. Все это еще более ожесточало Фридриха; заговорщики были жестоко покараны, а у пленников вырывали правый глаз и отрубали правую руку. В один момент этой титанической борьбы Фридрих подумывал об основании новой религии, в которой он должен был стать мессией, а его министр Пьетро делла Винья — занять место св. Петра. Он не зашел настолько далеко, чтобы предать свой проект огласке, но поделился им в письме, адресованном делла Винья. Вдруг, однако, Фридрих уверился, основательно или безосновательно, что Пьетро задумал против него заговор; он ослепил его и выставил на всеобщее поругание в клетке; но Пьетро избежал дальнейших страданий, покончив жизнь самоубийством. Фридрих, несмотря на всю свою талантливость, не мог бы добиться победы, ибо существовавшие в его время антипапские силы были проникнуты благочестием и демократизмом, в то время как его целью было нечто подобное восстановлению языческой Римской империи. В области культуры Фридрих был просвещенным человеком, но в политическом отношении он стоял на реакционных позициях. Двор Фридриха носил восточный характер: он имел гарем с евнухами. Если бы не император, свободные города могли бы стать противниками папы; но до тех пор пока Фридрих требовал от них покорности, они приветствовали папу как своего союзника. В итоге, несмотря на то что Фридрих был свободен от суеверий своего века, а в культурном отношении намного превосходил других современных правителей, положение императора вынуждало его стать врагом всех политически свободолюбивых сил. Поражение Фридриха было неизбежным»

Е. Тарле, «История Италии Средних веков»:

«Смертельная ненависть, тридцать лЪтъ существовавшая между нимъ и папствомъ, борьба, не прекращавшаяся до последняго вздоха императора, заставили Фридриха П покончить еъ некоторыми традициями, существовавшими въ королевстве. Сицплшшя конституцш сделали власть Фридриха въ коро.- левстве совершенно безграничной и de jure, и de facto, а установленная ими же централизация превратила императора, действительно, въ тысячерукаго Бриарея», съ которымъ ни духовные, ни светские феодалы и не пытались бороться. Но стоило въ 1250 году Фридриху умереть, — и все это здание абсолютизма, такъ сильно поддержанное его Конституциями, разсыпалось прахомъ. Отъ 1250 года начинается эпоха упадка гибеллинской партии на всемъ полуострове; Гогенштауфены теряютъ здесь и короны, и головы въ последних схватках съ папством. Собственно, 1267 годъ знаменателенъ въ исторш борьбы

папства съ империей, какъ годъ тяжелаго поражетя гибеллинской парии (отозвавшагося и въ Ломбардш полными торжествомъ гвельфовъ), наконецъ, какъ дата гибели последняго Гогенштауфена

При Иннокении IV въ борьбе съ императоромъ деятельными помошниками и оффициальными, такъ сказать, совратителями гибеллиновъ въ „ гфельскую вЪру»; сделались францисканцы и доминиканцы, монахи орденовъ, насчитывавшихъ тогда всего 20—'30 лет существования. Папа вооружилъ противъ Фридриха и Неаполь, и Сицилию, интриговалъ даже среди его приближенных. Первый другъ императора — Петръ де-Винеа изменилъ ему и поднесъ во время болезни Фридриха вместо лекарства ядъ. Умыселъ былъ открыта, и Петръ де-Винеа размозжилъ себе голову о стену тюрьмы, куда его отвели. Фридрихъ, наконецъ, сталъ изнемогать. Гибеллинская Парма, подъ влияюемъ доминикаыцевъ и францисканцевъ, изменила ему, и онъ ее страшно хотелъ наказать, но это ему не удалось»

Д. Норвич, «История Папства»:

«Только когда осаждающие подожгли передний двор, разрушив большой портик, с таким тщанием восстановленный Иннокентием II, и снесли тяжелые ворота самого собора, оборонявший его отряд сдался. Никогда

еще не совершалось такого кощунства по отношению к одному из самых почитаемых святилищ Европы. Даже пираты-сарацины в IX столетии ограничились тем, что сорвали серебряную обшивку с дверей, но они не проникали внутрь собора. На сей раз, согласно современнику, Оттону из Сен-Блеза, они завалили мраморный пол притвора телами убитых и умирающих, а главный алтарь был запятнан кровью. И на сей раз это святотатство оказалось делом рук не варваров-иноверцев, а императора христиан Запада.

Собор Святого Петра пал 29 июля 1167 года. На следующий день в том же самом алтаре антипапа Пасхалий отслужил мессу и затем надел на Фридриха, которого двенадцать месяцев назад короновал папа Адриан, золотой венец римского патриция — демонстративный жест пренебрежения к сенату и народу Рима.

Триумф в Риме означал для Фридриха вершину его политической карьеры. Он поставил римлян на колени, навязав им условия хотя и достаточно умеренные, но призванные обеспечить их покорность в будущем. Император возвел своего папу на престол Святого Петра. Северную Италию он уже покорил, и теперь с присущей ему энергией он должен разделаться с Сицилийским королевством. Бедный Фридрих! Мог ли он предвидеть катастрофу, которая столь скоро обрушится

на него, катастрофу, которой было суждено уничтожить его надменную армию
способом, не доступным никому из его врагов на земле? ...И вот император Запада возвратился в родные края — тайно, покрытый позором и в одежде слуги.»
«И теперь Фридрих Барбаросса отправился грабить и разорять города Ломбардии, и Италию захлестнула волна ненависти к империи. Свою роль здесь, конечно, играл страх: когда император покончит с Ломбардией, что помешает ему заняться Тосканой, Умбрией и даже самим Римом? Только союз, заключенный между папой-англичанином и королем-норманном. Весной 1159 года последовал первый крупный контрудар по Фридриху, который можно прямо приписать наущению со стороны папы и сицилийцев. Миланцы неожиданно сбросили с себя власть империи и в течение трех лет решительно срывали все попытки императора вернуть их под его власть. В августе 1159 года представители Милана, Кремы, Пьяченцы и Брешии встретились с папой в Ананьи; и здесь, в присутствии послов короля Вильгельма, они присягнули на предварительном соглашении, которое легло в основу Ломбардской лиги.
«Венецианский договор означал поворотный пункт и кульминацию понтификата Александра. После всех страданий и унижений, которые ему довелось вынести в течение восемнадцати лет раскола и изгнания, когда ему приходилось испытывать на себе вражду одного из наиболее грозных обладателей императорской короны, наконец-то он получил свою награду. Он дождался признания императором не только того, что он является законным папой, но и всех светских прав папства на город Рим — тех самых прав, которые Фридрих во время своей коронации объявил принадлежащими империи. Это был триумф куда более впечатляющий, нежели тот, что отпраздновал Григорий над Генрихом IV ровно столетием

ГЛАВА 13. АРИСТОТЕЛЬ И ГИБЕЛЬ ПАПСТВА КАК ГРАДА БОЖЬЕГО АВГУСТИНА

1. Аристотелевская Революция Фомы Аквинского.

2. Христианство в поисках научного контроля естественного права

3. Естественное Право Фомы Аквинского

4. Каноническое право и Физический контроль поля Эгосистемы

1. АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ФОМЫ АКВИНСКОГО

До Научной Революции Энергетика невозможно было разрешить спор об универсалиях, поставленный противоречием философий Платона и Аристотеля. И как правильно говорит Рассел, как всегда в спорах, которые ведутся веками, решение будет включать аргументы обеих сторон. Действительно, прав был Платон, когда говорил о двух пространствах: Мире Идей и Мире вещей, то есть Пространстве-времени Интеллекта и Пространстве-времени физического мира. Однако, прав был также и Аристотель, когда говорил, что абстракции, общие понятия о вещах не могут существовать отдельно от вещей. Этим утверждением он разрушил Мир Идей Платона, отказав его Идеям в реальном существовании. Вся философия средневековья была втянута в этот спор между Аристотелем и Платоном: существуют реально идеи как общие понятия о вещах или же они только инструмент нашего мышления? Платон говорил –да, существуют, Аристотель говорил: Платон мне друг, но истина дороже. И заменил знаменитый Мир Идей Платона своим понятием «Гилеморфизма», ко-

торый означал введение догматического материализма на место идеализма Платона.

«Критика Аристотелем „идей“ Платона, — говорит Ленин, — есть критика идеализма как идеализма вообще». Ленин, который всерьез занимался вопросами идеализма и материализма, и определил примат того или другого как основной вопрос философии, был конечно на стороне Аристотеля против Платона.

Уничтожив Идеи Платона как сущности Идеального Мира, Аристотель, который бился чтобы начертать свою собственную метафизику, оказался бессильным чем-либо заменить платоновский идеализм. В итоге, вплоть до времен Декарта и Спинозы, философия которых возродила Метафизику Интеллекта, противостояние Платона и Аристотеля оставалось противостояние идеализма и материализма. И схоласты средних веков были бессильны найти разрешение вопроса об универсалиях, а следовательно были бессильны соединить науку и христианскую метафизику.

В этом и состоял кризис христианской философии тринадцатого века, обнаружившийся во всей своей глубине с философией Фомы Аквинского и его соратников, до и после него. Христианская философия как мы старались показать с самого начала была философией Интеллекта, и потому самым прямым своим итогом и целью имела развитием и становление научного мышления. Мы видели, что на базе монастырей, изначально ставивших себе только цели культивирования духовной энергии в отказе от материальной жизни (очень обобщим), спонтанно поднимается концентрация мыслительной деятельности в философских и образовательных занятиях монахов, так что со временем именно монастыри становятся базой университетов, и первыми мировыми библиотеками. Фома Аквинат — самый яркий пример такого рода Рождение Великого Интеллекта из монастырской концентрации духовной энергии. С самой молодости он жестко заявил, что ничего не хочет знать о графских титулах родни, о двоюродном деде Барбароссе и троюродном брате — Фридрихе Втором; а уходит в нищенствую-

щий орден доминиканцев. И несмотря на прямое насилие со стороны семьи аристократов, настоял на своем нищенстве и этим обеспечил миру источник духовной энергии, затраченный впоследствии на научные изыскания. Интересный факт его биографии: он жил поблизости к тому самому знаменитому монастырю бенедиктенцев Монтекассино, с которого начиналось монашеское движение Запада, в котором в 11 веке умер Гильдебранд на руках своего друга аббата Дезидерия, превратившего монастырь рассадник наук своего времени. И именно этот монастырь, аббатом которого родня предлагала стать Фоме, разграбил в своей борьбе с папством его троюродный брат Фридрих Гогенштауфен, — последний из императоров этой династии.

Великим достижением, великим открытием греческой философии является Метафизика Интеллекта, как мы ее находим в сочинениях Платона. В истории западной философии Рассел отслеживает развитие этой философии от Пифагора и Парменида, и утверждает, что Сократ и Платон только развили идеи Пифагора.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Начавшееся с Пифагора сочетание математики и теологии характерно для религиозной философии Греции, средневековья и Нового времени вплоть до Канта. До Пифагора орфизм был аналогичен азиатским мистическим религиям. Но для Платона, св. Августина, Фомы Аквинского, Декарта, Спинозы и Канта характерно тесное сочетание религии и рассуждения, морального вдохновения и логического восхищения тем, что является вневременным, — сочетание, которое начинается с Пифагора и которое отличает интеллектуализированную теологию Европы от более откровенного мистицизма Азии. Только в самое последнее время стало возможным ясно сказать, в чем состояла ошибка Пифагора. И я не знаю другого человека, который был бы столь влиятельным в области мышления, как Пифагор. Я говорю так потому, что кажущееся платонизмом оказывается при ближайшем анализе в сущности пифагореизмом. С Пифагора начинается вся концепция вечного мира, доступного интеллекту и недоступного чувствам. Если бы не он, то христиане не учили бы о Христе как

> о Слове; если бы не он, теологи не искали бы логических *доказательств* бытия Бога и бессмертия».

Е. Трубецкой, «Политические идеалы Платона и Аристотеля»:

> «Вглядываясь в историю философского мышления древних греков, мы убеждаемся в том, что в основе этого мышления лежат универсальные вечные истины, что философия эллинов с самого начала не была лишь бесплодною умственной гимнастикой, но познавала истину в исторически-необходимых формах. Метафизика древних греков, в своем развитии, пришла к известным положительным результатам, раз навсегда раскрыла в сознании человечества ряд элементарных метафизических истин, которые и были усвоены последующим европейским мышлением, оплодотворив собою и современную европейскую философию. Как средневековая, так и современная философия предполагает эти положительные результаты, добытые вековыми усилиями древней мысли».

Назвать это платонизмом или пифагореизмом сейчас для нас не суть важно. Важно указать на сам факт рождения Метафизики Интеллекта в Древней Греции, и поскольку до нас они дошли в книгах Платона, мы будем говорить об этом великом открытии Греции как о платонизме.

Философия Платона оставалась незаконченной, потому что правильно разделив мироздание на мир интеллекта и мир материи, она не указала путей и связей между ними. Сегодня каждый школьник знает, что нет научной истины без фактов опыта, без эмпирического наблюдения. Философия Платона еще этого не знает, признавая дедукцию, и отказываясь от индукции. Ему на помощь пришел Аристотель, чтобы показать на это слабое место в философии Платона, и доказать, что нет познания без чувственных данных опыта. Проблема связи между теорией и практикой оказалось не такой простой, как она представлялась Аристотелю, а позже Фоме Аквинскому, так что вплоть до сегодняшнего дня она считается неразрешенной. И только Научная Революция Энергетика предлагает ответ на «Проблему Юма» — современная формулировка проблемы связи между теорией и практикой.

Намерения Аристотеля были благими и ошибка указана правильно, однако на пути к эмпирическому наблюдению, Аристо-

тель разрушил то самое ценное приобретение греческой философии, о котором мы говорили: разделение мира идей и мира вещей; мира интеллекта и мира материи перестало существовать. Хотя на словах Аристотель остается метафизиком, его учение гилеморфизма разрушило Мир Идей Платона, и поставило на его место плоский материализм. В этом его философия сходна с философией Канта, который тоже на словах утверждает себя метафизиком, а на деле его субъективизм уничтожил законы природы и вместе с ними интеллект в основе мироздания.

Тот же результат имела и философия Аристотеля. Что есть метафизика Интеллекта? Это признание Интеллекта в основе мироздания в виде законов природы с одной стороны, и в виде мышления человека, способного познавать эти законы с другой стороны. Платон прямо утверждает эти два полюса интеллекта в своей философии, как позже делают Декарт, Лейбниц, Спиноза. А вот Аристотель и Кант разрушили оба эти полюса: и законы природы в виде интеллектуальной формы космоса и мышление как врожденный активный интеллект для познания этих законов.

Действительно, слабость содержалась в аргументации Платона, который разделил интеллект и материю не как законы природы с одной стороны и движение материи (природные энергии) с другой стороны, а как конкретную вещь и ее идею. Аристотель правильно ответил ему, указав, что Идеи в виде абстракций, в виде общих понятий — это только инструменты мышления, и тем самым показал, как из опытного материала рождаются общие понятия научного мышления. Однако, эти понятия только инструмент знания, дедукция, но не само знание, которое есть законы природных энергий. Идеи в том смысле в котором о них говорил Платон только начало работы на пути к знанию о законах природы, а не сами законы природы. Вот почему идеи в самом деле не есть интеллектуальная форма космоса в виде законов природы, а являются «врожденными идеями» мышления, аппаратом мысли человека, предназначенной чтобы открывать эти законы. Вот почему, мы не можем адекват-

но указать связь между теорией и опытом, пока не будем говорить об идеях как законах природы с одной стороны, а об общих понятиях как о аппарате мышления с другой стороны. В итоге, Аристотель указал на связь с опытом, что было благотворно и необходимо для развития научного мышления, но при этом разрушил метафизику интеллекта Пифагора-Платона-Сократа.

Б. Рассел, «история западной философии»:

> «Познаются вещи, а не формы, порожденные умом; формы эти являются не тем, *что* познается, а тем, *при помощи чего* вещи познаются. Универсалии (в логике) представляют собой лишь термины или понятия, утверждающие нечто о многих других терминах или понятиях. *Универсалия, род, вид* — все это термины второй интенции и потому не могут обозначать *вещи*. Но так как одно и *бытие* — термины обратимые, то если бы универсалия реально существовала, она была бы термином некоего и индивидуальной вещи. Универсалия есть просто знак многих вещей. В этом вопросе Оккам согласен с Аквинским и расходится с Аверроэсом, Авиценной и августинианцами. И Оккам, и Аквинский полагают, что реально существуют лишь индивидуальные вещи, индивидуальные умы и акты познания. Правда, и Аквинский, и Оккам допускают *universale ante rem*, но только для того, чтобы объяснить сотворение мира; идея сотворения мира должна была быть в уме Бога до того, как он смог его сотворить. Однако это допущение относится к области теологии, а не к объяснению *человеческого* познания, которое имеет дело лишь с *universale post rem*».

Б. Расеел, «История западной философии»:

> «Изменение, которое Аристотель вносит в метафизику Платона, повидимому, в действительности меньше, чем он хочет его представить. Этот взгляд принят Целлером, который по этому вопросу о материи и форме говорит следующее: «Окончательное объяснение недостаточной ясности по этому вопросу у Аристотеля следует, однако, искать в том факте, что он сам лишь *наполовину*, как мы далее увидим, освободился от платоновской тенденции гипостазировать идеи. Как «идеи» для Платона, так и «формы» для Аристотеля имели свое собственное метафизическое существование, которое обусловливает все отдельные вещи. И хотя Аристотель проницательно проследил развитие идей из опыта, не менее верно, что эти идеи, особенно там,

> где они дальше *всего* удалены от опыта и непосредственного восприятия, превращаются в конце концов из логического продукта человеческой мысли в непосредственное предчувствие сверхчувственного мира и в объект, в этом смысле, интеллектуальной интуиции»

Увы, нет, история развития науки от времен аристотелевской революции Фомы Аквинского в теологии и до современной победы эмпиризма и материализма убедительно доказывают, что Целлер ошибается: Аристотель указал на опытные данные чувств как посредника между миром идей и миром вещей, но в результате разрушил мир идей, не сумев заменить метафизики Платона своей собственной метафизикой. Фома Аквинский, а позже Френсис Бэкон, которые будут говорить о «браке материи и сознания» в процессе познания будут ближе к истине как двум полюсам интеллекта — законов природы и мышления, но до времен Научной Революции Энергетики проблема окажется неразрешимой.

Ф, Бэкон, «Новый Органон»:

> «Таким образом, корень заблуждений ложной философии троякий: *софистика, эмпирика* и *суеверие*.
> Наиболее заметный пример первого рода являет Аристотель, который своей диалектикой испортил естественную философию, так как построил мир из категорий и приписал человеческой душе, благороднейшей субстанции, род устремления второго порядка; и неисчислимо много другого приписал природе по своему произволу. Он всегда больше заботился о том, чтобы иметь на все ответ и словами высказать что-либо положительное, чем о внутренней истине вещей. В физике же Аристотеля нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов. В своей **метафизике** он это вновь повторил под более торжественным **названием,** будто бы желая разбирать вещи,
> а не слова. **Пусть** не смутит кого-либо то, что в его книгах «О животных», «Проблемы» и в других его трактатах часто встречается обращение к опыту. Ибо его решение принято заранее, **и** он не обратился к опыту, как должно, для установления своих мнений и аксиом; но, напротив, произвольно установив свои утверждения, он притягивает к своим мнениям искаженный опыт, как пленника. Так что в этом отношении его следует обвинить больше, чем его новых последователей (род схоластических философов), которые вовсе отказывались от опыта»

Для католической философии эта аристотелева революция должна была означать катастрофу крушения Града Божьего Августина, построенного на греческой метафизике интеллекта, на естественном праве законов природы:

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Для христианина «Иной Мир» был Царством Небесным, обретаемым после смерти; для платоника — это был вечный мир идей, причем реальный мир противопоставлялся миру иллюзорной видимости. Христианские теологи объединили эти точки зрения и приняли многое из философии Плотина. Настоятель Инге (Inge) в своей священной книге о Плотине правильно подчеркивает, чем христианство обязано Плотину. «Платонизм, — говорит он, — является частью жизненной основы христианской теологии, с которой никакая другая философия, я позволю себе сказать, не сработается без трений». Нет, говорит он, «абсолютно никакой возможности отрезать платонизм от христианства, не разорвав христианство на куски». Он указывает, что св. Августин отзывается о системе Платона как о «чистейшей и самой блестящей из всех систем философии» и о Плотине как о человеке, в котором «снова живет Платон» и который, если бы он жил немного позднее, «изменил бы несколько слов и фраз и стал христианином». Св. Фома Аквинский, согласно настоятелю Инге, «ближе к Плотину, чем к подлинному Аристотелю».

Г. Честертон, «Фома Аквинский»:

> «Он был мятежником для последователей Августина, консерватором для последователей Аверроэса. Одни думали, что он вот-вот разрушит древнюю красу Града Божия, несколько похожего на государство Платона.....Устаревшей догмою было учение Платона. Современным и революционным было учение Аристотеля. А во главе революции стоял человек, о котором я пишу. Да, католическая церковь начала с Платона. Она начала, я бы сказал, с излишней верности Платону. Учением Платона был насыщен золотой воздух Греции, которым дышали первые греческие богословы. Великие отцы церкви были куда более последовательными неоплатониками, чем мыслители Возрождения (которых можно назвать разве неонеоплатониками). Для Иоанна Златоуста или Василия Великого понятия Логоса или Премудрости были так же естественны, как естественны в наши дни социальные проблемы, прогресс или экономический кризис. Августин, естественно, перешел от манихейства к Платону, а от Платона — к христианству. Уже на его примере можно уви-

> деть, как опасна излишняя верность Платону....потенциальная опасность крылась в слепом следовании Августину. Августин в какой-то мере шел от Платона, а Платон был прав, но не совсем. Если линия не идет прямо к точке, она будет все дальше от нее по мере приближения....Может быть, покажется слишком парадоксальным, если я скажу, что эти двое святых спасли нас от излишней духовности (страшная участь!). Может быть, меня не поймут, если я скажу, что святой Франциск, при всей своей любви к животным, спас нас от буддизма, а святой Фома, при всей любви к грекам, спас от Платона. Как бы то ни было, пока достаточно заметить, что богословы несколько закоснели в гордыне платоновского толка, — они гордились тем, что владеют истинами, которых нельзя ни потрогать, ни перевести, словно у их мудрости не было никаких корней в этом мире. И вот прежде всего (никак не после!) Аквинат сказал им примерно так: «я не стыжусь признаться, что мой разум питается моими чувствами. Тем, что я думаю, я обязан во многом тому, что я вижу, обоняю, слышу, трогаю; и, пользуясь разумом, я вынужден считать действительной эту действительность. Словом, я не верю, что Бог создал человека только для тонких, возвышенных, отвлеченных размышлений, которым вам дано предаваться. Я верю, что есть промежуточный мир фактов, которые через чувства становятся материалом мысли, и что в этом мире властвует разум, представитель Бога в человеке»

Фома Аквинский следовал духу христианства, когда осознал, что метафизика интеллект не есть только философия, но и научное мышление, а научного мышления нет без эмпирического наблюдения, без материала чувственных данных. В этом он был прав. И он искренне приступил к изучению психологии как духовной энергии, чтобы изложить законы Евангелия языком закономерностей природы. То есть сделать то, что сделало Открытие ПЭ, рассказав о добре и зле как о противоборстве двух силовых полей психик — материальной и духовной энергиях. В этом он был абсолютно прав, как мы можем убедиться. Чего он не сознавал так это величины и глубины океана, который потребуется переплыть науке, прежде чем она сумеет предоставить его наброски о психологии духовной энергии в виде закономерностей двух силовых полей психики. Сначала, обратившись к опытному материалу, наука полностью уничтожит сознание и дух, как

«Неподдающиеся эмпирическому наблюдению». И этот переходный период материализма и эмпиризма был неизбежен на пути к открытию, что психика не есть материя, но есть энергия и должна изучаться как энергия. То есть как электромагнитные волны, которым Максвелл написал математические формулы, а Герц подтвердил верность формул опытами на практике.

До Научной Революции Энергетика и Открытия ПЭ, которые бы также контролем энергии на практике доказали бы верность формул двух силовых полей психики, поиски настоящего научного мышления, опосредованного материалами чувственных данных, необходимо вели к тупику материализма и эмпиризма. Это выразилось в «проблеме Юма», которая считается до сих пор доказательством правоты Аристотеля и ошибочности Платона. Иначе говоря, доказательством отсутствия Мира Идей Платона. Однако, Научная Революция Энергетика легко решает «проблему Юма» и раз и навсегда устанавливает адекватную связь между теорией и практикой: если научному познанию доступны только законы природных энергий, то связью теории и практики будет доступ к силе открытых природных энергий на основе полученных знаний о законах этих энергий. Вот так просто решается неразрешимая проблема Юма, которая на корню уничтожила Мир Идей Платона как Открытие Древней Греции о двух пространствах: Пространстве-времени Интеллекта и Пространстве-времени физического мира (вещей).

Фома Аквинский сделал свой долг перед Господом, когда отважно стал бороться за научное мышление, за связь теории с практикой, которой действительно недоставало платонизму. И тот факт, что это сражение за разум на первых порах привело к потере Града Божьего Августина как Пространства-времени интеллекта было необходимым промежуточным этапом победы эмпиризма на пути к открытию истинной связи между интеллектом и материей, между теорией и практикой, между мышлением и опытом чувственных данных.

Действительно, по мере развития наук как мы уже сегодня знаем из истории престиж церкви и веры падал вместе с прести-

жем философии Платона. Декарт, Лейбниц и Спиноза недолго царили в умах философах; очень скоро развитие опытных наук привело к окончательной победе эмпиризма и материализма, и к утверждению дарвиновской парадигмы. То что теперь называлось разумом и научным знанием полностью опровергало все, на чем держалось здание церкви, с такими трудами возводимое отцами церкви. Б. Рассел утверждает что эта потеря веры в бессмертие души пришла вместе с Аристотелем и Аверроэсом, исламским ученым, другом Фомы Аквинского, великого почитателя философии Аристотеля. Таким образом, Данте оказывается последним поэтом католической философии, после которого начинается тотальный распад «католического синтеза» уже с 14 века. Неудивительно, что этот распад коснулся и самих католических Пап: Бонифаций Восьмой, с которого началось падение папства и в моральном и в политическом смысле занял престол св. Петра на самом пике его могущества, после победы над последним Гогенштауфеном. Однако, с начавшимся распадом католической философии, различие между папами и императорами стирается. Папу Бонифация обвиняли в том числе в ереси аверроизма, и все его поведение свидетельство о полной потере веры в Град Божий Августина.

Разрушенный католический синтез явился первым следствием обращения к опытным наукам. Для христианской церкви это стало своего рода этапом мученичества, в который она вместе с Фомой Аквинским и Альбертом Великим входит добровольно. Действительно, истинному христианству, как апостолу духовной энергии человечества, предстояло пройти через период «черной мессы дарвинизма», как говорит Честертон, чтобы очнуться в новом мире истинной науки теперь уже не только с «откровением чувства», как говорит Ренан, но уже с полноценным научным контролем Открытия психической энергии, с научным методом эмпирического наблюдения и контроля, с естественным правом законов природы, доказанных фактами опыта.

Г. Честертон, «Фома Аквинский»:

> «Церковь всегда разрывали надвое вторжение и предательство. «Борьба за существование» была в XIX веке таким же внешним походом против Церкви, каким стало в XX большевистское движение безбожников. Поклонение успеху, восхищение бесчестными богачами, болтовня о «неприспособленных» (тут даже мысль не закончена — не приспособленные к чему?) явно и открыто противоречит христианству, как черная месса. Но слабые, поддавшиеся миру католики переняли эти понятия, защищая капитализм или беспомощно противясь социализму, — во всяком случае, употребляли их, пока великая энциклика о правах труда не положила этому конец.
> .....Святой Фома — тот великий человек, который примирил веру с разумом, с опытом, с науками; он учил, что чувства — окна души, что разуму дано божественное право питаться фактами; что только религии по зубам твердая пища труднейшей и самой здравой из языческих философий. Именно он боролся за просвещение и свободу яростней, чем все его соперники и даже последователи. Если мы честно признаем, к чему привела Реформация, нам придется признать, что Аквинат и был реформатором, а те, кого так обычно зовут, — реакционерами, даже если смотреть на них не с моей, а с современной, прогрессивной точки зрения. Так, они боролись за букву древнееврейского Писания, когда Фома говорил о духе, оживотворявшем греческую мудрость. И наконец, он учил доверять разуму, тогда как они учили, что разуму верить нельзя».

Б. Рассел, «история западной философии»:

> «В большинстве вопросов св. Фома столь точно следует Аристотелю, что в глазах католиков Стагирит является авторитетом, чуть ли не равным одному из отцов церкви; критика Аристотеля в вопросах чистой философии стала считаться едва ли не богохульством. Когда я так говорил в одном из своих радиовыступлений, на меня посыпались многочисленные протесты со стороны католиков.
> ....На протяжении XIII столетия Запад приобрел довольно полное знание Аристотеля, который под влиянием Альберта Великого и Фомы Аквинского был утвержден в умах ученых в качестве высшего авторитета после Священного писания и церкви. Это положение среди христианских философов Аристотель сохранил вплоть до сегодняшнего дня. Но я не могу не думать, что замена Платона и св. Августина Аристотелем была ошибкой с христианской точки зрения. Платон являлся по темпераменту более религиозным человеком, чем Аристотель, а христианская теология почти с момента своего возникновения была приспособлена к платонизму. Платон учил, что знание есть не ощущение, а своего рода вспоминающее видение;

Аристотель был в гораздо большей мере эмпириком. Св. Фома, хотя это совершенно не входило в его намерения, расчистил дорогу для возвращения от платоновской фантастики к научному наблюдению. ....До эпохи Аквинского представления людей об Аристотеле были затемнены неоплатонистскими наслоениями. Он же следовал подлинному Аристотелю, а к платонизму, даже в том его виде, в каком он предстает в учении св. Августина, относился с антипатией. Аквинскому удалось убедить представителей церкви в том, что систему Аристотеля следовало предпочесть системе Платона в качестве основы христианской философии и что мусульманские и христианские аверроисты дали неверное истолкование Аристотеля. Я бы лично сказал, что «О душе» гораздо более естественно ведет к взглядам Аверроэса, чем к воззрениям Аквинского; но церковь со времени св. Фомы придерживалась иного мнения. Далее я бы сказал, что воззрения Аристотеля по большинству проблем логики и философии не были окончательными и, как показало дальнейшее развитие философии, были в значительной мере ошибочными; но придерживаться этого мнения также запрещено всем католическим философам и преподавателям философии.

...Аверроэс ставил своей задачей дать более правильное толкование учения Аристотеля, чем дали предшествующие арабские философы, находившиеся под чрезмерным влиянием неоплатонизма. Он был преисполнен такого благоговения к Аристотелю, какое питают к основателю религии, — даже гораздо больше, чем Авиценна. Аверроэс утверждает, что бытие Бога может быть доказано разумом независимо от откровения, — взгляд, которого придерживался также Фома Аквинский. Что касается бессмертия, то, видимо, Аверроэс примыкал к воззрению Аристотеля, полагая, что душа не обладает бессмертием, разум же (nous) бессмертен. Это, однако, не приносит *личного* бессмертия, ибо интеллект, обнаруживающий себя в различных лицах, един. Подобный взгляд, естественно, был встречен в штыки христианскими философами

.....Бонифаций вступил в яростный конфликт с французским королем Филиппом IV по вопросу о том, вправе ли король облагать налогами французское духовенство. Бонифаций был привержен непотизму и отличался алчностью; поэтому он жаждал удержать в своих руках контроль над столькими источниками доходов, сколько было возможно. Бонифация обвинили в ереси, и, возможно, справедливо; по-видимому, он был аверроистом и не верил в бессмертие.».

2. ХРИСТИАНСТВО В ПОИСКАХ НАУЧНОГО КОНТРОЛЯ ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА

Слава христианства, как мы много раз подчеркивали, в том, что это философия метафизики интеллекта, которая начиналась как Откровение Царствия Небесного и отказа от материальных энергий биологии и поля Эгосистемы с тем, чтобы однажды обрести в полной мере духовную энергию научного контроля поля Интеллекта. «Придет день когда все будут молиться не в храме, но в духе и истине», — говорит Христос.

Мы также могли видеть на множестве примеров истории христианства, что то что начиналось как отказ от мира и чувств, заканчивалось как концентрация мышления духовной энергии, потому что поле интеллекта в основе духовной энергии. Необходимо и естественно, что христианство должно было в конечном итоге обратится к поискам самого истинного научного мышления, самого чистого и самого настоящего, и начать вои поиски эмпирического знания и связи теории и практики. Вот почему так глубоко прав Честертон, когда утверждает, что развитие наук в эпоху Возрождения и Нового времени было развитием самого христианства, а не вопреки ему.

Г. Честертон, «Фома Аквинский»:

> «Когда мы говорим об этом движении средневековья, мы должны в первую очередь подчеркнуть две его особенности. Во-первых, несмотря на все, что наговорили о суевериях, Темных веках и сухой схоластике, это движение, в любом смысле слова, вело к большему свету и даже к большей свободе. Во-вторых, несмотря на все, что наговорили о прогрессе и Возрождении и о предтечах современной мысли, это движение почти всегда было правоверным, христианским, оно шло изнутри. В нем не было компромисса ни с миром, ни с язычниками или еретиками. Оно было подобно растению, которое пробивается к солнцу, а не узнику, который впускает дневной свет в тюремную камеру
> Когда я восхваляю аристотелеву революцию и вождя ее, Аквината, я совсем не хочу сказать, что прежде схоласты не были философами или не знали античности. Упадок Рима, Темные века, начало средних философию не презирали, хотя и не замечали тех, кто расходился во мнении с Платоном. У святого Фомы, как у многих новаторов, хо-

> рошая родословная. Он сам постоянно ссылается на авторитеты, от святого Альберта до святого Ансельма, от святого Ансельма до святого Августина; и, споря с ними, он их признает. Аристотелев переворот перевернул все потому, что был истинно христианским. Самые христианские силы осуществили его. Святой Фома не меньше святого Франциска ощущал, что вера, хоть и покоится на прочной основе доктрины и дисциплины, несколько выдохлась за тысячу с лишним лет и ее надо осветить новым светом, показать под новым углом. У него не было другой цели — он просто хотел сделать веру доступной всем, чтобы всех спасти. К его времени она стала слишком неземной и тем самым не слишком доступной. Для того чтобы христианство снова стало религией здравого смысла, был нужен крепкий, простой привкус Аристотелева учения. И повод, и самый метод станут яснее, когда мы увидим, как боролся Фома против последователей Августина».

Очень важно осознать этот момент — что становление наук и НТП в западной цивилизации явился благодаря, а не вопреки христианству, и что именно тот культ духовной энергии, который лежит в основе христианской философии и имел своим результатом становление научного мышления. Ведь духовная энергия и есть порождение научного контроля поля интеллекта.

В этом смысле Фома Аквинский такой же отец церкви как и учителя церкви пятого века, ибо для каждого времени свои задачи. Окостенение в догме может быть присуще магическому сознанию, но не этическим религиям духовной энергии. Ибо последние заточены на постоянный прогресс до тех пор, пока не обретут истину в знании законов природы, прежде всего своей собственной, психической энергии. Только с наличием научного контроля прекратятся все ереси и все разногласия, и люди смогут объединится в церкви единого научного контроля, единой истины естественного права. Вот почему для эпохи Фомы Аквинского самым естественным следствием для христианства было обращение к опытным наукам для становления настоящего научного метода. И в этом смысле истинные христиане были на дороге к одной цели даже когда они конфликтовали друг с другом.

Г. Честертон, «Фома Аквинский»:

> «И Фоме, и Бонавентуре придавало мужества то, что оба они правы, а весь мир считает их неправыми. В смутное время тех, кто хочет поправить дело, обвиняют в том, что они хотят дело запутать. Никто не знал, кто же победит — ислам, или манихеи, или двуличный император, или крестоносцы, или старые ордена. нищие монахи провозгласили неведомую прежде свободу. Монастыри открылись, монахи пошли по миру, и многим казалось, что они летают, словно искры огня, прежде замкнутого в очаге. Они пламенели какой-то дикой любовью к Богу, и многие ощущали, что призывами к совершенству они совсем лишают равновесия обычных людей. Многие боялись, что они превратятся в демагогов, и кончилось это прославленной книгой яростного сторонника старины, Гийома де Сент Амур. Он требовал от папы и от короля, чтобы те начали расследование. Тогда Фома с Бонавентурой понесли в Рим свои немыслимые миры, чтобы защитить свободу нищих братьев. Фома защищал обеты своей юности — любовь к свободе и любовь к бедным. Ему удалось их защитить. Сведущие люди говорят, что, если бы не он, великое народное движение прекратилось бы. После этой победы неуклюжий тихий школяр стал знаменитостью, общественным деятелем. С той поры его имя отождествляли с нищенствующими орденами».

Говорят, что Лютер сжег «Сумму теологии» Фомы Аквинского в знак протеста против догмата и канона католической церкви. Это случилось уже в 16 столетии, почти триста лет спустя после Фомы, и за это время как пишет Рассел научные поиски Фомы тоже превратились в догму и в часть канонического права, а до победы научного метода было еще очень далеко. Честертон не прав в том, что Лютер «Говорил только о долге веры, а Фома о долге дел». В эпоху, когда мысль потерялась между лженауками, материализмом и субъективизмом; когда религия откровения все больше сползала в магию идолопоклонства, Лютер по своему искал пути к свободе мышления, к первоисточнику духовной энергии: в освобождении от канона церкви и возвращении к царства небесного, свободного от догмата, евангелий. Упор на вере протестанты делали, чтобы подчеркнуть что речь о духовной энергии, что дух –их цель, поиск и смысл веры, а вовсе не нормативное право физического контроля. Пусть протестанты вернулись к ветхозаветным откровениям, а Фома повер-

нул к греческой философии — и те и другие искали освобождения мысли от тисков магического сознания поля Эгосистемы, которое стало поглощать церковь в эту пору великого кризиса. И кризис этот был неизбежен, как неизбежны были остановки и перерывы в прогрессе знания. И мы знаем, что Реформация сделала для освобождения мысли, хотя она никогда не мотивировала свой протест против католической церкви тягой к научным изысканиям; точно также как мы знаем сколько сделали монастыри для прогресса мысли, и нищенские ордена, хотя они еще меньше декларировали науку своей целью. Спонтанно христианская интуиция под благодатью Святого Духа искала путей освобождения сознания и расчищения дороги научному мышлению. И если Аквинат сильно выделился на этом общем фоне всеобщих поисков истины, то только потому что сознательно и целенаправленно сформулировал и поставил целью научное мышление. В его время обращение к опытному знанию привело к тому, к чему привело: к постепенной победе эмпиризма и материализма, крушению метафизики интеллекта, естественного права и падению престижа церкви. Но в конечном итоге, он выбрал правильный путь. Ибо истинное знание подтвердило дух Евангелий уже на научной основе, как и предсказывал Фома Аквинский.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Цель моя, заявляет св. Фома, заключается в том, чтобы возвестить истину, исповедоваемую каноническим вероучением. Но здесь я должен прибегнуть к помощи естественного разума, ибо язычники не принимают авторитета Священного писания. Все, что может быть доказано при помощи разума (поскольку дело касается этого), находится в полном соответствии с христианским вероучением, и в откровении нет ничего *противоречащего* разуму.
> Прежде всего рассмотрим, что подразумевается под «мудростью». Человек может быть мудрым в каком-либо частном занятии, вроде строительства домов; это значит, что ему известны средства к достижению некоей частной цели. Но все частные цели подчинены цели Вселенной, и мудрость *per se* имеет дело с целью Вселенной. Что же касается цели Вселенной, то она заключается в благе разума, то есть в *истине*. Достижение мудрости в этом смысле является самым вы-

> соким, возвышенным, полезным и восхитительным из всех занятий. Все это доказывается ссылкой на авторитет «Философа», то есть Аристотеля.
> Третья книга касается преимущественно вопросов этики. Зло непреднамеренно; оно не существенно, а имеет случайную причину, заключающуюся в добре. Все вещи имеют тенденцию уподобляться Богу, который есть конец всех вещей. Человеческое счастье не состоит в плотских наслаждениях, почестях, славе, богатстве, мирской власти или благах тела, оно не носит чувственного характера. Наивысшее счастье для человека не может заключаться в деяниях, основанных на нравственной добродетели, ибо последние служат только средствами; наивысшее счастье — в познании Бога».

Г. Честертон, «Фома Аквинский»:

> «Святой Фома разрешал идти к истине двумя путями, твердо веря, что истина — одна. Именно потому что вера истинна, ничто, обнаруженное в природе, не может ей противоречить. Именно потому что вера истинна, ничто, основанное на вере, не может противоречить науке. Святой Фома исключительно смело положился на истинность веры и оказался прав. Научные данные, которые считали в XIX веке несовместимыми с верой, почти все оказались в XX веке ненаучными. Материалисты — и те покидают материализм
> ...Фома Аквинат был скромен, как настоящий ученый, ведь он был смиренен, как настоящий святой. Правда, он не внес ничего конкретного в естественные науки и в этом смысле был ниже своего учителя; но он всегда защищал свободу науки. Если правильно его понять, увидишь, как много он сделал, чтобы охранить науку от преследования невежд. Например, он первый заметил то, что накрепко забыли потом за четыре века церковных битв. Он понял, что смысл Писания далеко не очевиден, и нередко мы должны толковать его в свете других истин. Если буквальное толкование противоречит бесспорному факту, приходится признать, что буквальное толкование ложно. Необходимо только, чтобы факт был действительно бесспорен. К сожалению, ученые прошлого века признавали бесспорной любую догадку о природе так же охотно, как сектанты XVII признавали бесспорной любую догадку о смысле того или иного текста из Писания. Так личные домыслы о Писании столкнулись со скороспелыми догадками о мире; это столкновение двух нетерпеливых форм невежества зовется спором науки и религии. Тем, кто занимается более практической стороной наук, он дал охранную грамоту — свое учение о науке и Библии. В сущности, он сказал, что, если открытия доказаны, традиционное толкование текста должно посторониться. Как

> говорят теперь, лучше не скажешь. Если бы богословием занимались только такие люди, не было бы распри между наукой и религией. Он выделил каждой из них свою землю и прочертил границу.
> ...Противники Аквината нередко говорят, что его философия влияла на богословие. Например, он слишком разумно толкует высшее блаженство — для него это удовлетворенная любовь к истине, а не истина любви. Он вел доказательство, заботясь о двух вещах — о ясности и о вежливости, а это очень полезные свойства, они помогают спору».

3. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО ФОМЫ АКВИНСКОГО

Мы видим, что Аквинат ни в коем случае не ставил себе целью разрушение Града Божьего Августина. Напротив, вслед за Августином, за Платоном и Цицероном, он ставит себе задачу найти научный контроль естественного права — законы природы.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «То, что Локк говорил о естественном состоянии и законе природы, в основном не оригинально, а является повторением средневековых схоластических доктрин. Так, Фома Аквинский говорит: *«Каждый закон, созданный людьми, содержит свойства закона именно в той степени, в которой он происходит из закона природы. Но если он в каком-либо отношении противоречит естественному закону, то сразу же перестает быть законом; он становится всего лишь извращением закона»*.

Естественное право как научный контроль законов природы начиналось еще в Древней Греции, затем получило свое развитие и утверждение у римских стоиков и юристов (jus naturale), и наконец, в Граде Божьем Августина обрело новую жизнь в христианстве. Тем не менее, это все еще были самые зачатки естественного права во времена, когда к научному мышлению и открытию законов природы человеческий разум только-только приближался. Обратившись к опытному знанию, Фома сделал очень много для того, чтобы с течением времени (далеко не сразу!) естественное право в 21 веке обрело свою законченную

форму в открытии психической энергии, в закономерностях двух силовых полей психике: поля интеллекта духовной энергии и поля эгосистемы материальной энергии.

Е. Трубецкой, «Энциклопедия права»:

> «Вопрос о естественном праве есть центральный, жизненный вопрос философии права, о котором философы и ученые спорят с самого момента его зарождения. Еще в Древней Греции философы спорили о том, коренится ли право в самой природе вещей, в вечном неизменном порядке мироздания, или же оно составляет результат произвольного соглашения людей, человеческое установление, возникшее в определенный момент времени. Против этого учения софистов восстали глубочайшие ученые древности: прежде всего Сократ, а за ним — Платон и Аристотель. В основе права лежит вечный незыблемый божественный порядок, существуют вечные неписанные законы, вложенные в сердца людей самим божественным разумом. Сходная точка зрения господствовала и в римской юриспруденции».

Е. Трубецкой, «Энциклопедия права»:

> «Право прежде всего явление психическое. Первоначальным источником права всегда и везде является наше сознание. Поэтому сила и действительность всякого позитивного права теми неписанными правовыми нормами, которые обитают в глубине нашего сознания, его внутренними велениями. Наглядным доказательством такого психического характера права служат революции. Во всех революциях сказывается один и тот же факт: положительное право теряет значение права, когда оно перестает быть предметом убеждения той или иной общественной среды.
> Этим неопровержимо доказывается существование норм нравственного или — что то же — естественного права, которое составляет идеальную основу и идеальный критерий всего правового порядка. Естественное право есть синоним нравственно должного в праве.
> Прогресс, то есть движение права к добру, возможен лишь постольку, поскольку над правом положительным есть высшее нравственное или естественное право, которое служит ему основою и критерием. И в самом деле в истории права идея естественного права играет

> и играла роль мощного двигателя. Естественное право решительно должно быть признано, как нравственная основа всякого человеческого авторитета и законодательства и как тот нравственный идеал, который должен определять собой развитие права.
> Отвергнув естественное право мы лишим себя всякого критерия для оценки действующего права; если над правом действующим нет никакого другого высшего права, то в таком случае оно есть правда: чистый историзм должен привести нас к совершенному консерватизму, вот почему зародившаяся в начале прошлого столетия историческая школа действительно послужила оплотом техх реакционных тенденций, которые явились на смену идеям Французской революции»

Е. Трубецкой, «Энциклопедия права»:

> «Вера в объективный, незыблемый закон добра, существующий независимо от наших несовершенных понятий о добре, составляет необходимое предположение нравственности. Если сущность добра сводится к субъективным понятиям о нем, меняющими сообразно уровню развития, то нет вообще ничего нравственного и безнравственного, постыдного и недозволенного. О нравственности вообще можно говорить только в том предположении, что существует закон добра объективный и всеобщий, не зависящий от тех или иных человеческих суждений о добре. Эта объективность и всеобщность закона добра всегда составляла и составляет необходимое предположение нравственного сознания.
> В чем же заключается содержание этого закона, каковы те требования, которые он к нам предъявляет?
> Итак солидарность людей с его ближними, единство людей в обществе есть благо, раздор и разъединение есть зло.
> Таким образом, в нравственном мировоззрении всех народов выражается сознание одного основного нравственного начала: благо человека — не в эгоистическом обособлении, а в солидарности с другими людьми, причем этот принцип выражается во всей своей полноте и широте в христианской заповеди всеобщей любви, то есть такой солидарности, которая охватывает и внутреннюю сферу душевного настроения.»

Философов, историк, юрист, создатель Психологического общества России и последователь естественного права Е. Трубецкой вслед за Фомой Аквинатом утверждает, что научный контроль, психология естественного права в основании всякого

права, как мы видели выше. Он же напоминает нам, что Град Божий Августина есть развитие естественного права греческой философии, Цицерона и римских юристов.

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Подобно идеальному государству Платона, Град Божий, хочет быть царством сверхчувственной идеи. До сих пор сколько мне известно, никто из современных исследователей не обращал внимания на тесное сродство между мировоззрением Августина и учением римских юристов и Цицерона о «естественном праве» (jus naturale). Между тем, при некотором знакомстве с философскими воззрениями римских юристов, сходство это бросается в глаза..Под естественным правом здесь разумеется неизменный строй вселенной, единый порядок, определяющий взаимные отношения живых существ между собой. Как Августин различает вечный и неизменный мир, так и римский юрист Марциан различает естественное право, как вечную, незыблемую правду божию, от человеческих законодательств, неустойчивых и подверженных беспрестанным переворотам. «Институты естественного права, которые хранятся одинаково у всех народов, установленные некоторым божественным Провидением, всегда пребывают тверды и неизменны; те же, которые каждое государство установило само для себя, имеют обыкновение часто меняться либо в силу молчаливого согласия народа, либо посредством другого закона, изданного после. Как Августин в понятиях мира смешивает правовой и нравственный идеал, так же точно и римские юристы смешивают то и другое в идее естественного права. «То, что всегда хорошо и справедливо, говорит юрист Павел, «называется правом, какого и есть естественное право». Именно этот идеал справедливости и правды по учению Августина достигается в спокойствии вечного порядка, вечного мира Божия, где воздается каждому должное. Как для Августина Божеский мир, так точно и для римских юристов естественное право есть универсальный порядок, в отличие от различных положительных законодательств, которые носят на себе печать местных и национальных особенностей. «Ибо, — говорит Ульпиан, — при господстве естественного права все люди рождаются свободными». Для Августина, как и для римских юристов, раздробление единого рода человеческого на враждующие между собой царства, войны и рабство суть проявления извращенной человеческой природы. И если с точки зрения римских юристов все эти институты действующего права суть результат некоторого рода отпадения от нормального, естественного состояния, то Августин видит в них

следствия грехопадения. Насколько это слияние римского идеала всемирного права с идеей всемирной божественной правды было подготовлено и предвосхищено уже в произведениях самих языческих римских мыслителей, читатель может видеть из следующих слов Цицерона: «Истинный закон есть правый разум, согласный с природой, незыблемый, вечный; он призывает к исполнению обязанностей, повелевая, и запрещая устрашает от обмана. Однако добрым он не напрасно повелевает и запрещает, злых же не подвигает к делу повелениями и запрещениями. Этот закон не может быть изменен или заменен в какой-либо части, либо в целом своем составе. Ни сенат, ни народ не может освободить нас от этого закона. И не нужно искать для него какого либо иного объяснителя или толкователя. И закон этот не будет иным в Риме, иным в Афинах, иным теперь, иным после, но один и тот же вечный и неизменный закон будет обнимать собой все народы во все времена, и будет единый и общий всем как бы учитель и повелитель — Бог, изобретатель, судья и установитель этого закона. Кто ему не подчинился тот отвергается самого себя и призрев человеческую природу, в силу этого самого понесет величайшие наказания, даже в том случае, если он избежит других мучений, которые считаются таковыми». Так выражается Цицерон в учении, которого римский юридический идеал воспринимает в себя элементы стоической философии. Из позднейших римских стоиков, Сенека в выражениях чрезвычайно напоминающих Августина, говорил о противоположности Божеского и человеческого царств. Марк Аврелий, выражая ту же мысль, возвещает, что «человек есть гражданин высшего города, по отношению к которому остальные города суть как бы отдельные дома». В идее всемирного естественного права римские стоики сходятся с римскими юристами коих философские воззрения, несомненно, носят на себе печать стоического влияния»

Цицерон, «О законах»:

«Но из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того, что мы рождены для справедливости и что не на мнении людей, а на природе основано право. Это сразу станет очевидным, если мы вникнем в сущность человеческого общества и связей между людьми. Ведь ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу. И если бы упадок наших обычаев и расхождение мнений не извращали и не отвлекали наших слабых умов, куда только пожелают, то каждый из нас был бы столь же подобен самому себе, сколь все люди

> подобны друг другу… И в самом деле, разум, который один возвышает нас над зверями, разум, благодаря которому мы сильны своей догадливостью, приводим доказательства, опровергаем, рассуждаем, делаем выводы, несомненно, есть общее достояние всех людей; он различен в зависимости от полученного ими образования, но одинаков у всех, в отношении способности учиться. Ведь чувства всех людей воспринимают одно и то же, и то, что действует на чувства, в равной степени действует на чувства всех людей… И сходство между людьми необычайно велико не только в хороших, но и в дурных качествах. Но какой народ не ценит приветливости, благожелательности, сердечной доброты и способности помнить оказанные благодеяния? Какой народ не презирает, не ненавидит надменных, злокозненных, жестоких и неблагодарных людей? И когда мы поймем, что это объединяет весь человеческий род, то останется [только показать, что этим объединением людей должны управлять законы, способные укреплять дружбу и основанные на разуме,] так как разумный образ жизни делает людей лучше»

Э. Ренан: «Марк Аврелий и конец античного мира»:

> «Еще со времен Адриана стоицизм успел провести в римское право свои широкие правила и сделал его правом естественным, философским, мыслимым по разуму для всех людей. Постоянный эдикт Сальвия Юлиана был первым полным выражением этого нового права, которому предстояло сделаться всемирным. Это было торжество греческой мысли над латинской. Жесткое право уступает дорогу справедливости; кротость берет верх над строгостью; правосудие кажется нераздельным с благотворительностью. Знаменитые юристы Антонина, Сальвий Валент, Ульций Марцелл, Иаволен, Волузий Мэциан продолжали это дело. Последний был учителем Марка Аврелия по правоведению, и справедливо будет сказать, что дело обоих святых императоров не может быть разделено. При них получила начало большая часть человечных и разумных законов, которые смягчили суровость древнего права и превратили законодательство, первоначально узкое и беспощадное, в кодекс, приемлемый всеми цивилизованными народами.
> В древних обществах слабому оказывалось мало покровительства. Марк Аврелий сделался как бы опекуном всех, над кем не было опеки. Ребенку бедному, ребенку больному обеспечен был заботливый уход. Для ограждения сирот создалась претура, заведующая делами по опеке. Получили начало акты гражданского состояния и метрическая записи. Множество постановлений, направленных к водворению правосудия, распространили во всех органах правительства дух

кротости и человечности. Повинности куриалов были уменьшены. Благодаря более правильному подвозу, голодовки стали в Италии невозможными. По юридической части, к царствованию Марка также относятся несколько полезнейших реформ. Надзор за общественной нравственностью, в особенности за банями для обоих полов, сделался строже.

Наибольшие благодеяния Антонин и Марк Аврелий оказали рабам. Некоторые наиболее чудовищные стороны рабства были смягчены. Допущена, возможность несправедливости владельца по отношению к рабу. Виды телесных наказаний определены законом. Убить раба становится преступлением. Чрезмерно жестокое обращение признается проступком, обязывающим владельца продать несчастного, которого он истязал. Наконец, раб появляется в судебных учреждениях,

становится личностью, членом общества. Он владеет своим достоянием; иметь семью; нельзя продавать отдельно мужа, жену и детей.

Применение пытки ограничено. За некоторыми изъятиями, владелец не может продавать своих рабов для боя с дикими зверями в амфитеатрах. Рабыня, проданная под условием ne prostituatur, ограждена от дома терпимости. Установлен так называемый favor libertatis;

в случай сомнения, принимается толковать, наиболее благоприятствующее свободе. Постановляются приговоры по человечеству, вопреки строгости закона, часто даже наперекор букв завещания.

По существу, начиная с Антонина, юрисконсульты, проникнутые учением стоиков, считают рабство нарушением естественного права

и изыскивают лазейки для его ограничения. Отпуск на волю поощряется всячески. Марк Аврелий идет дальше и в известных пределах

признает за рабами право на имущество владельца. Если никто

не является за получением наследства завещателя, рабы могут требовать укрепления имущества за ними, причем для них безразлично, совершится ли закрепление на имя одного или нескольких. Отпущенник также огражден строгими законами от рабства, которое тысячами

способов стремилось вновь овладеть им.

Сын, жена, малолетний сделались предметом законодательства разумного и человечного. Сын остался обязанным отцу, но перестал

быть его вещью. Ненавистнейшие излишества, которые старинное римское право считало естественным предоставлять родительской власти, были отменены или ограничены. На отца возложены были

по отношению к детям обязанности, за исполнение коих он ничего не мог требовать. Сын, со своей стороны, обязан был пропитателем родителей, соответственно своим средствам.

Законы об опеке и опекунах были до тех пор очень неполны. Марк Аврелий сделал их образцом правительственной предусмотрительности. По прежнему праву мать почти не принадлежала к семье мужа и детей. Сенатские постановления 158 и 178 года (le senatusconsulte tertullien le senatus-consulte orpbitien) установили право наследования матери по ребенку и ребенка после матери. Чувства и естественное право берут верх. Превосходные законы о банках, о торговле рабами, о доносчиках и клеветниках положили конец множеству злоупотреблений. Фиск всегда был суров, требователен. Теперь постановлено было, чтобы в случаях сомнительных дело решалось против фиска. Налоги, сбор которых озлоблял население, были отменены. Длительность тяжбы уменьшена. Уголовное право стало мене жестоко, и обвиняемому были дарованы драгоценные гарантии; кроме того, сам Марк Аврелий обыкновенно смягчал наказания. Были предусмотрены случаи помешательства. Основной принцип стоиков что вина в воле, а не в факте, сделался душою права. Таким образом, окончательно сложилось чудесное целое, названное римским правом, тоже своего рода откровение, честь коего, по неведению, присваивается компиляторам Юстиниана; но которое, в действительности, было делом великих императоров II века, превосходно разъясненным и продолженным выдающимися юристами III века. Римскому праву предстояло торжество менее шумное, нежели христианству, но в известном смысла более прочное. Вытесненное сначала варварством, оно воскреснет к концу средних веков, станет законом возрождающегося мира и при небольших изменениях сделается законом новейших народов. Этим-то путем великая школа стоиков, попытавшаяся во II веке преобразовать мир и испытавшая, как казалось, полную неудачу, в действительности одержала полную победу. Собранные классическими юристами времен Северов, искаженные и измененные Трибонианом, тексты сохранились и стали впоследствии законом всего мира. А эти тексты — дело выдающихся законников, которые собрались вокруг Адриана, Антонина и Марка Аврелия и окончательно ввели право в философский его период. Эта работа продолжалась при сирийских императорах; страшный политический упадок III века не остановил медленного и могучего роста этого величественного здания»

Естественное право как научный контроль духовной энергии есть стержень католической церкви как организации исторически доказавшей себя институтом духовной энергии в полном смысле этого слова. Когда Тойнби называет католическую церковь «уникальным институтом» — он прав, но правота его в том, что институт духовной энергии явил себя как полноценное орудие борьбы со злом своими особыми методами Власти Духа и Крестной войны только однажды на сегодняшний день. И чтобы оставаться тем уникальным институтом Власти Духа и Крестной войны со Злом, опорой Добродетели во всем мире Католическая церковь нуждается в естественном праве научного контроля.

Для этого католической церкви нужна еще одна революция после аристотелевой революции — Научная Революция Энергетика. Что будет означать, отказ от догматов томизма, отказ от схоластики аристотеля и выход к тому, для чего Фома Аквинский и затевал аристотелевский переворот и для чего аристотель оказался не только недостаточным, но и губительным на первых порах: для обретения научного контроля, то есть знаний естественного права. Фома Аквинский, который начинал эту работу как истинный ученый и преследовал цель ученого — найти истину, никогда не одобрил бы канонизацию и догматизацию его сочинений. Он первый приветствовал бы (как говорит Ренан о Христе в Жизни Иисуса) развитие его идеи на пути к овладению окончательным знанием. Догматизм и каноническое право –это то, в чем выразился кризис в католической церкви. И если Господь еще раз вернет к жизни этот уникальный организм духовной энергии, то это произойдет только со следующей Научной Революцией и обретением церковью настоящего научного контроля.

4. КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО И ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

Догматизм канонического права, догматизм аристотелевой схоластики, которая разрушила Град Божий Августина, магические интерпретации философии Евангелий — все это в конечном итоге привело к полной потере «откровения царствия небесного» Христа как научного контроля поля интеллекта Евангелий. По крайней мере к решающей потере этого откровения настолько, что Папство к началу 14 века уже обнаружило себя на поле Эгозащиты физического контроля — Идолом Левиафана насилия, когда церковь стали воспринимать только как фискальное ведомство и «религиозный террор инквизиции».

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Аристотель жил в конце творческого периода в греческой мысли, и после его смерти прошло две тысячи лет, прежде чем мир произвел на свет философа, которого можно было бы рассматривать как приблизительно равного Аристотелю. К концу этого долгого периода авторитет Аристотеля стал почти таким же бесспорным, как и авторитет церкви; и этот авторитет стал серьезным препятствием для прогресса как в области науки, так и в области философии. С начала XVII века почти каждый серьезный шаг в интеллектуальном прогрессе должен был начинаться с нападок на какую-либо аристотелевскую доктрину; в области логики это верно и в настоящее время. Чтобы отдать ему должное, следует начать с того, что мы должны забыть его чрезмерную посмертную славу и равно чрезмерное посмертное осуждение, к которому она привела»

Тойнби пишет о догматизме канонического права и аристотелевой схоластики как о присвоенном себе праве быть «единственной хранительницей всей истины в полной и окончательной ее непотаенности». С научной истиной такого случиться не может, ибо научная истина либо доказана и признана всеми, либо она уже не истина. Речь идет именно одогматизме магического сознания, которое неизбежно имеет своим результатом возврат на поле Эгосистемы физического контроля. Поэтому здесь не могу согласится с Тойнби: не в том причины падения

Папства как организации духовной энергии, что взяли физический меч в руки. Что стало бы с Папством если бы Каролинги не защитили их лангобардов, а норманны от римской аристократии и Генриха Четвертого? Воинствующая церковь борется за истину и отличие ее не в том, что не берет в руки железного меча, а в том что ведет не дарвиновскую войну насильников, а Крестную войну Власти Духа за научный контроль поля интеллекта и совести.

Причина падения Папства в том, что Крестная война стала дарвиновской войной, как только Святой дух откровения царствия небесного покинул католическую церковь с материализмом Аристотеля, и магическая интерпретация Евангелий завершила переход на поле магического сознания. Аристотель был полезен только как переходный период к опытным наукам, но отнюдь не как догма схоластики; ибо в последнем своем качестве он стал огромной ошибкой, уничтожившей великий синтез отцов церкви: синтез платонизма и иудаизма, римского права и стоиков в Граде Божьем Августина. Лишив церковь этой великой основы раннего христианства аристотелевская схоластика оказала медвежью услугу, и способствовала регрессу церкви назад на поле Эгосистемы физического контроля. Вот где следует искать причины всего. А уж отсюда неизбежно следовало все остальное: идолизация церкви как Левиафана, как говорит Тойнби, и «Обмирщение» в поисках богатства и власти государей, и разврат, и торговля индульгенциями и дальше по списку предъявленному историей. Здесь важно понимать, что суть этого процесса в том, что церковь перестала быть организацией духовной энергии Града Божьего Августина, и превратилась в обычное государство физического контроля, в Левиафан насилия и подчинения, втот Град Дьявола с которым она все это время боролась. И до такой степени очевидно было всем это превращение в свою противоположность, что Макиавелли, как известно героями своего дьявольского «Государя» взял папу Александра Борджа и его сына Чезаре Борджа.

А. Тойнби, «Постижение истории»:

> «Падение гильдебрандова папства столь же необычно, как и его взлет. Все его добродетели будто обратились в свои противоположности. Воздушно легкий институт, казалось уже выигравши битву за духовную свободу против грубой материи, вдруг сказался зараженным тем самым злом, которое он усердно изгонял из социальной системы западного христианства. Римская курия, некогда шедшая во главе нравственного и интеллектуального прогресса, бывшая оплотом не только для монастырей, но и для университетов, оказалась зажатой в тиски глубокого духовного консерватизма. Сама ее власть становилась все более мирской. Был ли когда другой институт, который дал бы столько поводов врагам Господа для богохульства? (3 Царств 12, 14). Падение гильдебрандова папства представляет один из ярчайших примеров смены ролей. Как это случилось и почему?
> Когда папство поддалось соблазну физического насилия, тогда и остальные папские добродетели быстро превратились в пороки; ибо замена духовного меча на материальный есть главная и роковая перемена, а все другие — лишь ее следствия.
> ...идолизированная церковь — это единственный идол, более вредный, чем идолизированный человеческий муравейник, которому люди поклоняются как Левиафану. Церковь находится в опасности впасть в идолопоклонство, пока считает себя не просто хранительницей истины, но единственной хранительницей всей истины в полной и окончательной ее непотаенности».

Для нас в этом процессе главное отметить роль канонического права, как застывшего догмата схоластики, в котором с течением времени отразился в полной мере этот переход церкви с поля интеллекта на поле физического контроля поля Эгосистемы. Метаморфоза Власти Духа Папства в обычную Власть Насильников регистрировалась в таких документах как например Булла того самого Бонифация Восьмого: «Бонифаций VIII в булле „Unam Sanctam“, — пишет Б. Рассел, — выдвинул столь крайние притязания, которых еще никогда не выдвигал ни один из предшествующих пап».

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Центральной фигурой начала столетия является папа Иннокентий III (1198–1216), проницательный политик, человек безграничной

> энергии, непоколебимый поборник наиболее крайних притязаний папства, но чуждый христианского смирения. При своем посвящении он избрал для проповеди текст: „Смотри, я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать". Сам себя Иннокентий называл „царем царей, владыкой владык, священником во веки веков по чину Мельхиседека". Чтобы навязать другим подобное представление о себе, Иннокентий пользовался всяким благоприятным обстоятельством. Иннокентий III был первым *великим* папой, в котором не было ни грана святости. Реформа церкви дала возможность иерархам чувствовать себя спокойно относительно ее нравственного престижа, и поэтому они решили, что им нечего больше утруждать себя святым образом жизни. Стремление к власти, начиная с Иннокентия III, все более и более подчиняло себе политику папства и даже в годы его понтификата вызвало оппозицию со стороны некоторых религиозных людей. С целью усиления власти курии Иннокентий III провел кодификацию канонического права; Вальтер фон дер Фогельвейде назвал этот кодекс „самой мерзкой книгой, которую когда-либо произвел на свет ад". И хотя самые ошеломляющие победы папства были еще впереди, но уже в этот момент можно было предугадать характер его последующего упадка».

Каноническое право как «мерзкая книга» — это несомненно кодекс религиозного террора инквизиции, а также регистрация в таких Буллах перехода Власти Духа Папства во Власть Насильников Левиафанов. Характерно, что Бонифаций Восьмой тоже был ученым канонического права. И вот, догматизм его позволяет ему опираться на имена святых мужей, чтобы оправдать Власть Насильника, что как говорит Рассел приводит к потере Папством того морального авторитета, которым оно заслуженно пользовалось в прежние времена.

Д. Норвич, «История Папства»:

> «Именно после этого Бонифаций дал последний залп, выпустив буллу „Unam sanctam", в которой после вольных цитат из Бернара Клервоского и Фомы Аквинского в чрезвычайно многословной форме объявил, что совершенно необходимо для спасения души, чтобы каждый человек являлся подданным римского понтифика. В этом не было ничего нового; подобные претензии высказывались Иннокентием III и несколькими другими папами. Однако никогда папский абсолютизм не заходил столь далеко, и не было

> никаких сомнений, что Бонифаций имеет в виду именно короля Филиппа».

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Фридрих II, пытаясь основать новую религию, представлял в своем лице крайнюю антипапскую культуру, тогда как Фома Аквинский, родившийся в Неаполитанском королевстве, где правил Фридрих II, остается вплоть до наших дней классическим представителем философии папства. Пятьюдесятью годами позднее Данте достигает синтеза и дает единственное гармоничное изложение законченной средневековой системы идей. После Данте, по различным политическим и духовным причинам, средневековый философский синтез распадается. ...Национальное Государство приобрело, особенно благодаря пороху, влияние на чувства и мысли людей, которого раньше оно не имело и которое постепенно разрушило все, что оставалось от римской веры в единство цивилизации. Этот политический беспорядок нашел свое выражение в макиавеллевском „Князе". При отсутствии какого-либо ведущего принципа политика становится неприкрытой борьбой за власть. В „Князе" дается тонкий совет, как надо успешно вести такую игру. То, что случилось в великую эпоху Греции, произошло снова в Италии эпохи Возрождения: традиционные моральные ограничения исчезли, потому что в них увидели связь с предрассудком; ... анархия и предательство, неизбежно следующие за упадком морали, обессилили итальянцев как нацию, и итальянцы попали, подобно грекам, под господство наций, менее цивилизованных, чем они сами, но не в такой мере лишенных общественной связи».

Беду, который Рассел описывает как макиавеллианский иморализм, Ж. Бенда характеризует как «Предательство интеллектуалов». Причем слово clerks переводится как «духовное лицо», «интеллигент», «Интеллектуал». Действительно с распадом католической философии начинается вакханалия физического контроля дарвиновской войны, права сильного «по ту сторону добра и зла». И следствием его явились партикуляризм во всем, прежде всего в национальных системах права. На смену единству естественного права пришло партикулярное право национализма. То чем католическая церковь была для всего христианского мира как естественного Права христиан-

ской морали, перестало существовать. На место естественному всеобщему праву церкви повсюду пришел физический контроль право сильного, где этика больше не играла никакого значения.

Теория суверенитета Гоббса, Бодена и Макиавелли и стала юридическим выражением этой победы физического контроля над научным контролем. Партикулярность права теперь преодолевали абсолютной властью королей, что называлось государственным суверенитетом. Римское право и Град Божий Августина имели тенденцию и амбицию на преодоление партикулярности права в едином естественном праве, в научном контроле. С распадом католического синтеза, с крушение метафизики интеллекта, с регрессом цивилизации назад на поле Эго-системы физического контроля универсальность естественного права как единой истины научного контроля заменяется абсолютизмом государственной власти, или суверенитетом королевской власти. Современное правовое государство стало развитием этой мысли о государственном суверенитете, который должен был включить подчинение этому суверенитету и самого короля, то есть подчинение закону в том числе и правительства — принцип верховенства закона. Однако, мы знаем как на деле исполняется это условие подчинения правительства верховенству закона. Теория суверенитета государственной власти на деле оказывается утверждением власти насилия государства над гражданами, потому что такова природа физического контроля. Правозащитные институты которые пытаются защищать граждан от этого всевластия государства, от суверенитета, которым они не хотят делиться с международными организациями, оказываются бессильными, потому что естественное право разрушено и правозащитники (М. Игнатьев) сами это признают. Или же они совместнос ООН делают то же что насильники-государства: бомбят людей. Так или иначе, сегодня отсутствует сила, которая могла бы подобно католической церкви средневековья бороться с правительствами государств Властью Духа: то есть научным контролем естественного права.

П. Новгородцев, «Лекции по истории философии права»:

> *«На всем протяжении нового времени можно проследить ясную и прямую линию, через которую проходит одна и та же общая мысль. Она сводится к требованию единого и равного для всех права. Требование суверенного и единого государства в своей идеальной основе выражает не что иное, как устранение неравенства и разнообразия прав, существовавших в средние века. Суверенное государство должно было уничтожить тот строй, на почве которого создавались бесправии и неравенста, выделения и исключения, монополии и привилегии. Первые теоретики правового идеала, как Боден, Гоббс остановились на требовании, чтобы государство стало суверенным и единым. В их учениях видели иногда апологию абсолютизма и произвола. Это была однако лишь первая ступень в развитии правового идеала нового времени. Требуя подчинения всех граждан единому и равному для всех праву, он должен был затем включить в свое содержание и новое требование, чтобы этому требованию была подчинена и сама государственная власть. Обеспечить равенство и свободу не только в отношениях между гражданами, но и отношении к ним государства — такова была новая цель, которая была выдвинута дальнейшим развитием политической мысли»*
> *«Защищая абсолютную власть, Гоббс склонялся к тому, чтобы по выражению одного из его соотечественников, Полока, потопить всю нравственность в положительном законе. Следуя этому основному принципу, он доходил до утверждения, что все наши нравственные представления должны определяться предписаниями власти. Он возмущался против мнения, что подданные могут иметь свое представление о добре и зле»*

То единство права, которое гарантирует в свободном обществе только естественное право научного контроля было теперь обретено в теории суверенитета Гоббса, Бодена и Макиавелли: в теории абсолютной государственной власти национальных государств. Церковь христианская была подчинена этим национальным государствам в качестве «департамента религии», как говорит Тойнби. Что означало на деле полное отсутствие Божьего надзора (научного контроля) в виде естественного права Церкви, то есть Града Божьего Августина над Градом земным национальных государств. Борьба Церкви и Государства прекращается с полной победой государства в виде теории абсолютного

государственного суверенитета, которая даже в виде теории народного суверенитета может полноценно функционировать только при условии международных правозащитных институтов. Об этом в частности писал О. Конт, предсказывая победу естественного права научного контроля над «юридизмом большинства голосов»; об этом писал Ж. Прудом, называя «большинство голосов» произволом, которому на смену приедт естественное право научного контроля. Новгородцев упоминает о критике теории государственного народного суверенитета Токвилем, утверждавшего что эта теория находится в прямом противоречии с декларацией прав человека.

Новгородцев, Лекции по истории философии права:

> *«Вступая в общество, отдельные лица обязуются ему подчиняться, но они не отказываются и не могут отказаться от своих прирожденных прав, чего так настойчиво требовал Гоббс. Государство получает свою власть единственно для защиты граждан, для охраны их свободы и собственности. Поэтому люди отказываются от своей власти лишь постольку, поскольку это необходимо для достижения указанных целей. Развивая свою точку зрения, Локк утверждает, что верховная власть имеет свою границу в правах граждан. В противоположность Бодену и Гоббсу, он склонен отрицать самое понятие неограниченной власти, что объясняется его полемикой против неограниченной власти Стюардов и его желанием отстоять права народа. Говоря о неограниченной власти, он, в сущности, имеет в виду абсолютную власть монархов, которая с его точки зрения совершенно несовместима с гражданским порядком. Для англичанина, сросшегося с практикой парламентской жизни, такая власть казалась совершенно невозможной, противоречащей самым основам гражданственности. Вообще, в отличие от Бодена и Гоббса, он нисколько не интересуется точным определением суверенитета и сосредоточивает свое внимание на анализе условий правомерного действия власти*
>
> *Это будет, очевидно, доктрина народного суверенитета, выводящая права короля из воли народа. В этом отношении Локк — продолжатель Мильтона, который в свое время также писал в защиту английского народа, и Сиднея, который стоял на той же точке зрения народного верховенства.*
>
> *Доктрина народного суверенитета и связанная с нею идея первобытного договора, идея неотчуждаемых*

> *прав личности и теория разделения властей — вот основы либерализма XVII в., переданные им в наследие веку XVIII. Все эти идеи объединяются в учении Локка.*
> *Подобно тому как у Руссо и у многих других представителей естественного права, теория первобытного договора имеет у Локка не столько историческое, сколько этическое значение»*

Новгородцев, Кризис современного правосознания:

> *«В то самое время, как в конституциях революционной эпохи провозглашался принцип суверенной воли народа, рядом с ним ставился принцип неотчуждаемых прав личности. Декларация прав стояла в несомненном противоречии с идеей народного суверенитета, но это противоречие оставалось незамеченным. Значение Токвиля заключается в том, что он расчленил идеи, представлявшиеся слитными, и не отрицая ни демократии, ни демократической теории, внес в нее необходимые ограничения.*
> *«Встречаются люди, — замечает он, — которые не боятся говорить, что народ в интересах, относящихся собственно к нему, не может выйти из границ справедливости и рассудительности, и что вследствие этого неопасно предоставить большинству, представляющему собою народ, неограниченную власть. Но это язык рабов.*
> *Разве большинство не есть индивидуум, который имеет убеждения и чаще всего страсти, противные другому индивидууму — меньшинству? Если вы верите, что человек, облеченный неограниченной властью, может употреблять эту власть во вред своим противникам, отчего же вы не хотите допустить, что так же может поступить и большинство? Разве люди, соединяясь вместе, изменяют свои характеры?*
> *«Между тем, — рассуждает далее Токвиль, — нет на земле власти, до того сильной в самой себе, или облеченной до того священными правами, что ей можно было бы дозволить действовать без контроля и господствовать без препятствий.»*

В результате победы физического контроля над научным контролем, нормативного права над естественным правом, абсолютного суверенитета национальных государств над международными организациями естественного права — мы имеем:

1. Бездействующую католическую церковь, когда то с такой гениальной энергией выполнявшую роль Града Божьего есте-

ственного права, направлявшую государства града земного к единому фундаменту истины естественного права

2. Беспомощные правозащитные организации, способные в лучшем случае отбомбить при помощи ООН тех, на кого укажут правительства абсолютных суверенитетов

3. Партикулярность национальных правовых систем, потерявших общую истину и общую базу в естественном праве, и вводимых только силовыми институтами государств

Все это со всей четкостью проявилось в так называемом jus commune, то есть общем праве Европы при так называемой «рецепции римского права», то есть возрождении римского права в средневековой Европе на базе университетов свободных городов Италии. Постольку поскольку римское право было в основе своей правом естественным как мы видели из сочинений Трубецкого и Ренана («Писаный разум»), то в нем могли обнаружить всего две фразы об абсолютизме власти цезарей. Конечно, для теории абсолютных суверенитетов государственной власти этих фраз оказалось мало. Тогда было использовано каноническое право католическое церкви, которое оказалось четко сформулированной системой иерархической власти абсолютизма физического контроля! Кто бы мог подумать при зарождении церкви как Воинствующей Власти Духа против Власти Насильников что существом ее канонического права станет обоснование этой самой власти насильников, да еще с оправданной как богоданной! Однако, вот такой печальный результат являет собой общее право Европы, вышедшей из борьбы церкви и государства с растерянным научным контролем естественного права. Единство римского права, канонического и феодального права как обоснование абсолютизма власти государей, оправданной самим Господом — это тот результат победы физического контроля поля Эгосистемы, который мы наблюдаем в современном апокалипсисе духовной энергии в мировом масштабе.

Наша задача вспомнить, что римское право -это не две фразы из Ульпиана свода Юстиниана, а замечательная теория есте-

ственного права, развитая в «Законах» Цицерона, в философии стоиков, Марка Аврелия.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Доктрина естественного права, какой она являлась в XVI, XVII, XVIII веках, есть возрождение доктрины стоиков, хотя и с важными изменениями. Именно стоики отличали jus naturale от jus gentium. Естественное право вытекало из первых таких принципов, которые употреблялись для обоснования всякого общего знания. По природе, учили стоики, все человеческие существа равны. Марк Аврелий в своих „Размышлениях“ хвалит „политию, в которой существует один и тот же закон для всех, — политию управляемую, принимая во внимание равные права и равную свободу слова, — и царское правление, которое уважает более всего свободу управляемых“. Это был идеал, который не мог быть соответственно осуществлен в Римской империи, но который влиял на законодательство, в частности в смысле улучшения положения женщин и рабов. Христианство переняло эту часть учения стоиков вместе со многим другим. И когда, наконец, в XVII веке наступило время эффективно бороться против деспотизма, учение стоиков о естественном праве и естественном равенстве в своем христианском наряде приобрело практическую силу, которой во время античности не мог ему придать даже император».

Что Град Божий Августина — это не каноническое право и не аристотелева схоластика догматического богословия, а естественное право платонизма. Что единство закона обеспечивается единой истиной, а не единым центром насилия. Что такой единой истиной может быть только наука. Что роль церкви в контроле правовых систем государства с точки зрения единого естественного права всего человечества. Наконец, что Научная Революция Энергетика как Открытие Психической Энергии есть та революция, которая была целью начатого Фомой интеллектуального движения церкви — обретение истинного научного контроля естественного права. Обо всем этом есть прекрасная книга Ж. Бенда — «предательство интеллектуалов», многократно цитированная мною в книгах Научной Революции Энергетика.

Александр Марей, видео-лекция Рецепция Римского права на западе, 2014

«Павел Виноградов, звезда русской медиевистики, эмигрировавший в 1908, римское право из трех слоев: собственно римское право, каноническое право, то есть право западной церкви, и феодальное право, то есть право, выросшее из феодальных обычаев Jus commune Франческо Колассо, итальянский исследователь, в 1930 году вводит термин Общее право Европы, подразумевая под этим амальгамму, смешение, синтез, соединение, как угодно, Римского права, канонического права и феодального права Стефана Кутнер, историк канонического права в средние века, американец немецкого происхождения разовьет эту мысль. Будет рассматривать каноническое право во взаимосвязи с римским и феодальным. Римское право безусловно несло в себе идею равенства, это первое и осень важное его качество, идею равенства всех перед законом, всех перед правом и что принципиально важно оно несло в себе идею единства. Именно этим римское право и привлекало средневековый законодательства, королей, императоров, римских пап, которые в конце 11 века, в начале 12 инициирует то, что будет названо рецепцией Римского права. в Болонском университете некий каноник Пепо начинает читать тексты Римского права. Его ученик филолог Эрнерий начинает читать, изучать и преподавать тексты Римского права, составляла комментарий, глоссу. Так рождается болонская школа глоссаторов, положившая начало средневековому изучению римских текстов, то есть свод императора Юстиниана, заново открываемый в Европе в 11—12вв. Стало быть римское право начинает заимствоваться именно в силу его всеобщности. Законодатели борются с правовым партикуляризмом, с тем что Европа раздроблена в правовом отношении, нет основания для утверждения единой Королевской власти. Но Королевской власти недостаточно идеи единства Римского права, ей необходима как минимум ещё одна идея — идея власти. Римское право даёт идею власти в очень ограниченном масштабе. Собственно, все всегда приводят два фрагмента Ульпиниана, вошедшие в свод Юстиниана: Император свободен от действия законов, и Все чего пожелает император имеет силу закона. Ну вот два фрагмента. Ну можно ли на двух фрагмента обосновать идеологию Королевской власти? Конечно нельзя. Именно с этой целью, хоть и неясно декларируемой, но явно ощущаемой целью заимствуется каноническое право, реформируется каноническое право по образцу римского. В середине 12 века болонский каноник по имени Грациан создаёт Декрет Грациана или согласование несогласованных канонов. Огромный свод церковных установлений, начиная с четвёртого века по 12 век. Цель дать единый правовой свод церкви. Зачем каноническое право? Что оно несёт в себе принципиально ино-

го, отличного от Римского? Оно несёт в себе идею власти, — не просто власти, а богоданной власти, вертикали власти, как сейчас бы сказали, хотя понятие изрядно себя скомпрометировало. Идею именно вертикали власти, идущей от бога, пронизывающей все мироздание, до последнего крестьянина, до земли натурально. Вот эту идею несло в себе каноническое право. И сочетание двух элементов, Римского и канонического, уже даёт нам порядок с одной стороны единый доя всех, а с другой стороны пронизываемый единой вертикалью, единым стержнем, хребтом власти. Куда же девать правовой партикуляризм феодального права? Кодифицировать, объединить феодальные обычаи и включить в эту единую систему общего права»

М. Вебер, «Политика как профессия и призвание»:

«Но каково же тогда действительное отношение между этикой и политикой? Неужели между ними, как порой говорилось, нет ничего общего? Или же, напротив, следует считать правильным, что «одна и та же» этика имеет силу и для политического действования, как и для любого другого? Иногда предполагалось, что это два совершенно альтернативных утверждения: правильно либо одно, либо другое. Но разве есть правда в том, что хоть какой-нибудь этикой в мире могли быть выдвинуты содержательно тождественные заповеди применительно к эротическим и деловым, семейным и служебным отношениям, отношениям к жене, зеленщице, сыну, конкурентам, другу, подсудимым? Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства — власти, за которой стоит насилие? Разве мы не видим, что идеологи большевизма и " Спартака», именно потому что они применяют это средство, добиваются в точности тех же самых результатов, что и какой-нибудь милитаристский диктатор? Чем, кроме личности деспотов и их дилетантизма, отличается господство рабочих и солдатских Советов от господства любого властелина старого режима? Чем отличается полемика большинства представителей самой якобы новой этики против критикуемых ими противников от полемики каких-нибудь других демагогов?

Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из него самого. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. Великие виртуозы космической любви к человеку и доброты, происходят ли

> *они из Назарета, из Ассизи или из индийских королевских замков, не» работали» с политическим средством — насилием; их царство было «не от мира сего», и все-таки они действовали и действовали в этом мире, и фигуры Платона*
> *Каратаева и святых Достоевского все еще являются самыми адекватными конструкциями по их образу и подобию. Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом в его церковном проявлении, — напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. И в связи с такими ситуациями Макиавелли в одном замечательном месте, если не ошибаюсь, «Истории Флоренции», заставляет одного из своих героев воздать хвалу тем гражданам, для которых величие отчего города важнее, чем спасение души»*

Джон Льюис, «Критика социологических концепций М. Вебера»:

> *«Гейдельбергская школа неокантианцев стремилась, в частности, обосновать историческое знание с помощью методов рассуждения, отличных от обобщающих методов естествознания. Как Дильтей, так и Зиммель выступили против позитивизма и против агностицизма.. В отличие от материала естествознания, который один и тот же всюду и поэтому может быть понят через универсальные законы, относящиеся к любым областям пространства и времени, человеческая культура выступает в бесконечном многообразии различных типов, каждый из которых требует специфического понимания своей уникальности. Риккерт, Дильтей и их школа таким образом, обосновывают способ исторического бытия, метод изучения человеческой культуры или гуманитарных наук с их особым типом познания и собственными методами. Такой подход лег в основу «идеальных типов Вебера»*

ГЛАВА 14. ВОЗРОЖДЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ КАК МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА. НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЭНЕРГЕТИКА

1.Республика Платона как Град Божий Августина

2. Государство Аристотеля как Град Земной

3. Католическая церковь как Международный Институт Естественного Права

1. РЕСПУБЛИКА ПЛАТОНА КАК ГРАД БОЖИЙ АВГУСТИНА

Бертран Рассел говорит о католической церкви как о «силе, равной которой не знала ни одна из предшествующих социальных организаций».

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Ветхий завет, мистические религии, греческая философия и римские методы управления — все это слилось воедино в католической церкви и соединилось, чтобы придать ей силу, равной которой не знала ни одна из предшествующих социальных организаций»

Это очень важный момент, и именно значение этого момента для истории человечества, увы, искажают самые добросовестные исследователи, рассматривая силу Католической церкви, могущество ее Власти Духа как негативный феномен силы Власти Насильников Левиафанов. Поэтому нам очень важно, чтобы не допустить грубейшей ошибки четко разграничивать две истории Папства: историю ее триумфа как Организации Духовной

Энергии, и Историю Папства после упадка, когда совершается регресс в государство града земного. Когда мы говорим о начальной истории Папства мы должны, как пишет Ренан о победе института Профетизма в Израиле — склонить голову в почтении перед победой идеализма, то есть победой духовной энергии. Надо сказать, что Рассел в отличии от вульгарных толкователей христианства подобных Ницше понимал, что христианство не есть философия ни рабства ни слабости. Но напротив философия Триумфа Власти Духа над насильниками градов земных. Иначе от чего бы это была Воинствующая Церковь Града Божьего?

Б. Рассел, «Власть»:

> «Ницше обвинил христианство в насаждении рабской морали, однако целью христианства всегда была победа в конечном итоге. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Известный псалом выражает эту мысль более ясно:
> «Божий Сын идет на войну,
> Водрузить королевскую корону на голову,
> Его кроваво-красное знамя развевается вдали,
> Кто следует за ним?
> Те, кто заслужил испить чашу его страданий,
> Мученики-победители,
> Те, кто несут его Крест за ним,
> Они следует за ним»

Признавая за Властью Духа католической церкви «заслуженный моральный авторитет», Рассел в то же время, вместе со всеми склонен видеть в этом уникальном институте стандартное государство. Так он пишет, что папство развивалось из республики в монархию подобно Риму, и что автократия папства помешала им сделать эту монархию конституционной монархией, одобрив соборное движение после Великого Раскола. Для нас тут важно обратить внимание на тот факт, что на самом деле католическая церковь есть уникальный институт, как правильно замечает Тойнби, и что его не следует сравнивать с обычным государством и историческими формами государства

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Западная церковь, подобно древнему Риму, хотя и более медленно, развилась из республики в монархию. Мы уже проследили этапы роста власти папства — от Григория Великого через Николая I, Григория VII и Иннокентия III до конечного поражения Гогенштауфенов в войнах гвельфов и гибеллинов.
> .....Констанцский собор ликвидировал раскол, но он надеялся достигнуть гораздо большего — заменить папский абсолютизм конституционной монархией. Евгений IV на протяжении всего своего понтификата находился в жестоком конфликте с реформаторами, которые держали в своих руках собор. Евгений IV распустил собор, но последний отказался считать себя распущенным; в 1433 году папа на время уступил, но в 1437 году снова распустил собор. Несмотря на это, собор продолжал заседать вплоть до 1448 года, когда для всех стало очевидным, что папа добился полного триумфа. .... Таким образом, папство вышло из этой борьбы политическим победителем, но в весьма значительной степени растеряв свою прежнюю способность внушать нравственное почтение.
> ..... К этому времени папство утратило тот моральный престиж, которым оно пользовалось (и в целом заслуженно) в XI, XII и XIII столетиях. Первым фактором утраты этого престижа явилось пресмыкательство перед Францией в течение того периода, когда папы жили в Авиньоне, другим — Великий Раскол, благодаря которому они против своей воли убедили западный мир в том, что неограниченная папская власть и невозможна и нежелательна. В XV веке роль пап как правителей христианского мира фактически оказалась подчиненной другой их роли — роли итальянских государей, вовлеченных в сложную и беспринципную игру итальянской государственной политики».

Мы будем утверждать, что Католическая церковь и папство явили миру до сих пор невиданный феномен Организации Духовной Энергии, в общих чертах обрисованной в «Республике» Платона, но на практике явленной только как Христианская Республика Папства. Это и есть Церковь или иначе Град Божий на земле: Организация Духовной Энергии. И поскольку Духовная Энергия человечества, в самом деле берущая начало в Святом Духе Интеллекта есть единственная настоящая сила на земле, то первый институт этой энергии никак не мог быть «моралью рабства» или слабостью в каком бы то ни было смысле. Смирение и кротость есть только «свобода осознанной

необходимости» вместо тщеславия Гибрис-Эго, но именно поэтому смирение христианское есть сила духа, как говорил в своих записках еще Марк Аврелий (есть что то мужественное в кротости), а Гибрис-Эго только слабость болезни.

А. Тойнби, «Постижение истории»:

> «Когда в последней четверти XI в. на папский престол сел тосканец Гильдебранд, положение Рима было весьма жалким. Однако Гильдебранд и его преемники сумели создать мощный институт западного христианства. Благодаря им папский Рим сохранил империю, которая более, чем империя Антонинов, преуспела в завоевании человеческих сердец и которая территориально расширилась до таких пределов, куда не ступали легионы ни Августа, ни Марка Аврелия. Владения ее были обширнее владений Карла Великого. Средневековое папство унаследовало от понтификата Григория Великого духовную власть над Англией, установленную там за два века до появления Карла Великого, и продолжало распространяться в Скандинавии, Польше и Венгрии в течение двух веков после смерти Карла.
>
> Причина, по которой большинство тогдашних государей и городов-государств легко принимали гегемонию папства, состояла в том, что Святой Престол той эпохи никак не участвовал в соперничестве за территориальное господство, настаивая лишь на вселенской духовной власти. Отсутствие территориальных претензий у папской теократии, когда та находилась в своем зените, сочеталось с энергичным и предприимчивым административным даром, доставшимся папскому Риму в наследство от Византии. Если в православном христианстве дар этот использовался для насильственного наполнения им возрожденного призрака Римской империи, то римские зодчие *Respublica Christiana* направили свое административное искусство на создание более легкой структуры по новому плану и на более широких основаниях.
>
> Однако главная причина успеха Святого Престола в деле создания христианской республики под эгидой папы заключалась в сознательном принятии на себя морального долга. Гильдебрандово папство придало ясный смысл скрытым надеждам христиан и превратило мечтания ищущих людей в сознательное дело, вдохновляемое и поддерживаемое высшими ценностями и духовной властью».

В чем же характерные черты Организации Духовной Энергии? Мы старались дать довольное подробное их описание на протяжении всей монографии. Прежде всего, это единство

людей представляющих его в духовном союзе поля интеллекта и совести: святая дружба, о которой Спиноза и Эйнштейн пишут как о религиозном сообществе, то есть сообществе друзей. Я настаиваю, что феномен дружбы пока еще совершенно не изучен, и что будущее исследования будут сосредоточены на дружбе. Сегодня в нашем невежественном обществе, вся культура вращается вокруг «идолопоклоннической любви» по Фромму, или притяжений Самолюбия и Влюбленности поля Эгосистемы по Теории ПЭ. Хорошо об этом невежестве современной культуры сказано у Флобера в «Г-же Бовари». Дружбу еще только предстоит открыть чтобы понять все неисчислимые богатства эмоций поля интеллекта и совести.

Спиноза, «Этика»:

> «Далее, всякое желание и действие, причину которого мы составляем, поскольку мы имеем идею Бога, иными словами, поскольку познаем его, я отношу к благочестию (religio). Желание же делать добро, зарождающееся в нас вследствие того, что мы живем по руководству разума, я называю уважением к общему благу (pietas). Далее, желание человека, живущего по руководству разума, соединить с собой узами дружбы других людей я называю честностью, а честным — то, что одобряют люди. живущие по руководству разума, и наоборот, постыдным — что препятствует дружественным связям. Одни только люди свободные всего более полезны друг другу и бывают связаны между собой самой крепкой дружбой. Только они одни стараются делать добро друг другу с одинаковым рвением любви. А потому одни только люди свободные бывают благодарными по отношению друг к другу; что и требовалось доказать».

Е. Трубецкой, «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Все на свете стремится к миру, но надо отличать вечный мир Божий от ложного, неправого мира греховной твари; ибо если последняя стремится к эгоистическому преобладанию и тираническому господству, то истинный Божеский мир есть всеобщее равенство и согласие людей. Злой человек или злой дух ненавидит равенство под законом Божьим и стремится к миру неправому: из подчиненного члена мирового порядка он сам хочет стать средоточием, центром всего. Напротив, истинный мир Бога и человека есть „послушание, упорядоченное в вере под вечным законом“. „Мир всех вещей есть спо-

> койствие порядка. Порядок есть расположение вещей равный и неравных каждой в своем месте". Разумные твари успокаиваются в наслаждении Богом и друг другом в Боге, а тела их во всех своих частях совершенно подчиняются их воле».

А. Эйнштейн, «Цитаты и афоризмы»:

> «Я считаю Общество Друзей Квакеров религиозным сообществом, которое зиждется на высочайших моральных ценностях. Насколько мне известно они никогда не идут на компромиссы со злом и всегда руководимы своей совестью. Особенно их влияние в международном плане представляется мне особенно благотворным и особенно полезным» (I consider the Society of Friends the religious community that has the highest moral standards. As far as I know, they have never made evil compromises and are always guided by their conscience. In international life, especially, their infl uence seems to me very benefi cial and effective)
> To A. Chapple, Australia, February 23, 1954. Quoted in Nathan
> and Norden, *Einstein on Peace*, 511. Einstein Archives
> 59—405

Платон, «Республика»:

> «Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывал друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы. Душа его преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее порядочными, находятся в подчинении, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая»

Ницше, «Так говорил Заратустра»:

> «Являешься ли ты чистым воздухом, и одиночеством, и хлебом, и лекарством для своего друга? Иной не может избавиться от своих собственных цепей, но является избавителем для друга. Не раб ли ты? Тогда
> ты не можешь быть другом. Не тиран ли ты? Тогда ты не можешь иметь друзей»

Ницше также как папство начинал с «Шопенгауэра как воспитателя», где его устами еще глаголет духовная энергия; но пришел к трагедии регресса на поле Эгосистемы в своих ан-

тихристианских книгах. «Хотел распрямится, но упал и разбился», — как говорит о нем Честертон в «Фоме Аквинском».

Мы много говорили на страницах этой книги о том, как проявил себя духовный союз поля интеллекта и совести (дружбы) католической церкви. И если мы вспомним что такое рядовое государство, мы увидим, что дружба никак не может быть названа характерной чертой этих сообществ насилия и подчинения, «самых холодных чудовищ». Далее, главное отличие — это цель церкви и цель государства. Трубецкой определяет в этом смысле отличие как «спасение души» для церкви для загробного существования. Со спасением души все правильно, потому что цель — это здоровье духовной энергии, однако это здоровье нужно в первую очередь для жизни на этой земле, как правильно замечает Л. Толстой в трактате «О жизни». Такой цели не ставят государства, их цель «земное благополучие», если говорить языком Трубецкого. То есть — благополучие материальных энергии, биологии и тщеславия в восхождении по государственное иерархии. Цель же церкви — сохранить совесть и честно служить богу, истине и церкви дружбы. Наконец, мы говорили о принципиальных отличиях научного контроля как Власти Духа церкви и физического контроля как Власти Насильников государств, из чего вытекают различия между Крестной войной со злом поля Эгосистемы и дарвиновской войной насильников за власть друг над другом, за голод тщеславия.

Мы видим, что А. Тойнби на сегодняшний день единственный историк, который продолжает всемирную историю Августина как противостояния Града Божьего граду земному, то есть Левиафану физического контроля. И мы видим, что он вполне отдает себе отчет в том, что Град Божий, церковь не есть обычная общественная организация, разновидность государственного, политического устройства. Что это организация духовного союза поля интеллекта и совести, того западного коллективизма, где оптимальное развитие индивида означает одновременно оптимальное развитие дружбы как единого «я» поля интеллекта. Здесь полностью воспроизводит слова Мас-

лоу, Роджерса, Спенсер о том, что нет антитезы между индивидуализмом и коллективизмом в когда речь идет о духовной энергии. О том же сообщают исследования визинарных компаний Порасом и Коллинзом. Вопрос о прогрессе и христианстве, который ставит Тойнби есть вопрос о войне церкви и государства, как можно видеть ниже из цитаты о «воинствующей церкви» против «государств левиафанов». Для нас важно отметить, что Тойнби разделяет материальную энергию психики как циклическое движение государств (цивилизаций) и духовную энергию как восходящее линейное движение (устойчивое равновесие и рост силы поля интеллекта). Понятно, что церковь как организация духовной энергии человека по мере прогресса одержит полную и окончательную победу над государством, как материальной энергией циклического движения рождений-распадов государств.

А. Тойнби, «Цивилизация перед судом истории»:

> «Это подводит меня к последнему из вопросов, которые я хочу затронуть здесь, вопросу
> об отношении христианства и прогресса. Если верно, как я считаю, что земная церковь никогда не будет идеальным воплощением Царства Небесного, то какой смысл можно было бы вложить в слова молитвы:
> «Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе»? Правы ли мы, в конце концов, делая вывод, что история религии на Земле — в отличие от циклического развития цивилизаций с их взлетами и падениями — это движение только по восходящей? Есть ли у нас основания думать, что это развитие будет продолжаться бесконечно? Даже если вид общества, называемый цивилизацией, уступит место исторически более молодому и, вероятно, более духовно возвышенному виду, представленному единым всемирным устойчивым представителем этого вида в форме христианской церкви, не может ли случиться так, что придет время, когда состязание между христианством и первородным грехом превратится в устойчивое равновесие духовных сил? Позвольте мне привести ряд соображений в ответ на эти вопросы. Во-первых, религиозный прогресс означает прогресс духовный, а дух означает личность.
> Таким образом, религиозный прогресс должен совершаться в духовной жизни людей — он должен проявляться в повышении их

духовного уровня и достижении высшей духовной активности. Теперь, если мы приняли положение, что духовный прогресс есть индивидуальный прогресс, означает ли это, что мы в конце концов соглашаемся с тезисом Фрейзера о том, что высшие религии по сути своей неизбежно антиобщественны? Если человеческие стремления и энергию, направленную на создание ценностей в рамках цивилизации, перенести на создание тех ценностей, что являются целью высших религий, будет ли это означать, что ценности цивилизации непременно пострадают? Являются ли духовные и общественные ценности прямо противоположными и враждебными друг другу величинами? Верно ли то, что ткань цивилизации пострадает, если спасение отдельной души станет высшей целью жизни?

Фрейзер отвечает на эти вопросы утвердительно. Если бы его ответ был действительно верен, это означало бы, что человеческая жизнь — трагедия, но без катарсиса. Лично я полагаю, что ответ Фрейзера ошибочен, ибо он основывается на фундаментально неверном представлении о природе души и личности. Личность постигаема не иначе как проводник духовной энергии, а единственным постигаемым пределом духовной энергии является отношение между одной духовной сущностью и другой. Именно в силу того, что дух предполагает духовные отношения, христианская теология дополнила иудейскую идею о единстве Бога собственным христианским учением о Троице. Учение о Троице есть теологический способ выразить откровение, что Бог есть Дух; учение об Искуплении есть теологический способ выразить откровение, что Бог есть Любовь. Если человек был создан по образу и подобию Бога и если истинная цель человека — сделать это подобие все более и более точным, то высказывание Аристотеля «человек есть общественное животное» применимо к высшему потенциалу и стремлению человека — стремлению вступить в возможно близкое единение с Богом. Поиски Бога суть сам по себе общественный акт. И если любовь Господня проявилась в этом мире посредством искупления грехов человечества Иисусом Христом, то усилия человека стать ближе к Богу должны включать в себя и попытки следовать примеру Христа, жертвуя собой во искупление грехов своих ближних. Искать и следовать Богу путем Господним есть единственно верный путь к спасению души

человеческой на этой Земле. Таким образом, совершенно ошибочна антитеза между попытками спасти собственную душу через поиски Бога и следование Ему и попытками исполнить свой долг по отношению к ближнему. Эти два вида деятельности абсолютнонерасторжимы. Человек, который истинно стремится к спасению собственной души, такое

> же общественное существо, как житель спартанского «муравейника» или подобный рабочей пчеле коммунист. С той лишь разницей, что христианин — член совсем другого общества, нежели спартанское или левиафан-ское. Он гражданин Царства Божьего, и поэтому его главная цель — достичь наивысшей степени единения с Богом и подобия Ему; его
> отношения с ближними — результат, непосредственное следствие его отношений с Богом; его способ полюбить ближнего, как самого себя, состоит в том, чтобы помочь ближнему достичь того, к чему стремится он сам, то есть приблизиться к Богу и стать подобным Ему. Если такова осознанная цель человека для себя и для своего ближнего в лоне христианской воинствующей церкви на Земле, то совершенно очевидно, что по христианскому завету Божья воля воплотится на Земле, как и на Небесах, в неизмеримо более высокой степени, нежели это возможно в любом земном секулярном обществе. Очевидно также, что в лоне воинствующей церкви на Земле добрые социальные задачи земных обществ будут решаться с гораздо большим успехом, чем это может сделать мирское общество. Иными словами, духовный прогресс отдельной личности в этом мире несет с собой гораздо более существенный социальный прогресс, нежели какой-либо другой способ достижения этой цели. Таким образом, несмотря на то что замена мирских цивилизаций устойчивым
> вселенским правлением воинствующей церкви на Земле, без сомнения, почти чудесным образом улучшила бы социальные условия, чего секулярные цивилизации, собственно, и добивались последние шесть тысяч лет, тем не менее цели и критерии прогресса по истинным христианским заповедям на Земле лежали бы вне поля мирской социальной жизни»

Мы проследили через всю историю католической церкви ее мощь как социал-демократии, как общества дружбы, и ее Власть Духа в Крестной войне со злом насилия Левиафанов. Мы показали, что западная цивилизация своими демократическими обществами и декларациями прав человека обязана энергичной Крестной борьбе Воинствующей церкви как Организации Духовной Энергии. И в этом смысле церковь дружбы христианства есть Республика Платона с поправкой на Научный контроль естественного права у философов-правителей (Папства) в качестве истины. У Платона еще не могло быть зна-

ний о закономерностях психической энергии, хотя он намного современнее современных социологов и политологов, когда видит основы общественного устройства в законах психологии. Он просто говорит, что философы-правители правят потому что знают истину, и при этом его понятие истины все еще оторвано от понятия научного знания как согласованного с фактами реальности. Конечно, его философов-правителей обвинили в тирании, поскольку неясно что тогда означает истина, именем которой они правят. Но если мы в наш век Научной Революции Энергетика вносим эту поправку в учение Платона — то есть что истина, которая правит в его Республике есть научный контроль естественного права закономерностей двух силовых полей психики — то мы можем смело говорить, что республика Платона есть христианская церковь дружбы, есть Град Божий Августина.

Е, Трубецкой, «Социальная утопия Платона»:

> «Для осуществления религиозной цели спасения необходим особый религиозный союз, не связанный мирскими задачами, отличный от государства и свободный от него. Такого союза языческая древность не знала. В результате получается то двойственное создание, которое Платон изобразил в своей «Политии»: государство с функциями церкви, языческий монастырь идеальных граждан, общество верующих во всеоружии светского меча. Прежде всего это — подготовительная ступень к блаженству — воспитательное учреждение, которое должно вести человека к его вечной цели спасения. В платоновском государстве спасение — не одна из многих задач, а та единая и единственная задача, которая определяет собою все его устройство и все направление его деятельности. Одна из любимых тем «Политии» — полемика против многоделания. Платон хочет, чтобы у всего государства, как и у каждого отдельного человека, было только одно дело, одна всепоглощающая забота — о том едином, что есть на потребу. Это единое и единственное дело государства и гражданина есть справедливость, правда.
> Правда в государстве и душе таким образом, — одно и то же. Гармоническое соотношение общественных сил, которое она устанавливает в государстве, совершенно соответствует той внутренней гармонии сил и способностей, которую она устрояет в душе: а потому справедливое государство совершенно подобно праведному чело-

веку. Нормальное состояние души заключается в господстве высшей способности над низшими, то есть ума — над честолюбием и чувственными влечениями. Ум видим красоту, истину и благо, он распознает ту цель к которой надо стремится, ему и подобает вести душу к этой цели. Задача философского государства именно в том и заключается, чтобы осуществить этот нормальный душевный строй, совершить тот полный душевный поворот человека к Богу, о котором повествуется в знаменитом сравнении земной жизни с пещерой.

Чтобы быть совершенно благим, государство должно быть мудрым, мужественным, воздержанным и справедливым.

Отсюда видно, что собственно светские задачи в платоновом государстве — на последнем плане: они здесь составляют не цель, а средство и допускаются лишь в пределах забот о хлебе насущном. Основная же задача заключается в полном духовном возрождении человека, в изменении всех его жизненных ценностей, в преобразовании всего его внутреннего мира.. Но вопрос о спасении души сплетается с вопросом о образах правления очень тесно. Чтобы порвать путы, задерживающие полет человеческой души в горние выси, нужно освободить ее от честолюбия и властолюбия, от стяжания, от вольницы разнузданных страстей, от тирании аффекта. Но все эти разнообразные пути неправды и соответствующие им человеческие типы, выражают собой внутреннее содержание существующих образов правления — тимократии, олигархии, демократии, тирании. Вот почему и царство правды в философии Платона стремится выразиться в особом образе правления.

Этой новой форме общежития предстоит заботится не столько о телах, сколько о душах. Неудивительно, что когда Платон говорит о ней, самый язык его предвосхищает позднейшие христианские и в особенности средневековые выражения: правители у него — пастыри, воины — сторожевые псы, охраняющие стадо (Платон озабочен тем, чтобы они не выродились в волков); наконец, прочие граждане — овцы. И совершенно также как впоследствии в средние века, на первом плане у Платона — единство стада. Начиная от Августина религиозно-политическая литература средних веков видит в Единстве форму царствия Божьего, печать божественного в строе вселенной, в человеческой душе и в особенности в человеческом обществе. В действительности мы имеем здесь традицию идущую от Платона, быть может даже от пифагорейцев. Во всяком случае несомненно, что для Платона идея блага — начало единства всего мира идей, а идея вообще — единое во многом, то что сводит к единству разнообразие мира явлений, начало стройного порядка; раздвоение же проявление дурного материального начала,

которое противится идее.
К своим гражданам Платон предъявлял те же требования какие впоследствии апостол Павел предъявлял к членам Церкви — тела Христова: «страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены». Сходство выражений тут не случайно. Платон ставит идеальному государству ту самую задачу, которая по праву принадлежит только церкви.
Но еще ценнее и значительней для нас положительный вывод философа: он понял, что в этой языческой жизни от начала до конца все — ложь, что правда не справа, не слева и не в центре, а сверху, НАД борьбой классов и партий, НАД существующими формами общежития, что жизнь личности и общества только тогда обретет свой смысл, когда она воссоздается согласно ее божественному первообразу. Гигантским усилием мысли он вознесся над землею и вспомнил небесную родину. В порыве вдохновения он увидел то, чего раньше в его вреде никому не было дано видеть — тот мир, тот мир где Бог есть все во всем, где нет ни борьбы, ни раздвоения, ни ненависти, ни страсти, ту всеобщую гармонию где хаосу навеки положен предел. Он понял, что истинное общежитие есть то, где люди едины в Боге, где все живут единой мыслью и единым чувством — в том совершенном дружестве, которое упраздняет различие моего и твоего. Даже гениальный его ученик, Аристотель, увидел в идеальном государстве только принудительный аппарат, который не достигает своей цели, не объединяет людей. Аристотель показал, что Единство в государстве Платона является призрачным, мнимым. Мыслитель-прозаик, Мыслитель-прозаик он не нашел и не понял в «Политии» самого главного — ее религиозного содержания, ее идеи, ее мистического настроения. Задача историка именно в том и заключается, чтобы отделить эту идею от затемняющего ее исторического покрова, распознать то вечное неумирающее содержание, которое в творениях Платона облеклось в смертную, античную форму. Смысл социальной утопии Платона — за пределами того древнего мира, для которого философ был «чуждым семенем», более того — за пределами его собственных философских построений. Смысл этих построений не в том городе-государстве, который он наше, а в том вышнем городе, который он искал. Теперь нам ясен смысл утопии Платона.
Это звезда, с которой путешествовал мудрейший из волхвов, приводит к яслям Спасителя».

В «Постижении истории» Тойнби видит причины упадка папства в регрессе католической церкви из организации духовной энергии в государство-левиафан физического контроля. И одно

из главных проявлений этой «идолизации» он видит в отказе от соборного движения как «парламентского элемента», то есть как элемента тех греческих языческих демократий, которые он противопоставляет христианскому Граду Божьему. В этом непоследовательность Тойнби. История церкви показала каким пагубным для нее бывают спекулятивные диспуты на темы богословия. Достаточно вспомнить самое начало церкви Константина, где споры между арианами и католиками чуть было не уничтожили церковь, или же борьбу Августина с донатистами и пелагианами. Более того, решение «Большинством голосов» там, где правит Истина Святого Духа, особенно во времена внутренней слабости церкви угрожает окончательно подорвать ее основу как единство совести и мысли церкви. Конечно, соборы как дебаты и постоянный обмен мнениями абсолютно необходимы именно духовного союзу, однако окончательное мнение не должно выносится простым количеством голосов, чтобы избежать раскола церкви. Ведь церковь не может быть подобно современным государством противоборством партий, и хотя сейчас там тоже борются либералы с консерваторами, супрематия папы охраняет церковь от окончательного раскола. Научный контроль естественного права как единая руководящая истина — вот источник единства, который позволяет избежать и базара большинства голосов и тирании государственного суверенитета. Замечательным примером могут служить те же визинарные компании Пораса и Коллинза, где как утверждают исследователи, правящие команды спорят до драки, но когда приходит время выносить решение, всегда выступает единым сплоченным фронтом. Эти маленькие ячейки зарождающихся организаций духовной энергии (в исследованиях визинарных и великих компаний Пораса и Коллинза) показатель того, чем могла бы стать наша цивилизация, если бы научный контроль естественного права победил. Пока что напротив, делается все для удержания и утверждения лженауки дарвиновской парадигмы и победы консерваторов Левиафанов физического контроля.

А. Тойнби, «Постижение истории»:

«В результате этого самоубийственного поступка папа был подвергнут аресту. За этим последовали «Авиньонское пленение пап» и Великий Раскол западного христианства.
Итак, мы подошли к четвертому, и последнему, акту гильдебрандовой трагедии, который открывается в XV в. началом Соборного движения. Скандал Великого Раскола побудил провинциальное духовенство к действиям во спасение западного христианства, результатом чего и стало Соборное движение, соединившее в себе чувства сыновней преданности с моральным порицанием. Главное условие спасения папства реформаторы усматривали во введении парламентарного элемента в структуру всей церковной организации Согласится ли папство раскаяться в прошлом во имя будущего, покорившись воле христианства? И на этот раз папа мог принять решение, от которого зависела судьба западного мира и Святого Престола; и снова он ответил отказом. Папство отвергло парламентарный принцип и выбрало неограниченную власть в ограниченной области вместо ограниченной власти над преданным и неразделенным христианством. Это решение Констанцкого Собора, состоявшегося в 1417 г., было подтверждено на Базельском Соборе в 1448 г. Опьянение победой над Соборным движением в этом поединке еще раз продемонстрировало папское стремление к власти — главный его грех со времени Гильдебранда. Менее чем через сто лет после роспуска Базельского Собора папство оказалось даже в еще худшем положении, чем перед началом Констанцкого Собора. Папа победил Соборное движение себе на горе. «Ров изрыл, и ископал, и пал в яму, которую соделал» (Пс. 7. 16). XVI в. стал свидетелем дальнейшего упадка папства. Трансальпийские державы стали относиться к нему просто как одному из карликовых светских государств. Оно устранилось от активного участия в международной политике, но это не спасло папу Иннокентия XI от издевательств Людовика XIV или папу Пия VII от вынужденных путешествий в обозе Наполеона.
Столь плачевной оказалась судьба папства в роли мирского правителя, но не лучшей она была для него и в роли вселенского суверена западной церкви. Оно полностью утратило власть в протестантских государствах и на четыре пятых там, где все еще сохранилось католичество. Католический ответ на протестантский вызов был возглавлен не папством, а группой одержимых. Но даже их вмешательство не смогло спасти положение в XVI в. Римскую церковь охватил духовный застой, из которого выросла контрреволюция против светского интеллектуального пробуждения в XVIII в. Оставаясь глухим к вызовам новых сил демократии и национализма, папство сосредоточилось на местном итальянском Рисорджименто, и полное исчез-

> новение его территориальной власти 20 сентября 1870 г. можно считать закатом мирского пути гильдебрандова института.
> После Реформации церковь раскололась на множество соперничающих западнохристианских сект, злобная вражда между которыми разорвала западный мир на куски, дискредитировав само христианство и открыв путь для постхристианского возрождения дохристианской веры в могущество коллективной власти.
> Кризис XX в. очень напоминает кризис XV в. Пока трудно предсказать, будет ли выход из создавшегося кризиса более счастливым для папства, но уже сейчас можно предположить, что если реформаторское движение угаснет, то главным препятствием снова станет папская автократическая претензия. ....Трагедия гильдебрандовской церкви представляет собой выдающийся пример духовного регресса, вызванного тем, что церковь впуталась в земные дела и стала действовать светскими методами, что явилось побочным следствием ее попытки делать свое собственное дел».

2. ГОСУДАРСТВО АРИСТОТЕЛЯ КАК ГРАД ЗЕМНОЙ

Правда на стороне А, Тойнби, когда он говорит, что всякий прогресс происходит из развития духовной энергии человека. Контрольная энергия поля интеллекта — единственное, что рождает богатства и капитал, свободу и демократию, дружбу и работоспособность. Чтобы иметь все, начиная от душевного здоровья и заканчивая экономической и политической безопасностью, нужно только одно: следить за здоровьем и развитием духовной энергии человечества. Практически это будет означать становление образовательных институтов (в рамках естественного права), целью которых будет давать такое образование подрастающим поколениям, чтобы ставясь сознательными молодые люд уже умели нейтрализовать в себе поле Эгосистемы (подобно великим святым, великим мыслителям, самоактуалам Маслоу, и лидерам пятого уровня визинарных компаний).

Поэтому я никак не мог согласиться с точкой зрения Е. Трубецкого, который утверждает, что Платон, ставя целью своей республики философов спасение души, заботился не о земной

жизни, а о загробном существовании. Прав Л. Толстой когда говорит, что жизнь человека только и состоит в спасении души, то есть в «жизни разумной личности, а не в жизни животной личности», как это он формулирует. Правда, что между Миром Идей Града Божьего и Республикой философов града земного у Платона непроходимая пропасть, так как отсутствует связь между идеями и вещами, теорией и практикой. Но мы преодолели эту пропасть в научном контроле естественного права, и на этом можем считать проблему платоновой республики решенной.

Совсем другое дело с государством Аристотеля, которое Е, Трубецкой преподносит как альтернативу загробным целям спасения души Платона в виде «счастья идеального земного государства». Если бы было возможно идеальное земное государство, которое не ставило бы целью спасение души, то есть здоровье духовной энергии, то и Град Божий, церковь были бы абсолютно ни к чему. Однако, в том то и дело, что нет и не может быть такого понятия как «идеальное земное государство», если земное государство — это Леивафан материальной энергии физического контроля. Потому что мы знаем, что поле Эгосистемы материальной энергии –уже болезнь на теле духовной энергии, и потому все что связано с полем Эгосистемы для нас глубокая патология — и боль, и порок, и слабость, и мертвечина автоматизмов насилия и подчинения неживой энергии. Поэтому Трубецкой, как Фома Аквинский прав в том, что нам надо согласовать Платона с реальностью фактов, с опытом и эмпирическим наблюдением; но также как Фома Аквинский Трубецкой не прав в том, что мы можем достигнуть этого через посредство труды Аристотеля.

Е. Трубецкой, «Политические взгляды Платона и Аристотеля»:

> «Таким образом, в двух противоположных учениях, нами изложенных, выражаются два жизненные принципа, два мировых идеала, которые всегда разделяли и доселе разделяют человечество. Платон уверовал в трансцендентную божественную идею, так что для него самая земная действительность поблекла, превратившись в слабый оттиск сверхчувственной действительности. Земное человеческое общество для него не высшая цель, а только средство для осуществ-

> ления *небесного царства идеи*. Аристотель, напротив, требует реального, земного осуществления идеи, не веря в ее трансцендентное существование. Для него на первый план становится *земное царство человека*. Оба эти идеала, отдельно взятые, не полны и односторонни; небесное царство, для того, чтобы обнять собою полноту вселенной, должно воплотиться на земле и земное человеческое царство, чтобы получить вечное незыблемое основание, должно проникнуться и просветиться божественною идеей. Примирение этих двух идеалов, этих двух противоположных требований человеческого духа и составляет высшую задачу истинной философии и мудрой политики. На почве древнего язычества задача эта не была, да и не могла быть разрешена. Спор неба и земли здесь остается без разрешения и без примирения. Эллины могли только завещать человечеству неоконченный спор, неразрешенное противоречие. Универсальные политические и общественные идеалы явились греческим мыслителям в узкой форме греческого государства-города. Это государство, стоящее на почве социального рабства, представляется нам исключительным, узко-национальным и узко-аристократическим даже в самых демократических своих формах, так как оно зиждет свободу меньшинства на порабощении массы. Унаследованный христианскими народами спор этот продолжается и до наших дней, и вековая работа человеческой мысли изыскивает пути к его разрешению».

Труды Аристотеля — это не метафизика интеллекта на основе эмпирического наблюдения, как например философия Декарта или Спинозы. В этом Френсии Бэкон абсолютно прав, обвиняя Аристотеля в шизоидной софистике, вместо настоящих дедукции и индукции. Философия Аристотеля есть материализм, который упраздняет полюса мышления и законов природы, столь четко выраженные у Платона, и тем самым упраздняет научное мышление. В итоге, как всякий материалист, он не видит разницы между духовной энергией и материальной энергией, опять таки разницы, столь четко выраженной у Платона. Там, где у Платона четкое разделение Мудрого Святого (как сказали бы христиане) и Тирана –Больного, у Аристотеля как известно наипошлейшая теория золотой середины, как «бесплодный гермафродитизм» смеси добра и зла, добродетели и порока. Ибо как обнаружишь и излечишь зло, если ты изначально смешал поле интеллекта и поле Эгосистемы в единую «золотую середину»? Точно также

у Аристотеля обстоит дело с «золотой серединой» между плохим и хорошим государством, как известно, а самое хорошее сословие общества — у него среднезажиточное. Если у Платона опять таки четкое разделение между больным тираническим государством и здоровым государством философов правителей, где правит истина и добродетель, то у Аристотеля все решает золотая середина между ними. Вот почему о материалисте Аристотеле нельзя говорить как о серьезном ученом; тогда как метафизик Платон — великий из величайших вне всяких сомнений.

Платон недодел и недодумал свою республику философов, как Христос не додумал и не доделал свое Царствие Небесное Града Божьего, которое продолжил Августин. Это не беда, и последующие поколения восполнили пробел. Важно, что был положен фундамент, на котором можно было строить дальше. Аристотель не положил такого фундамента ни своими теориями о душе человека, где он пишет о «чистой доске» вместо врожденных идей Платона; ни своими теориями об этике «золотой середины; ни своими теориями о государстве господ и рабов и «золотой середины» между ними. В едином духовном союзе поля интеллекта и совести в Республике Платона рабов не существует. Пусть у Платона делятся простые работники и философы, но все они части единой церкви дружбы, единой истины и единой добродетели — единого дела спасения души, то есть здоровья духовной энергии. У Аристотеля прямо заявлено что ремесленники и земледельцы — рабы и никакого отношения к управлению обществом и народовластию не имеют и иметь не могут. Опять четко проявляется материальная энергия физического контроля, которая всегда функционирует как насилие и подчинение.

Трубецкой пишет, что в отличии от Платона Аристотель ставит себе целью — земное счастье людей и в этом его правда. Однако, какое земное счастье может предоставить людям материальная энергия поля Эгосистемы? Левиафан деспотии на восточный манер (циклическое Эго)? Или же нескончаемые междоусобия на греческий манер (Гибрис-Эго)? Здесь Трубецкому

приходится признать, что «мастерский политический анализ» современных Аристотелю государств есть диагноз смертельной болезни языческим государствам Древней Греции. Но тогда почему он считает, что возрождение этих языческих государств в современности будут иметь больше здоровья, чем они имели тогда? И обеспечат «земное счастье» «культурного государства», которое тогда привело к катастрофе и политической гибели целого народа?

Е. Трубецкой, «Политические взгляды Платона и Аристотеля»:

> «В эпоху Аристотеля это развитие уже представляется законченным. Истощенное борьбой, общество уже утратило свою энергию. Общественная жизнь греческих городов в то время уже перешла за кульминационную точку своего развития и клонится к упадку. Общественные идеалы уже не служат предметом живой веры; интересы материальные, своекорыстные господствуют в политике; общественные интересы эксплуатируются ради целей личной наживы и честолюбия. Тогдашняя Греция представляет собой картину всеобщего упадка и разложения. Аристотель, действительно, жил среди общества разлагающегося и, как мы сказали, неизлечимо больного, умирающего. Политическое миросозерцание древних греков в его эпоху уже закончило цикл своего развития; оно выросло, отцвело, дало свой плод и начало разлагаться. Оставалось подвести ему итоги, т.-е. посредством основательного анализа, раскрыть, в чем заключался жизненный принцип этого общества, каковы были причины его разложения и смерти; оставалось, одним словом, исследовать его физиологию и патологию. Это и было сделано Аристотелем. Его политика, есть в полном смысле итог всего политического развития древних греков, итог всей их политической мудрости, всего их веками накопившегося политического опыта.
>
> Полития Платона отвергает самые основы всего политического миросозерцания древних греков, возлагая все свои надежды на иное, *лучшее будущее,* взор Аристотеля, напротив, устремлен *в прошедшее*: он пытается воскресить тот культурный идеал, который когда-то воодушевлял греческое общество в иные, лучшие времена, — времена Перикла, когда действительно общественная жизнь и политика служили высшим культурным целям. Идеалы обоих мыслителей оказываются одинаково неосуществимыми и беспочвенными среди современной им действительности; оба одинаково ее осуждают и отрицают; один — во имя вечной божественной идеи, другой — во имя земного культурного идеала.

Для бедного населения быть оттесненным от кормила власти значит то же, что быть лишенным платы за участие в народных собраниях и судах, иными словами, впасть в нищету; а для богачей выпустить власть из рук значит то же, что впасть в руки голодной завистливой толпы, — быть разоренными и разграбленными. Такое состояние нельзя признать ни нормальным, ни здоровым. Весь этот мастерской, обстоятельный анализ греческого общества, который нам, к сожалению, пришлось здесь изложить лишь в самых общих чертах, в тесных рамках журнальной статьи, можно сравнить с превосходным медицинским диагнозом: из сопоставления дряхлого организма тогдашней Греции с идеалом здорового, нормального общественного организма обнаруживается неизлечимость болезни, — врачу остается констатировать безнадежное положение больного и отказаться от лечения. Это, в сущности, почти и сделано Аристотелем; ибо хотя он и предлагает те или другие способы лечения, пытаясь воскресить умирающее тело, но из его же анализа обнаруживается отсутствие тех необходимых условий, при которых только и возможно нормальное политическое устройство. Да и его идеальное государство, не отдавая себе в том отчета, заражено общим смертельным недугом: и оно страдает тем же основным, фатальным противоречием, жертвой которого погибло греческое государство: оно зиждет политическую свободу и народное самоуправление на темной почве социального рабства. И в этом государстве, где свободный гражданин предается на досуге созерцанию и политике, материальные условия существования общества обеспечиваются трудом рабов и полусвободных ремесленников. И, во-первых, это государство должно избежать двух одинаково гибельных крайностей, пройти между Сциллой и Харибдой демократии и олигархии, найти между ними среднюю умеренную форму.

Читая политику Аристотеля, мы невольно спрашиваем себя, для чего же понадобился этот прекрасный анализ греческого политического быта в эпоху, когда греческое государство уже пережило себя, для чего понадобился этот мастерской диагноз, который уже не мог послужить к исцелению умирающего общества и был, в сущности, смертельным ему приговором?

Политика Аристотеля есть как-бы предсмертное политическое завещание умирающего эллинского мира. Среди разлагающегося политического быта, Аристотель теоретически спас культурно-политические идеалы эллинов, увековечив их в классической научной форме и в этом виде как-бы завещал их временам последующим»

Трубецкой прав том, что взгляд Аристотеля был обращен назад, в прошлое — его работы только констатация факта. А взгляд Платона обращен вперед, в будущее, его взгляд — взгляд ученого, который обнаружил закономерности больного и здорового государства, как производных из здоровой и нездоровой души человека, и нашел решение в таком государстве целью которого будет поддержание здоровья духовной энергии. Это и есть решение НАД, о котором говорит Трубецкой, вместо решений ЗА какую-то партию, или посредине между партиями как у Аристотеля. Платон не становится ни на сторону циклического Эго деспотий, ни на сторону Гибрис-Эго Демократий-Тираний. Его решение в «божественном законе», в научном контроле естественного права, в философах-правителях, служащих истине. А вовсе не в нормативном праве договоренностей вводимых угрозой наказания. Его решение в Теократии Естественного Права, или иначе в церкви Града Божьего.

Е. Трубецкой, «Политические взгляды Платона и Аристотеля»:

> «При постоянных колебаниях гегемонии политические перевороты стали явлением каждодневным, все смешалось в хаосе всеобщего междоусобия. Исчезла уверенность в завтрашнем дне, все человеческие отношения стали непрочными и непостоянными, все в жизни общества и отдельной личности стало шатким и случайным. И вот среди этого всеобщего колебания и непостоянства зарождается политическая система, которая хочет спасти общество, построив общественное здание не на зыбкой почве человеческого произвола и эгоизма, а на вечной незыблемой основе божественного порядка. Одними человеческими силами общество спастись не может, все человеческое оказывается призрачным и непостоянным; только вечный божественный принцип может спасти общество от гибели, от вечного раздора и смуты. В противоположность этой ложной, ненормальной земной жизни общества, одна вечная божественная идея остается истинной и незыблемой. Колеблющимся и непостоянным политическим отношениям Платон противополагает вечный божественный порядок и *философскую теократию, как его воплощение*» Платоново идеальное государство действительно было явлением пророческим, предвестником христианского теократического идеала. Как идеализм метафизики Платона вошел целиком в христианскую философию отцов Церкви, также точно и теократический принцип его государства,

> неразрывною логической связью связанный с его метафизическим учением, вошел в состав христианского теократического идеала. Мы уже говорили о том, что Платоново государство, как союз людей ради вечного их спасения, преследует в сущности ту же цель, которою задается христианская Церковь в современном обществе; оно предъявляет человеческому обществу то же основное требование всецелого подчинения всей жизни, как частной, так общественной, вечному божественному порядку, подчинения всех земных интересов загробной цели спасения, оно также стремится объединить своих членов неразрывными узами взаимной любви».

Трубецкой согласен с Тойнби в том, что современные государства — это возрожденные государства Аристотеля, а христианская церковь средневековья — это воплощенная в действительность Республика философов Платона. Однако, он не согласен ни с Тойнби, ни с Мережковским в том, что в конечном итоге победа должна остаться за церковью. Тон его рассуждений таков, что Платон только мечтатель о спасение в загробной жизни, а Аристотель заботиться о счастье реальной жизни. Если Трубецкой прав, и в реинкарнации греческих государств мы должны найти «земное счастье», то где бы нам поискать свободы, справедливости, равномерности распределения благ и участия в управлении народа? Единственное в чем оказывается прав Аристотель, так это в абсолютизме государственного суверенитета, превратившего всех в рабов: «Современное господствующее политическое мировоззрение, как и политика Аристотеля, считает государство высшей формой человеческого общения, желая подчинить всевластному государству все другие общественные союзы, как формы низшие, менее совершенные». По моему напрасно Трубецкой делает акцент на четырех свободных сословиях государства Аристотеля, к которым применимы все эти поиски народовластия хотя бы в теории (ибо уже практика Аристотеля их не давала, а сегодня еще меньше). Главное что актуально — это два рабских сословия Аристотеля — ремесленники и земледельцы. Вот единственное наряду с абсолютизмом гос. суверенитета, что реально воплотилось из государственных теорий великого ученого.

Е. Трубецкой, «Политические взгляды Платона и Аристотеля»:

> «В основе государства Платона лежит единая сверхчувственная идея блага; а государство Аристотеля, не зная *единого небесного блага*, заботится о *многих земных благах*.
> Мы назвали Платона пророком христианского теократического идеала. И с таким же основанием и правом Аристотель может быть назван пророком современного культурно-европейского государства. Понятие земного общества, имеющего в самом себе свою самобытную внутреннюю цель, понятие культурного государства, стремящегося прежде всего к земному счастью и совершенству человека, к всестороннему удовлетворению его земных потребностей и к развитию разнообразной энергии его деятельности, — лежат в основе современных европейских государств. Против учения Платона, которое все упрощает, сводя государство к безличному единству, Аристотель выдвигает понятие государства, как организма сложного, с разнородными органами и функциями. Но современное государство в гораздо большей степени, чем греческое государство-город, есть сложный организм, единство многих и качественно-разнородных элементов, и потому соответствует более разнообразным и сложным культурным задачам. Современное господствующее политическое мировоззрение, как и политика Аристотеля, считает государство высшей формой человеческого общения, желая подчинить всевластному государству все другие общественные союзы, как формы низшие, менее совершенные. Не задаваясь загробными идеалами, преследуя земную цель, современное культурно-европейское государство, как и идеальное государство Аристотеля, стремится к равномерному распределению материальных благ, т.-е. политических прав и материального благосостояния между своими гражданами: Аристотель никогда не был поклонником крайней демократии, напротив, он стремился к органическому соединению учреждений и элементов демократических с аристократическими. Не то ли же самое видим мы и в современных европейских конституциях? И они стремятся примирить народное верховенство с господством лучших людей, и они противопоставляют увлечениям и крайностям демократии аристократические учреждения-элемент умеряющий и обуздывающий».

Аристотель «идеалист» и «метафизик» только на словах. Я всецело разделяю взгляд Френсиса Бэкона на Аристотеля как на безответственного софиста, который разрушил метафизику Платона. На самом деле, Аристотель материалист, а значит ему далеко до понимания истинной связи между теорией и опытом.

Идеи Платона существуют реально, но не как идеи конкретных вещей, а как закономерности природных энергий. Идеи вещей не существуют -это правда, они всего лишь в качестве абстракций часть нашего аппарата мышления. Но законы природы существуют реально и каждый раз, когда мы строим и контролируем нашу технику, мы подтверждаем это на практике. Идеи дерева или камня не существует, но формулы электромагнитных волн, записанные Максвеллом существуют реально. Никто ему не верил сколько то десятилетий, пока не пришел Генрих Герц и не показал серией опытом, что контролирует электромагнитные волны на практике. Аристотель же отказал Миру Идеального в существовании потому, что идеи конкретных вещей не существуют. Он не построил лестницы в виде опытного знания между миром законов природы как идеальных формул интеллекта с одной стороны и миром материи конкретных вещей с другой стороны. Он просто разрушил величественное здание Мира Идей Платона, и тем самым вернулся к плоскому материализму.

Е. Трубецкой, «Политические взгляды Платона и Аристотеля»:

> «*Божественная идея реальна только в конкретном воплощении в материи и не может существовать отдельно от нее*, в этом-то и заключается диаметральная противоположность обоих мыслителей. С точки зрения Аристотеля, чувственный мир не есть результат иллюзии: его сущность, его идея, — *в нем самом*, Аристотель не признает *вне-мировой* идеи; поэтому, для него цель и смысл мира земного — в нем самом, а не в загробной действительности. Этим определяется и взгляд Аристотеля на человека и его задачу. Как идея, эта форма всего существующего неотделима от чувственных явлений, в которых она, воплощается; также точно и человеческая душа не может существовать отдельно от тела, будучи лишь органическим принципом, формою, одухотворяющей это земное тело. Как нет трансцендентной внемировой идеи, так нет, и загробной жизни. Душа умирает вместе с телом. Нет другой действительности, кроме земной действительности и человек не имеет иной жизни кроме земной, телесной жизни. У Платона человек поглощен своим божеством; Аристотель, напротив, близок к противоположной крайности, к поглощению божественного человеком».

3. КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Позвольте мне начать заключительный абзац книги о католической церкви цитатой из известного всему миру католика Г. Честертона о «психологической истории», в которой нуждается человечество.

Г. Честертон, «Вечный человек»:

> «История, сводящая к экономике и политику, и этику, — и примитивна, и неверна. Она смешивает необходимые условия существования с жизнью, а это совсем разные вещи. Точно так же можно сказать, что, поскольку человек не способен передвигаться без ног, главное его дело — покупка чулок и башмаков. Еда и питье поддерживают людей словно две ноги, но бессмысленно предполагать, что не было других мотивов во всей истории. Коровы безупречно верны экономическому принципу — они только и делают, что едят или ищут, где бы поесть. Именно поэтому двенадцатитомная история коров не слишком интересна. Овцы и козы тоже не погрешили против экономики. Однако овцы не совершали дел, достойных эпоса, и даже козы — хоть они и попроворнее — никого не вдохновили на «Золотые деяния славных козлов», приносящие радость мальчишкам каждого века. Можно сказать, что история начинается там, где кончаются соображения коров и коз. Я не думаю, что крестоносцы ушли из дома в неведомые пустыни по той же самой причине, по какой коровы переходят с пастбища на пастбище. Вряд ли кто-нибудь считает, что исследователи Арктики снова и снова тянутся на север по тем же причинам, что и ласточки. Но если вы уберете из истории религиозные войны и подвиги исследователей, она перестанет быть историей.
>
> Теперь принято рассуждать так: люди не могут жить без еды, следовательно, они живут для еды. Ни один разумный человек не хотел бы увеличивать количество длинных слов. Но мне все-таки придется сказать, что нам нужна новая наука, которая могла бы называться психологической историей. Я бы хотел найти в книгах не политические документы, а сведения о том, что значило то или иное слово и событие в сознании человека, по возможности — обыкновенного. Пока историки не обращают внимания на эту субъективную или, проще говоря, внутреннюю сторону дела, история останется ограниченной, и только искусство сможет хоть чем-то

> удовлетворить нас. Пока ученые на это не способны, выдумка будет правдивее факта. Роман — даже исторический — будет реальнее документа. Такая внутренняя история особенно необходима, когда речь идет о психологии войн».

Действительно, становление настоящей социальной науки проявилось в том, что история человечества обрела смысл и стала доступна пониманию строгих закономерностей в кажущемся хаосе ее событий. И поскольку законы которые движут человечеством — это законы психики, то и история человечества, написанная настоящей наука должна была быть психологической историей как правильно предсказал Честертон.

В своих книгах об Открытии ПЭ и Научной Революции Энергетика я старалась знакомить читателя со всеми учеными и писателями, которые смотрели на историю человечества сквозь призму законов психологии, потому что нет другой науки о людях, кроме науки о законах психики. Я рассказывала о «психологизме Милля», против которого выступил Поппер, о замечательном психологизме Герберта Спенсера, о психологизме Б. Рассела, поставившего себе цель в книге «власть» написать теорию политики в законах психологии. О Герцене, который доказывал в «Докторе Крупове», что вся история человечества есть история болезни, как поется в песне Высоцкого, и как мы старались доказать, раскрывая болезнь поля Эгосистемы, которая до сих пор правит миром. Замечательная научная психология в исторических романах Мережковского, в психологических романах Достоевского, Гоголя, Толстого, Чехова, Газданова, Чернышевского. Прекрасные психологические портреты Древнего Рима и Израиля у Гиббона и Ренана. И тем не менее, чтобы объединить все это в единую стройную «психологическую историю» человечества, о которой говорит Честертон, необходимы были Открытие ПЭ и Научная Революция Энергетика. Задача оказалась значительно сложнее, чем думал Честертон.

Одним из таких выдающихся авторов психологической истории является А. Тойнби, работы которого боюсь до сих пор остаются непонятыми. На самом деле, как большинство работ, цити-

рованных мной в книгах НРЭ, история Тойнби — это предтеча Открытия Психической Энергии.

Никто так ясно и четко не сформулировал смысла истории, как это сделал Тойнби. Однако без терминов энергетики его теория действительно остается трудной для понимания. Я постараюсь сформулировать ее в терминах энергетики, чтобы всем было ясно о чем он говорит в своем многотомнике.

Тойнби четко разделяет циклическую материальную энергию физического контроля людей, как идолопоклонство Левиафанов с одной стороны, и духовную энергию людей как церкви, с другой стороны. Таким образом, Левиафаны у Тойнби – это государства материальной энергии, а Церкви — это Организация духовной энергии. Смысл истории Тойнби видит, как и следовало ожидать в том, что Церкви как здоровые организмы вытесняют Левиафаны, как организмы нездоровые. При этом он проницательно разграничивает бессмысленное циклическое движение материальной энергии в войнах, рождениях и падениях Левиафанов с одной стороны, и развитие и рост знания в движении по восходящей Церкви духовной энергии с другой стороны. В этом смысле для Тойнби Средние века не являлись конечно регрессом «темных веков», но напротив большим прогрессом Католического синтеза Града Божьего, направлявшего Божьим законом Теократии Естественного Права грады земные — левиафаны физического контроля. Ведь историческое значение христианского откровения и христианской философии в разделении церкви и государства, как теократии естественного права и государства физического контроля. И соответственно, кризис христианства, который пришел вместе с крушением рационализма и лженаукой дарвинизма, ознаменовал регресс к государствам физического контроля, к Левиафанам насилия и подчинения, над которыми больше не стояла благодать Святого Духа христианской церкви. В этой связи Тойнби предсказывает, что борьбу между Богом и Кесарем, которая непременно должна начаться вновь, вновь возглавит христианская церковь.

А. Тойнби, «Постижение истории»:

> «Список «наследников» Фридриха Гогенштауффена можно было бы продолжить вплоть до XX столетия христианской эры, и обмирщенную цивилизацию современного западного мира можно было бы рассматривать в одном из ее аспектов как эманацию этого духа. Конечно, было бы абсурдно делать вид, что в борьбе между Церковью и светскими государями все ошибки совершались одной стороной. Однако мы можем заметить здесь то, что чудовищное рождение мирской цивилизации из утробы *Respublica Christiana* стало возможным благодаря возрождению эллинского института «абсолютного» государства, в котором религия являлась одним из департаментов политики.
> ....В отдельных странах неофиты новых светских идеологий фашизма, коммунизма, национал-социализма и тому подобных стали настолько сильны, что смогли захватить в свои руки правительственную власть и навязать другим свои учения и обычаи при помощи безжалостных преследований. Однако подобные ужасающие примеры вторичного появления древнего почитания человеком самого себя под защитой корпоративной власти не дают представления об истинном масштабе распространения этой болезни. Самым серьезным симптомом явилось то, что в считающих себя демократическими и христианскими странах четыре пятых религий из пяти шестых населения теперь практически исповедовало первобытный языческий культ обожествленного общества, скрывавшийся под возвышенным именем патриотизма. Кроме того, этот корпоративный культ своего «я» был далек как от того, чтобы быть единственным *reuenant (воскресший из мертвых),* так и от того, чтобы быть самым первобытным из этих навязчивых призраков.
> ....Эта начальная глава истории христианства явилась зловещим предзнаменованием для будущего вестернизированного мира XX столетия, поскольку культ Левиафана, которому раннехристианская Церковь нанесла поражение, казавшееся уже окончательным, вновь заявил о себе с грозным появлением тоталитарного типа государства, с дьявольской изобретательностью завербовавшего на свою службу современный западный гений организации и механизации в целях порабощения как душ, так и тел до такой степени, какая была недоступна для злонамеренных тиранов прошлого. Похоже, что в современном вестернизированном мире вновь должна начаться война между Богом и кесарем. И, похоже, что и в этом случае нравственно благородная, хотя и опасная в духовном плане роль воинствующей церкви вновь выпадет на долю христианства.

> ….Таким образом, хотя цивилизация и является предварительным умопостигаемым полем исторического исследования, Град Божий — единственное нравственно допустимое поле действия, и гражданство этого *Civitas Dei* (Града Божьего) на земле дают людям высшие религии. Фрагментарное и мимолетное участие человека в земной истории действительно спасает его, когда он играет свою роль на земле в качестве добровольного помощника Бога, чье господство над ситуацией придает божественную ценность и смысл всем, в ином случае ничтожным, попыткам человека. Это искупление Истории столь дорого для человека, что в современном секуляризованном западном мире криптохристианская философия истории сохраняется даже якобы преодолевшими христианство рационалистами».

В этой связи Тойнби замечает, что постольку поскольку регресс современных государств назад, к временам, где борьба церкви и государства еще не начиналась, есть бессмысленные циклы материальной энергии, то самым новым событием остается Рождество Христово. Понятно, что война церкви и государства есть прогресс в том смысле, что означает, что болезнь «врожденного греха» как поля Эгосистемы материальной энергии психики диагностирована с одной стороны, а с другой стороны орудие борьбы с ней в качестве организации духовной энергии также уже существует. До Католической церкви средневековья античные мыслители только говорили о нравственных проблемах, но реальная борьба в виде борьбы церкви и государства началась со становлением Католической церкви. Вот почему Тойнби прав, когда указывает, современные государства, которые вернулись к материальной энергии физического контроля есть регресс. И что непременно вновь начнется война церкви и государства, как только духовная энергия человечества очнется от потрясения нанесенного ей крушением рационализма и встанет на ноги.

И тогда новый Град Божий, новая Теократия Естественного права продолжит борьбу с государствами с тем, чтобы найти примирение между Градом Божьим и Градом земным в подчинении нормативного права государств направляющему влиянию Международного Сообщества Естественного права.. Понятно,

что только Открытие ПЭ и Научная Революция Энергетика могут стать основой уже окончательно оформившегося как научный контроль Естественного права. И кому же как не Католической церкви наиболее естественно понести факел Теократии Естественного права в борьбе церкви и государства? Для этого католической церкви надо только продолжить мысль Аристотеля о научном мышлении как другой и равной стороне откровения, и поставить на место аристотелевой догматики — Открытие психической энергии как реальную науку вместо лженауки.

А. Тойнби, «Цивилизация перед судом истории»:

> «Если в этом анализе есть зерно истины, то открывается третий возможный взгляд на отношение между цивилизациями и высшими религиями, совершенно противоположный тому, что я предложил вам только что. По той второй точке зрения религия подчинена задаче воспроизводства цивилизаций; третий же подход предполагает, что последовательные подъемы и спады цивилизаций могут быть вспомогательным элементом в развитии религии. Надломы и распады цивилизаций могут оказаться ступеньками к высшему развитию в религиозной сфере.
>
> Если религию уподобить колеснице, то можно сказать, что колеса, на которых она взбирается на Небеса, — это, вероятно, крушения цивилизаций на планете Земля. Похоже, что движение цивилизаций имеет циклический и периодический характер, в то время как движение религии выглядит как одна непрерывная восходящая линия. Возможно, что циклическое движение цивилизаций служит и помогает непрерывному восходящему движению религии через повторяющийся цикл: рождение — смерть — рождение.
>
> Если мы согласимся с таким выводом, он откроет нам довольно неожиданный взгляд на историю. Если цивилизации являются служанками религии и если греко-римская цивилизация сослужила хорошую службу христианству, дав ему жизнь перед тем, как развалиться окончательно самой, тогда цивилизации третьего поколения могут показаться напрасным повторением язычества. И если вместо исторической функции высших религий — способствовать в качестве куколки циклическому процессу воспроизводства цивилизаций — исторической функцией цивилизаций, напротив, является служить, разрушаясь, ступеньками для поступательного процесса все более глубокого религиозного прозрения, тогда общества того типа, который мы называем цивилизацией, должны завершить выполнение своей функции, дав жизнь зрелой высшей религии; и в этом случае

> наша собственная западная постхристианская секулярная цивилизация была бы в лучшем случае излишним, а в худшем — пагубным отступничеством с пути духовного прогресса. В нашем сегодняшнем западном мире поклонение Левиафану — племенное самопоклонение — это религия, которой мы все в той или иной мере отдаем дань; эта племенная религия является, конечно, чистым идолопоклонством.
> Если эта самокритика справедлива, то мы должны целиком пересмотреть наше нынешнее видение современной истории; и если мы сможем усилием воли и воображения отогнать от себя знакомое, укоренившееся представление, то увидим совершенно иную картину исторического прошлого. Наш сегодняшний взгляд на современную историю фокусирует внимание на развитии современной западной секулярной цивилизации как на великом и новейшем явлении в мире. Когда мы наблюдаем за ее развитием, от первого предчувствия этого развития гением Фридриха II Гогеншауфена, через Возрождение, до вспышки демократии и науки, а также современной научной технологии, мы воспринимаем этот бурный процесс как великое новое явление в мире, привлекающее наше внимание и
> вызывающее восхищение. Если же попытаться посмотреть на это как на одно из напрасных повторений язычества — почти бессмысленное повторение того, что греки и римляне делали до нас, и делали великолепно, — то мы увидим, что величайшим новым явлением в истории человечества стало как раз совсем иное явление. На самом деле величайшим новым явлением следует считать не монотонное возвышение в течение нескольких последних веков еще одной светской цивилизации из лона христианской церкви, а по-прежнему — распятие Христа и духовные последствия этого. Среди множества современных научных открытий есть один любопытный момент, который, на мой взгляд, часто остается незамеченным. На сильно изменившейся временной шкале, которую открыли нам астрономы и геологи, начало христианской эры оказывается исключительно близкой датой; на шкале времени, где девятнадцать столетий не более чем мгновение, начало христианской эры — это всего лишь «вчера».

Заканчиваю я вопросом к Церкви Христа, воинствующей на земле: томов не хватит рассказать о самых подлых издевательствах надо мной, автором Открытия ПЭ, за правду которую я принесла человечеству. Утонувшие в пороке и обжорстве насильники, грабители и мучители людей, сатанисты и бесопо-

клонники разбили мне позвоночник и остановили мне сердце. И все же я довела свою работу до конца. И вот, сегодня у вас есть то, для чего 15 веков назад создавалась Церковь Христа: оружие борьбы со Злом, Естественное право научного контроля и ваш долг взять его и водрузить в Граде Божьем Августина. Но если вы не хотите, что же, можно попробовать создать Международный Институт естественного Права не на базе церкви и ждать пока время и служение людей сделает его церковью, сделает его Организацией Духовной Энергии. Об одном прошу вас: помогите рассказать мировой общественности об Открытии и о страшных репрессиях против меня ФСБ режима Путина.

Лука 17:37

> «37 На это сказали Ему: где, Господи? Он же сказал им: где труп, там соберутся и орлы».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Война Церкви и Государства. Исторический Иисус

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Rideró
Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!